
LE MESSENGER

ВЕСТНИК

русского христианского
движения

Париж – Нью-Йорк – Москва

Ответственный редактор
ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА (Париж)

Секретарь редакции
НАТАЛЬЯ ЛИКВИНЦЕВА (Москва)

Редакционная коллегия
Д. СТРУВЕ, Т. ВИКТОРОВА (Франция);
О. РАЕВСКАЯ-ХЬЮЗ (США);
В. АЛЕКСАНДРОВ (Венгрия);
прот. ВЛАДИМИР ЗЕЛИНСКИЙ (Италия);
ЖОРЖ НИВА (Швейцария);
Е. БАРАБАНОВ, Ю. КУБЛАНОВСКИЙ,
Н. ЛИКВИНЦЕВА, Е. МАЙДАНОВИЧ,
А. МЕДВЕДЕВ, О. СЕДАКОВА (Россия);
К. СИГОВ (Украина)

От редакции

В 2021 году Архиепископия православных русских церквей в Западной Европе отмечала столетие своего создания указом от 8 февраля / 23 марта 1921 года свт. Патриарха Тихона, согласно которому архиепископу Евлогию (Георгиевскому) поручалось духовное руководство всеми приходами Православной Российской Церкви, находящимися за пределами России. Этот указ и решение, принятое митрополитом Евлогием, ограничить свое управление Западной Европой положило начало церковному уделу, известному в послевоенное время как «парижская» или «евлогианская» архиепископия, ставшая центром прославленной «парижской школы» богословия.

Эпидемия коронавируса, разразившаяся в 2020 году, привела к отмене большинства запланированных событий памятования — соборных служений, празднеств, собраний. Юбилей прошел скромно, почти незаметно, тем более что и сама Архиепископия лишь начинала оправляться после тяжелейшего кризиса, постигшего ее в конце 2019 года, когда Константинопольский престол объявил об ее упразднении, и приведшего год спустя, после месяцев тяжелых раздумий и дискуссий, к смене юрисдикции и восстановлению связи с Московским патриархатом, разорванной в 1931 году. Столетний юбилей Архиепископия встретила с надеждой на будущее, но также и с острым чувством своей слабости и сложности встающих перед ней задач в общем контексте мирового кризиса православия, во многом созвучного тому доселе не изжитому кризису распада константиновского православия, который и стал сто лет тому назад непосредственной причиной ее возникновения.

Среди неотмененных событий стоит отметить публикацию интернет-сайта, посвященного истории Архиепископии и ее приходов, а также конференцию на тему местной церкви, проведенную 3 и 4 декабря Богословским институтом преподобного Сергия Радонежского в Париже, под названием «Столетие православного присутствия во Франции: повторяющийся хаос и залоги церковного единства». Конференция стала поводом для осмысления пройденного пути

и поиска ответов на доселе не разрешенные в православной диаспоре вопросы наслоения на одной территории конкурирующих юрисдикций и преобладания национального признака церковного устройства. Как может Православная церковь свидетельствовать перед современным обществом о «мире всему миру» и о «соединении всех» в условиях церковных раздоров и засилия этнофилетизма?

Осмысление трагического, но порой и славного пути, пройденного Православной церковью в XX веке, преодоление национального и других мирских начал в церковном устройстве, действенная забота о христианском воссоединении и о «мире всего мира» — вот некоторые из необходимых условий возрождения православного свидетельства в тех новых условиях, преддверием которых является разворачивающийся перед нашими глазами кризис современного православия. Как писал в 1933 году Николай Бердяев: «Мы вступаем в совершенно новую эпоху, и совсем по-новому должны ставиться проблемы единства и вселенскости... Вселенское православие может быть актуализировано лишь при остром эсхатологическом чувстве жизни... Сближение прежде всего нужно ставить на почву духовно-религиозную, внутреннюю. Внешнее от внутреннего пойдет, церковное единство от духовного единения христиан, от христианской дружбы. Объединяет прежде всего вера во Христа, жизнь во Христе, искание Царства Божьего, то есть сама сущность христианства». О сущности христианства, об искании Царства Божьего, об истинной природе христианского единства напоминает то лучшее, что создавала в течение XX века церковь эмиграции, и в этом ее непреходящее значение.

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Митрополит Антоний Сурожский

Мысли о Церкви*

(Ответы на вопросы)

Сегодня я надеюсь услышать ваши отклики и ответить на вопросы, которые до меня дошли. Не стесняйтесь принять участие в обсуждении, потому что я хотел бы, чтобы состоялся обмен мнениями между нами, а не просто моя речь. Отчасти потому, что думаю, что нам полезно обмениваться своим пониманием жизни Церкви; отчасти потому, что я не настолько самоуверен, чтобы считать, будто могу дать безошибочную оценку такому сложному явлению, как Церковь в ее нынешнем состоянии, в отличие от того идеала, который мы провозглашаем.

Среди полученных вопросов один меня глубоко изумил; я никак не мог ожидать, что после многих лет в Православной Церкви человек напишет такое. **Пишущий пространно объясняет, что всякий раз в богослужении или в моих беседах слова «Божия Матерь» вызывают у него шок, задевают, что нам следовало бы говорить «Матерь Христа», «Матерь Иисуса», никак не «Матерь Божия». Ведь Мария не была Матерью Бога, Божество Христа исходит от Его Превечного Отца...**

Такая точка зрения обсуждалась много веков назад и была отвергнута как отражающая полное отсутствие понимания; если упорно ее держать, это ересь. Мы исповедуем,

* 1992, май – июнь. Продолжение. Начало см.: Вестник РХД. № 210, 211, 212, 213. © Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation.

что Христос одновременно и равно человек и Бог, что в Нем, по слову святого Иоанна в его Евангелии, полнота Божества обитала во плоти (Ин 1: 14; ср. Кор 2: 9); мы исповедуем, что Божество и человечество соединились в Нем нераздельно, но неслиянно, раз и навсегда. Хочу это несколько разъяснить, чтобы избежать дальнейшего смущения.

Божество и человечество Христа остаются таковыми неизменно. Бог не перестает быть Живым Богом, Словом Божиим, творческим Словом Божиим; человечество Христа не перестает быть подлинным человечеством. В одной из молитв службы елеопомазания есть замечательное выражение: там говорится, что через Свое Воплощение Бог приобщился тварности. Соединившись с человеческой душой и с человеческим телом, Он опытно познает, что значит быть тварью. Вместе с тем в этом соединении, полном, совершенном, где человечество пребывает до конца и совершенно тварным и человеческим, а Божество — совершенно Божественным, они как бы пронизывают друг друга. В человечестве Христа не осталось ничего, что не было исполнено Божеством, в Божестве Христа ничто не осталось чуждым Его человечеству.

Я уже не раз приводил слова святого Максима Исповедника: мы можем думать о Воплощении в образе железного меча, погруженного в огонь. Меч погружается в горнило холодным, серым, тусклым; когда меч вынут из огня, он исполнен жара, огня, пронизан огнем. Огонь настолько соединился с мечом, что теперь можно резать огнем и жечь железом. Это возникшее единство, однако (и об этом опять-таки говорит св. Максим), не создает смешения железа с огнем. Железо остается железом, огонь остается огнем, и тем не менее одно пронизывает другое так, что железо явлено в славе, которой прежде не было видно, хотя потенциально по сути она в нем была.

Именно так в Воплощении Бог соединяется с человеком и тем самым являет нам величие и глубину и невыразимые возможности человеческой природы. Человек был сотворен Богом таким, что он может вместить Божество, может соединиться не с тварной благодатью, но с Самим Богом, Который изливается в него. Об этом же говорят слова апостола Петра: мы призваны стать причастниками Божественной природы (см. 2 Пет 1: 4). Воплощение открывает нам необъятность человека и тем самым открывает нам также глубину

и безмерность всего творения, потому что в своей тварности человек совершенно подобен всему материальному миру. Не случайно нам говорится в книге Бытия, что для создания человека Бог взял прах земной (см. Быт 2: 7), тем самым указывая, что человек подобен самой основной, если можно так выразиться, самой низшей материальности. Христос, Бог воплощенный, приобщается этой самой материальности, становится подобным не только человечеству, но и всей материальной твари. И это, возможно, позволяет нам надеяться, что слова апостола Павла: *придет день, когда Бог станет все во всем* (ср. 1 Кор 15: 28), — когда-то осуществляться во всей конкретности и полноте этого выражения; все сотворенное соединится с Богом так, что Бог будет в нем и оно в Боге, и не только человек, но все творение.

Вернемся к еще одному моменту. Соединение Божественного и человеческого, тварного и нетварного в Воплощении происходит без смешения. Образ святого Максима, который я привел, уже говорит об этом: материя не перестает быть материей, огонь не перестает быть огнем. Христос, Иисус из Назарета, не супермен и не «низший бог», так сказать, Он полностью и совершенно человек и полностью и совершенно Бог.

Когда мы говорим о Воплощении (и тут я перехожу непосредственно к присланным мне замечаниям), мы провозглашаем, что Иисус, Сын Божий, в Своем Божестве неотделим от Отца, но Свою человеческую природу Он получает от Матери. Кажется, тот же Максим Исповедник говорит, что без согласия, без «аминь» Божией Матери Воплощение было бы так же невозможно, как и без положительной воли Отца. Ее роль в деле Воплощения столь же решающая, как воля Божия, потому что Господь Вседержитель не навязывает Свою волю Своему творению, Он дал нам свободу, то есть право самим определять собственную судьбу.

Кстати, я недавно набрел на одно место у средневекового еврейского ученого. Его спросили, почему в конце рассказа о сотворении мира, сотворении всего, Господь Бог смотрит и говорит, что все оно добро, но не говорит ничего подобного при сотворении человека. И он дает такое собственное объяснение: Бог дал определенную собственную природу всему, кроме человека. Человек наделен свободой, чтобы становиться тем, чем сам выберет: он может погубить себя или

стать причастником Божественной природы, погибнуть или войти в вечную славу; этого Бог не мог определить, потому что это было бы отрицанием свободы. Так что вопрос остается открытым. Бог сотворил человека наделенным всеми возможностями и открыл, явил эти возможности в Воплощении. Вот человек, каким он может быть, мужчина то или женщина.

Это Церковь провозгласила совершенно ясно много веков назад, и когда мы называем Марию Матерью Божией, мы говорим, что Она Своим материнством привела в мир Бога воплощенного. Конечно, Она не Мать Его Божества, так же как Бог — не Отец Его по человечеству. И поэтому мы с благодарностью продолжаем называть Марию Благословенной Приснодевой, Матерью Божией. Она родила Сына Божия, воплощение стало возможным благодаря Ее словам «Се, Раба Господня» (Лк 1: 38), благодаря Ее полной открытости, прозрачности, Ее самоотдаче. Вот что я хотел сказать по этому вопросу.

Еще один присланный мне вопрос касается Отцовства Бога. **Почему мы постоянно называем Бога Отцом? Значит ли это, что вера наша учит, будто в Боге есть категория рода и что совершенство принадлежит мужскому роду?** На это я отвечаю категорическим «нет!». Причина, почему мы говорим о Боге как нашем Отце, непосредственно связана с нашим взаимоотношением со Христом.

У Христа была земная Мать по человечеству, Дева Мария, и был Небесный Отец. Когда Христос говорит о Боге, Он всегда говорит от первого лица, Он говорит о Себе в контексте взаимоотношений со Своим Отцом. Нигде в Евангелии Он не говорит об Отце в категориях богословия, если можно так выразиться, не старается дать научно-богословское определение природы Божией. Он говорит об Отце в рамках взаимоотношений, какие существуют между Ним Самим и Его Отцом, отношений происхождения, природы, взаимной связи. Когда Он даровал ученикам Молитву Господню, Он сказал им, каким образом они едины с Ним, с Самим Иисусом; между Ним и нами существует хотя бы зачаточное, зарождающееся единство, в силу чего мы относимся к Его Отцу так, будто Он и наш Отец.

Я вам приведу один образ, который взят не из Писания и, разумеется, недостаточный. Когда мы обращаемся к Богу и Он принимает нас, потому что мы избрали Его, мы становимся как бы приемными детьми, но мы еще не приобретаем Его Божественной природе. Только по мере того, как мы постепенно возрастаем в единство со Христом, мы вырастаем и в возрастающее, все углубляющееся отношение с Отцом, с Его Отцом, с Богом. Я уже приводил вам место из писаний святого Ириния Лионского, который говорит, что мы призваны, каждый в отдельности и как всецелое человечество, так соединиться со Христом силой Святого Духа, что в Нем (добавлю: отождествляясь с Ним не только надеждой, не только верой, но сущностно) мы становимся *единородным сыном Божиим*, не множеством сыновей и дочерей Божиих, детей Божиих, но одним целым. И мы говорим о Боге как нашем Отце не потому, что в Нем есть гендерная категория, а потому, что мы говорим о Боге и с Богом как бы из недр Христа, во Христе. В греческом оригинале Нового Завета употребляются два различных слова там, где мы говорим «в, во». Одно — *en*, которое означает «в», другое — *ek*, которое означает «из». Вот наше соотношение со Христом: в меру того, насколько мы — собственный Христов народ, христиане, мы *в* Нем, наша жизнь сокрыта со Христом в Боге (см. Кол 3: 3). С другой стороны, мы как-то действуем, совершаем из недр Христа действия веры, послушания, посланничества в мире. Так что, когда мы говорим о Боге как нашем Отце, мы должны сознавать, что говорим как бы «выше себя», — мы не могли бы так выражаться, если бы Христос не согласился уподобиться нам задолго до того, как мы стали способны уподобиться Ему. Когда Он говорит Марии Магдалине и прочим женщинам, что они должны пойти к Его братии и принести им весть о Воскресении (см. Мк 15: 7), Он указывает именно на это. Если мы верим в Него, если признаем Его своим Спасителем, если мы как верующие вступаем в такое именно отношение со своим Богом, воплощенным Господом, мы становимся Ему братьями и сестрами, и не только по человечеству, но зачаточно, начально приобретаем Его взаимоотношения с Отцом.

Бывали попытки ввести понятие гендерного начала в Боге, и все они окончились крайне жалким богословием. Есть подход некоторых богословов (предпочитаю не называть

имен!), они говорят, что слово «Дух» на арамейском языке женского рода, следовательно, Святой Дух — вот женский элемент в Боге. Христос говорит о Боге как Своем Отце. Следуя такой линии мышления, один современный богослов в своем стремлении не допустить женщин на принадлежащее им по праву место в Церкви высказался так: мужчина — образ Христа, женщина — образ Святого Духа... Это, с одной стороны, сплошная выдумка. Прочтя его книгу, я написал ему и посоветовал больше не писать богословских трудов, а писать фантастику. (Он честно и великодушно опубликовал в конце своего опуса, наряду с другими полученными критическими отзывами, это мое мнение.) Но при таком подходе событие Воплощения превращается в полную бессмыслицу. Если женщина — образ Святого Духа, как возможно было, что Марию осенил Дух Божий, и у Нее родился Ее Сын, Единородный Сын Божий? Так что мы законно можем говорить о Боге как нашем Отце, но не вправе ввести в Бога понятие гендера. Бог — Отец Своего Единородного Сына. В единении, пусть и условном, с Ним, с Единородным Сыном, мы обращаемся к Богу и во Христе говорим с Ним как с нашим Отцом; но Бог остается за всякими пределами.

Если позволите, я приведу образ из светской литературы, который, мне кажется, стоит запомнить. У Эдгара По есть рассказ под названием «Месмерическое откровение». Это рассказ о человеке, которого магнетически, то есть гипнотически, ввели в состояние транса, и его спрашивают: «Что ты видишь?» — «Я вижу Бога». — «Он — чистый Дух?» — «Нет». — «Ты хочешь сказать, что Он материален?» — «Нет». — «Что же Он тогда?» — «Он за пределом того и другого». Думаю, нам следует помнить: что бы мы ни говорили о Боге, мы говорим в той мере, в какой возможно что-то открыть, в той мере, в какой это откровение может быть более или менее совершенно воспринято, в той мере, как это относительное понимание может быть выражено словами. Слова могут быть одновременно наиболее соответствующие знанию, которое открыто нам Богом, и вместе с тем доступными тому, кто вне и еще не имеет опытно такого познания. Так что все откровения, пророчества, писания апостолов, писания Отцов, писания мистиков находятся на грани двух миров: одного, куда нам доступно лишь бросить беглый взгляд, и второго, о котором сам

тайнозритель не может выразиться подходящим образом, потому что слова должны быть доступны пониманию.

Мы видим это в рассказе о Моисее на горе Синай, когда он просит Бога явить ему Свое лицо. И Бог отвечает: Ты не можешь увидеть Мое лицо и остаться жить. Я спрячу тебя за расселиной горы, пройду мимо, отниму Свою руку, и ты увидишь Меня сзади, как тень, как полусвет, потому что от полного света ты ослепнешь (см. Исх 33: 18–23).

Я далеко ушел от первого замечания и посвятил много времени второму поставленному мне вопросу — о гендерном начале в Боге и о том, насколько законно мы можем говорить о Боге в таких категориях в контексте современного поиска целостности человечества. Мы вправе говорить о Боге в тех же категориях, в каких говорит о Нем Христос, — лишь бы мы помнили: все, что мы скажем, неполно, условно и односторонне, хотя и это столь велико!

Следующий вопрос, которого я хочу коснуться, относится к выражению, которое я употребил: **мы призваны строить град человеческий, который был бы в меру града Божия...** Тот, кто поставил вопрос, совершенно законно спрашивает: **«Вы хотите сказать, что мы должны создать человеческое общество, Церковь, которая будет градом Божиим и где вера будет совершенная, любовь будет совершенная, надежда будет совершенная, жизнь будет совершенная (это все мои слова, не вопрошающего), град в большем городе, общество людей, уже зачаток града Божия, прямо посреди мира людей, все еще чуждого Ему?»**

Я имел в виду не это. Я убежден (и готов нести за это ответственность), что прав Моффат, когда в своем переводе Нового Завета называет нас «авангардом Царствия»¹. Мы — люди, у которых есть видение человечества, пронизанного Богом, единого с Ним, в котором Бог как бы является ключом гармонии; но с одним отличием от других авангардов. Вы знаете, что на войне авангард, передовой отряд воинов, отправляется на завоевание, овладение. Мы — авангард, посылаемый освободить людей. Царство Божие — царство свободы, и наша роль — избавить, во-первых, самих себя и друг друга, и дальше всех за пределом нашего непосредственного окружения освободить от того, что нас и других людей порабощает. Для

этого есть не один способ. Этого можно добиться тем, что мы, каждый из нас и все сообща, будем откровением того, что значит быть человеком или группой людей, чья жизнь преображена и исполнена Богом. Я уже приводил вам слова одного подвижника: никто не может отвернуться от земли, обратиться к вечности, если не увидит в глазах или на лице хотя бы одного человека сияние вечной жизни... Подумайте, вспомните рассказ о слепорожденном: Христос его исцелил, и первое, что он увидел, были глаза Божественного сострадания и лик Божий (см. Ин гл. 6). Вот что должны бы видеть люди, встречая каждого из нас или нас как сообщество. Я не имею в виду — ту же меру славы и сострадания, еще менее я ожидаю, что мы будем сохранять такое состояние день за днем на протяжении всей жизни; но должны быть моменты, когда люди, смотря на нас, могут увидеть вечность. Вот один путь, чтобы люди могли начать прозревать, какими могут быть граждане града Божия.

Но не только эти моменты прозрения; наша жизнь, то, как мы говорим и поступаем, все поведение и вся жизнь каждого христианина и всей общины должны быть раскрытием перед людьми, проявлением сущности Евангелия, сущности Символа веры, сущности молитвы Господней. Главное — того, что совершается в Литургии, если мы не будем забывать, что Литургия — не просто воспоминание, это наше участие в Тайной Вечери, совершенной однажды раз и навсегда. Есть и другой уровень, на котором мы можем подготавливать приход Града Божия. Заповеди Христовы, образ Христов — просто описание и изображение того, чем является подлинный человек во всем его величии, в его невыразимой красоте, в том, что мы бы назвали святостью, на что секулярный мир просто смотрел бы в изумлении. Помимо того, чтобы провозглашать Евангелие всем своим существом, подобно Христу, всей своей жизнью вслед за Христом, словами, которые мы можем донести от Бога до других людей, — помимо этого мы можем помнить, что *все это* — описание, каким может быть подлинный человек и, скорее всего, стремится быть, если только ему помочь. Даже не упоминая имени Христова, даже не говоря о Боге, мы могли бы распространять вокруг себя образ, уровень видения, понимания, жизни и т.д., которые были бы в евангельский уровень, пусть прикровенно.

Пока я говорил, мне вспомнилось нечто, что глубоко поразило меня в какой-то момент, когда Франция была под немецкой оккупацией. Немцы вывезли из Украины около полутора тысяч детей подростков от десяти до шестнадцати или восемнадцати лет, их заставили работать на оборонительных укреплениях Нормандии и Бретани. Многие из них умерли, некоторые были освобождены, но я сейчас думаю об одном мальчике. Один из очень близких моих друзей, который потом стал священником, — нет, он уже тогда был священником — был там переводчиком и капелланом; он встретил там мальчика, чья манера выражаться изумила его. Он говорил так, будто хорошо знал Евангелие, употребляя выражения из Евангелия, мысли, почерпнутые из Евангелия, отношения и подход, взятые оттуда. Он отозвал мальчика и сказал: «Скажи, каким образом ты в таком юном возрасте так хорошо знаешь Евангелие?» Мальчик посмотрел на него с недоумением: «А что такое Евангелие? Я никогда не слышал этого слова». — «Это рассказ о жизни и учении Иисуса Христа». — «А кто такой Иисус Христос? Я никогда о Нем не слышал». И так, вопрос за вопросом, отец Сильвестр² узнал, что в то время, когда было слишком опасно говорить ребенку о Боге и о Евангелии, родители, которые были верующие, положили себе за правило никогда не говорить при ребенке ничего, что было бы противно учению и духу Евангелия, употреблять как можно чаще выражения и слова из Писания, так чтобы ребенок приобрел то, что апостол Павел называет *ум Христов* (1 Кор 2: 16), хотя ничего не знал о существовании Христа и не подозревал, что сам говорит Его словами.

Такой подход к тому, что нас окружает, нам доступен. Люди могут отвергнуть *нашу* проповедь, люди ни за что не отвергнут слова, звучащие правдой, слова истины, слова, которые выражают всю красоту и величие человечества. Поступая так вместе с другими верующими, не только христианами, но вместе со всеми, кто верит, и с агностиками, с людьми, которые решительно не верят Богу из-за того, что они увидели в Его учениках, все вместе мы могли бы начать строить град, который был бы в меру подлинного человечества.

Кто-то сказал, что христианство — единственный подлинный гуманизм, потому что показывает человека во всем его величии, точно так же можно сказать, что христианство —

единственный последовательный и совершенный материализм, потому что мы верим в материю — если мы подлинно верим в Воплощение, в наше вечное призвание, в воскресение тела.

Вот каким образом мы можем на основании нашего общего человечества сотрудничать со всеми и строить град человеческий, который становится все более человеческим и воспринимает от нас все больше и больше меру Христова человечества, исполненного Его Божественным присутствием, и все более уподобляется граду Божию, которого мы чаем в будущем веке.

Еще один вопрос возник как отклик на мою последнюю проповедь. **Я сказал, что слова «Святой Дух Утешитель» следует понимать так: Он дает утешение, дает силу, крепость, приносит радость... И меня попросили сказать об этом подробнее и сказать что-то о Святом Духе.** Разумеется, я буду очень краток и хочу сказать одну или две вещи, которые я узнал от Владимира Лосского.

Кажется, в своей книге «Мистическое богословие восточной православной Церкви»³ Лосский пишет, что, когда мы думаем о Святой Троице, неисследимый, непостижимый, необразимый Отец открывается в Сыне; Сын открывается иным образом в каждом из нас и в нашем обществе через Святого Духа. Но ни одно Лицо Святой Троицы не открывает Святого Духа. Святой Дух проявляет Себя в святых, живет в Церкви, преображает людей, и именно Церковь, святые и грешники в процессе преображения, призвана быть откровением Святого Духа. Есть замечательное место в писаниях одного картезианца, который говорит: Если мы называем Господа Иисуса Христа Словом Божиим, это подразумевает, что Отец — то непредставимое, глубокое молчание, которое содержит всю истину, всю жизнь, всю реальность, молчание столь глубокое и столь совершенное, что из его глубин может прозвучать Слово, Которое — сама Истина; и это Слово, сама Истина, Оно и есть Единородный Сын Божий. И в Своем Воплощении Он открывает нам, в меру нашего восприятия и понимания, содержание этого неизъяснимого Божественного молчания.

Затем Святой Дух открывает нам, по слову Самого Христа (см. Ин 14: 26 и др.), смысл всего, что касается Христа.

Дух открывает нам Христа как воплощенного Сына Божия, как нашего Спасителя. Дух открывает нам неизглаголанную красоту и совершенство человечества во Христе. Дух открывает нам содержание Его учения. В каком-то смысле Он совершает даже больше (если можно здесь что-то измерить): Он настолько, со все возрастающим совершенством, соединяет нас со Христом в Его совершенном человечестве и в Его Божестве, что все, что является истиной о Христе, становится истиной и о нас во все возрастающей степени, вернее, с переменной силой, с колебаниями, однако превращает нас из грешников, не знающих Бога, чуждых Ему, в сынов по приобщению. И дальше, по слову святого Иринея Лионского, которое я уже так часто приводил вам, силой Святого Духа, Который соединяет нас со Христом, мы призваны однажды стать, сделаться, каждый в отдельности и все вместе, в Единородном Сыне Божиим — *единородным сыном Божиим*... Вот почему мы можем обращаться к Небесному Богу как к Отцу, не подразумевая этим, что в Боге есть гендерное начало, что Бог мужского рода, но называть Его тем же словом, каким Христос говорил о Своем Отце. Только во Христе, в единстве, которое Дух и любовь Божия устанавливает между нами и Им, можем мы называть Бога тем же словом, какое употребляет Христос. Вы, наверное, слышали не раз, что греческое слово «авва» — очень ласковое, это не «Отец» с большой буквы, оно не обозначает кого-то великого, чуждого, главенствующего; напротив, так называют кого-то очень близкого. Некоторые переводчики передают слово апостола Павла «авва» как «папа» — вот как мы можем обращаться к Богу. Святой Дух развивает в нас то, что апостол Павел называет *ум Христов* (1 Кор 2: 16), напоминая нам учение Христова, открывая, раскрывая нам подлинный его смысл и глубины. Так что в этом откровении нам постепенно открывается Бог непостижимый, Святой Израилев, Тот, Кто неисследим, невообразим и Кого мы тем не менее может назвать Отцом, потому что мы настолько едины со Христом, что все, что мы можем сказать о Его Отце, мы можем сказать и о Нем.

Я уже попытался сказать кое-что о слове «Утешитель». Английское, как и греческое, слово очень многозначно. Он — утешает, поддерживает. Он дает силу, Он приносит радость. Но в чем нас надо утешать? Не в тяготах жизни,

не в трудностях ежедневного бытия — для этого может быть достаточно человеческих сил. В чем Он действительно может нас утешить — в нашей отдаленности от Бога, снисходя к нам, пребывая с нами и, так сказать, наводя мосты, заполняя иначе невосполнимое расстояние; Он утешает также в том, что, пока мы живем на земле, мы отделены от Христа. Об этом говорил Павел: он стремится умереть, потому что пока он живет во плоти, он отделен от Христа, Которого любит больше и превыше всего (см. Флп 1: 23–25).

Но чтобы это произошло, мы должны осознать расстояние между Богом и нами, понять, что причина не в том, будто Бог удаляется, — мы сами отворачиваемся от Него и поклоняемся ложным богам, служим ложным идеалам и идеям. Причина не в нашем плотском состоянии, в нашем теле, в нашей воплощенности; причина в том, что мы внутренне разделены и отделены от Бога. Так ли мы любим Христа, что стремимся быть с Ним даже ценой собственной жизни? Наверяд ли. Апостол Павел — да, но кто из нас дерзнет повторить его слова? И значит, мы не нуждаемся в Утешителе, если не нуждаемся в утешении, то есть не чувствуем, что нуждаемся в Нем. Однако нам нужны Его советы, Его побуждения, чтобы ощутить как бы голод по Богу, возжелать Его. А когда это происходит, когда мы чувствуем: да, я готов умереть, чтобы быть с Богом, Которого я почитаю, Которому поклоняюсь, Которому доверяю, в Которого верю, Которого люблю в той мере, в какой мое сердце способно любить, тогда я могу сказать вместе с Павлом: и однако, для других (Павел говорит «для вас») лучше, чтобы я жил, потому что у меня задание. Я — из числа тех, кого Христос послал в мир нести в него то, что принес Он Сам и что Он поручил мне лично и нашей общей заботе в нашем единстве. Для этого нам нужна сила, которой мы не обладаем по человечеству: *Сила Моя в немощи совершается* (см. 2 Кор 12: 9). Да, это так; именно потому, что Святой Дух может быть тем дуновением ветра, которое наполнит парус и поведет весь корабль к цели, именно поэтому мы можем смотреть в лицо миру и говорить: *все могу в укрепляющей меня силе Христовой* (Флп 4: 13). Опять-таки, чтобы исполнять это, просвещенные, наученные Святым Духом (и это слова апостола Павла), мы должны быть в состоянии назвать Христа Господом: не просто тем, кто нами правит, но Тем, Кого

мы приняли, Кого признали Царем и Вождем, Примером и Учителем, Тем, кому мы вручаем свою жизнь, чтобы Он направил ее, поступил с ней по Своему изволению и решению. Мы нуждаемся в силе не человеческой, в силе, нас превосходящей; и дать ее может именно Утешитель. В мире полусвета, а порой густой тьмы мы призваны обладать радостью, которой мир не может дать, но не может и отнять. Он пошлет нам Духа, чтобы радость наша была исполнена, чтобы радость переполняла нас. Эту радость дарует Святой Дух, вот что Он совершает в нас. Он соединяет нас с Богом через истину, а истина — это совершенная реальность, Сам Бог. В таком случае и через нас сияние Святой Троицы может дойти и до других, и Святой Дух может быть явлен окружающим нас людям.

Следующий вопрос относится к смерти Христовой: можете ли прояснить, что вы имели в виду, когда сказали, что Христос умер не от распятия как такового, а от разлучения с Богом?

Я имел в виду вот что. Святой Максим Исповедник говорит в одном из своих писаний, что в тот момент, когда Божество и человечество соединились в единой Личности Господа Иисуса Христа, само человечество Христово сделалось бессмертным, потому что стало неотделимо от Божества, которое — сама жизнь. На это обращает наше внимание один из тропарей Страстной седмицы, Великой пятницы, на утрене, когда читаются Двенадцать Евангелий: «О Жизнь вечная, как Ты умираешь? О Свет незаходимый, как Ты угасаешь?» Да, в самом Своем человечестве Христос не мог умереть, потому что в самых Своих человеческих теле и душе Он был нераздельно соединен с жизнью вечной. Вместе с тем в Своем Воплощении Христос принял на Себя все человеческое, кроме греха, все последствия человеческого греха, не только голод и жажду, усталость и одиночество, отверженность и предательство и т.д. Он взял на Себя самую страшную трагедию человечества — потерю Бога, которую отпадение Адама внесло в мир и следствие которой — смертность всего человеческого рода. Пока человек Адам — всечеловек — был соединен с Богом, не отделился от Него, он был бессмертен. Но когда Адам отвернулся от Бога, обратился к материальному миру, выбрал познание, какое может дать тварность, вместо того, чтобы

воспринять мудрость, которую во все возрастающей мере передавал ему Бог, он оказался оторван от Бога, и пришла смерть. Есть замечательное место в писаниях французского пастора Ролана де Пюри⁴; в начале тридцатых годов он писал, что в тот миг, когда Адам отвернулся от Бога к тварности, у него не осталось Бога; точно так же, как когда мы поворачиваемся спиной к кому-то, устремляем взор прочь от него в бесконечность. Отвернувшись от Бога, Адам мог только умереть, поскольку у него не было Бога и, значит, не было жизни.

Если Христу надлежало спасти нас от всех горестей человеческого бытия, не от физических потребностей, но от основной, центральной трагедии, Он должен был разделить с нами всю нашу судьбу. В Своем Воплощении Сын Божий, ставший Сыном человеческим, разделил с нами наше тварное состояние, разделил материальность со всем космосом, но, будучи единым с Богом, будучи Самим Богом, Он не разделял с нами нашу смертность. Он разделял только последствия нашего отпадения от Бога, и ради того, чтобы спасти нас от этих последствий, должен был разделить их с нами. И в тот момент на Кресте, когда Он воскликнул: *Боже Мой! Боже Мой! Зачем Ты Меня оставил?* (Мк 15: 34), происходит нечто, что отец Софроний⁵ назвал однажды в разговоре со мной «метафизическим обмороком». В тот момент человечество в Нем субъективно не ощущало присутствия Божества. Оно присутствовало, но как бы не ощущалось. В этот момент человечество Христа испытало ужас обезбоженности так и в такой мере, в какой никогда его не испытал и не испытает никакой человек, оно извело ужас боголишенности, отсутствия Бога — и следствием этого могла быть только смерть. Но это был обморок Его человечества, момент ослепленности, глухоты, который Христос вольно принял на Себя как элемент Воплощения, чтобы разделить с нами все, включая трагическое, уродливое состояние, которое ведет к смерти. Он умирает в Своем человеческом теле, но даже в смерти Его человечество остается единым с Его Божеством; Его смерть не есть отделение Его человечества от Его Божества, а отделение Его человеческой души от Его тела, человеческого физического тела. В начале Божественной литургии священник, совершая каждение престола, произносит слова: «Во гробе плотски, во аде же с душею яко Бог, в раи же с разбойником и на престоле был еси,

Христе, со Отцем и Духом, вся исполняяй Неописанный». На Страстной седмице мы слышим: «Ад широко отверз свои уста, чтобы схватить человеческую душу, а принял Бога во славе»⁶. Тогда исполнилось то, на что так таинственно указывал Псалом, говоря: куда убегу от Твоего лица? — на небе Ты, и во аде тоже Ты (ср. Пс 138: 7–10). Для нас это мало что значит, но в видении Ветхого Завета это означает: «Ты присутствуешь даже в месте Твоего радикального отсутствия». Вот что случилось в момент, когда Христос исполнил Своим Божественным присутствием место, единственное место предельной оставленности. Так что, конечно, смерть Христа произошла по-человечески, тело испытало человеческую смерть, но оно не могло бы умереть, если бы не случился этот чудовищный момент потери Бога, когда человечеству Христа пришлось в одиночку разделить всю судьбу падшего человечества. Вот что я могу ответить на этот вопрос.

Что вы имеете в виду, когда говорите, что мы должны учиться умирать всему, что чуждо Христу, не только каждый лично, но и вместе, сообща?

Это отсылка к началу шестой главы Послания к Римлянам, которое читается при крещении. Нам говорится, что в крещении мы погружаемся в смерть Христову, чтобы восстать с Ним (см. Рим 6: 3–11). Но это не просто обряд и, конечно, не магическое действие. Мы не изменяемся простым погружением в эти воды без всякого собственного участия в том, что происходит. Прежде должен произойти целый процесс, ряд событий. Надо, чтобы мы обнаружили Христа, надо, чтобы мы услышали Его голос и встретились с Ним лично, надо, чтобы мы признали в Нем Истину и нашу Жизнь, надо, чтобы мы решили стать Его учениками, чего бы это нам ни стоило. Все это означает, что мы отрекаемся от чего-то, что в противном случае мы могли бы и выбрать, точно так же, как мы отреклись бы от привычного нам поведения ради любви к тому или другому человеку, ради любви к Родине, ради преданности идеалу. И только когда мы сделали этот выбор, когда мы объявили самим себе и Церкви: «Христос — мой Учитель, Он — единственный, за Кем я хочу следовать, Он самый близкий мой друг, Он — путь, которым я хочу идти, Он — истина, которой я хочу научиться и владеть, только тогда мы приходим и говорим:

я отрекаюсь от всего, что чуждо Христу... Это не значит, что я действительно от всего этого уже отрекся; мне придется вести борьбу, до смертного часа мне придется бороться, чтобы такое отречение стало предельно реальным в той мере, в какой это достижимо человеку ограниченному, но это должно быть решительным началом, решительным поворотом нашей жизни, когда мы можем сказать: все, что чуждо Христу, я признаю чуждым и себе; все, из-за чего Христа не узнали, отвергли, осудили на смерть, убили, — все это я отвергаю и готов нести в теле и в душе то, что апостол Павел называет мертвостью Христа (ср. 2 Кор 4: 10). То есть апостол чужд и мертв для всего, что несет тление и разрушение нашей человеческой цельности и совершенства. И после этого я вступаю в воды крещения, которые — очень красноречивый символ, потому что никто не может погрузиться в эти воды и выжить, если его вовремя не воззовут из этих вод. Мы символически вступаем в эту смертоносную стихию, чтобы отметить момент, когда мы выбрали определенный образ смерти ради того, чтобы войти в определенный образ жизни; нет, не образ — качество жизни, жизни вечной, в отличие от существования или временной жизни. И мы выходим из этих вод крещения, мы можем дышать, и это символизирует, что в нас есть дыхание жизни.

Это должен совершить каждый из нас. Да, я знаю, что большинство из нас были крещены в младенчестве или в детстве, когда мы еще неспособны были сделать выбор. Но должен настать момент, когда мы остановимся и поставим себе вопрос: выбор, который был сделан моими родителями, моими крестными и поверившей мне Церковью, — принимаю ли я его на себя или отвергаю? Я свободен отвергнуть его. Христос никого из нас не держит в плену. Я могу вовсе отвергнуть его, я могу временно отложить его, могу попробовать его; но бывает момент, когда мы должны сами за себя сделать этот выбор или принять выбор, когда-то сделанный за нас.

Но это относится не только к каждому по отдельности, к каждому отдельному человеку, это относится к нашему сообществу, потому что мы не призваны быть собранием индивидов. Именно к этому мы не призваны, потому что индивид — последняя степень дробления; мы призваны быть личностями, соединенными в одно целое. Как говорил Шопенгауэр в другом контексте, мы должны быть одной личностью в нескольких лицах,

личностью, которой является Церковь, какой мы ее знаем, даже более того, потому что за этой видимой личностью стоит личность Самого Христа, и Святого Духа, и Святой Троицы. Так что все мы вместе как сообщество должны вырастать в эту свободу от поклонения идолам, от порабощенности, помогая друг другу, нося бремена друг друга (см. Гал 6: 2), каждый по-сильно предавая себя Богу и, как следствие, друг другу. Все приносят все, что имеют, как дар от Бога, с полным великодушием и отдачей друг другу. Вот каким образом мы можем умирать для себя каждый по отдельности и умирать для себя сообща, ради того, чтобы каждый жил не своей жизнью, а Божией, а все вместе жили бы не своей индивидуальной жизнью, а тайной жизни, как она открывается во Святой Троице.

Следующий вопрос — о мертвости нашей веры:

Вы сказали, что, если Символ веры и молитвы не становятся жизнью, не воплощаются в действие, это пустое повторение слов. В какой степени это зависит от каждого из нас в отдельности и от нас как целого, а в какой — от дара Христова, сообщающего нам жизнь?

Я хотел сказать, что Символ веры — не философское утверждение, в котором мы более или менее адекватно описываем, каков наш Бог. Чужак — человек, ничего общего не имеющий с Церковью, читая Символ веры, не найдет там описания Бога, не увидит в нем Того Бога, в Которого мы верим. Если мы считаем Символ веры утверждением о Боге: Бог — Творец, Бог — Спаситель, Бог — Вдохновитель, текст так и останется умственным изложением, ничем более. Но Символ веры родился из опыта Церкви, он сообщает нам сведения, которые должны стать нашим личным знанием, и если мы не усиливаемся обратить слова Символа веры в познание Бога, а не в понятия, говорящие о Боге, Символ веры остается вне нашего духовного опыта. В лучшем случае, когда мы повторяем его вместе, мы тем самым провозглашаем, объявляем всем, что мы разделяем одну и ту же веру. Но какую именно? Просто утверждения, которые были жизнью для тех, кто их провозгласил, и стали словами на бумаге для нас; к молитвам это относится еще в большей степени.

Можно считать, что мы помолились, когда мы вычитали некоторое количество молитв, но если они не коснулись

нашего ума и совершенно не дошли до нашего сердца, мы не то что зря провели время, но все-таки еще не помолились. Мы не зря провели время, потому что, произнося эти слова, мы как бы бросили их в глубины нашей души, как бросают семена в пашню. В тот момент семена сухие и как будто мертвые, но достаточно немногих капель росы, небольшого дождя, и семена начинают прорастать, выпускают побеги, всходы и дают урожай. Так что внимательное чтение, подчеркиваю — *внимательное* чтение этих молитв подобно сеянию зерна, которое может прорасти и принести плод, но еще не самый плод.

Кроме того, мы должны сознавать, что молитвы, которые мы читаем, которыми пользуемся, вечерние или утренние молитвы или богослужебные тексты, не были написаны на досуге за письменным столом духовным писателем или богословом; в какой-то момент они вырвались, словно поток крови, из жизни и сердца и ума живого человека. В них заключено познание Бога, познание самого себя, они содержат нужду, голод, каждая из молитв воплощает вопль. Если мы читаем их по обязанности, как слово, обращенное к Богу, они, конечно, доходят до Бога и, возможно, Бог обращается к святому Иоанну Златоустому, святому Василию, ко всем святым, из жизни которых родились эти молитвы, и с улыбкой говорит: «Да, так ты говорил со Мной о своих нуждах, дитя Мое». Но что же мы? Опять-таки, семена брошены, но дальше наша ответственность их поливать. В большой степени зависит от нас, как мы читаем. Можно читать с целью добраться до конца службы, покончить с этим, потому что дальше мы сможем заняться чем-то более привлекательным. Можно, напротив, читать внимательно, выискивая одну фразу или несколько слов, которые будут полны смысла для нас, потому что мы не можем ожидать, что отзовемся хотя бы на одну молитву святого так, как он сам отзывался на свою нужду, свою ситуацию и как он выразил это в своей молитве; еще меньше можем мы ожидать, что отзовемся глубоко на целый ряд молитв, написанных разными святыми в разнообразных ситуациях. Но все мы, каждый из нас может найти фразу, слово, выражение, которое для нас исполнено смысла: это я знаю, остальное — нет... И возможно, стоит обратиться к святому, чье имя указано в начале определенной молитвы, и сказать:

«Святой Василий, святой Иоанн, святой Марк, святой Симеон! я сейчас буду читать твою молитву. Она была правдива в твоих устах, мне она непосильна. Помолись со мной, чтобы я хоть сколько-то ее понял, чтобы, пока я повторяю твои слова, молитва эта осенила бы меня, укрепила. Вознеси мои слова на крыльях твоей собственной молитвы». И порой эти молитвы, которые повторяются снова и снова от всего сердца и с полным осознанием, могут вдохнуть жизнь в человека.

Помню, у нас в хоре пел такой Павел Федоров, обладатель прекрасного баса; он заболел раком. Я периодически посещал его. Поначалу мы могли разговаривать и вместе молиться. Через какое-то время старшая медсестра встретила меня словами: «Зачем вы пришли? Он без сознания». Я ответил: «Так ли?» — и стал читать молитвы, петь молебен; он пришел в себя и присоединился ко мне. Потом он и этого не мог делать. Настал день, когда мне сказали, что из Японии вернулись его жена и дочь, они сидят у его постели, но он в полном забытии, умирает, и они даже не могут с ним попрощаться. Я попросил жену и дочь сесть рядом по одну сторону, сам встал на колени с другой стороны его кровати и начал — ну, вы знаете, как я пою, так что не обманываетесь насчет результатов моего пения, но произошло вот что. Я пел ему песнопения Страстной седмицы и Пасхи, и можно было наблюдать, как сознание в нем пробуждается. В какой-то момент к нему вернулось ясное сознание, он открыл глаза. Я сказал ему: «Вы умираете, ваша жена и дочь сидят слева, попрощайтесь с ними». Они попрощались, тогда я сказал: «Теперь можете умереть в мире»; он ушел в глубины молчания и умер. Это стало возможно, потому что слова молитв и мое весьма относительное пение настолько глубоко были сплетены с его памятью, с тем, что его слух воспринимал, его голос воспроизводил, его ум обнимал, на что его сердце отзывалось, чем было исполнено все его тело, что эти слова и эти звуки вернули его к жизни. Вот почему так важно для нас читать эти молитвы, читать их, невзирая на то, каково наше настроение, читать их, обращаясь к Богу: «Я принесу Тебе эти молитвы со всем доступным мне вниманием, от всего разума, от всего сердца, я буду вслушиваться в эти слова, а не только произносить их, я буду вслушиваться в то, что говорю, потому что этими молитвами молятся святой Василий,

Иоанн, Симеон, Марк, а я буду подслушивать»... И в какой-то день эти молитвы принесут нам жизнь.

Вот и последний вопрос. **В какой степени позволительно ставить под вопрос Церковь, ее учение, ее образ действия, ее предание?**

В книге об иконах, которую написали вместе В.Н. Лосский и Л.А. Успенский, есть замечательная статья Лосского «Предание и предания»⁷. Предание — непрерывающееся опытное познание, какое есть у Церкви о Боге, о человеке, о тварном мире, о спасении, о грехе, о прощении и т.п. Оно, подобно реке, неизменно течет из глубин Ветхого Завета, через Христа, через раннюю Церковь, достигает нас. Это живая память многих веков, она жива не только в нашей среде, но и в нас — постольку, поскольку мы причастны ей. И есть предания, обычаи, к которым мы привыкли. Есть греческие обычаи, русские обычаи, есть арабские и другие обычаи, они соответствуют разнообразным культурам, к которым мы принадлежим. Они могут быть ошибочными, могут быть верными. Они могут быть законными культурными выражениями вечной неизменной истины, но они также могут оказаться наслоением, отзвуком чего-то, о чем мы слышали, прочитали, неверно поняли; мы их воспроизводим и следуем им по невежеству или из-за отсутствия чуткости. Проф. Ярослав Пеликан⁸, преподающий в Колумбийском университете, сказал, что предание — живая память прошедших поколений; традиционализм, или предания во множественном числе, в самом низшем смысле слова, — это мертвая память живущих. Живущие ее хранят, потому что их так научили, они это прочли — и прочли неправильно, поняли — и поняли неправильно, но продолжают ее распространять, ее держаться и хранить, будто это сама Божия истина, тогда как эти вещи не имеют никакого отношения к Божией правде. Они — то, что Христос назвал *преданиями человеческими* (см. Мк 7: 1–8), — неверный образ действий, передающийся из столетия в столетие, от человека к человеку, из десятилетия в десятилетие.

У меня есть книга, текст Литургии св. Василия Великого, опубликованный пару веков назад русскими староверами. Они пользуются поврежденными текстами, некоторые места совершенно невозможно понять ни по-русски, ни по-

славянски, однако староверы крепко держатся за эти тексты, потому что этими словами пользовались предыдущие поколения. Им кажется: измени слова — произойдет разрыв в передаче опыта предыдущих поколений; но это не так. Эти места не имеют никакого смысла ни на славянском языке, ни на русском, хотя их смысл был совершенно ясен в греческом оригинале или в ранних переводах. Вот пример «человеческих преданий» в отличие от того, что передается из поколения в поколение от источника всякой истины, от Господа Иисуса Христа и Святого Духа Божия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Синод. пер.: «наше жительство на небесах» (см. Флп 3: 20). Моффат Джеймс (1870–1944), англо-американский библеист. Его перевод Нового Завета тяготеет к разговорному языку (первое изд. 1913, пересм. 1935).

² Иеромонах Сильвестр (Харун; 1914–2000). Активный участник РСХД, долголетний член редколлегии «Вестника РСХД». В 1952–1962 гг. викарный епископ в Европе, позднее архиепископ Монреальский и Канадский.

³ Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви // Богословские труды. М., 1972. Сб. 8. Первое издание на рус. яз. Переиздавалось неоднократно.

⁴ Пюри Ролан, де (1907–1976), французский протестантский пастор, писатель, ученик К. Барта. Участник антифашистского Сопротивления, в 1943 г. арестован гестапо за укрывание евреев. Известен главным образом «Тюремным дневником», написал также несколько богословских трудов. В библиотеке митр. Антония сохранилась его книга «Le libérateur. Notes sur l'Exode» с посвящением «à André Bloom» (Андрею Блуму, 1946).

⁵ Софроний (Сахаров), схииеромонах (1896–1993). В 2019 г. Константинопольской церковью причислен к лику святых.

⁶ Аллюзия на пасхальное Огласительное слово свт. Иоанна Златоуста.

⁷ На рус. яз. впервые: Журнал Московской Патриархии. 1968. № 8. С. 72–78. См. также: Лосский В. Богословие и Боговидение. М.: Св.-Владимирское братство, 2000 и др. изд.

⁸ Пеликан Ярослав Ян (1923–2006), американский патролог и историк христианства, лютеранский пастор, перешедший в Православие.

*Публикация, перевод с английского
и примечания Елены Майданович*

Критика эkkлeзиологии отца Николая Афанасьева митрополитом Иоанном (Зизиуласом)*

I. Предыстория статьи

1. Сложившийся консенсус

В 1980–1990-х годах целый ряд известных православных богословов с одобрением отзывался о критике евхаристической эkkлeзиологии отца Николая Афанасьева Иоанном (Зизиуласом), митрополитом Пергамским (Константинопольский Патриархат).

Первым из них был, пожалуй, отец Иоанн Мейендорф. В предисловии к книге Зизиуласа «Бытие как общение», изданной Свято-Владимирской семинарией в Нью-Йорке в 1985 году, он отметил близость идей Зизиуласа мысли Афанасьева, но подчеркнул остроту критики первым второму. Мейендорф сформулировал следующий вопрос: не пренебрег ли, действительно, Афанасьев тринитарным и антропологическим измерением эkkлeзиологии, сосредоточившись на местной природе евхаристического собрания и, до некоторой степени, исключив проблемы истины и вселенских предпосылок единства?¹ Своим вопросом, конечно же риторическим, отец Иоанн фактически солидаризировался с частью критики Зизиуласа, прозвучавшей в «Бытии как общении». Мейендорф и сам прежде полемизировал с Афанасьевым², но речь в данной статье пойдет не об этом.

Как работу, содержащую «важные коррективы» к евхаристической эkkлeзиологии Афанасьева, рекомендовал «Бытие как общение» митрополит Каллист (Уэр)³. Отец Джон Эриксон утверждал, что Зизиулас «вполне самостоятельно придал евхаристической эkkлeзиологии, которая прежде

* Английская версия данной статьи: *Alexandrov Victor. Zizioulas's Criticism of Afanasiev // Eastern Theological Journal. 2020. № 6.2. P. 111–166.*

ассоциировалась главным образом с Афанасьевым и богословами русской эмиграции, сбалансированность и научную точность»⁴. (Забегая вперед, замечу, что если о том, чья экклезиология — Афанасьева или Зизиуласа — сбалансированней, еще можно спорить, то слова о «научной точности» экклезиологии митрополита Иоанна в свете тех неаккуратностей и ошибок, которыми изобилует его критика Афанасьева и о которых пойдет речь ниже, звучат сильным преувеличением.) Идея корректив, внесенных Зизиуласом в экклезиологию Афанасьева, была принята и отцом Борисом Бобринским, некогда студентом отца Николая, а затем и его младшим коллегой по Свято-Сергиевскому православному богословскому институту: «Исправляя некоторые аспекты мысли Афанасьева, он [Зизиулас] развивает, однако, основные идеи последнего»⁵.

Рекомендации ведущих православных богословов, а также установившаяся примерно в те же десятилетия репутация Зизиуласа как одного из самых крупных и оригинальных православных мыслителей современности способствовали тому, что критика Афанасьева, прозвучавшая в произведениях митрополита Иоанна, была принята богословским сообществом как достоверная и справедливая. В богословском сознании утвердилось мнение, что Зизиулас предложил исправленную и, так сказать, продвинутую версию евхаристической экклезиологии. Пассажи, констатирующие это, и параграфы, рассматривающие экклезиологию Зизиуласа как более высокий по сравнению с Афанасьевым этап в формулировании современного православного учения о Церкви, стали общим местом в работах по экклезиологии. К концу XX столетия сложился некий богословский консенсус относительно соотношения экклезиологии Афанасьева и Зизиуласа.

Этот консенсус, однако, вызвал недоумение и несогласие у нескольких авторов, которые по тем или иным причинам изучали богословие Афанасьева. Первым, кто обратил внимание на то, что критики — а Зизиулас был и есть самый настойчивый из них — приписывают отцу Николаю мнения, которых тот вовсе не придерживался, был отец Майкл Плектон⁶. С тех пор еще несколько богословов, включая и автора этих строк, рассмотрели критику Зизиуласом Афанасьева

с разной степенью подробности и пришли к выводу, что в целом она несправедлива, а митрополит Иоанн весьма слабо знаком работами отца Николая⁷. Этот вывод надо воспринимать не столько как обычную полемику более молодого поколения богословов с признанным авторитетом — ибо споры поколений в богословии естественны, и в самой критике Зизиулосом Афанасьева тоже содержался такой элемент⁸, — но как констатацию простого факта, установленного путем исследования текстов и идей.

2. Мои выводы 2007 года

Причиной написания моей статьи 2007 года⁹ стало удивление тем, что, во-первых, критикующий, один из самых известных православных богословов современности, весьма плохо осведомлен о том, что критикует, а во-вторых, тем, что авторитеты, весьма почитаемые в православном мире, ему вторят и его «поправки» рекомендуют. Удивление сложившимся в богословском сообществе консенсусом заставило меня сравнить критические замечания Зизиулоса с текстами отца Николая Афанасьева внимательней. Более подробные выводы из моего прежнего и нынешнего рассмотрения критики Зизиулоса сформулированы в конце данной статьи, но два главных вывода статьи 2007 года я назову сразу же.

Во-первых, Зизиулос знаком с работами Афанасьева *весьма фрагментарно*, часто критикует Афанасьева мимоходом, его критика изобилует неточностями и нередко искажает мысль отца Николая.

Во-вторых, дело тут не только в языковом барьере и незнакомстве с русскоязычными работами отца Николая и отца Александра Шмемана, о чем упомянул сам Зизиулос в своей ранней книге¹⁰. После определенного момента времени, а именно приблизительно с начала — середины 1970-х годов (впрочем, я не настаиваю тут на большой хронологической точности), Зизиулос не выказывает знакомства с иными работами Афанасьева по сравнению с теми несколькими статьями, которые он знал к тому моменту. Причем в работах митрополита Иоанна не обнаруживается даже знания работ Афанасьева, существовавших на доступных ему языках, включая основной труд отца Николая «Церковь Духа Святого», который вышел по-французски в 1975 году. Несмотря на это, Зизиулос

продолжает повторять свои критические замечания в адрес Афанасьева, а иногда и Шмемана или вновь публиковать в неизменном виде старые работы, содержащие такие замечания. Я объяснил это тем, что с определенного момента митрополита Иоанна *перестало интересовать* богословие Афанасьева, и он удовлетворился тем крайне ограниченным знанием о нем, которое почерпнул в работах отца Николая, изданных на французском к началу – середине 1970-х годов.

3. Необходимость вернуться к теме

Я думаю, однако, что необходимо вернуться к теме критики Афанасьева Зизиуласом еще раз. Хотя полемика – занятие не слишком полезное, в данном случае все-таки стоит расставить еще некоторые точки на «i». Во-первых, потому, что за прошедшие годы мне стали яснее богословские позиции самого Зизиуласа, о которых я имел недостаточное представление, когда писалась статья 2007 года. Во-вторых, – и это главное – потому, что критика Зизиуласа снизила интерес к Афанасьеву. Не один Зизиулас полемизировал с Афанасьевым¹¹, но именно его критика, небольшая по объему, но настойчивая, часто повторяющаяся и воспроизводимая им в течение по крайней мере четырех, а то и пяти десятилетий, критика богослова, обладающего хорошей репутацией и принадлежащего, согласно установившемуся в богословском сообществе мнению, к тому же экклезиологическому направлению, что и Николай Афанасьев, – евхаристической экклезиологии, повлияла на интерес к богословию отца Николая. Поверив Зизиуласу, богословское общественное мнение сочло евхаристическую экклезиологию Афанасьева превзойденной ее «исправленным» вариантом, предложенным Зизиуласом¹², и широкий интерес к Афанасьеву был утрачен. *Однако экклезиология Зизиуласа отнюдь не является неким продвинутым вариантом евхаристической экклезиологии, где учтены и исправлены ошибки Афанасьева, – это собственная версия экклезиологии, автор которой довольно слабо знаком с Афанасьевым*¹³. Афанасьев оказался незаслуженно забытым и малочитаемым новыми поколениями, в то время как его экклезиология заслуживает внимания *по собственному праву*, не как ступень к некой более совершенной экклезиологии Зизиуласа. *Более того, она поднимает те темы, которые мало интересовали Зизиуласа, и нередко*

предлагает решения, более обоснованные как исторически, так и догматически. Пути, предложенные Афанасьевым, заслуживают того, чтобы уяснить их и продвинуться по ним. Работы Афанасьева должны быть внимательно прочитаны, а его идеи обдуманы и развиты. Критика Зизиуласа — это его полемика с той версией евхаристической эkkлeзиологии, которую он застал, будучи молодым богословом, и под влиянием которой, но и в отталкивании от которой сложились его собственные взгляды.

Следующий ниже текст есть новая, надеюсь, более глубокая вариация на ту же тему. Из прежней статьи 2007 года я заимствовал неизменными некоторые предложения или максимум параграфы. По сравнению с работой 2007 года, весь материал заново организован, чтобы сделать изложение как можно более систематическим. Я учел новые сборники работ Зизиуласа, вышедшие с момента публикации моей старой статьи. Кроме того, я постарался избавить текст от крайностей полемического тона.

Я не стремился учесть все критические замечания, которые когда-либо делались Зизиуласом об Афанасьеве, исчерпывающе. Это отчасти и не нужно, ибо тематически замечания Зизиуласа регулярно повторяются, и те из них, что мною рассмотрены, дают достаточное представление о характере его расхождений с Афанасьевым.

II. Темы критики

1. Амбивалентность критики.

Работы, ее содержащие

Критика Афанасьева содержится уже в ранней книге Зизиуласа «Евхаристия, епископ, церковь» — диссертации, опубликованной по-гречески еще в 1965 году, но ставшей широко известной после выхода в 2001 году ее английского перевода¹⁴, — а также в статьях, включенных затем в сборники, из которых, с точки зрения интересующей меня темы, важны прежде всего два — «Бытие как общение» (1985)¹⁵ и «Один и многие» (2010)¹⁶. Отношение митрополита Иоанна к «евхаристической эkkлeзиологии» Афанасьева и Шмемана (Зизиулас видит, что Шмеман принимает и по-своему развивает

основные идеи Афанасьева) амбивалентное, не исключительно критическое. И в «Евхаристии, епископе, церкви», и в «Бытии как общении» он отзывается о «евхаристической экклезиологии» как о явлении в целом важном и позитивном¹⁷. В «Бытии как общении» Зизиулас даже утверждает, что в его работе читатель легко различит «основные исходные пункты» (*fundamental presuppositions*) евхаристической экклезиологии, признавая тем самым если уж не свою принадлежность к этому течению, то по крайней мере какую-то положительную связь с ним. Однако *критический элемент все-таки абсолютно преобладает* в отзывах митрополита Иоанна. Так, в «Бытии как общении», признав свою связь с экклезиологией своих предшественников, он тут же замечает, что в его книге есть важные отличия от евхаристической экклезиологии Афанасьева и его последователей и что сам он, Зизиулас, в некоторых важных моментах хотел бы пойти дальше Афанасьева или даже дистанцироваться от него¹⁸. Зизиулас признается, что с русскоязычными трудами Афанасьева он не знаком и судит о евхаристической экклезиологии лишь по англо- и франкоязычным публикациям отца Николая и его ученика Александра Шмемана¹⁹.

Критика Афанасьева Зизиуласом различна по смелости изложения в трех названных мною книгах. В «Евхаристии, епископе, церкви» она еще очень осторожна и сформулирована обтекаемо вплоть до некоторой неясности. Во время написания и издания этой книги Зизиулас был, по богословским меркам, еще очень молод (он родился в 1931 году). Это критика молодым богословом, взгляды которого еще только оформляются, старшего коллеги, чье богословие уже сложилось и хорошо разработано²⁰. Однако все постоянные элементы последующей критики Зизиуласа в ней уже присутствуют, правда, еще не в развернутом виде. На момент написания своей диссертации Зизиулас уже усвоил одну из своих основных, путеводных идей — идею «корпоративной личности». Она присутствует в книге по большей части на заднем плане, и критическое отношение к Афанасьеву и Шмеману возникает с позиций этой идеи²¹.

«Бытие и общение» отражает более продвинутый этап складывания идей самого Зизиуласа. Критика Афанасьева (Шмемана заменяют здесь «последователи Афанасьева» или

«те, кто верно следовал его (Афанасьева. — В.А.) учению») здесь более развернутая и отчетливая. Однако она тоже принадлежит довольно раннему этапу творчества митрополита Иоанна: в основе сборника статей «Бытие как общение» лежит французский сборник статей Зизиуласа *L'Être ecclésial* (Genève: Labor et Fides, 1981), в английском варианте он дополнен еще одной статьей (гл. 3), написанной в 1981 году, и таким образом, статьи, вошедшие в «Бытие как общение», писались в период с 1969 по 1981 год²² — так сказать, в «долгие семидесятые», в период богословской молодости и ранней зрелости Зизиуласа.

Наконец, сборник «Один и многие» включает статьи, опубликованные с 1969 по 2006 год, то есть, во-первых, работы того же периода, что и книга «Бытие как общение», но в нее не вошедшие, и, во-вторых, статьи, написанные позже. Здесь по адресу Афанасьева встречаются заявления самые смелые, а порою и не находящие никакого подтверждения в его работах.

Мои суждения о критике Зизиуласа основаны главным образом на этих трех англоязычных сборниках, хотя время от времени я пользуюсь и другими его работами.

Несмотря на то что критика Зизиуласа несколько развивается от его ранних работ к зрелым, в целом для нее характерно постоянство тем и их высокая повторяемость.

2. «Односторонность»

Зизиулас не однажды упрекал евхаристическую экклезиологию Афанасьева в «односторонности». Надо сказать, что не он один делал похожий упрек. Молодой отец Александр Шмеман в ту эпоху, когда он ориентировался как на свой идеал скорее на богословие Флоровского, тоже упрекал Афанасьева в узости понимания Церкви²³. Позже, однако, в богословии Шмемана над влиянием Флоровского стало преобладать влияние Афанасьева, но и в этот период он назвал Афанасьева (хотя вполне доброжелательно) однодумом и человеком одной темы, одного видения²⁴. Это неудивительно, ибо Афанасьев действительно работал примерно в одной области с примерно одним, не очень широким кругом тем. Не потому, что был слеп и глух к другим темам, а потому, что как

бы не имел к ним вкуса, будучи захваченным своей главной темой — церковью²⁵.

Упрек Зизиуласа, однако, другого рода, и выводы из него митрополит Иоанн делает другие. В чем же, по Зизиуласу, заключается односторонность Афанасьева? Это не всегда сформулировано ясно. В книге «Евхаристия, епископ, церковь» слова об односторонности следуют после заявления о «полном и исключительном отождествлении понятий Церкви и евхаристии», присущем, согласно Зизиуласу, евхаристической экклезиологии его предшественников. Вслед за этим Зизиулас предостерегает, что изучать евхаристию изолированно от других явлений церкви, в частности от веры, любви, крещения, святости жизни, — односторонне. Но сформулировано это предостережение весьма осторожно, даже туманно, скорее, как общий методологический принцип, приходящий автору на ум в связи с евхаристической экклезиологией, и остается неясным, что же конкретно оно означает применительно к Афанасьеву и Шмеману, который составляет здесь компанию Афанасьеву²⁶. «Полное и исключительное отождествление», о котором говорит Зизиулас, уже само по себе настораживает читателя, знакомого с Афанасьевым и Шмеманом, как очевидное упрощение.

Позже Зизиулас уже прямо, без обиняков приписывал «односторонность» евхаристической экклезиологии Афанасьева, и связывал ее с принципом «где евхаристия, там Церковь»²⁷. Таким образом, будет, пожалуй, правильным заключить, что Зизиулас видит односторонность евхаристической экклезиологии Афанасьева в «полном и исключительном отождествлении понятий Церкви и евхаристии» и в принципе «где евхаристия, там Церковь», что по сути есть одно и то же: первая формулировка у раннего Зизиуласа — это вариант второй.

3. «Расширение горизонта»

В книге «Бытие как общение» (1985), принесшей Зизиуласу широкую известность, митрополит Иоанн, с одной стороны, признает, что в его работе будет легко узнать «основные исходные пункты» (*fundamental presuppositions*) евхаристической экклезиологии, но, с другой стороны, полагает, что внимательный читатель легко обнаружит в книге «некоторые

фундаментальные отличия» от евхаристической экклезиологии Афанасьева. Зизиулас стремится «пойти дальше Афанасьева» и «отделить свои мнения» от мнений отца Николая, не преуменьшая его значения или не недооценивая его и «тех, кто верно следовал ему»²⁸. В качестве отступления замечу, что, к сожалению, преуменьшение значения Афанасьева и недооценка его экклезиологии — это именно то, что впоследствии и случилось, не в последнюю очередь из-за настойчивой критики Зизиуласа.

Прежде всего Зизиулас высказывает намерение «расширить, насколько возможно, горизонт экклезиологии, чтобы связать ее с ее философскими и онтологическими аспектами и остальным богословием». Очевидно, что это намерение связано с мнением митрополита Иоанна об односторонности евхаристической экклезиологии. Комментируя цель двух первых глав книги, Зизиулас пишет о своем желании отграничить написанное им от мнения, согласно которому евхаристическая экклезиология основывается на идее или на факте священнодействия (*sacramental act*). Он поступает так потому, что, исходя из евхаристической экклезиологии, в православной экклезиологии часто видят просто «отображение тайны Церкви в категориях таинств — сакраментализацию богословия». Надо сказать, что до сих пор это желание Зизиуласа вполне перекликается с краткой защитой евхаристической экклезиологии Афанасьева Шмеманом: отец Александр подчеркивает, что неверно видеть в ней сведение Церкви к евхаристии, литургии²⁹. Однако далее Зизиулас делает заявление, наводящее на мысль, что, может быть, он и сам относится к числу тех, от кого Шмеман защищает афанасьевскую евхаристическую экклезиологию. «Такое впечатление, — пишет Зизиулас, — кажется неизбежным, если мы не выйдем за пределы того, что было сказано евхаристической экклезиологией до сих пор, и не попытаемся расширить наш богословский и философский горизонт»³⁰.

Само по себе намерение связать экклезиологию с другими областями богословия и даже философскими категориями нормально и весьма интересно. Это амбициозный проект, и его успех зависит от того, что именно он предполагает и как осуществлен. Вопрос, однако, в том, насколько справедливо мнение, которое Зизиулас даже считает неизбежным,

что евхаристическая экклесиология предшественников Зизиуласа представляла собой сакраментализацию богословия, что именно под этим понимается и негативное ли это для православного богословия явление. Иными словами, понятие «сакраментализация богословия», от которого Зизиулас пытается дистанцироваться как от чего-то нежелательного, само по себе мало о чем говорит и нуждается в пояснении для того, чтобы судить, о какого рода явлении идет речь.

Экклесиология не может заменить собой все прочие области богословия, она всегда будет оставаться лишь одной его частью, связанной с другими частями. Она в нормальном случае и не претендует на такую подмену. Вполне возможно, что поколения Афанасьева и Шмемана чувствовали необходимость в некоторой сакраментализации богословия, ибо предшествующее им школьное и академическое богословие было оторвано от своих евхаристических корней. Но такая сакраментализация нужна была богословию отнюдь не в качестве полной замены ему, а в качестве его источника, в качестве новой (а на самом деле древнейшей) перспективы, в которой богословие видится.

Экклесиология предшественников Зизиуласа не исключает других сфер богословия и не претендует на это. Но она, по удачному выражению Шмемана, стремится возводить если не все, то многое в богословии к его евхаристическому корню³¹. Богословствовать можно только изнутри славящей Бога местной церкви. Она есть обладательница и источник того «первого богословия» (*theologia prima*), о котором пишет Эйдан Кавано³². В то время как догматическая мысль исходит скорее из богословской спекуляции, чем из литургического опыта или исторического исследования (я имею здесь в виду афанасьевское деление богословов на «историков» и «догматиков»³³). Не нужно ли видеть в критике Зизиуласом своих предшественников бунт преимущественно «догматика» против «историков» внутри евхаристической экклесиологии — реакцию богословской спекуляции против евхаристического историзма Афанасьева и, в меньшей мере, Шмемана? Хотя в своей первой книге и Зизиулас сделал серьезную, но далекую от безупречности попытку сообразоваться с существовавшим на тот момент знанием о Древней церкви и согласовать свою главную в тот период догматическую идею «корпоративной

личности» с историческими данными. Однако существенно дальше в своем историческом интересе он впоследствии не пошел, а его богословие приобретало все более спекулятивный — в здоровом, богословском смысле этого слова — характер.

4. «Где евхаристия, там Церковь»

Формула «где евхаристия, там Церковь», которую Зизиулас считает основным принципом евхаристической экклезиологии Афанасьева, *оказывается ключом к пониманию критики этой экклезиологии самим Зизиуласом.*

Критика данной формулы появляется уже в книге «Евхаристия, епископ, церковь». В конце книги, подводя итоги своего исследования, он возражает против этой формулы, фигурирующей в статье Афанасьева *Una sancta*³⁴. Зизиулас считает, что принцип «где евхаристия, там Церковь», подчеркнутый до крайности, разрушает понятие канонического единства церкви (канонический же элемент содержится, по Зизиуласу, в епископе)³⁵ и ведет к зомовскому противопоставлению религии и права (надо заметить, что в *Kirchenrecht* Зома речь идет о том, что *христианская церковь*, а не религия вообще несовместима с правом)³⁶. «Мнение об исключительно евхаристическом характере Церкви вплоть до исключения канонических факторов приводит и отца А. Шмемана к утверждению, что экклезиологическая полнота существует даже в приходе, постольку поскольку там совершается евхаристия». Результаты исследований самого Зизиуласа, продолжает он, противоречат такому утверждению, ибо евхаристический элемент тесно переплетается с каноническим или, иными словами, единство евхаристии и единство епископского служения связаны неразрывно³⁷.

В этом фрагменте возникают — в еще не развернутом виде — сразу три разных, но взаимосвязанных элемента, к критике которых у Афанасьева Зизиулас будет потом регулярно возвращаться: во-первых, формула «где евхаристия, там Церковь», во-вторых, отношение Афанасьева к праву и, в-третьих, вопрос о приходе как кафолической Церкви. В этой части статьи меня занимает первый элемент, а ко второму и третьему я вернусь позже.

Из переданного мной пассажа из ранней книги Зизиуласа остается неясным, кто же подчеркивает формулу «где евхаристия, там Церковь» до крайности — сам ли Афанасьев, или это лишь опять-таки общее, методологическое предостережение Зизиуласа. Однако в его более поздних работах формула «где евхаристия, там Церковь» приобретает в его глазах характер главного, «хорошо известного» принципа евхаристической экклезиологии³⁸, ее аксиомы³⁹. В «Бытии как общении» Зизиулас заявляет, что «евхаристическая экклезиология в том виде, как она была развита отцом Николаем Афанасьевым и “его последователями”, порождает серьезные проблемы и поэтому нуждается в фундаментальных поправках. Принцип “где евхаристия, там Церковь”, на котором она построена, имеет тенденцию вести к двум основным ошибкам, которых не избежал отец Николай Афанасьев, равно как и те, кто верно следовал ему»⁴⁰.

Приглядимся, однако, к «хорошо известному» принципу афанасьевской экклезиологии. Выражение «где евхаристия, там Церковь» есть всего лишь формула, причем это одна из *нескольких* формулировок, которыми отец Николай пользуется, чтобы выразить взаимозависимость Церкви и евхаристии. Она возникает в его работах *лишь однажды* — в статье *Una sancta*. Как всякая богословская формула, какой бы афористичной и меткой она ни была, она не может быть исчерпывающей и понятой без контекста. Это не лозунг, не лекало с четкими краями, которое надо лишь приложить, чтобы понять, где и когда Церковь присутствует, а где и когда ее нет.

Афанасьев предлагает весьма разработанное, диалектическое богословие евхаристии и Церкви. Об этом достаточно свидетельствует весь фрагмент, откуда Зизиулас берет интересующую нас фразу. В нем Афанасьев использует и другие формулы, пытаясь выразить тождество Церкви и евхаристии: «Как Тело Христово Церковь во всей полноте проявляется в евхаристическом собрании каждой местной церкви», «Церковь пребывает там, где имеется евхаристическое собрание», «отличительным эмпирическим признаком Церкви является евхаристическое собрание» (что, к слову, не исключает наличие других признаков), «утверждая, что евхаристическое собрание является принципом единства Церкви, мы не исключаем тезис... что отличительным эмпирическим признаком

местной церкви является епископ, так как он включен в понятие евхаристии»⁴¹. Последнее предложение позволяет адресовать Зизиуласу вопрос: в чем же, собственно, заключается нехватка «канонического элемента» у Афанасьева, если он, так же как Зизиулас, говорит о необходимости предстоятельства (в данном случае епископа, но я не могу входить здесь в подробности) в местной церкви?

Сводя мысль Афанасьева о тождестве Церкви и евхаристии к формуле «где евхаристия, там Церковь», Зизиулас схематизирует мысль своего оппонента. Более того, по крайней мере в одной из своих работ он подталкивает своих читателей к механистическому пониманию мысли Афанасьева: «Церковь — не просто такое собрание для совершения евхаристии, — спорит Зизиулас с Афанасьевым в статье 1985 года. — Она также включает народ Божий, разбросанный повседневно по всему миру, а не только тогда, когда они встречаются для евхаристии»⁴². Утверждал ли, однако, Афанасьев, что Церковь существует лишь во время воскресной или праздничной литургии, и исчезает, когда народ Божий расходится по домам? Такое понимание, которое вольно или невольно внушает читателю Зизиулас, было бы крайней вулгаризацией мысли Афанасьева. Его идея тождества Церкви и евхаристии, как мы увидим ниже, вполне разделяемая Шмеманом (да и самим Зизиуласом!), конечно, представляет собой более тонкую по мысли конструкцию.

Любопытно, что митрополит Иоанн и сам тут же, в той же только что процитированной работе, в том же абзаце, делает заявление, весьма похожее на афанасьевские формулировки: «Если мы спросим, какова природа Церкви в православном понимании, что выражает природу Церкви в ее полноте, то ответ будет... евхаристия»⁴³. В своих поздних работах Зизиулас любит говорить о евхаристии как идентичности Церкви⁴⁴. Еще в одной из поздних статей (2004 г.) Зизиулас дистанцируется от тех, кто предостерегает против чрезмерного отождествления евхаристии и Церкви. Он считает, что опасения такого чрезмерного отождествления основаны на ошибочных, порожденных схоластикой представлениях о евхаристии как одном из семи таинств⁴⁵. Таким образом, Зизиулас совершенно не видит проблемы в том, чтобы говорить *о тождественности Церкви и евхаристии своими формулировками*,

но когда *ту же самую мысль* высказывает Афанасьев, то он выбирает одно из его выражений, схематизирует его, сводит его экклезиологию к одному «хорошо известному» принципу и приписывает отцу Николаю односторонность, приводящую к серьезным ошибкам. Прodelав все это, он, однако, ведет полемику не с реальным Афанасьевым, а с тем схематизированным представлением о нем, которое сам же и создал.

Причины и смысл полемики Зизиуласа с Афанасьевым по поводу формулы, которая весьма близка его собственным мыслям и формулировкам, остаются загадкой. Вероятно, они скорее психологические, чем богословские. Как бы то ни было, эта формула и выводимое из нее Зизиуласом редуцированное толкование евхаристической экклезиологии Афанасьева составляют фундамент рассматриваемой в этой статье критики митрополита Иоанна. Фундамент, который можно было бы легко изменить и исправить, пожелай митрополит Иоанн познакомиться с работами Афанасьева внимательней и в больших объемах, но такого желания он не выказал.

5. Приход как католическая Церковь

Итак, согласно Зизиуласу, принцип «где евхаристия, там и церковь», на котором построена экклезиология Афанасьева и «тех, кто следовал ему», ведет к двум основным ошибкам⁴⁶. Первая из ошибок заключается в том, что «они считают даже приход, где совершается евхаристия, полной “католической” Церковью. К такому выводу, — пишет Зизиулас — пришли, следуя Афанасьеву, некоторые православные»⁴⁷. Формулировка «пришли, следуя Афанасьеву, некоторые православные» уклончива, но вспомним, что в «Евхаристии, епископе, церкви» Зизиулас прямо приписывал эту ошибку Шмеману⁴⁸. Так же прямо он приписывает эту ошибку Афанасьеву и Шмеману в своих более поздних статьях⁴⁹. Из этого следует, что и в «Бытии как общении» главными объектами его критики являются Афанасьев и Шмеман.

Мне приходилось неоднократно обращать внимание читателя на то, что *ни Афанасьев, ни Шмеман не считали приход «полной и католической Церковью»*⁵⁰. Зизиулас приписывает им ту позицию, которую они не занимали. Афанасьев искал «церковную норму» в той эпохе, в которую местная церковь еще не распалась на приходы, составившие епархию.

Как известно, Афанасьев предложил дискуссию о том, что — приход или епархию — удобнее считать местной церковью в современных условиях⁵¹. В его работах есть два-три места, которые действительно можно истолковать как крен в пользу признания прихода местной церковью в современных условиях, но эта позиция нигде не выражена ясно и не развита. При этом Афанасьев полностью осознает отличие современного прихода от древней местной католической церкви. Отец Кристоф Д'Алуазо замечает, что Зизиулас не приводит никаких мест из работ Афанасьева, где тот считал бы приход местной церковью⁵². В этом нет ничего удивительного, ведь таких мест просто нет. Критика митрополита Иоанна построена не на работах Афанасьева, а на *обыгрывании отдельно взятой формулы «где евхаристия, там и Церковь»*, из которой он делает вывод, что, согласно Афанасьеву, везде, где служится евхаристия, — а значит, и в приходе — существует местная католическая Церковь.

Прекрасной иллюстрацией этого вывода служит то, что Зизиулас проделывает в статье 1985 года, которую я уже цитировал выше. Изложив устройство древней местной церкви, *вполне совпадающее* с афанасьевским видением доникейской и ранней постнической церкви эпохи «монепископата», хотя и с некоторыми своими, зизиуласовскими нюансами (мне нет нужды входить здесь в детали), он вдруг неожиданно заявляет, что Афанасьев «не принял во внимание то устройство евхаристического собрания», которое он, Зизиулас, описал⁵³. Это заявление способно возмутить читателя, знакомого с работами Афанасьева. Что это: ложь или незнание? По-видимому, второе, но незнание особое: Зизиулас находится в плену у созданных им у самого себя — и, увы, у своих читателей — иллюзий относительно экклезиологии Афанасьева, которую он редуцирует до упрощенного понимания принципа «где евхаристия, там Церковь». В свете этих иллюзий Зизиулас полагает, что для Афанасьева «сам факт евхаристии достаточен, чтобы говорить о Церкви»⁵⁴. А следовательно, в понимании Зизиуласа и приход, где служится евхаристия, Афанасьев считал католической Церковью.

Позиция Шмемана относительно прихода и епархии довольно близка позиции самого Зизиуласа, хотя при сравнении их можно заметить любопытные нюансы, главным из которых

является разное понимание роли епископа, приходского священника и «пресвитерия»⁵⁵. Но в данной статье мне нет необходимости возвращаться к детальному сравнению позиций трех наших авторов, ибо, во-первых, однажды это было уже сделано, а во-вторых, уведет нас далеко от темы статьи.

Опять-таки примечательно, я бы даже сказал, поразительно, что Зизиуласа и позже не интересует действительная позиция Афанасьева и Шмемана, ибо он продолжает повторять эту критическую реплику по отношению к ним и в более поздних статьях⁵⁶. В то время как в «Евхаристии» (вышла по-русски в 1984 году, по-французски — в 1985 году, по-английски — в 1987 году), одной из своих ключевых работ и уж точно итоговой, Шмеман еще яснее и проще, чем в своей ранней статье о богословии соборов, пишет, что приход не совпадает с древней местной Церковью, не обладает полнотой церкви и составляет часть большего единства, во главе которого стоит епископ⁵⁷. Зизиулас знаком с «Евхаристией»: он цитирует ее в статьях 1995 и 1999 годов, вошедших в две его разные книги⁵⁸, — но место о приходе его внимание не привлекло.

Замечу также, что опыт прихода у Афанасьева и Шмемана с одной стороны и Зизиуласа с другой был разным, ибо Афанасьев и Шмеман принадлежали к церквям, которые следовали решениям Московского собора 1917–1918 годов и где приход обязательно включал приходской совет — «новый пресвитерий», во многом аналогичный пресвитерию Древней церкви. Это важно помнить, когда мы обращаемся к аргументам Зизиуласа, почему приход не может быть местной церковью. Чтобы быть таковой, согласно Зизиуласу, должны быть выполнены следующие условия кафоличности: это должно быть, во-первых, собрание *всех членов* церкви одного места, собрание, где, таким образом, преодолеваются всякие естественные, социальные, культурные и пр. различия; во-вторых, оно должно включать *всех носителей всех служений*, в том числе *коллегию пресвитеров с епископом* во главе⁵⁹.

Это определение можно было бы принять при надлежащем пояснении, во-первых, того, что понимается под «одним местом», а во-вторых, и более всего, — что понимается под пресвитерами и епископом. Что понимает под «одним местом» Зизиулас, остается не вполне ясным, но, по-видимому,

епархию⁶⁰. Современный епископский округ — это часто большая территория, включающая многие города и села, а древняя местная церковь — это, как правило, город с его сельской округой. Прояснить соотношение этих неодинаковых исторических явлений есть творческая задача для современного богословия.

Что же касается служений епископа и пресвитера, то их содержание заметно менялось в ходе церковной истории. Исторический идеал Зизиуласа — церковь до возникновения в ней приходов, с пресвитерами, окружающими епископа, но не возглавляющими вторичные евхаристические собрания, которые литургически отделились от главного, епископского собрания. Его епископ этой эпохи — статичная фигура, возникающая с самого начала церковной истории, с возникновением самой церкви⁶¹, и остающаяся неизменной до тех пор, пока не становится повсеместным явлением приход, епископ превращается в епархиального администратора, а пресвитеры — в специалистов по служению литургии⁶². Если, однако, абстрагироваться от названий служений и исходить из их содержания, то приходы некоторых юрисдикций в так называемой «диаспоре» представляют собой близкую аналогию древней местной церкви, где приходской совет исполняет роль, аналогичную роли древнего пресвитерия, а приходской священник — роли главного пресвитера, «приносящего благодарение», то есть епископа эпохи моноепископата⁶³. Таким образом, приход в этих юрисдикциях — в частности, в тех, к которым принадлежали и Афанасьев, и Шмеман, — оказывается заметно ближе к древней местной церкви, чем современная епархия. Прочитанное выше определение Зизиуласа пытается вернуть современную епархию к идеалу древней местной церкви (что вовсе не плохо!), но недостаточно учитывает «текучесть» содержания служений епископа и пресвитера и разницу в организации приходов в современном православии. Стоит ли пренебречь этой разницей и настаивать на одном «правильном» варианте устройства местной церкви, где ею будет современная епархия?

Критика Зизиуласом позиции Афанасьева и «его последователей» в отношении прихода как кафедральной Церкви, во-первых, искажает реальную позицию как Афанасьева, так особенно и Шмемана, а во-вторых, выдает недостатки,

элемент излишней, анахронистической схематизации в позиции самого Зизиуласа.

6. Локализм. Первенство местной церкви перед вселенской

Выделение из экклезиологии Афанасьева ее «хорошо известного», главного принципа — без реального интереса к его содержанию и контексту — приводит митрополита Иоанна к обнаружению у Афанасьева других ошибок. Вторая ошибка, за которую Зизиулас критикует своих предшественников по евхаристической экклезиологии в «Бытии как общении» и которая тесно связана с первой (мнением, что приход есть местная кафолическая церковь), может быть названа локализмом. Митрополит Иоанн утверждает, что принцип «где евхаристия, там Церковь» несет в себе риск внушить мысль, что каждая местная Церковь, независимо от других местных церквей, может быть «единой, святой, кафолической и апостольской Церковью». И потому «здесь необходимы особое внимание и творческая богословская работа, чтобы выдержать надлежащее равновесие между местной и вселенской церковью». Зизиулас рассуждает о меняющемся соотношении понятий вселенской и местной церкви в католическом богословии, а также о том, что в отдельных протестантских церквях понятие местной церкви фактически равно понятию Церкви вообще, и заявляет: «У нескольких православных богословов, верных учению евхаристической экклезиологии, тоже есть тенденция отдавать первенство местной церкви (Афанасьев уже дал такую интерпретацию)». Иные же, продолжает митрополит Иоанн, отвергают и кафоличность местной церкви, и евхаристическую экклезиологию вообще за ее локализм. Зизиулас предлагает стремиться к третьему решению, которое оправдало бы евхаристическую экклезиологию и при этом не несло бы в себе риска локализма. И в этом, пишет Зизиулас, сама евхаристия будет указывать нам путь, ибо по своей природе она одновременно выражает и местное, и вселенское, то есть то, что превосходит локализм и универсализм⁶⁴.

Зизиулас еще раз возвращается к этой проблеме в другом месте книги «Бытие как общение», в статье, которая была впервые опубликована в 1981 году. Здесь он обращается к поставленному, как он справедливо утверждает, Афанасьевым

вопросу о важности местной церкви в экклезиологии и делает попытку показать эту важность с точки зрения пневматологии, поскольку, по его мнению, это еще не было сделано. Зизиулас заключает: «Местные церкви столь же первичны в экклезиологии, сколь и вселенская церковь. В подобной (то есть евхаристической. — В.А.) экклезиологии первенство вселенской Церкви над местной немыслимо. После Афанасьева эта идея распространилась в православной экклезиологии»⁶⁵. Все это не вызывает возражений. Но Зизиулас продолжает: «Однако в этом есть опасность, которой не видел Афанасьев и которую не видят и многие православные богословы. Из-за отсутствия в православной экклезиологии должного синтеза между христологией и пневматологией часто слишком легко допускается, что евхаристическая экклезиология ведет к первенству местной церкви над вселенской, к эдакому “конгрегационализму”. Но, как я попытался доказать в своей другой работе (здесь Зизиулас ссылается на 4-ю главу книги «Евхаристия и кафоличность»)⁶⁶, Афанасьев был неправ, *делая такие выводы* (курсив мой. — В.А.), потому что природа евхаристии указывает не на первенство местной церкви, а на *одновременность* местного и вселенского»⁶⁷. Иными словами, здесь Зизиулас приписывает Афанасьеву идею первенства местной церкви над вселенской, хотя поначалу он утверждал лишь — причем вполне сочувственно, — что Афанасьев не признавал *первенства вселенского над местным*, что отнюдь не означает автоматически *первенства местного над вселенским*.

Зизиулас уверяет своих читателей, что Афанасьев считал местную церковь первичной, а вселенскую вторичной и позже. Так, в работе, изначально написанной в 1997 году, он излагает свой упрек Афанасьеву и на этот раз не Шмеману, а Мейендорфу⁶⁸ следующим образом: «В моей собственной церкви прозвучали голоса богословов, которые попытались поменять местами порядок первенства, традиционно предпочитаемый в католической экклезиологии (см., например, Ранера и Ратцингера), согласно которому церковь имеет *сначала* универсальную и лишь во вторую очередь местную природу. Такие православные богословы, как покойные Афанасьев и Мейендорф, наоборот, утверждали, что местная церковь первична исторически и богословски, и лишь во

вторую очередь, если это необходимо... мы можем говорить о Церкви универсальной»⁶⁹.

Ни в каком из процитированных мест митрополит Иоанн не ссылается на работы, в которых Афанасьев, или Шмеман, или Мейендорф сформулировали вывод о *первенстве* местной церкви над вселенской. Это неудивительно, ибо у Афанасьева и Шмемана таких мест нет (я не уверен, что они есть и у Мейендорфа).

Наконец, в уже цитированной мной статье «Православная экклезиология и экуменическое движение» (1985), содержащей целую серию безосновательных утверждений об экклезиологии Афанасьева, митрополит Иоанн уверяет читателя, что видение отцом Николаем местной церкви не принимает во внимание то, что евхаристия предполагает вселенскую общность (*universal communion*), поскольку есть лишь одна евхаристия, даже если она служится в разных местах⁷⁰. Вопреки заявлению Зизиуласа, тезис о вселенском единстве Церкви, основанном на тождестве евхаристии, несмотря на то что она служится во множестве мест, — один из основных тезисов Афанасьева, прямо вытекающий из его главной интуиции о таинственном единстве евхаристических даров («сие есть тело Мое» — Мф 26: 26, Мк 14: 22, Лк 22: 19, 1 Кор 11: 24) и Церкви («вы — Тело Христово» — 1 Кор 13: 27). Он развивается, между прочим, в предисловии к «Церкви Духа Святого»⁷¹. Более того, на его основе отец Николай делает вывод о реально существующем единстве между православием и католичеством, ибо обе Церкви признают друг у друга таинство евхаристии с включенным в него священством⁷² (что, впрочем, не означает, что Афанасьев пропагандировал интеркоммунион, как это полагает митрополит Каллист Уэр)⁷³. Но митрополита Зизиуласа все это нисколько не смущает.

Размышляя над критическими замечаниями Зизиуласа о первенстве, которое Афанасьев, по мнению митрополита Иоанна, отдает местной церкви перед вселенской, я хотел бы привлечь внимание читателя к двум аспектам проблемы. Первый из них может быть условно назван сущностным, второй — институциональным.

Сущностный момент. Соотношение местного и вселенского, местной церкви и церкви вселенской есть, без сомнения, одна из главных проблем экклезиологии. Однако она не

может быть адекватно разрешена в терминах *первенства*, *первичности* и *вторичности*. Ни Афанасьев, ни Шмеман этого и не делает. Нигде они не говорят о *первенстве* или *первичности* местной церкви и *вторичности* вселенской. Перевод проблемы в эту плоскость сделан Зизиуласом и вряд ли уместен. Сама постановка вопроса заимствована им из споров о соотношении местной и вселенской церкви, как они велись в современном Зизиуласу католическом богословии последних двух или трех десятилетий XX века, то есть уже после смерти Афанасьева. В конце 1990 — начале 2000-х годов эта постановка вопроса вылилась в известную богословскую полемику между кардиналами Ратцингером и Каспером, в детали которой, однако, мне нет необходимости входить.

Афанасьев утверждал кафоличность местной церкви. Но разве не именно эту позицию отстаивает и сам Зизиулас?! Афанасьев утверждал, что в первоначальном христианстве кафолическая Церковь пребывала и проявляла себя в каждом евхаристическом собрании и не существовала как вселенская структура. Но это по сути то же самое, что хочет сказать Зизиулас, когда пишет, что все структуры, административно большие епископского округа, — то есть большие епархии, — которые митрополит Иоанн считает местной церковью, не являются, строго говоря, церквями, а соборы не представляют собой институтов, стоящих над местными церквями!⁷⁴ Ирония ситуации состоит в том, что Зизиулас, критикуя Афанасьева и утверждая, что в евхаристии местное и вселенское совпадают, формулирует — в иных выражениях — ту же самую мысль, что и Афанасьев: «...в каждой местной церкви... пребывала, существовала или выявлялась во всей полноте своего единства и в единстве своей полноты вся Церковь Божия»⁷⁵. Подход Афанасьева не только не исключает «одновременности местного и вселенского», на которой настаивает владыка Иоанн, но и прямо предполагает ее! Действительная, а не мнимая, им, Зизиуласом, вымышленная позиция Афанасьева — а также и Шмемана, который разделял позицию Афанасьева о тождестве кафолической Церкви во всякой местной церкви, — на самом деле практически идентична позиции самого Зизиуласа относительно одновременности местного и вселенского. Речь должна идти скорее о разнице выражения и акцентов, а не о различии позиций трех богословов

(Афанасьева, Шмемана, Зизиуласа) в вопросе о соотношении местной и вселенской церкви. И это не единственный случай, когда Зизиулас не замечает, насколько его взгляды близки действительным взглядам критикуемых им Афанасьева и Шмемана⁷⁶. Для подтверждения последней мысли сравним еще две поразительно близкие по смыслу цитаты из Шмемана и Зизиуласа (близкую по смыслу цитату из Афанасьева я приводил уже чуть выше). В 1960 году отец Александр писал:

«Вселенское единство есть именно единство Церкви, а не только единство “Церквей”. И сущность его не в том, что все местные церкви составляют единый организм, а в том, что *каждая церковь – в тождестве веры, структуры и даров Божиих – есть та же церковь* (курсив мой. – В.А.), тот же Христос, нераздельно пребывающий всюду, где есть «экклезия». Таким образом, это то же самое органическое единство Церкви, но в нем церкви не дополняют одна другую, как члены или части... *а каждая из них и все они вместе есть не что иное, как единая, святая, католическая и апостольская Церковь*»⁷⁷.

А вот мысль из статьи Зизиуласа, написанной в 1981 году:

«Благодаря евхаристическому видению “кафолической Церкви” проблема соотношения между “единой католической Церковью в мире” и “кафолическими Церквями” в разных местах разрешена без того, чтобы считать местную церковь неполной, или без всякой схемы первенства одного над другим, *но в смысле единства в тождестве*»⁷⁸.

Так о чем же, собственно, Зизиулас ведет полемику с Афанасьевым и Шмеманом (и даже с Мейендорфом)? Как кажется, его упрек в локализме объясняется прежде всего плохим знакомством с соответствующими работами данных авторов и сложившимся в его сознании их вымышленным образом как своих оппонентов. Это не трагично само по себе, но удивительно, имея в виду, что Зизиулас десятилетиями (!) повторяет этот и некоторые другие упреки в адрес Афанасьева и Шмемана, не интересуясь их текстами, данные упреки опровергающими!

По своей сути, позиция всех трех авторов — Афанасьева, Шмемана, Зизиуласа — близка, поскольку они полагают, что единство местных церквей определяется их внутренним тождеством и в каждой из них присутствует и являет себя вся

вселенская Церковь. Серьезной разницы между ними в этом тезисе нет, а та, что есть, — это разница выражений и нюансов.

Второй момент – институционный. И здесь упрек Афанасьеву был бы справедлив, если бы он был должным образом сформулирован. Чтобы сделать это, однако, Зизиюлас слишком плохо знаком с реальным Афанасьевым. В своих зрелых работах Афанасьев *сосредоточился на разработке богословия местной церкви*. Нельзя сказать, впрочем, что проблемы вселенской церкви (первенство, рецепция, границы Церкви, соборы) были им совсем обойдены⁷⁹, но все-таки настолько детальной разработки, как строй местной церкви, они не получили. Евхаристическая экклезиология Афанасьева *не представляет собой законченной системы*. Это пионерская попытка разработать основные понятия экклезиологии под углом зрения евхаристии. Для того чтобы сделать это, Афанасьеву необходимо было начать с местной церкви и ее служений, при том что, благодаря своей исторической подготовке, — и это любопытно — он хорошо разбирался в таких вселенских институтах и феноменах Церкви, как соборы и каноны⁸⁰. В зрелый период своего творчества Афанасьев берет за ключевые темы, необходимые ему для разработки его экклезиологии, и с упорством пишет о них, возвращаясь порою к тем же проблемам, в то время как ко многим темам богословия вселенской Церкви у него как бы не было интереса. Тема вселенской Церкви словно меркнет в свете постоянной работы его мысли, сосредоточенной на церкви местной. Именно это Шмеман называл «однодумством» Афанасьева⁸¹.

Ввиду своей незаконченности экклезиология Афанасьева допускает и даже предполагает дополнения. В чем его действительно можно упрекнуть и что можно считать его локализмом, так это в *отсутствии в его экклезиологии ясного представления о месте и роли «надместных» институтов*. Разработанного богословия региональных и вселенских, в территориальном смысле последнего слова, институтов у зрелого Афанасьева нет. Здесь-то и есть возможность дополнения к евхаристической экклезиологии Афанасьева, как это почувствовали и Шмеман, и Зизиюлас⁸². Но Зизиюлас упрекает Афанасьева в локализме не за неразработанность богословия надместных институтов, а за то, что он якобы отдает первенство — каким образом? — местной церкви перед вселенской.

Первенство местного или вселенского, их первичность или вторичность — чуждые и навязанные богословию Афанасьева термины. Нельзя говорить о евхаристической экклезиологии Афанасьева как о законченном здании, где соотношение между местным и вселенским твердо установлено и местному отдано первенство.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Meyendorff J.* Foreword // Zizioulas John D. *Being as Communion: Studies in Personhood and the Church*. Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 1997. P. 12 (книга вышла в 1985 г.; издание 1997 г. которым я пользовался, представляет собой, по-видимому, лишь новый тираж издания 1985 г., перепечатанный без изменений).

² См.: *Мейендорф И., прот.* Иерархия и народ в Православной Церкви: По поводу книги прот. Н. Афанасьева «Служение мирян в Церкви» // Вестник РСХД. 1955. № 39. С. 36–41; *Александров В.* Николай Афанасьев и его евхаристическая экклезиология. М.: СФИ, 2018. С. 195–196; *Wooden Anastacia.* The Limits of the Church: Ecclesiological Project of Nicholas Afanasiev. PhD Dissertation. Washington, DC: Catholic University of America, 2018. P. 366–369 (chapter 3, section a — работа еще не опубликована, разбивка на страницы в файле может отличаться в зависимости от компьютера).

³ *Ware T.* (*Bishop Kallistos of Diokleia*). The Orthodox Church. Penguin Books, 1997. P. 338.

⁴ *Erickson J.* The Challenge of Our Past: Studies in Orthodox Canon Law and Church History. Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 1991. P. 91.

⁵ *Bobrinskoy B.* Le mystère de l'Église: Cours de théologie dogmatique. Paris: Cerf, 2003. P. 123.

⁶ *Plekon M.* «Always Everywhere and Always Together»: The Eucharistic Ecclesiology of Nicholas Afanasiev's *The Lord's Supper* Revisited // St. Vladimir's Theological Quarterly. 1997. № 41.1–2. P. 143, 147.

⁷ *Александров В.* Заметки о критике «евхаристической экклезиологии» Николая Афанасьева // Вестник РХД. 2007. № 192. С. 41–59. Французский перевод Даниила Струве с русского текста: *Alexandrov V.* Remarques sur la critique de «l'ecclésiologie eucharistique» du p. Nicholas Afanassieff // La messager orthodoxe. 2009. № 149. P. 18–34. Английская, чуть более разработанная и исправленная версия: *Alexandrov V.* Nicholas Afanasiev's Ecclesiology and Some of its Orthodox Critics // Sobornost. 2009. № 31.2. P. 45–68. Другие работы: *Wooden.* P. 340–344 (chapter 3, section a) и 479–487 (Appendix II); *D'Aloisio Christophe.* Institutions ecclésiales et

ministères chez Nicolas Afanassieff. Louvain: Presses universitaires de Louvain, 2020. P. 314–333.

⁸ Zizioulas J. L'apport de la théologie orthodoxe occidentale // Service orthodoxe de press 326 (mars 2008), 26. Режим доступа: [https://fraternite-orthodoxe.eu/bis/SOP/collection%20mensuelle/SOP-2008%20\(324-333\).pdf](https://fraternite-orthodoxe.eu/bis/SOP/collection%20mensuelle/SOP-2008%20(324-333).pdf) (дата обращения: 08.08.2021).

⁹ Александров В. Заметки о критике. С. 41–59.

¹⁰ Zizioulas J. D. Eucharist, Bishop, Church: The Unity of the Church in the Divine Eucharist and the Bishop During the First Three Centuries / Translated by Elizabeth Theokritoff. Brookline, Massachusetts: Holy Cross Orthodox Press, 2001. P. 36 (n. 47). Греч. оригинал вышел в 1965 г.

¹¹ Разбор мнений некоторых критиков: Wooden. Op. cit. P. 335–339, 340–366; D'Aloisio. Op. cit. P. 334–342.

¹² Такая точка зрения была приписана даже мне: Rimestad Sebastian. Orthodox Christian Identity in Western Europe. Abington: Routledge, 2021. P. 124. Но это полное недоразумение.

¹³ Ср.: Александров В. Николай Афанасьев. С. 72, 203–204.

¹⁴ См. примеч. 10.

¹⁵ См. примеч. 1.

¹⁶ Zizioulas J. D., *Metropolitan of Pergamon*. The One and the Many. Studies on God, Man, the Church and the World Today / Ed. Fr. Gregory Edwards. Alhambra, CA: Sebastian Press, 2010.

¹⁷ Zizioulas. Eucharist, Bishop, Church. P. 17; Zizioulas. Being as Communion. P. 23.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Zizioulas. Eucharist, Bishop, Church. P. 36 (n. 47).

²⁰ Ср.: Wooden. Op. cit. P. 340.

²¹ Об этой идее у Зизиуласа см.: McPartlan P. The Eucharist Makes the Church: Henri de Lubac and John Zizioulas in Dialogue. Edinburgh: T&T Clark. P. 166–186.

²² См.: Zizioulas. Being as Communion. P. 261 (список первых публикаций работ, вошедших в книгу).

²³ Шмеман А., прот., Флоровский Г., прот. Письма 1947–1955 годов / Ред., сост. и предисл. Павла Гаврилюка. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. С. 262.

²⁴ Памяти отца Николая Афанасьева // Шмеман А., прот. Собрание статей. 1947–1983. М.: Русский путь, 2009. С. 838–839.

²⁵ Там же. С. 839.

²⁶ Zizioulas. Eucharist, Bishop, Church. P. 17–18. См. более развернутую критику этого пассажа Зизиуласа в: Alexandrov V. Nicholas Afanasiyev's Ecclesiology. P. 50–51.

²⁷ Zizioulas. The One and the Many. P. 66, 311 (статьи 1982 и 1985 гг. соответственно). Первая из процитированных статей (*The*

Ecclesiological Presuppositions of the Holy Eucharist) включена также в сборник: *Zizioulas John D. The Eucharistic Communion and the World* / Ed. Luke ben Tallon. London: T&T Clark, 2011. Указ. место на с. 104.

²⁸ *Zizioulas. Being as Communion*. P. 23.

²⁹ Шмеман А., *прот.* Собрание статей. С. 838.

³⁰ *Zizioulas. Being as Communion*. P. 23–24.

³¹ Шмеман. Собрание статей. С. 840.

³² *Kavanaugh A. On Liturgical Theology*. NY: Pueblo, 1984. P. 73–121.

³³ *Schultze B. Ekklesiologischer Dialog mit Erzpriester Nikolaj Afanas'ev* // *Orientalia Christiana Periodica*. 1967. № 33. P. 388. Ср. также мои рассуждения по поводу различий между Афанасьевым и Булгаковым: Александров. Николай Афанасьев. С. 32.

³⁴ *Афанасьев Н., прот.* Церковь Божия во Христе. М.: ПСТГУ, 2015. С. 648.

³⁵ *Zizioulas. Eucharist, Bishop, Church*. P. 259.

³⁶ *Sohm R. Kirchenrecht*. Leipzig: Duncker und Humblot, 1898. S. 22–28. Рус. пер.: *Зом Р.* Церковный строй в первые века христианства. СПб: Абышко, 2005. С. 38–45.

³⁷ *Zizioulas. Eucharist, Bishop, Church*. P. 258–259.

³⁸ См.: *Zizioulas. Being as Communion*. P. 24 (предисловие, написанное в 1981 г.); *Zizioulas. The One and the Many*. P. 66, 311 (статьи 1982 и 1985 гг. соответственно).

³⁹ *Ibid.* P. 280 (статья 2004 г.).

⁴⁰ *Zizioulas. Being as Communion*. P. 24.

⁴¹ *Афанасьев.* Церковь Божия во Христе. С. 648.

⁴² *Zizioulas. The One and the Many*. P. 311 (статья 1985 г.).

⁴³ *Ibid.*

⁴⁴ *Зизиулас Иоанн, митрополит Пергамский.* Церковь и евхаристия: Сборник статей по православной экклезиологии. Богородице-Сергиева пустынь, 2009. С. 34–40 (работа 1997 г.); *Zizioulas John D. Lectures in Christian Dogmatics*. London: T&T Clark, 2008. P. 123 f (см. особенно на с. 123–124 сочувственную ссылку на Максима Исповедника, который, согласно Зизиуласу, утверждает, что евхаристия выражает идентичность Церкви лучше всего).

⁴⁵ *Зизиулас.* Церковь и евхаристия. С. 45. Греч. оригинал статьи: Θεία Εὐχαριστία καὶ Ἐκκλησία // *Αλοστολική Διακονία. Τὸ Μυστήριον τῆς Θείας Εὐχαριστίας*. Αθήναι, 2004. Σ. 25–47.

⁴⁶ *Zizioulas. Being as Communion*. P. 24.

⁴⁷ *Ibid.* P. 24.

⁴⁸ *Zizioulas. Eucharist, Bishop, Church*. P. 259. Он имел в виду статью: *Schemmann Alexander. Towards a Theology of Councils* // *St. Vladimir's Theological Quarterly*. 1962. № 6. P. 174–184. Рус. пер.: По поводу богословия соборов // Шмеман. Собрание статей. С. 413–426.

⁴⁹ *Зизиюлас*. Церковь и евхаристия. С. 68–69, 145, 148 (тексты, в которых эти ссылки находятся, были написаны соответственно в 2001 и 1987 гг.).

⁵⁰ Полнее и точнее всего в: *Alexandrov Victor*. Local Church in Eucharistic Ecclesiology // St. Vladimir's Theological Quarterly. 2019. № 63.4. Р. 384–389. Кроме того, см.: *Александров*. Николай Афанасьев. С. 82–86.

⁵¹ *Афанасьев Н., прот.* Трапеза Господня. Париж: Религиозно-педагогический кабинет при Православном богословском институте, 1952. С. 63–64.

⁵² *D'Aloisio*. Op. cit. P. 324.

⁵³ *Zizioulas*. The One and the Many. P. 311–313.

⁵⁴ *Ibid*. P. 313.

⁵⁵ См. подробнее: *Alexandrov*. Local Church. P. 389–390.

⁵⁶ См. работы, указанные выше в примеч. 49, а также: *Zizioulas John*. Eucharistic Ecclesiology in the Orthodox Tradition // L'ecclésiologie eucharistique / ed. J.-M. Cangh, van. Bruxelles: Académie internationale des sciences religieuses, 2009. P. 189 (статья 2009 г.). Цит. по: *D'Aloisio*. Op. cit. P. 321.

⁵⁷ *Шмеман А., прот.* Евхаристия. Таинство Царства. М.: Паломник, 1992. С. 114.

⁵⁸ *Zizioulas*. The One and the Many. P. 103, 112; *Zizioulas*. The Eucharistic Communion and the World. P. 39, 85, 93.

⁵⁹ *Zizioulas*. Being as Communion. P. 24.

⁶⁰ См.: *Ibid*. P. 251 (note 61).

⁶¹ Ср. замечание отца Эндрю Лаута о полной невозможности в свете современных знаний удержать тезис ранней книги Зизиюласа о моноепiscopate как изначальном явлении в Древней церкви: *Louth A*. Review of John Zizioulas. Eucharist, Bishop, Church. Brookline, MA: Holy Cross, 2001 // Ecumenical Review. 2004. Vol. 56.1. P. 147.

⁶² *Zizioulas*. Being as Communion. P. 250–251.

⁶³ *Шмеман*. Собрание статей. С. 421–425; *Alexandrov*. Local Church. P. 391–392.

⁶⁴ *Zizioulas*. Being as Communion. P. 24–25 (это введение к книге, написанное в 1981 г.).

⁶⁵ *Ibid*. P. 132–133.

⁶⁶ Глава представляет статью, опубликованную впервые по-французски в 1969 г., то есть весьма раннюю работу Зизиюласа.

⁶⁷ *Zizioulas*. Being as Communion. P. 132–133.

⁶⁸ Прежде Зизиюлас не адресовал упрек в экклезиологическом локализме Мейендорфу, скончавшемуся в 1992 г.

⁶⁹ *Zizioulas*. The One and the Many. P. 266.

⁷⁰ *Ibid*. P. 314.

⁷¹ Афанасьев Н., прот. Церковь Духа Святого. Рига: Балто-славянское общество культурного развития и сотрудничества, 1994. С. 4–5.

⁷² Евхаристия — основная связь между православными и католиками // Афанасьев. Церковь Божия во Христе. С. 683–685.

⁷³ Kallistos Ware. Sobornost and Eucharistic Ecclesiology. P. 229. Здесь я совершенно согласен с отцом Кристофом Д'Алуазио. См.: D'Aloisio Ch. Op. cit. P. 304, 317.

⁷⁴ Zizioulas. Being as Communion. P. 252–253, 258–259; Métropolitaine Jean (Zizioulas) de Pergame. L'Église et ses institutions. Paris: Cerf, 2011. P. 190.

⁷⁵ Афанасьев. Церковь Духа Святого. С. 281. Подобные формулировки встречаются у Афанасьева не раз. См., например: Афанасьев. Трапеза господня. С. 27–28.

⁷⁶ Ср.: Wooden. Op. cit. P. 343, 479–487; D'Aloisio. Op. cit. P. 324.

⁷⁷ Шмеман Александр, прот. О понятии первенства в православной экклесиологии // Шмеман А., прот. Собрание статей. С. 399–400.

⁷⁸ Zizioulas. Being as Communion. P. 157–158.

⁷⁹ См.: Александров. Николай Афанасьев. С. 175–189.

⁸⁰ Там же. С. 53–55.

⁸¹ Памяти отца Николая Афанасьева // Шмеман А., прот. Собрание статей. С. 838–839.

⁸² Ср.: Фельми К.Х. Введение в современное православное богословие. М.: СФИ, 2014. С. 231–232.

Окончание в следующем номере

О праве, обязанности и запрете лжи:
размышления над «Философской
автобиографией» Барбары Кассен

Барбара Кассен. Счастье! Зуб его, сладкий для смерти: Философская автобиография. Париж: Файяр, 2020.

«Счастье! Зуб его, сладкий для смерти» – это название книги: оно похоже на самого автора, одновременно резкое и нежное, вышедшее из почти несуществующего языка, созданного в воображении, из «говoreния языками», как тот дар, который сошел на апостолов в день, называемый Пятидесятницей. «Говoreние» в данном случае является цитатой и взято у Артюра Рембо, «Одно лето в аду», «Бред II». Сам Рембо называет это «историей одного из моих безумств», «баснословной оперой», в которой он увидел, что «все существа подчинены фатальности счастья». Ужас ведет путешественника к воображаемой Киммерии, родине мрака; для того чтобы развеялись чары, нависшие над его мозгами, и он смог послушаться Счастья, которое было его «утрыезиением совести, роком, червем», ему, как когда-то святому Петру, необходимо услышать пение петуха. «Ad matutinum» и «Christus venit» («Ранним утром» и «пришел Христос», *лат.*), – провозглашает декламатор в эпизоде «Бред II» из музыкального произведения «Одно лето в аду» композитора Жильбера Ами*, прорываясь через поток искаженных голосов и диссонансов, исходящих от электроакустической гитары. Барбара Кассен, увлекаемая, как и Ами, рембовским Адом, приглашает нас в рассказ со множеством развилок – развилка Логоса, от хитроумного Улисса до Рембо с его «зубом», «сладким для смерти».

«Говoreние – вот единственное действие, которое в нашем распоряжении», – утверждает Барбара Кассен в своей «Философской автобиографии», у которой, насколько мне из-

* Ами Ж. Одно лето в аду, по Артюру Рембо. С сопрано, фортепиано, ударными и электроакустической гитарой, с человеческими голосами, перемежающимися звуками синтезатора. 1980. CD Érato.

вестно, нет аналогов во всей биографической литературе. Исповедь? Отнюдь нет, хотя в некотором контексте можно было бы говорить и об этом жанре. «Я плохая», — выскальзывает у Барбары (Варвара; ее имя — это «дикая» для греков). Или же взять ее размышления о том, что такое живопись, поскольку оба ее родителя — художники, и она тоже. И потому что ее коллега и собрат по мысли, Ален Бадью, ей говорит: «Ты философствуешь так же, как ты пишешь картины». То есть крупными, грубыми мазками, без тонких штрихов схоластики или упрямой систематизации, будь то даже антисхоластическая систематизация Иммануила Канта. В общем, это философия, «написанная» в манере Ван Гога. Барбара продолжает в какой-то мере «Трактат о не-сущем» греческого философа, одного из главных софистов, написавшего «Похвалу Елене» и спорившего с Сократом в платоновском диалоге, названном его именем («Горгий»). Барбара Кассен перевела этот диалог и защитила по нему свою первую диссертацию. Итак, Елена, из-за которой все произошло — Троянская война, последовавшее затем написание «Илиады» и «Одиссеи», основание Рима, описанное в «Энеиде», массовое перемещение цивилизации из Малой Азии в Италию, рождение Империи (Святой Римской, не ее ли до сего дня атакует «Третий Рим» Владимира Путина?), — итак, по Горгию, Елена невиновна, ибо она всего лишь повиновалась Логосу. Да, она приносит с собой «отзвук имени, которое несет в себе память несчастий», но она тут ни при чем... В первый вечер в Афинах Горгий произносит обвинительную речь против Елены, которую греки поддерживают единогласно. На следующий день он произносит «Похвалу Елене»: самая виноватая из женщин — невиновна, ибо главный Виновник — Логос, воплощенный в Парисе, ее соблазнителе. Соблазнить можно только словом, обманчивым словом... но не обманчиво ли слово по самой своей природе? Барбара, еще студенткой, переводит «Трактат о не-сущем» и представляет свое прочтение, чтобы показать, что «онтология дырява, как котел Фрейда»*.

* Фрейд в книге «Остроумие» рассказывает анекдот о котле. Его владелец жалуется на соседа, из-за которого котел стал дырявым. Сосед оправдывается с помощью трех аргументов: 1) он никогда не одалживал котел, 2) он вернул его невредимым, 3) котел уже был дырявым, когда он его одолжил. Но дырявый котел нужен для того,

Улисс, чтобы обмануть Полифема, прибегает к хитрости и изобретает имя с двойным смыслом, Никто. Эта хитрость является, безусловно, обманом, но она помогает спасти товарищей. При этом, чтобы «пощекотать самолюбие» Полифема, как говорит Барбара, Улисс, перед тем как покинуть циклопа, которого он ослепил, открывает ему свое настоящее имя, чем вызывает гнев Посейдона, что и становится главным двигателем «Одиссеи». То есть двойной обман Улисса оказывается двигателем истории.

«Язык — это не более, чем интеграл экивоков, которые сумели закрепиться в его истории». Эта идея Лакана как нельзя лучше подходит Барбаре. Ибо двойственность, хитрости и уловки, а особенно *отклонения от нормы* (в языке, в поведении...) и делают автора, живого человека, говорунном, кто говорит иначе, чем громкоговоритель в аэропорту, выдающий порции информации на некотором «глобиш». Барбара Кассен — эллинист, но она заработала это звание, как говорится, своими руками, не сдавая специального экзамена и не защищая диссертаций. Она подружилась с Жаном Боллаком, восхищаясь сложностью правил греческого языка, «красивого, как космос», по ее собственному определению, но космос обитаемый, то есть наполненный жизнью со всеми ее противоречиями. Греческий язык философствует сам в себе, как язык и как конфигурация языка. Как нам известно, Хайдеггер видел в немецком языке ту же «креативность», как и в греческом. Осип Мандельштам видел ее и в русском, но об этом известно немного меньше. (Что касается французского, то в нем была та недолгая пора, когда ученики Жана Дора — Ронсар, Понтюс де Тиар или Реми Белло — надеялись на возрождение греческого во франкоязычной поэзии.)

В монастыре Тор, неподалеку от Иль-сюр-ла-Сорг и «венецианского» хутора Ле Бюскла, где у Рене Шара была своя столица, молодая и энергичная студентка Барбара жила и общалась с Мартином Хайдеггером, которого пригласил парижский философ Франсуа Федье и которого поэт Шар именовал своим соратником — равным себе в некотором *думвиране* поэзии и философии. Шар стал гарантом того, что «нацизм Хайдеггера — это вопрос, а не запрещение». Барба-

чтобы защитить логику несоответствия, противоположную принципу не-противоречия, или Единого.

ра прожила у Шара два месяца. Это было мимолетное увлечение. Нравы Барбары — это составляющая часть ее книги: это не либертинаж а-ля Шодерло, не исповедь а-ля Руссо и не похвала измене в стиле Горгия. Мимолетные упоминания ее мужчин (она не любит слово «бойфренд/подружка» и еще меньше — «супруг/супруга») представляются скорее вариацией облачного неба Бодлера на фоне голубой лазури Малларме. Или же неизбежной победой Софиста над Философом. «Я не люблю Единое», — говорит Барбара, и мы понимаем, что это утверждение одинаково относится как к ее любовным историям, так и к ее идеям и, в конечном итоге, вообще к поведению человека перед лицом смерти.

Ибо Единое едва ли окажется единым. Иначе говоря, оно всегда чье-то Единое, или Единое, принадлежащее кому-то. Мужское Универсальное, или христианское, или Универсальное белокожих не подходит Барбаре. Универсальное еврейское — подходит еще меньше, если можно так сказать, хотя она и является еврейкой, будучи племянницей Рене Кассена, автора знаменитой «Декларации прав человека». Благодаря этому, кстати, ей удалось приобрести небольшой домик близ моря на мысе Корсика в то время, когда некорсиканец не мог покупать землю на острове, когда там разгорелись страсти за независимость (это и до сих пор не легко). Но в данном случае продавцу из Бастии пришел на помощь Рене Кассен. И маленькая райская хижина досталась Барбаре и ее мужу Этьену, который там и похоронен теперь. Роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго» часто упрекают в том, что слишком большая роль в нем отведена случаю. А по мне, так автобиография Барбары лишний раз доказывает, насколько именно случай оказывается решающим во многих ситуациях.

Джордж Штайнер в своей книге «После Вавилона» уже проводил эту мысль: все является лишь псевдо, отражением отражения, обманом обманутого обмана. Кстати, у Пьера Корнеля в его очень забавной и все еще актуальной комедии, написанной аж в 1643 году, под названием «Лжец», высвечивается та же мысль; а в «Продолжении Лжеца» главный герой Дорант, заключенный в тюрьму в Лионе и окончательно запутавшийся в своей лжи, опять-таки спасается благодаря некоторым случайностям. Клитон — его Санчо-Панса — осведомляется после очередной фантазмагорической тирады:

- Вы знаете древнееврейский?
- Как родной. Я десять языков освоил.
- Боже мой! Знать десять языков! Как тут не возгордиться!

Освоить десять языков, десять, или двадцать, или 600, как заявляют некоторые лингвисты-краснобаи, — это значит стать учителем-софистом, а Барбара любит софизмы больше всего на свете. Первая ложь в ее книге, которая раскалывается на глазах у читателя, как спелый гранат, это ответ ее трехлетнего малыша на ее восклицание: «Ты покакал в штанишки! Как плохо пахнет!» — «Это неправда!» — смеется он победным смехом, несмотря на очевидность. Хорошая ложь забавляет, радует и по-настоящему никого не обманывает, потому что присоединяется к общему потоку лжи; она помогает выживать. Ирония, это искусство встать на место другого, на самом деле не что иное, как обман: и в «Горгии», как и во многих других диалогах Платона, Сократ использует искусство майевтики для того, чтобы создать что-то вроде ироничной баталии, отлично зная, что он вовлекает другого в обман или в противоречие со своими стереотипами. Но Сократ задается вопросом, насколько автор этой баталии ответственен за то, как его ученик будет дальше использовать искусство ироничной битвы. Русский режиссер Васильев сделал постановку диалогов Платона, опираясь на принцип ироничной битвы Сократа: каждый диалог в ней заканчивается сценой бокса, ибо ирония Сократа выводит из себя его собеседников. Размышления об этом прекрасном спектакле Васильева* заставляют задуматься о сегодняшней реальности, которая кишит очевидными обманами, бросающимися в глаза: какой же битвой завершится наша ситуация, в которой главы государств используют «дырявый котел»?

* * *

Да, в этой книге речь идет прежде всего об обмане. Есть хороший и плохой обман. Является ли обман аморальным, или же, как утверждает Барбара, это всего лишь «боевое искусство»? Действительно, каждый обманывает. Но далеко не всегда этот обман так же забавен, как наивная ложь маленького

* Сам я его смотрел неподалеку от Авиньона и публично обсуждал с Васильевым.

Виктора. В семье Барбары это было более, чем искусство борьбы, более, чем цирковой талант, более, чем споры в стиле Сократа, — это было семейным даром, семейным гением, ключом к жизни. Но если обман аморален, с какой стороны можно подступиться к обвинению? Например, обман ради спасения другого. Во впечатляющем фильме Квентина Тарантино «Бесславные Ублюдки» (Inglorious Bastards, 2009), в котором апогей ужаса доходит до забавного, мы наблюдаем обман в применении к живой реальности. Бретонский фермер, который прячет у себя еврейскую семью (в самом начале фильма), лжет по необходимости. Весьма любезный эсэсовец пришел к нему, чтобы отловить спрятанную семью. Он ставит фермера перед лицом его собственных противоречий, почти как Сократ, — но такой Сократ, который в конце концов уничтожает все семейство, скрывавшееся в подвале. Погибают все, кроме молодой девушки, которой удается убежать и которая организует во второй половине фильма апокалиптическую месть.

«Чтобы я вышла замуж за еврея?! Никогда в жизни!» — так лжет мать Барбары эсэсовцам, пришедшим проверить лживую информацию относительно ее мужа. Только такая мгновенная и великолепная ложь могла быть спасением в этот момент. «Ложь, в которой для победы используют силу противника», как в дзюдо, в точности, как Горгий использует Парменида...

«Это мешает Канту», — упоминает вскользь Барбара, объясняя этот силовой прием дзюдо. И действительно, это более чем мешает, это явно противоречит ему, поскольку в тексте 1797 года «О мнимом праве лгать из человеколюбия» Кант приходит к выводу, что ложь, даже если она представляется полезной в некоторых обстоятельствах, всегда вредна для человечества в целом. Если мы вредим другому человеку, говоря правду («Да, он спрятан у меня в подвале»), то это «случайность», это не «свободный выбор», в то время как истинность является абсолютным долгом человека. Кант верил в Истину с большой буквы и не имел понятия о «правде-обмане-дзюдо». Получается, Кант ошибался по всем позициям...

Из всех жизненных происшествий, о которых рассказывает нам Барбара Кассен, два имеют отношение к природе суждения. Ей кажется абсолютно необходимым воспитывать в себе способность к суждению, что довольно неожиданно

для софиста! Первый случай связан с комиссией «Правда и Примирение», созданной по инициативе Нельсона Манделы под руководством епископа Дезмонда Туту в Южной Африке. Барбару приглашают преподавать в университете в Кейптауне и участвовать в заседаниях комиссии. И то, что она об этом рассказывает, абсолютно потрясающе: от тех, кто совершил грубейшие нарушения прав человека, требуют не покаяния, а того, чтобы они рассказали все, до последней капли. Получается «совершенно аморальное уравнение» — «амнистия» за «рассказ обо всем». Барбара Кассен, имевшая уже неординарный опыт работы с детьми с психотическими расстройствами, снова констатирует огромную власть слова и «сторителлинга». Ключевое слово здесь *Ubuntu*, из языка зулу, которое Барбара Кассен переводит как «Мы есть, значит, я есмь». Другой случай связан с опытом участия в суде присяжных. Нельзя сказать, чтобы этот опыт стал таким же поворотным моментом, как для Нехлюдова в романе Толстого «Воскресение». Князь узнает молодую служанку своей тети, которую он соблазнил, в женщине из борделя, судимой за убийство клиента. Он является присяжным и должен ее судить... Этот опыт переворачивает все его сознание, и он радикально меняет свою жизнь, отправляясь за Катюшей в Сибирь. Он воскресает. В нашем случае профессиональная судья assiste присяжным, из которых все — женщины, и к тому же белокожие, в то время как обвиняемыми в изнасиловании двух австрийских девушек оказываются два африканца. Присяжная Барбара видит обман в употреблении слова «скручивать веревками» в речи комиссара, выступающего свидетелем. «Она мне сказала: “он меня скрутил веревками”», — свидетельствует он. При этом австрийские девушки едва говорят по-французски. И кто, кроме комиссара, будет еще употреблять такой профессиональный термин, как «скручивать»? Расизм и неправильно ориентированный феминизм отправляют в тюрьму двух невинных молодых людей.

В этом месте своей биографии Барбара восстает против наказания как такового — она видит в нем страдание, которое добавляется к страданию от причинения боли другому человеку. От себя добавлю, что немалое количество досье у иммигрантов, просящих политического убежища во Франции, страдает из-за языковых проблем. В течение нескольких лет

многие из них слышат только одно слово из французского — «апелляция», толком не понимая его значения, ибо их первая подача документов всегда заканчивается отказом, и все ставки делаются на «апелляцию», что не перестает им твердить их адвокат, назначенный государством. Слово — спасательный круг, волшебное слово, за которым копятся месяцы, а часто даже и годы ожидания.

Итак, Барбара основала *Дома Мудрости и Перевода*. Ибо если единственное Универсальное нашего мира, раздираемого миграционными проблемами, — это взаимное непонимание и языки, на которых едва говорят, которые остаются непонятыми и теряются за догадками, то надо помочь этому, переводя слова, позиции, мировоззрение. Михаил Шишкин в своем прекрасном романе «Венерин волос»^{*} строит завязку сюжета из «диалога глухих» — между мигрантом, прибывшим нелегально в Швейцарию, и допрашивающим его полицейским из Цюриха. Из этой завязки разворачивается роман-мозаика, в котором бесконечный диалог вопрос-ответ между полицейским и человеком, запрашивающим политическое убежище, вырастает в кошмар, готовый ворваться в сны как переводчика, так и читателя. «Ты пытаешься заснуть, а в твоей голове все снова и снова звучит вопрос-ответ, вопрос-ответ». Мир, в котором каждый человек — «Никто».

Итальянцы говорят: *traduttore, traditore*^{**}. Можно было бы также сказать *traduttore-salvatore*^{***}. Ибо в конечном итоге «плохо переводить» в тысячу раз лучше, чем «отказ переводить», и древние греки, которые передали нам мысль об Идеях и мысль об Универсальном, а также весь наш политический и эстетический словарный запас, — отвергая вне-греческий мир, мир тех, кого они называли варварами, — направили нас не в ту сторону! К счастью, есть Горгий, говорит нам Барбара Кассен. И монументальный «Европейский словарь философий. Энциклопедия непереводимостей» (Париж, 2004), задуманный, запущенный и реализованный с помощью сотни сотрудников Барбарой Кассен, является, по ее собственному утверждению, словарем софиста. Каждый язык бросает свою рыболовную сеть на мир, на человеческое желание. Надо знать два языка,

^{*} Шишкин М. Венерин волос / пер. с рус. яз. Париж, 2007.

^{**} Переводить, передавать (*ит.*). — *Примеч. пер.*

^{***} Переводить-спасать (*ит.*). — *Примеч. пер.*

чтобы понять, что у тебя есть один. Надо также узнать две культуры, чтобы понять, что обладаешь одной. На десятую годовщину «Словаря» Барбара пригласила нескольких руководителей других изданий на других языках. Пели, декламировали... И гвоздем программы стало трехголосое пение отрывков из Парменида в переводе на корсиканский в исполнении трех мужских голосов. Это был незабываемый момент. На грандиозную церемонию вручения золотой медали CNRS, происходившую в Большом зале Сорбонны, под фреской «Священного леса» Пюви де Шаванна, Барбара пригласила переводчиков «Непереводимостей» и попросила выступить тех, кто добавил новые понятия, не включенные до этого в огромный тезаурус. И в тот раз гвоздем программы стало выступление философа из Сенегала, выпускника Высшей нормальной школы в Париже и преподавателя Колумбийского университета Сулеймана Башира Дьянь, зачитавшего нам новую статью «Словаря непереводимостей» на языке волоф, который, наравне с французским, является его родным языком. На языке волоф существует два слова, чтобы сказать «переводить». Одно из них — *tekki*, антоним которого — «связывать». То есть *tekki* означает что-то вроде «развязывать». Другое слово — *sotti* — означает «переводить» и ничего более. Можно переводить, не развязывая, и развязывать, не переводя...

Сам факт, что волоф или гамбийский сабир, на котором говорила мать Сулеймана, оказываются почвой для французского, английского или других языков, на которых говорит профессор Башир Дьянь, может только очаровать Барбару Кассен. Она с видимым удовольствием рассказывает о той эпохе, когда король Франции собирал одни Генеральные Штаты в Париже, на языке ойль, а в Тулузе — другие, на языке ок. Я добавлю, что и сам мог бы иметь подобное раздвоение, если бы мой отец не запретил мне разговаривать на овернском, который звучал на рынке деревни, где я провел свое детство во время войны. Он был профессором французского, латинского и греческого и повиновался указу Франциска I, изданному в Виллер-Котре в 1539 году. Этот указ обязывал всех говорить на «родном французском языке». Я компенсировал эту лауну во взрослом возрасте, выучив английский и русский, а потом польский и украинский. Но мне всегда не хватает этой «колеблющейся двойственности мира», про-

исходящей от множества родных языков, — лучшего подарка в жизни, по словам Барбары.

Приближаясь к концу повествования, Барбара, возможно, раскрывает нам секрет этой «многоязыкости»: присутствие смерти. В одной сцене из детства она представляет себя взгромоздившейся на шкаф, с болтающимися ногами, — ей восемь лет, и она слушает разговоры взрослых. Вдруг ей приходит в голову следующая мысль: «Можно подумать, что они не знают — или забывают, что они умрут». В «Войне и мире» Толстого есть похожая сцена. Генерал Кутузов, немного сонный, возглавляет последний военный совет перед тем, как оставить Москву Наполеону. Малаша, дочь крестьянина, в избе которого проходит совет, сидит на печке и прислушивается к взрослым, особенно к «дедушке» Кутузову. «Дедушка» затыкает рты генералам, и Малаша на его стороне. В какой-то мере Барбара тоже затыкает рты взрослым, потому что она знает, что если все это прекрасно, то это потому, что мы умрем. Потому что мы всегда в пространстве «между» — «между закатом и ночью», между смертью и жизнью, и что надо всегда хитрить и изловчиться, как Улисс, чтобы пройти, проскользнуть. Плохо переведенный стих из «Антигоны» Софокла помогает ей наглядно показать, как люди из всех сил стараются замаскировать это междупространство, из-за которого все находится на грани падения. Там, где Леконт де Лиль переводит: «Находчивый во всем, у него всегда хватает дальнозоркости, чтобы предвидеть будущее», — Барбара переводит: «Проходя повсюду, когда нет прохода, через ничего, он идет к тому, что наступает». Переход от светлого и очевидного к мрачному, насильственному и тайному. Надо всегда стараться «подготовить проход» там, где его нет.

Мы приближаемся к смерти так, как маленькая Барбара, взгромоздившаяся на шкаф, или Малаша, восседавшая на печке. *Счастье! Зуб его, сладкий для смерти* — это поэма а-ля Рембо, но она заканчивается реальной смертью — умирает муж Барбары, Этьен. Этьен сопровождал Барбару на довольно долгом участке ее жизни. Они были счастливы и свободны друг с другом, с ним Барбара узнала, что значит «хороший человек». Этьен был из ультракатолической семьи, для которой Барбара была вызовом, скандалом. Она стала для него возможностью открыть другие горизонты, а он для

нее — необходимостью суметь остановиться. Долгая болезнь Этьена, который был госпитализирован дома, за которым она ухаживала и кого она буквально пеленала, читается как финальная сцена греческой трагедии, сцена счастья, яркого, насильственного и парадоксального. «Мы были невероятно счастливы в тот момент, когда он умирал». Сила траура и медленное возвращение к обычной жизни представляются как бы антистрофой в античной трагедии и делают из этой странной, вулканической «философской автобиографии» уникальную книгу, не похожую ни на что, — что-то вроде «говoreния языками», «сошествия духа». Ад Рембо приводит к неразрушимой силе. «Это в прошлом. Теперь я научился приветствовать красоту», — заключает Рембо свой «Бред II».

P.S. Барбара была избрана во Французскую академию 3 мая 2018 года, в 36-е кресло, и принята 17 октября 2019 года.

Перевод с французского Анастасии Илич-Бенке

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ЭМИГРАЦИИ

*К 130-летию со дня рождения
матери Марии (Скобцовой)*

К юбилею матери Марии мы предлагаем читателю небольшую подборку ее очерков, писем и записных книжечек, которые войдут в третий том ее собрания сочинений, готовящийся к выходу в издательстве «Русский путь». Все материалы публикуются либо впервые по архивным материалам (дневники и письма), либо публиковались ранее только в эмигрантской периодике (как первые два очерка из «Русской географии Франции»).

МАТЬ МАРИЯ (СКОБЦОВА)

Русская география Франции¹

1. Кнютанж — Нильванж — Альгранж — Айанж²

Я два года колесила по Франции. Не средневековые соборы и не дворцы Ренессанса осматривала я; русская Франция — своеобразная страна как бы наложена на общеизвестную

карту Франции французской, вот что я видела и что я знаю. И по моей русской карте выходит, что многие большие города, имеющие историческое прошлое, а в настоящем — стоящие одними из первых по количеству населения и по развитию промышленности, оказываются отмеченными маленькими кружочками, как захолустные городишки. Неизвестные же французам рабочие поселки и заводские слободки отмечаются кружком — центры огромного значения. Иногда размеры этих кружков совпадают: и по русской географии Марсель — большой город: пять с половиной тысяч, да и Лион в том же роде. А вот Орлеан — Царевококшайск с русской точки зрения, да и Бордо не велик городок — поменьше Крезю или Южина какого-нибудь.

Вот об этой русской географии французского государства и будет дальнейшая повесть.

И для начала — Кнютанж — Альгранж — Айанж — Нильванж. Четыре имени, а место одно³.

Сначала расскажу о местоположении.

Далеко тянется пологая долина, окруженная шапками невысоких гор-холмов. Шапки эти лесом поросли, и вдоль долины вырос лес труб — заводские корпуса огромные. Заводы Венделя⁴, заводы анонимного Кнютанжского металлургического общества. В одном месте, как раз там, где этот металлургический завод стоит, долина разрослась широкой котловиной. Внизу лязг, стук, шорох, шуршание немолчное какое-то, по отлогам же холмов, кольцом вокруг завода, — рабочие городки, слившиеся воедино: Кнютанж — Нильванж — Альгранж — Айанж.

Заводы работают и днем и ночью. Днем только о работе их мало доходит до внешнего мира — за стеной шумы непрестанные, и только. По ночам же открывается величавое зрелище. Ни одна иллюминация на парижских международных выставках не сравнится с этой еженощной игрой огня огромного завода.

Вот неотработанный газ сжигают. Горят гигантские факелы бледно-стальным, отливающим синевой светом. Только они некоторое время и освещают ночь.

Но скоро раздастся гул и грохот. Расплавленная сталь будет литься, белым серебром озарится мутное ночное небо. Да где и серебру до этой расплавленной белизны? А над потоком

далеко ввысь кинутся огромные пчелы бело-серебряных искр. И не пчелы даже, а пригоршни раскаленного зерна, брошенного в темные недра ночного неба. Потом снизу зарево начнет багроветь, потянутся клубы кровавого пара. Вдруг четко вырисовывается на этом багровом и клубящемся фоне силуэт далекой церкви, или трубы, или легкие переплетенные кружевные заводские постройки, лебедки, краны, какие-то лестницы, уходящие в небо, канаты, скрепы, арки, — и опять темнота. Только пылают стальные факелы газа.

Это видит глаз.

А что слышит ухо? Ухо слышит торжественную и жуткую симфонию шумов и стуков. Вот будто бы пила немолчная визжит и надрывается с натуги, полосуя мягкую сталь, — у нее один ритм, прерывающийся. А рядом с этим звуком, не сливаясь с ним, — как будто долбит какое-то гигантское долото, неумолчно и однотонно. И совсем близко за стеной с высоты падает с легким шелестом вода: на градириях⁵ ее остужают и вновь спускают вниз на завод.

Послушаешь — «демоны глухонемые»⁶, выпущенные человеком на волю, подчинившие себе человека, не находят покоя, шумами перекликаются, не дают успокоиться и всей котловине. И много их на землю выпущено: говорят, все соседние холмы — будто пустые орехи, вся руда вытянута из них на поверхность. На некоторые пригорки и ходить запрещено, были случаи, что проваливались люди, — пустые своды обрушивались под ними.

Обрушатся эти горы — новые вырастут. Непрестанно с завода медленно тащится короткий, пышущий жаром поезд, у которого вместо вагонов — огромные чаны, налитые расплавленным шлаком. Уползут эти поезда далеко — а там видно: расплавленная масса огненной рекой струится по пригорку — и весь-то пригорок новый, искусственный, — застывают на нем эти расплавленные реки, быстро ширится и растет он массивом лавы — новые горы рождаются от рук человеческих.

Таково местоположение.

А теперь история. И что удивительно, не французская сегодняшняя и не немецкая вчерашняя история, а история русская. Таким образом, речь идет о русской истории Франции.

Был Кнютанж не Кнютанж, а Кнютинген. Были на нем немецкие сталелитейные заводы, снабжал он немецкую армию

снарядами, и работали в нем пленные, потому что немецкое население на фронтах было. Работали пленные русские. И старожилы многое о них запомнили, рассказали, да и рассказы свои кое-какими точными данными подтвердили. Данные все эти на военном кладбище. Кладбище большое, понятно, — среди пленных всегда смертность велика.

Посреди кладбища памятник, а на нем на трех языках — на французском, русском и польском — надписи. Одна — «Расстреливайте, а снарядов делать не буду», а другая — «Свобода или смерть». И подписи: Гусев и Михайлов.

Были такие. Русские пленные. Один из них старшим был над другими русскими рабочими. И все эти рабочие отказались немцам для русского фронта снаряды делать. Немецкие власти призвали старшего, Гусева, потребовали, чтобы он уговорил своих, — отказался. Пришлось его расстрелять — и место известно, где его расстреливали, — до последней минуты помилование предлагали, если он согласится.

На кладбище все кресты одинаковы, только в разные цвета окрашены. Черные и белые. Черные — немецкие, белые — союзнические. И показывают рядом два креста — черный и белый. Под ними два врага. Под белым — русский, который решил бежать из плена. Догнали, стали стрелять; он замертво упал. Подскочил к нему немец — убедиться, что он действительно мертв, наклонился. А были у немцев палаши короткие в ножнах. И выскочил палаш этот прямо русскому в руку. Он, видимо в предсмертной судороге, приподнялся — и наотмашь немцу в живот. Наверное, в одно общее мгновение к ним и смерть пришла, и рядом похоронили их — двух убийц и двух убитых. Разница только — один крест черный, другой белый.

И еще рассказывают из русской истории Кнютанжа. Был смотритель из немецких офицеров-инвалидов. Злой был человек, и все норовил бить пленных. Однажды одного ударил, недалеко от чана с расплавленной сталью дело было. А рядом был другой русский. Обхватил он немца в объятия и вместе с ним в серебряную сталь кинулся. У этих и крестов на кладбище нет: легким паром пронеслись они над расплавленным металлом и исчезли.

И наверное, именно оттого, что такая русская история существует, и всем памятно русское прошлое Кнютанжа —

русское настоящее не совсем таково, как в остальной Франции. Русские здесь — нация, как всякая другая нация, не отщепенцы, а свои рабочие; во многом, может быть, даже и в лучшем положении, чем другие иностранцы. А уж если положение не лучше, то отношение, во всяком случае, лучше.

Характерно в Кнютанже проходит первое ноября — день всех святых, поминовение усопших. К кладбищу двигаются три процессии — французская католическая, немецкая протестантская и русская православная. На братских могилах у русского памятника они сходятся. Священники служат по очереди, по очереди поют хоры. Возлагают венки. А потом, по обычаю, около крестов в землю вкапывают зажженные свечи, и ночью с дороги видно, как за кладбищенской оградой пылает рассеянный белый и прозрачный свет у черных и белых крестов.

Это — дань истории прошлому.

Теперь о настоящем. В начале русского переселения во Францию в Кнютанже русского населения было много — больше тысячи. Ехали главным образом из Польши, по контракту. Сейчас количество сильно поубавилось, но все же народу много.

Живут крепким бытом. Жизнь в основных чертах определяется заводом, сменами. От этих смен свободны только чиновники, служащие в бюро. Все остальные работают в три смены: от 6 до 2, от 2 до 10, от 10 до 6. Многие поэтому, попадая в разные смены, иногда не встречаются месяцами.

Там, за стенами заводов, проходит у каждого треть его жизни. Работа опасная. Бывало, что рабочий перед прокатом нечаянно отрежет слишком длинный брусок стали, и во время проката это незаметное удлинение так растянется, что летящая сталь выбьет стену и свалит с ног за стеною работавших людей.

То огненная проволока не так пойдет, как ей надлежало бы, схватит огненным кольцом рабочего. То оступится кто-нибудь и угодит ногой в расплавленную сталь. Одежда тлеет на людях, это уже как правило.

В воздухе так много стальной пыли, что однажды выставил один человек за окно своей квартиры магнит — и через два часа на этом магните стальная борода выросла, как от копоты нарастает.

Завод — он не только кормилец, он и распорядитель жизни. Заводская администрация имеет в своем числе инженеров, работавших раньше в Донецком бассейне, они к русским относятся хорошо. По их ли воле или потому, что была здесь у русских своя героическая история, но многое завод устраивает для своих русских рабочих.

В Нильванже есть русский дом, русскими же он и управляется.

Завод дал. В нем библиотека, детская воскресно-четверговая школа. Три класса человек на 50. Заведующую оплачивает тоже завод. В русском доме огромный, человек на 250–300, театральный зал, хорошая сцена. Устраивают доклады, собрания.

Русский дом, самый факт существования его, определяет возможность очень интенсивной культурной жизни. Есть театральная группа, приезжают лекторы, бывают вечеринки.

Жизнь, может быть, и захолустная, но нет в ней того предельного бездолья, которым полны почти все русские колонии. Так живут, как, наверное, в свое время жили в Тотюшах каких-нибудь, — ходят на именины, играют в винт по маленькой, газеты почитывают и обмениваются новостями.

Несколько лет тому назад в Кнютанже образовался хор «Гусляр». Ездил он на заседание Эльзас-Лотарингских хоров в Метц — и получил первый приз, даром что там конкурентов много было и хоры были огромные. Теперь многие хористы в церковном хоре поют.

Церковь тоже заводом дана, он и священника оплачивает. Раньше была далеко на отлете, а теперь новая, светлая, в центре Нильванжа. Священник из Польши вместе с рабочими приехал⁷, и можно сказать, что они на своих спинах и церковь перевезли. Таким образом, старше она многих эмигрантских церквей, и книг у нее порядочно богослужебных. Служба в церкви ежедневная. Хор только не может ежедневно петь — работать надо. Да и по воскресеньям вдруг случится, что все басы и тенора в одной утренней смене окажутся. Но в общем хор замечательный.

Как почти во всех русских колониях, исключая, пожалуй, только Ривьеру и Париж, необычайно мал процент женского населения. И это создало своеобразный уклад жизни. Одинокие холостые рабочие, почти все, в хозяйственном отношении прикреплены к какому-нибудь семейному дому.

Получается особый клан, зачастую даже в общежитии именуемый по фамилии главы семьи. Тут дело не только в обедах и ужинах, а в потребности прилепиться к чужому уюту, срастись с ним, почувствовать какое-то свое право на него и понести обязанности, с ним связанные.

Так из года в год существуют семьи, нередко многочисленные, с детьми, с шумом детским, и при них сросшиеся с ними столовники. Образование по типу солнечной системы — спутники-планеты неотделимы от центрального солнца.

Совместно и хозяйственной жизнью занимаются: у одних огород за поселком — лук, укроп, фасоль, огурцы русские. Другие же куда-то на окраину по два раза в день свиньям ведра отбросов таскают — а к Рождеству и к Пасхе колбаса мало-российская своя, свиные котлеты.

Быт, крепкий быт. Тут бы и остановиться, кажется, в описании житья-бытья кнютанжского, заводского, русского. Да нельзя остановиться. Не все сказано. Это — только внешнее. И надо понять, что, несмотря на церковь, и русский дом, и школу, и библиотеку, и выписных лекторов, и царевококшайский быт, — конечно, не все тут тихая и мирная жизнь.

Кнютанжская действительность — может быть, очень неплохой способ, но все же только способ отсидеться, переждать, перебыть. И как бы выгодно этот способ ни отличался от способа других городов, все же трудно думать, что он может удовлетворить всех, что на кнютанжском заводе не ростится тоска, что по кантинам не множится пьянство, что безнадежность не имеет здесь своих жертв.

Можно и весело об этом рассказать. Можно рассказать, что одного русского чуть было из Франции не выслали — все оттого, что у него три года карт дидантите не меняна. А не менял почему? С двадцатью франками надо для этого в мэрию пойти — мимо всех кабаков дорога. Ну и никак по этой дороге двадцати франков до мэрии не донести. Вот и оказался человек три года без всякого вида на жительство.

Но рассказывай весело и о веселом, а веселья все же не выходит.

Есть за Кнютанжем чуть что не в лесу, на отшибе, кантина одна. О ней особая повесть. Побывав в ней, поймешь, что тут русские люди не дома, — не засиделись бы, если бы можно

было. В этой кантине одно время собирались все люди выпивающие.

Кантинщик толщенный — кило на сто веса. Многие смеются, что из этих ста кило самое меньшее семьдесят — чисто русского происхождения. Да оно и верно: во времена, когда рабочие зарабатывали до тысячи, бывало такое, что в первые два-три дня после кензена всю эту тысячу у кантинщика оставляли. А потом в долг, впроголодь. Да и многое ли нужно тем, кто знает лишь завод да кантину? Кантина же — все равно что свой домашний кабак.

А вообще, уже давно установлено, что два самых страшных слова для русского человека во Франции (и уж очень часто сочетаемые два слова) — это завод и кабак.

Люди культурные, кое-кто и с университетскими значками, а поди-ж ты — наращивают жир кантинщику, исчерпаны словами «завод» да «кабак».

Спрашиваю: «Отчего вы здесь застряли? Чего пьете?»

Один хрипловато, с усмешечкой отвечает:

— Соблюдаем верность идеалам, которые давно умерли.

Уж и не сказать — шутка ли, или такой итог человек подвел, над собой ли смеется, или загордился очень. А многое в этих словах — горькая правда. Не так проста эта замирающая, обрастающая бытом жизнь. Она — только знак большой духовной крепости, но и крепость эта, конечно, — до срока.

Что же укорачивает этот срок? Безответность многих вопросов, возникших давным-давно.

Многое печальное можно было бы рассказать, если бы за всей этой печалью не ширилась уверенность, что, несмотря ни на что, люди не спят, думают, томятся, ответов ищут.

На прошлое католическое Рождество был на Кнютанже съезд, три дня длился⁸, — съезд по различным вопросам жизни, лекторы из Парижа приезжали, митрополит открывал его.

Не буду рассказывать, что говорили приезжие лекторы, это и по Парижу многие знают. А вот расскажу, как их местные люди слушали.

Сто шестьдесят человек по три раза на день на доклады в русский дом приходили. В квартирах печи не топлены, седелкой все сыты, русские псы и коты по всему поселку голодные бродят. Более того, против русского дома в бистро — пустота,

даром что праздник и никто на заводе не работает, — обычно, бывало, в такие дни бистро от народа ломится.

Отчего так? Оттого, что русские в Кнютанже духовно голодны.

Если голодны, значит — живы⁹.

2. Ницца бездомная¹⁰

Не такой уж Ницца нарядный городок, как принято думать. Была в свое время, иностранцы самого первого сорта в ней живали, много и из русской знати свои виллы имели тут. Ну а теперь не то. С каждым годом все больше и больше становится она промышленно-трудовым центром, а виллы да дворцы шире и дальше раскидываются по побережью, минуя Ниццу.

Что в Ницце хорошего? Солнце хорошо. Море хорошо, да с изъязцем. Слишком к нему город нагрудился, берега нет, международная знать по променаду бензином пыхтит. Тоска.

Русская Ницца ни на какой другой русский город не похожа, да и вообще, русская Ривьера — о ней речь должна быть особая. На нее стоит приехать всякому, кто геральдикой и родословиями увлекается. Многое там по этой части сохранилось. Когда-нибудь об этом рассказать нужно будет.

На этот же раз хочется мне рассказать о такой Ницце, о которой многие и знать не знают, и даже предположить не в силах.

Откуда она возникла? От солнца южного, которое и зимой, в январе, нет-нет да и отогреет все косточки.

Правда, в январе даже ниццское тепло не очень надежное: чуть-чуть тень — сразу будто ветром ледяным обдаст. А уж о ночах и говорить нечего, лютые ночи бывают.

Тем не менее здесь лучше бездомно время коротать, чем в других городах¹¹. И коротало его немалое количество народа. И разные способы для этого бывали.

Первый — вольный и совсем даровой. От жетэ налево под променадом¹², на берегу, — вроде таких своеобразных пещер устроено: видно, летом для купальщиков — раздеваться.

В них ветер не задувает, и быт установлен почти совсем безопасный. С восьми часов вечера и до двенадцати ночи можно уже спать, но еще костра развести нельзя, потому что поймать на этом деле могут. С двенадцати до двух — самое

тяжкое время, потому что из пещерного прикрытия выбираться надо: не безопасно — самое время полиции с обходом путешествовать. В два полиция по участкам, и ей неохота себя чересчур тревожить, а бездомный народ уже без утайки и без опаски — в пещеры. Тут и костер пора разложить — правда, не очень большой, чтобы не слишком много от него огня или дыму, а так только — ноги и руки заоченевшие обогреть.

Народ разноплеменный у костра собирается. Русских порядочно.

Ночи есть разные. Есть заведомо спокойные, есть и такие, что держи ухо востро. К счастью, заранее известно, когда остерегаться надо. Как придет днем пароход из Корсики, так уж всякий знает: ночью облава беспощадная бывает — бандитов ищут, а заодно и всякий другой бродяжный народ под руку попадает; у кого документы не в порядке (у многих ли они в порядке?), так добра не будет, жди беды.

Преимущество пещерного жития в том, что насекомых там нет, боятся, видно, холоду. Так что с какими пришел, с теми и уйдешь, новых не прибавится.

Ночлежки — это вообще дело иное, сложнее, да и платное. Правда, на них можно было трехфранковые талоны под малой церковью заранее доставать.

Ночлежек, собственно, четыре. Две — арабские, две — Камилл, итальянец держит, третья — русско-армянская. Законное им имя не ночлежка, конечно, а почетно даже — отель-дортуар¹³.

Высоко в потолке тусклая лампочка мерцает. Да беда, что и ее зажигают очень поздно, часов в девять, — зимний же день короток, с пяти темно, — вот и сиди в темноте или слоняйся по ветряным улицам, или — всего, конечно, лучше — с компанией подходящей, около бутылочки.

Дортуары — это потому что все вместе. В комнате по десяти и пятнадцати кроватей стоит. Все национальности имеются. На одной кровати под тряпьем курчава негритянская голова, рядом арабы коричневые, всегда чесноком пахнут, — наверное, у них так навеки все тело пропахло. А там и русские — разного возраста и звания, да и разной степени трезвости. О насельниках ночлежных, положим, потом особая речь будет.

Из иностранных ночлежек лучшая — у Камилла: вшей нет, и раз в неделю белье меняет.

Лучше расскажу о худших, арабских. Белье не меняется никогда. Простынки — рыжие лохмотья, на которых чуть что ни ночь новое тело отдыхает. Не подушки, а валики без наволочек каких-либо. Посередине, где головы выемку продавили, — рыжие ореолы грязи. Одежда — кисель какой-то от грязи и сырости. Да и греют мало, рыбьего меха. А согреться надо бы, потому что окон тут нету, а просто незастекленные щели — в чужие темные дворы-колодцы.

Кто старую Ниццу знает, тот знает, что и улицы в ней — как щели темные. А дворы еще темнее, вонючее, мрачнее.

Хорошо одно: что хозяин своих постояльцев до самой глубины души понимает. Чуть что — неустойка какая внизу, полиция с облавой пришла — у него заранее все обмозговано: есть комнаты благополучные — для тех, кто с документами, он туда полицию и ведет, все чинно-благородно кончается. Есть же комнаты, куда подбирает он людей с тревогой: только мигнет — они бесшумно к оконной щели, и на крышу отсиживаться; все хорошо организовано у араба.

Да и не только это организовано. Жулик он на все руки. Если много ночлежников наберется, он сначала по два человека на кровать пускает, а там, как мест не хватает, — предлагает за трехфранковый талон в обмен литр вина за франк с полтиной. Выпьешь — и на променаде ночевать не холодно. Ему же по талонам в конце месяца и за это выпитое вино три франка выдадут организации. Много раз на этом ловили, в организации такие замеченные талоны без оплаты рвали — а все равно зла искоренить не могли, потому что многие предпочитали бутылочку и вольный ночлег двухспальной кровати и ночлежным вшам.

Русско-армянская ночлежка — дело другое, почище и публика почти постоянная. Совсем в другом районе находится.

Не то сарай бывший, не то гараж. Содержится мужем и женой. Муж, впрочем, трудов не несет, больше на кровати отлеживается — сытый, толстый. Жена же больная, слабая.

Тесновато. И от грязи почти нельзя уберечься, даром что меры самые строгие принимаются. Так, приходит новый человек. Осмотрят его, потом говорят: «Скидывай башмаки, скидывай носки. А ноги... Марш мыться». И моется он под

краном до полной чистоты. Потом и рубашку вымоет, тогда только и может на постельное белье рассчитывать. А если уж чересчур грязен и насекомых много — проси не проси, не пустят, даже и по пяти франков за ночь не предлагай.

Таким образом, отбирается здесь некоторая ночлежная аристократия.

Теперь о людях. Сказано уже, что тут люди всякого звания. Есть такие, что сами о себе полагают: только им в жизни и осталось, что сосновую рубашку ждать. Больных много, пьяниц еще больше. Всего же больше таких, что не сегодня завтра пьяницами и больными станут, потому что жизнь очень для этого приспособлена.

В самом деле. Безделье вынужденное томит. Целый день на берегу не проваляешься. Из ночлежек по утрам гонят. Вечером, в темноте, до соседнего над головой крюка додуматься можно. Как тут не начать пить? Особенно беда тем, кто хоть раз пошел по бистро вспомоществования просить. Французское дело такое: ни франка не дадут, ни краюшки хлеба — зато в стакане вина нигде отказа нет. Так оно и начинается, а потом конца не бывает.

Есть такие, что, можно сказать, защитники, философы и идеологи пьяного дела.

— Вы поймите, — доказывает один, — что я в трезвом виде? Человек бывший, музыкант, между прочим, да какой от этого толк? Последний из последних. Хотя в свое время гимназию кончал, логарифмы знал и все такое. Самосознание же сейчас довольно слабоватое. Голод опять же. Сами понимаете, на одном даровом супе в общественной столовой не ориентируешься... А выпьешь — кто против меня что может? Смелее, первым человеком себя чувствую, всю несправедливость понимаю и на мир плюю. И мысли отменные и правильные в голове получаются. От озлобления даже мало что остается — мир прямо весь любить начинаю.

Другой же — без философии, просто враль, опухший, белый как молоко, — хрипло басит: «Я, знаете ли, до времени скрываюсь, я барон, знаете ли... Несчастный бельгийский король, как бы он плакал, бедняга, если бы увидел, в каком я положении нахожусь».

Третий с сентиментальностью, чувствительный человек: «Все нас презирают. Не те люди стали. Русская женщина не

та стала. Я же знаете как к русской женщине отношусь! Она для меня — Танечка Онегина, право».

Это поверхность, идите глубже.

Пятиминутный разговор. Просьба на четверть часа задержаться. Уделить времечко, встретиться, выслушать.

Один: «Из живота кровь идет, право слово...»

Какая кровь? Что за ерунда?

Распахнул на груди рубаху — и впрямь, рана сочится. Оказывается, несколько лет тому назад была операция желудка. Теперь два раза в неделю на земляные работы в Бон вуаяж¹⁴ ходит. Швы от тяжелой работы разошлись — никакой физической работы нельзя делать, бандаж надо носить, а то плохо будет. Ну, с большим трудом бандаж достали.

Много времени прошло, три месяца целых, — не пропил ли?

А вот искалеченный автобусом. Крепкий был человек, петербургский мещанин, в Северо-Западной армии воевал, да и за границей на ногах стоял, потому работник. А покалечили — разве бедному человеку отсудить можно что у автобусной компании? Вот и побирается. Ноги болят, ребра проломлены. Озлобился, затосковал.

Неразлучное сочетание горя и озлобления. Иногда не знаешь, какое горе сильнее, — калечность та, боль физическая, раны, туберкулез или тоска, отчаяние — разговоры о сосновой рубашке.

Опустились? Опустились.

Гниют? Живое сгнивают.

Пьянствуют, развратничают, обманывают, воруют? Да, да, да.

Люди? До конца и непрекесимо несчастные, беспризорные, потерянные люди, которых человеческим словом одолеть можно, так что от лжи и разврата ничего не останется. Люди, за которых мы все отвечаем. И если бы в тех, кто чувствует себя крепко на ногах, было бы больше человеческого участия и сознания ответственности и еще одного — ощущения своей непрочности, от суммы да от тюрьмы не отказываясь, говорят, — то, может быть, и этот общий уровень опускания не так низок был.

Слышишь не только человека горького — слышишь и пьяного¹⁵, а может быть, и вороватого и думаешь: ох, ответственность, тяжело легла ты на наши шеи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Серия очерков (всего 12) «Русская география Франции» выходила в парижской газете «Последние новости» с 19 июня по 25 сентября 1932 г. Автор совсем недавно приняла постриг и подписывается уже монашеским именем: М.М. — мать Мария. Еще в сентябре 1929 г. на заседании Совета Русского студенческого христианского движения Е.Ю. Скобцова была избрана разъездным секретарем Движения для французской провинции, в ее задачи входило посещение отдаленных от эмигрантского центра (Парижа) районов — русских колоний в различных городах и рабочих поселках Франции, организация там кружков, а затем и съездов РСХД, узнавание местных нужд, помощь в организации социальной работы и налаживании культурной жизни. После пострига мать Мария продолжает свою секретарскую работу, ставшую для нее самой существенной в Движении, поскольку здесь ей удавалось помогать людям, более других нуждающимся в помощи. Трехлетний опыт такой работы и нашел отражение в этих очерках.

² Впервые: Последние новости. 1932, 14 июня. № 4101. С. 2. Подпись: М.М.

³ Рабочие поселки на северо-востоке Франции, в Лотарингии. Ныне соседние коммуны департамента Мозель региона Гранд-Эст.

⁴ Семья Венделей владела металлургическими предприятиями в Лотарингии с начала XVIII до середины XX в.; в 1930-е гг. ее представлял Франсуа де Вендель (1874–1949), французский предприниматель и политический деятель, с 1933 г. сенатор.

⁹ Градирня — устройство для охлаждения воды атмосферным воздухом; на металлургических предприятиях применяется для понижения температуры воды, отводящей тепло от теплообменных аппаратов, компрессоров и т.п.

⁶ Образ из стихотворения Ф.И. Тютчева «Ночное небо так угрюмо...» (1865): «Одни зарницы огневые, / Воспламеняясь чередой, / Как демоны глухонемые, / Ведут беседу меж собой»; в декабре 1917 г. был подхвачен М.А. Волошиным в стихотворении «Демоны глухонемые»; восходит к евангельскому образу «духа немого и глухого», которого Иисус изгоняет из бесноватого (см.: Мк 9: 25).

⁷ Настоятелем Троицкой церкви в Кнютанже в 1924–1946 гг. был священник Симеон Великанов (1864–1949), с 1930 г. протоиерей. До революции служил на отошедшей к Польше территории бывшей Российской империи, в с. Тухола. Приехал во Францию с группой

прихожан, приглашенных на работу на лотарингских шахтах и металлургическом заводе в 1924 г., был в юрисдикции митрополита Евлогия (Георгиевского). Умер в старческом доме Нуази-ле-Гран общества «Православное Дело», созданного матерью Марией. Вот как вспоминает о нем митрополит Евлогий: «О. Семен, ревностный, самоотверженный священник, бесребреник... Осень... холодно... а он в одной рваненькой ряске (я подарил ему свою, хоть и моя была тоже не новая). Я узнал, что о. Семен живет в мансарде и питается кое-как; сам на спиртовке себе варит; один день кашу, другой компот... <...> Рабочие поселки в окрестностях Кнютанжа, где тоже живут русские, он объезжает на Пасхальной неделе "на собственном автомобиле", т.е. попросту обходит их пешком. Немудрый, простой священник, но преданный пастве всей душой. Благодаря глубокому пониманию пастырского долга и подвижнической жизни он достиг крепчайшей спайки с приходом» (*Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Моск. рабочий; ВПМД, 1994. С. 463).

⁸ См. об этом статью матери Марии: *Е.С. Эльзасский съезд* // Вестник РСХД. 1932. № 2. С. 29–30.

⁹ К.В. Мочульский так вспоминает о поездке с матерью Марией в Кнютанж 23 декабря 1933 г.: «Ф.Т. Пьянов организует православный съезд русских рабочих в фабричном поселке Кнютанж. Наш "экип": мать Мария, Ф.Т. Пьянов, В.Н. Ильин, отец Виктор Юрьев и я. ...Мать... рассказывает о приходе в Кнютанже, о тяжелой жизни русских рабочих, о нужде, пьянстве. Она там бывала. Всех знает и любит, называет Кнютанж "своей паствой". <...> В Кнютанже всенощная в маленькой церкви с кустарной живописью. От. Симеон, седой, с острыми птичьими глазками и резкими движениями, служит молебен. Идем в Русский дом — большая зала с портретами царской семьи. Доклады — мой, матери Марии, Ильина. О смысле жизни, о религиозной природе человека. Аудитория слушает с напряженным вниманием. Простые русские лица, строгие и печальные. После доклада матери Марии раздался чей-то женский голос: "Спасибо Вам, мать Мария; мы знаем, что Вы нас любите, и мы Вас любим"» (*Мочульский К.В.* Монахиня Мария (Скобцова): Воспоминания // Третий час (Нью-Йорк). 1946. № 1. С. 67–68).

¹⁰ Впервые: Последние новости. 1932, 18 июня. № 4105. С. 3. Подпись: *М.М.*

¹¹ Под многими стихотворениями матери Марии, написанными в это время, стоят даты и города французской провинции, в которых были написаны стихи. Под этим стихотворением, передающим опыт бездомности, значится: «Ницца 31»:

Ночные камни не согреешь телом,
Не накликаешь скорей рассвет.
Господи, наверно, в мире целом
Никого меня бездомней нет.

Жметса по соседству кот бездомный —
Будем вместе ночьку коротать.
Мир ночной — пустой, глухой, огромный,
Добрым надо двери запирать.

«Ночью камни не согреешь телом...»

См.: Кузьмина-Каваева Е.Ю. (мать Мария). Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма. СПб.: Искусство-СПб», 2001. С. 218–219.

¹² Жете Променад — одна из достопримечательностей Ниццы того времени, дворец, построенный в конце XIX в. рядом с Английской набережной, прямо в море, на платформе на сваях; соединялся с набережной мостиком-променадом. Во Вторую мировую войну разрушен и уже не восстанавливался.

¹³ От фр. *dortoir* — спальня, общее спальное помещение.

¹⁴ *Bon Voyage*, один из кварталов восточной Ниццы.

¹⁵ Эти поэтические строки Е.Ю. Скобцовой были написаны в Ницце в 1931 г.:

О Господи, тебе даю обет,
Я о себе не помолюсь вовеки, —
Молюсь Тебе, чтоб воссиял Твой свет
В унылом этом в пьяном человеке. <...>
«И в эту лямку радостно впрягусь...»

См.: Кузьмина-Каваева Е.Ю. (мать Мария). Равнина русская. С. 205.

Письма¹

1. К Софье Борисовне Пиленко и Юре Скобцову

<Начало – середина июля 1932 г., Париж>²

Дорогие мои, послезавтра в четверг вечером я уезжаю в Прибалтику. Пробуду я там до начала сентября. Мой адрес постоянный будет: В.М. Mazz. Tourgenevaskaya iela. 21 а. № 8. Riga. Lettonie³. Если он будет меняться, то напишу уже оттуда. Гаяна тоже на днях уезжает⁴. У нее вышла маленькая задержка с заграничным паспортом. Свой адрес она напишет вам сама. Хочу написать вам, в каком положении все мои дела. Статьи в Последних Новостях будут по-прежнему идти каждую неделю⁵. Вчера я распорядилась, чтобы деньги пересылались немедленно вам. Это около ста пятидесяти франков в неделю. Сдала я им статей столько, что хватит до середины сентября. Таким образом, я считаю, что до этого времени вы обеспечены. А дальше пойдут статьи о Прибалтике, которые уже принципиально заказаны. На них вы и приедете к началу октября в Париж. Это касается материального устройства на ближайшее время. Гаяна будет жить у Дмитрия Владимировича⁶ на его счет, а я буду существовать на поездку. Теперь дальнейшее сложнее. На днях меня запрашивал Мак-Нотен⁷, согласна ли я продолжать провинциальную работу, — уже без финансовой кампании, — если он найдет для этого деньги в Америке. Я решила сначала посоветоваться с Митрополитом⁸. Он мне сказал, что считает нужным сочетать и общежитие, и провинциальную работу в моем лице. Таким образом, передо мной стоят две задачи. Первая — окончательное подыскание средств и помещения для общежития. Я остановилась на одном доме в Медоне⁹. Он грандиозен — человек сорок может в нем жить легко. Самое удивительное, что он не сдается, а продается за совершенно баснословно дешевую цену. Первый год надо заплатить пятнадцать тысяч, а потом по двадцати. Всего сто тридцать пять. Это дешевле, чем снять такой дом. Единственно, что смущает, это ремонт. Завтра туда

поедут инженеры выяснять, сколько будет стоить ремонт, главным образом центральное отопление. Дом находится в одной минуте ходьбы от медонского верхнего Монпарнасского вокзала, по дороге к Вевернам¹⁰. В нем шестнадцать огромных комнат, пять этажей. Не знаю, что выйдет в результате. Во всяком случае, думаю, что если это удастся, то по крайней мере полгода я буду его налаживать и подбирать жилищ. А потом стану на короткие сроки выскакивать в провинцию во исполнение макнотеновского предложения, но буду это делать на несколько иных началах по отношению к Движению, чем до сих пор, — более самостоятельно и независимо. Думаю, что это будет созданием миссионерского общества, в котором будет принимать участие и епархия, и Движение. Самая моя большая радость — это совершенно исключительное понимание всех моих затей со стороны Митрополита. Тут с ним действительно можно горами двигать, если охота и силы есть. О Гаяне я должна сказать, что, по-моему, она совершенно здорова. Видимо, доктор удивительно правильно определил все причины ее болезней. Он говорит, что все может начаться сызнова только при одном условии: если она в течение недели будет неподвижна. Все дело в неправильном кровообращении, — так что это не желудочная болезнь в прямом смысле слова. Я думаю, что в Бельгии ей будет и интересно, и хорошо. Мы с ней в очень хороших отношениях и даже до некоторой степени в откровенных.

Вот и все наши новости. Кажется, ничего не забыла рассказать вам. Еще очень забавно, кто только не просится ко мне в общежитие. Но это из области устных рассказов, — скорее даже анекдотов, — главным образом много благочестивых старушек.

Целую вас крепко, мои родные. Рада, что пока хоть на некоторое время у меня наладилось ваше питание и существование. Это уже много. Надеюсь, что и в дальнейшем все будет хорошо. Следующее письмо напишу вам из Прибалтики.

Еще раз целую.

Мама.

2. К Софье Борисовне Пиленко и Юре Скобцову

<Начало августа 1932 г., Рига>¹¹

Дорогие мои, вот я вернулась из Пюхтицкого монастыря со съезда¹² — побывала один день в Ревеле: больше на Ревель мне не дали разрешения, — и мне пришлось вернуться в Ригу. Трудно передать всю здешнюю русскую прелесть. В монастыре так отчетливо чувствовались еще белые ночи, много ягод — малины, земляники. Петербург под боком. Ригу еще не видала, сегодня, наверное, кое-где побываю. Пока же очень устала, особенно от переезда из монастыря в Ревель, так как ехали мы всю ночь в страшной тесноте на грузовом автомобиле. Сейчас я продолжаю хлопотать о въездной визе в Эстонию — уж очень обидно уехать, ничего не повидав, — особенно хочется в Печорский монастырь. Думаю, что разрешение дадут. Общий мой план таков, что к началу сентября я хочу непременно быть в Париже. Впечатлений масса — уже на несколько статей вполне наберется материал. Интересно мне, как высылают вам деньги, — вообще от вас я здесь пока получила только одно письмо, а от Гаяны ни одного. Завтра пойду искать место своего рождения¹³. Остановилась я сейчас на Соборной улице — помнишь ли ты такую?

Целую обоих крепко. Очень меня волнует, как вам высылают деньги.

Мама.

3. К Софье Борисовне Пиленко

<Сентябрь — октябрь 1932 г., Париж>¹⁴

Дорогая Моничка¹⁵, сегодня я подписала контракт на снятие дома¹⁶, огромного и замечательного! Я до последней минуты не верила, что это возможно, волновалась невероятно, была масса самых диких трудностей, вплоть до того, что в последнюю минуту деньги оказались под сомнением. Теперь это все позади (сегодня утром митрополит дал мне пять тысяч, которые и уплачены хозяину), и я могу уже ночевать дома, — дело в том, что с приездом стариков Оболенских¹⁷ я ночевала по

квартирам друзей и знакомых. Дом имеет три этажа. Внизу гостиная, столовая и кухня и всякие хозяйственные принадлежности (центральное отопление и прочее). В первом этаже шесть чудных комнат, во втором — пять. Очень милый совершенно изолированный садик, рядом три католических монастыря. Мы поместим человек тридцать пять. Сейчас буду писать объявления об открытии и о приеме пожертвований! Будет у нас и собственная церковь — в честь Покрова и Василия Блаженного! Дело в том, что все у нас наладилось на Покров. Ну, смысл всего такой, что теперь я смогу легче деньги займы достать, потому что я — собственница огромной квартиры, а это значит, что ваш переезд не за горами. У меня будет сейчас очень много работы, — но работы очень радостной, потому что это не фантазия уже, а настоящая и похожая на чудо реальность.

Целую вас обоих, мои милые, крепко и прекрепко. Какой замечательный человек митрополит Евлогий! Совсем все понимает, как никто на свете. Скоро увидимся, родные мои.

Мама.

Адрес: 9, villa de Saxe, Paris (7).

4. К Софье Борисовне Пиленко

<Начало ноября 1932 г., Париж>¹⁸

Милая моя Моничка, наконец-то все проясняется: только что отнесла в Последние Новости большую статью — вторую о Печерском монастыре¹⁹ — и выяснила в кассе взаимопомощи их сотрудников, куда записалась с целью получить ссуду. В субботу они мне должны дать 1000 франков, которые я немедленно отправлю тебе для выкупа от Ардиссонов. Только мне кажется, что было бы правильно предварительно выяснить, отпустит ли он тебя за тысячу, или надо больше²⁰. Я сильно надеюсь, что он так обрадуется этой тысяче, что отпустит. Тебе на месте должно быть виднее, что следует сделать раньше: дать деньги или вести переговоры. Во всяком случае, было бы страшно хорошо, чтобы ты в ответ на ту тысячу и на 300 франков, которые посылает вам Д.Е.²¹, вы могли бы уже выехать. Мне так хочется, чтобы ты могла отдохнуть и успокоиться в моем чудном доме, а то получается

удивительная глупость — у меня дом в четырнадцать комнат, а вы все мои милые повсюду разбросаны. Я совершенно уверена, что ты себе и не представляешь, что за дом, — собственно, у нас никогда такого не было. Самое же удивительное, что он сейчас уже полон, все комнаты сданы, правда, что еще не все переехали. Народ у меня все очень пестрый, но милый за редким исключением — пока мне не по душе одна только сестра милосердия. Таким образом, у меня получилась порядочная компания людей всех возрастов и стилей. Ты не будешь самой старшей: есть еще графиня Стенбок-Фермор, которой уже семьдесят лет²² Открытие дома мы устроим в начале декабря. Тогда же и концерт, в котором основную роль будет играть Гречанинов²³. Все это мы приурочиваем к возвращению митрополита из Африки. Впрочем, я надеюсь, что теперь нет смысла писать вам наши новости, так как вы сами все это увидите и узнаете. Мне бы только очень хотелось получить поскорее от тебя письмо с точными расчетами относительно денежных дел, потому что я все же очень надеюсь, что в ближайшее время вы будете здесь. У меня работы очень много, и я устаю, но довольна всей своей затеей.

Целую. Мама.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Четыре письма к родным (к маме — Софье Борисовне Пиленко и сыну Юре) не датированы, но, судя по их содержанию, написаны летом и в начале осени 1932 г., перед отъездом и во время поездки матери Марии в Прибалтику, и сразу после возвращения из этой поездки. В письмах отражены планы создания и обустройства первого общежития матери Марии.

² Источник: авторизованная машинопись с рукописными вставками (рукой матери Марии). Архив о. С. Гаккеля, Великобритания. Б.д., датируется по содержанию. Публикуется впервые.

³ По этому адресу (Латвия, Рига, ул. Тургеневская, д. 21а, кв. 8) находилось помещение латвийского отделения РСХД — Русского студенческого православного Единения (РСП Единение).

⁴ Старшая дочь матери Марии Гаяна Дмитриевна Кузьмина-Караваева (1913–1936) родилась в Москве, уже после расставания Елизаветы Юрьевны со своим первым мужем, Д.В. Кузьминым-Караваевым, но еще до официального оформления развода; детство провела в Анапе, эмигрировала вместе с семьей в 1920 г. в Константинополь, затем в Сербию, с 1924 г. жила в основном в Париже. В этот период училась в Бельгии, в Льеже, где тогда служил

Д.В. Кузьмин-Караваев (именно об отъезде Гаяны в Бельгию идет речь в письме). В 1935 г. Гаяна вернулась в СССР вместе с А.Н. Толстым; погибла в 1936 г. при до конца не выясненных обстоятельствах; официальной причиной смерти был назван тиф.

⁵ Речь идет о статьях матери Марии из циклов «Русская география Франции» и «Прибалтика», которые как раз в это время регулярно публиковались в газете «Последние новости» (см. выше первые два очерка из серии «Русская география Франции»).

⁶ Кузьмин-Караваев Дмитрий Владимирович (1886–1959), юрист, историк, участник петербургского литературного объединения «Цех поэтов», участник Первой мировой войны. После революции принял католичество византийского обряда, в эмиграции стал католическим священником. С 1927 г. служил в Бельгии, занимался пастырской работой с русскими студентами Лувенского университета, а с 1934 г. интернатом св. Георгия для русских детей в Намюре. С 1940 г. жил в Париже, в последние годы жизни в Риме.

⁷ Макнотен Эдгар (MacNaughton; 1882–1933), активный деятель YMCA. Родился и окончил университет в США. Во время первой мировой войны в составе миссии YMCA оказывал помощь русским военнопленным в Австро-Венгрии. С 1917 г. работал секретарем YMCA во Владивостоке. В 1921 г. переехал в Европу, руководил работой с русскими эмигрантами в Польше и Германии. В 1924–1926 гг. жил в Советской России, занимался организацией материальной помощи профессорам и студентам. Затем поселился в Париже, был представителем YMCA в Европе по работе с русскими эмигрантами, участвовал в создании РСХД и издательства YMCA-Press, активно помогал Движению и издательству. Умер в США.

⁸ Из письма видно, как активно помогал митрополит Евлогий (Георгиевский; 1868–1946) матери Марии в ее начинаниях и как важно для нее было его мнение и благословение.

⁹ Первый вариант дома под предполагаемое общежитие мать Мария присмотрела в пригороде Парижа Медоне (где проживало немало русских эмигрантов, а одно время жила и семья Скобцовых). О доме в Медоне пишет и Татьяна Ивановна Манухина (урожд. Крундышева), журналистка и общественный деятель, в своем письме к Вере Николаевне Буниной от 26 сентября 1932 г.: «Что Вам рассказать интересного про Париж? <...> Была на днях Скобцова (мать Мария). Она в полном воодушевлении! Задалась хорошей и мудрой целью — организовать общежитие для женской эмигрантской молодежи (студенток, служащих, работниц). Рассчитывает на самокупаемость предприятия и уже дом в Медоне, большой и удобный, присмотрела. Денег, конечно, — никаких! Но вера в предначертанье благого плана, в помощь Божию — большая. В основе учреждения — монастырская община, обслуживающая этот своеобразный home

coopératif. Эта община, по мысли матери Марии, — миссионерская, просветительная, действующая пером, словом и делом во всех эмигрантских рабочих центрах, где — это ей показал опыт ее последних лет — большая темнота, распущенность и одичание всяческого рода. Очень хорошее впечатление осталось у меня от этой монахини совсем нового духа и душевного стиля. Много в ней светлой ровной веселости, врожденной доброты (в такой доброте есть что-то стихийное), и при этом разумность, даже рассудительность и деловитость русской женщины-хозяйки.

Этим данным просто цены нет — так они редки в одном человеке, а для основательницы такого нужного и доброго дела нельзя было и придумать более подходящего человека» (Вестник РХД. 1996. № 173. С. 170).

¹⁰ Возможно, речь идет о месте жительства Веверна Болеслава Вильгельмовича (1878–1937), полковника, мемуариста, и его семьи, проживавших в Медоне.

¹¹ Источник: авторизованная машинопись с рукописными вставками (рукой матери Марии); на бланке РСХД. Архив о. С. Гаккеля, Великобритания. Б.д., датируется по содержанию. Публикуется впервые.

¹² Мать Мария участвовала во II съезде прибалтийского Студенческого христианского движения, который проходил 24–31 июля 1932 г. в Эстонии в женском Пюхтицком Успенском монастыре. На съезде она выступила с докладом «Наш путь» (о работе РСХД) и провела семинар по вопросам социальной работы.

¹³ Мать Мария родилась и провела первые годы жизни в Риге (где тогда работал ее отец) в доме № 2 по улице Элизабетес. В 2012 г. на этом доме установлена мемориальная доска.

¹⁴ Источник: авторизованная машинопись с рукописными вставками (рукой матери Марии). Архив о. С. Гаккеля, Великобритания. Б.д., датируется по содержанию. Публикуется впервые.

¹⁵ Видимо, домашнее прозвище Софьи Борисовны Пиленко, мамы матери Марии.

¹⁶ Ср. в письме Т.И. Манухиной к В.Н. Буниной от 21 октября 1932 г.: «Вот милая мать Мария по-своему эту ответственность поняла и понесла. Я очень в нее верю. И “чай с божественным” не ее, а мой стиль. Она вся сейчас — действие и решимость. И по дерзости — плоды. Уже нанят маленький особняк (15 комнат) с садом на avenue de Saxe, в тихом тупичке, таком тихом, в таком глухом углу его, точно и не в Париже (хотя avenue de Saxe в приятном чопорном квартале в районе Invalides-Ecole Militaire). Бок о бок с одной стороны — монастырь кларисс, с другой — чей-то сад. Особняк — бывшее общежитие для студенток (монахинь-августинок). Все произошло чудесно. И обретение этого помещения, и те свалившиеся с неба

деньги на первый терм, без которых все бы сорвалось. Теперь нужно собрать тысячи 2–3 на обстановку — и общежитие готово. (300 frs. — дортуар-пансион. Где же — дешевле?) Пока что — в пустом нетопленном доме нет буквально ничего, даже газ еще не действует. Бедная мать Мария спит одна-одинешенька на полу под иконой Покрова; тут же в кучке ее скарбишко: книжки, стопочка бедного белья... На камине — хлеб в газете.

Дом отличный: чистый-чистый, всюду умывальники (*eau courante*), удобная ванна и... (не могу умолчать, это ужасно важно!) безукоризненные “ноль-нолики”... Сад очень маленький, со всех сторон закрытый — монастырский. В него глядит только статуя святой Клары (с соседней стены); ликующей францисканской бедности предстоит восхищаться русской нищетой... — “Только бы нам дома нашего не загадить, — деловито говорит мать Мария, — в такой чистоте августинки все оставили”. <...>

На крыльце наша милая *fondatrice* вздыхает: “Все хорошо, да только в саду шоколадом пахнет...” (Где-то поблизости шоколадная фабрика.) Я ее утешаю:

— Истолюкем символически: *c’est l’odeur de la santeté*... — самый подходящий запах.

Сейчас мать Мария в поисках пожертвований. Думаю, что она преуспеет. Общежитие — потребность дня. Сколько переплачивают русские труженицы французским грязным маленьким *hôtel’ям*... И дорого, и так одиноко...

В ядре — задумана монастырская община. Но от монахинь мать Мария требует сотрудничества и заработка. Пусть служит, кто может, на стороне или прирабатывает шитьем, вязаньем... Словом, чтобы на *avenue de Saxe* не смотрели как на “упокоение в молитве”. Сама она прирабатывает в *Последних Новостях* своими статьями... К ней, прослышав о ее затее, повлекся целый сонм старушек, но ей со “старушками” не по пути...” (Вестник РХД. 1996. № 173. С. 173–174).

¹⁷ Возможно, речь идет о князе В.А. Оболенском (1869–1950) и О.В. Оболенской, родителях княгини А.В. Оболенской (1897–1974), которая в 1937 г. примет монашеский постриг с именем Бландина и будет некоторое время сотрудничать с матерью Марией в ее втором общежитии на Лурмель.

¹⁸ Источник: авторизованная машинопись. Архив о. С. Гаккеля, Великобритания. Б.д., датируется по содержанию. Публикуется впервые.

¹⁹ Статья «Псково-Печерский монастырь. II» была опубликована в газете «Последние новости» 12 ноября 1932 г. Значит, данное письмо было написано до ее публикации, в начале ноября.

²⁰ Вероятно, речь идет о французских хозяевах, которым С.Б. Пилленко с Юрием задолжали за жилье. Предположительно, они в это

время жили в Кабрисе (Приморские Альпы), куда по рекомендации И.И. Фондаминского мать Мария иногда привозила подлечить Юру, имевшего склонность к туберкулезу. Галина Кузнецова записывает в «Грасском дневнике» 1 июня 1932 г. о том, как они с И.А. Бунными встретили в Кабрисе мать Марию и Гаяну: «Вчера были в Кабризе. Гаяна в белом тканевом платье, большая, тяжелая, румяная, голо-рукая. И.А. сказал: “Она родилась еще при Перуне”. <...> В Кабризе пахло сеном. Луг, на котором рассыпались фигуры женщин и детей. Среди них одна высокая, черная, в шлыке: мать Мария (Скобцова)» (Кузнецова Г. Грасский дневник. СПб.: Изд. дом «Мир», 2009. С. 290). Видимо, до отъезда в Бельгию Гаяна жила там же, с бабушкой и братом, а мать Мария их навещала и писала письма.

²¹ Скобцов Даниил Ермолаевич (1884–1969), казачий общественно-политический деятель, второй муж будущей матери Марии, отец Юры и Насти. Член Кубанской краевой Рады и Кубанского правительства, министр земледелия. Эмигрировал в 1920 г. Работал таксистом в Париже. Автор рассказов в казачьих альманахах и романа «Гремучий родник» (издан в Париже в 1938 г.), написанных под псевдонимом *Д. Кондратьев*. Писал также под своим именем воспоминания «Драма Кубани» (1926), «Кубанское правительство на походе» (1926), исследование «Три года революции и гражданской войны на Кубани» (1968).

²² Видимо, речь идет о графине Марии Илиодоровне Стенбок-Фермор (урожд. Шидловской; 1862–1945), вдове русского государственного деятеля, графа Ивана Васильевича Стенбок-Фермора (1850–1916), проживавшей в эмиграции во Франции.

²³ Гречанинов Александр Тихонович (1864–1956), композитор, в эмиграции с 1925 г., жил в Париже, с 1939 г. в США.

О вечере с концертом см. в письме Т.И. Манухиной к В.Н. Бунной от 7 декабря 1932 г.: «Вы спрашиваете про мать Марию. У нее уже около 20 жилищ... <...>. В субботу устраивает концерт. Перед концертом 2 речи: ее и *règ'a Gillet*. Бог даст, соберут те 2000 франков, которые ей так нужны. Продавая билеты, я обнаружила, что у нее много недоброжелателей, больше еще недоброжелательниц. Говорят о ней со вздохами и покиваниями: не нравится ее немонастырская генеалогия: “И во послушницах не была, прямо в мантию постригли...” Не нравится ее “мирской” уклон и “зачем семейную жизнь бросила...” — словом, теснят бедную мать Марию со всех сторон. А она не унывает. Бодра, жизнерадостна, в непоколебимой вере, что “Общежитие” — воля Божия, и готова за него лечь костью. Только так и достигать можно недостижимого» (Вестник РХД. 1996. № 173. С. 180).

Из записных книжек

* * *

<31 августа 1934 г.>¹

Есть два способа жить: совершенно законно и почтенно ходить по суше — мерить, взвешивать, предвидеть. Но можно ходить по водам. Тогда нельзя мерить и предвидеть, а надо только все время верить. Мгновение безверия — и начинаешь тонуть.

* * *²

Иногда лежишь на песке, как рыба, оставшаяся во время отлива. Тогда воздуха не хватает, и ничто не может помочь — ни мысль, ни воля, ни молитва.

Потом приближается океан. Сначала слышен шум, потом медленно подступает вода... И, наконец, оказываешься в глубине, и волны несут тебя. Тогда, может быть, опять-таки не нужны ни мысль, ни воля, ни молитва. У Бога сложное хозяйство. Иные живут в самом Господнем доме. Им надлежит смотреть Ему в глаза и ловить ежеминутно Его волю. Есть более отдаленные, и есть живущие на хуторах, где Он редко бывает. Они должны делать все сами и на свою ответственность. Они могут часто забывать, что есть Хозяин, часто тосковать, что Он не приходит. Но когда Он придет, то отвечать приходится за все, что было без него, за все самостоятельные решения.

* * *³

Мы знаем, что строим по-разному, — из золота, камня или соломы. Если не все сгорит в огне, то это значит, что оставшееся будет нужно, как кирпичи, для строения Нового Иерусалима. В этом смысл и оправдание человеческого творчества: строим как бы земное, но лучшее, подлинное нужно для небесного. Бог нас создал как каменщиков Небесного Иерусалима и по качеству наших камней будет судить нас.

* * *⁴

Мой путь — новая версия притчи о мытаре и фарисее⁵. Мытарь бьет себя в грудь и говорит: «Благодарю Тебя, Боже, что я не как этот фарисей». Идея мытаря — гордость и самоутверждение. На самом же деле я не знаю, так ли это. Все время

борются два чувства: с одной стороны, такое мытарство — самоутверждение, а с другой — сознание, что надо во что бы то ни стало, как *подвиг*, в полном одиночестве и при подавляющем непонимании вести свою линию, и не потому, что я этого хочу, а потому, что я на это поставлена. Кто-то добьется, а я же должна начинать, не рассчитывая, что добьюсь.

Меня мучает, что даже среди самых близких чувствуется стена в основном. Благочестие, благочестие, а где же любовь, двигающая горами? Чем дальше, тем больше принимаю, что только она мера вещей. Все остальное — более или менее необходимая внешняя дисциплина.

Мы все, и даже Церковь, — а главным образом каждый отдельный человек — приближаемся к катастрофе. Средств избежать ее нет. Слегка помочь и облегчить может только жертвенная любовь.

Как ее мало!

* * *

17/ XI 1935 г.⁶

По каким причинам люди служат субботе? Они очень разнообразны, от самых возвышенных до низких.

1) Духовная леность, позволяющая отделаться раз заведенным минимумом.

2) Эгоизм — прятание от всего, что может нарушить свое собственное благополучие и равновесие.

3) Трусость — боязнь потерять твердую и укатанную дорогу в неопределенных исканиях.

4) Суеверие — в магии слов и обычаев желание найти все и боязнь от них отречься.

5) Подлинная вера в спасительность субботничания.

6) Отсутствие дерзающей любви, которая решается на выбор.

7) Боязнь новшествами и отказом от принятого соблазнить малых сих. Но, как всегда, и тут все обоюдоостро. Одни прячутся за субботние правила, потому что у них нет любви, другие же отказываются от них во имя любви, а на самом деле ее не имеют.

Это как в разговорах о созерцании и Богообщении. Одни не любят людей во имя любви к Богу, а другие не любят Бога якобы во имя любви к людям, которой у них тоже нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Источник: рук., переписанная рукой С.Б. Пиленко, б.д. Архив С.В. Медведевой, Париж. Дата добавлена на основании публикации данного отрывка в биографии матери Марии, см.: *Гаккель С., прот. Мать Мария*. Paris: YMCA-Press, 1992. С. 11. Другие источники: машинописная копия, б.д. Архив С.В. Медведевой, Париж.

Ср. с поэмой матери Марии «Духов день» (*Мать Мария*. Стихотворения. Поэмы. Мистерии. Воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк. Paris: La Presse Française et Étrangère, 1947. С. 23):

Однажды плыли рыбаки на лов.
Их на воде нагнал Учитель. Люди
Дивились. Петр навстречу по водам
Пошел к Нему, не сомневаясь в чуде.
И так же, как ему, дано и нам.
Мы не потонем, если будем верить,
Вода — дорога гладкая ногам.
Но надо выбрать раз. Потом не мерить,
Не сомневаться, как бы не пропасть.
Пошел — иди. Пошла — иду. Ощерит
Тут под ногами бездна злую пасть.

(1942)

² Источник: рукопись, переписанная рукой С.Б. Пиленко, б.д. Архив С.В. Медведевой, Париж. Другие источники: машинописная копия, б.д. Архив С.В. Медведевой, Париж.

³ Источник: рукопись, переписанная рукой С.Б. Пиленко, б.д. Архив С.В. Медведевой, Париж. Другие источники: машинописная копия, б.д. Архив С.В. Медведевой, Париж.

⁴ Источник: рукопись, переписанная рукой С.Б. Пиленко, б.д. Архив С.В. Медведевой, Париж. Другие источники: машинописная копия, б.д. Архив С.В. Медведевой, Париж.

⁵ См. Лк 18: 9–14.

⁶ Источник: рукопись, переписанная рукой С.Б. Пиленко, б.д. Архив С.В. Медведевой, Париж. Другие источники: машинописная копия, б.д. Архив С.В. Медведевой, Париж.

*Публикация Т.В. Викторовой и Н.В. Ликвинцевой,
подготовка текста и комментарии Н.В. Ликвинцевой*

К столетию Архиепископии

АНТУАН НИВЬЕР

Отец Борис Бобринский (1925–2020), последний из столпов парижской богословской школы *(краткое жизнеописание)*

7 августа 2020 года в возрасте 95 лет скончался протопресвитер Борис Бобринский, заслуженный профессор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, который он возглавлял с 1993 по 2005 год. Почти полвека он преподавал в институте догматическое богословие, совмещая это с должностью настоятеля франкоязычного прихода в нижнем храме (так называемой крипте) в честь Живоначальной Троицы Александро-Невского собора на ул. Дарю (Париж). Кончина произошла в Бюсси-ан-От (Йонна), где он поселился, выйдя в отставку в 2010 году, близ Покровской женской обители, одной из старейших православных монашеских общин Франции. Отпевание состоялось в храме монастыря 11 августа, его возглавил митрополит Галльский Эммануил (Константинопольский Патриархат). Присутствовали несколько православных епископов из Западной Европы, многочисленные священники, бывшие студенты, прихожане и друзья, специально приехавшие в Бюсси, несмотря на летний период

*Протопресвитер Борис
Бобринский. 1990-е гг.*

и пандемию ковида-19. Чтобы дать возможность всем желающим принять участие в службе, была организована прямая трансляция отпевания в интернете, которую затем можно было найти в фейсбуке. Зарегистрированные семь тысяч триста подключений несомненно свидетельствуют, насколько велико было влияние отца Бориса в православной церкви и за ее пределами.

Представить очерк жизни и трудов отца Бориса Бобринского — задача не из легких, поскольку жизнь эта была очень продолжительна и наполнена самой разнообразной деятельностью; деятельность эта принесла чрезвычайно богатые плоды в самых разных областях. Нелегко и потому, что отец Борис все еще, так сказать, присутствует среди нас; наконец, и потому, что помимо его роли священника и богослова нельзя забыть о том, каким он был человеком. Все согласно признают в нем свойства врожденного благородства, исключительной доброты и большой простоты. Многие хранят в памяти его светлое улыбающееся лицо, его слово утешения и надежды, даже пару анекдотов, ведь у отца Бориса было удивительное чувство юмора. Поистине, три его «ипостаси» (человек, священник, богослов) были неразрывно связаны, и это неудивительно наблюдать в том, кто все свое вдохновение и порыв посвятил тому, чтобы выражать и передавать тринитарное богословие.

Проследить жизнь отца Бориса в некотором роде означает написать историю православия во Франции второй половины XX века и первых двух десятилетий века XXI, поскольку отец Борис был тесно связан почти со всеми главными событиями, которыми отмечен этот долгий период, принесший значительные перемены и нововведения. Отец Борис был одним из главных действующих лиц этих событий. Должно, вероятно, пройти некоторое время, чтобы можно было беспристрастно и по достоинству оценить личность и деятельность отца Бориса, но уже теперь можно выделить два-три главных направления: укорененность в обновленном Предании, основанном на библейских, патристических и литургических источниках; свидетельство о православной вере на языке, доступном современному миру; осуществление дара духовничества, старчества.

А пока, основываясь на нескольких уже теперь доступных разрозненных источниках информации*, мы постарались набросать очерк жизни, долгого пути преподавателя и богослова, в который вплетались многочисленные иные обязанности — приходские, епархиальные, экуменические... Эту краткую биографию впоследствии надо будет дополнить, исправить, углубить в соответствии с дополнительными документами, которые могут быть выявлены, в частности, в личном архиве отца Бориса, как и в архиве Свято-Сергиевского института.

Раннее призвание

Отец Борис Бобринский родился 25 февраля 1925 года в Париже в семье графа Алексея Алексеевича Бобринского (прямого потомка императрицы Екатерины II и ее фаворита графа Григория Орлова) и графини Наталии Павловны Ферзен. Его родители эмигрировали из России во время Гражданской войны через Кавказ, Константинополь и Германию, пока наконец не осели во Франции. Он был младшим из пяти детей. Ранее детство и юность проходили на фоне трудностей и были отмечены испытаниями, благодаря чему, несомненно, он рано приобрел внутреннюю силу, которую сохранит на протяжении всей жизни. Его здоровье всегда было слабым и с детства внушало опасения за его жизнь — настолько, что его срочно крестили дома простым обливанием. Затем — тяготы жизни в изгнании, развод его родителей, ранняя смерть матери: она умерла, когда ему было всего десять лет.

В 1933 году его поместили в пансионат для мальчиков из среды русской эмиграции, скромное заведение во французской глубинке, в Сали-де-Беарн (Атлантические Пиренеи). Кроме обычных предметов, раз в неделю там бывал урок православного вероучения, его проводил настоятель ближайшего прихода в Биаррице сначала отец Иоанн Церетели,

* Архивы Епархиального управления Архиепископии православных церквей русской традиции в Западной Европе, три интервью отца Бориса, выложенные в интернете, введение Максима Эггера к сборнику статей отца Бориса под названием «*La compassion du Père*» [«Сострадание Отца»] (Cerf, 2000), статьи в ежемесячнике SOP (Service orthodoxe de presse) и некоторые личные воспоминания.

бывший царский офицер, ставший священником в эмиграции, затем отец Александр Ребиндер, недавний выпускник парижского Свято-Сергиевского богословского института. В общении с ними мальчик ощущает раннее призвание к священству. Очень рано, уже с восьми лет, он внутренне уверен, что станет священником, несмотря на то что такое призвание плохо сочетается со средой, откуда он вышел, и станет источником новой семейной драмы — разрыва с отцом, который и слышать не хотел об этом священническом призвании.

В 1937 году Борис Бобринский был отправлен в Бельгию получать среднее образование в Колледже Сен-Жорж в Намюре. Это учебное заведение открыли иезуиты в Константинополе в 1921 году, стремясь помочь семьям эмигрантов, но не без задней мысли привлечь учеников в лоно римокатолической Церкви; в 1923 году оно было переведено в Намюр. В нем давали серьезное классическое образование. Этим колледжем-интернатом в то время руководил отец Поль Майё*, иезуит-бельгиец, носитель подлинно экуменического духа, лично противившийся всякой идее обращать детей; главный упор он делал на классическое гуманитарное образование, а также на передачу русского языка и культуры, включая религиозные традиции. Храм византийского обряда, где служили отцы-иезуиты, был открыт для детей каждое утро для совершения литургии, и вскоре юный Бобринский руководил там хором, проявив хорошее знание богослужебного устава. Немецкое вторжение в мае 1940 года вызвало перевод интерната в Париж, на ул. Ренуар в 16-м округе; это позволило Борису Бобринскому завершить среднее образование в престижном лицее Сен-Луи-де-Гонзаг и сдать оба экзамена на степень бакалавра в 1943 и 1944 годах.

Приобщение к литургической красоте

Возвращение во Францию позволило восстановить связи с весьма живой православной русской общиной в ее столице и подружиться со сверстниками, которые разделяют общий интерес к церковному служению, в частности с братьями

* Отец Павел (Поль) Майё (*фр.* Paul Mailleux, SJ; 1905–1983) — бельгийский греко-католический священник, автор биографии экзарха Российской греко-католической церкви Леонида Фёдорова. — *Примеч. пер.*

Александром и Андреем Шмеманами, с Иоанном Мейендорфом, с Петром Чеснаковым. Все прислуживали в алтаре Александро-Невского собора на ул. Дарю. Вместе с этими юными друзьями и под опытным руководством старшего иподиакона Петра Евграфовича Ковалевского, возглавляющего Братство иподиаконов и прислужников собора, Борис общался каждое воскресенье к красоте службы и тонкостям архиерейского служения во время торжественных служб, которые совершались в соборе под председательством величественного митрополита Евлогия (Георгиевского), возглавляющего русские приходы в Западной Европе с титулом Экзарха Вселенского патриарха (с 1931 года). 18 апреля 1943 года во время литургии Вербного воскресенья митрополит Евлогий возводит его на первую ступень низшего церковнослужения: поставляет в чтеца.

Одновременно Борис Бобринский раскрывает себя в духовной жизни под водительством тонкого знатока святоотеческих творений архимандрита Киприана (Керна), профессора патрологии и пастырского богословия в Свято-Сергиевском институте. В 1942 году архимандрит Киприан становится духовником Бориса и в таком своем качестве на протяжении двадцати лет будет оказывать сильное влияние на его духовный путь. Тогда же, в жестких военных условиях, Борис Бобринский начинает подвизаться на ниве богословия. Он посещает вечерние богословские курсы, организованные по инициативе Александра Шмемана; ядро их составляют несколько профессоров Сергиевского института, оставшихся в Париже: отец Киприан (Керн), историк Церкви Антон Владимирович Карташев и, главное, отец Сергей Булгаков, профессор догматики и декан института.

Отец Борис рассказывал, что на него особенно сильное впечатление произвело одно заседание в присутствии отца Сергея Булгакова; тот уже потерял голос из-за рака горла, но его тексты читал помощник. После этого собрания Борис набросился на книги Булгакова, особенно на «малую» трилогию; он читал увлеченно, открывая в ней образцовое выражение неразрывного единства богословского знания и литургического опыта. Несмотря на то что впоследствии отец Борис отстранился от некоторых софиологических воззрений отца Булгакова, он признавал, что многим обязан его

трудам, и с готовностью воздавал должное тому, кого называл «тайнозрителем Премудрости», защищая его от обвинений, исходивших от его противников; эти обвинения в ереси он считал необоснованными*.

В эти же военные годы Борис Бобринский вступил в молодежное движение РСХД (Русское студенческое христианское движение). Он принимал участие в кружках, в частности в группах, посвященных изучению Библии и православной духовности. После войны, когда становится возможным возобновить деятельность Движения за пределами Парижа, он регулярно участвует в качестве руководителя в летних лагерях, которые устраивались Движением каждый год в горах Веркора, в Сен-Теофре (Изер). Позднее, в 1960-е годы, приняв сан, он снова окажется летом в лагере Сен-Теофре в качестве священника.

Студент Свято-Сергиевского института

Получив аттестат зрелости, осенью 1944 года Борис Бобринский как бы совершенно естественным образом поступает в Свято-Сергиевский православный богословский институт. Институт не без труда пережил испытания военной поры, все ее лишения и различные затруднения. Несмотря на кончину в июле 1944 года своего первого декана, отца Сергия Булгакова, и своего основателя, митрополита Евлогия, в августе 1946 года, институт вступил в период обновления благодаря возвращению старых профессоров, уехавших за границу с начала войны: отцов Георгия Флоровского, Кассиана (Безобразова) и Николая Афанасьева, а также благодаря пополнению преподавательского состава молодыми богословами, вчерашними выпускниками, в частности Алексеем Князевым и Александром Шмеманом, которые оба вскоре принимают священство. Борис Бобринский с друзьями-сверстниками, Иваном Мейендорфом и Павлом Чеснаковым, поступившими в институт одновременно с ним, собирались вокруг отца Александра Шмемана и других в небольшое Братство Христа

* См.: *Bobrin'sky Boris. Le père Serge Boulgakov, visionnaire de la Sagesse // Contacts. Paris, 2004. Vol. 56. № 205. P. 29–51.*

Спасителя, которое становится для них местом пламенных дискуссий по вопросам богословия и экклезиологии.

Для Бориса Бобринского годы учебы в институте и дискуссий в кружках РСХД и в Братстве Христа Спасителя стали периодом углубления его призвания и внутреннего созревания. От формальной догматической концепции, почерпнутой из учебников XIX века, он восходит к подлинному богословскому видению, основанному на опытном переживании Церкви и ее богослужения. Однако после первого года обучения он серьезно заболевает. При высоком росте его худоба и щуплость особенно заметны, тем более что свои скромные средства он употребляет охотнее на покупку книг, чем на улучшение быта. Хрупкий организм не вынес скудости военных лет и институтской столовой. Ради восстановления здоровья и сил его отправляют на весь учебный 1945/1946 год в деревню, из-за чего ему приходится остаться еще на год на втором курсе.

По возвращении в Париж Борис Бобринский включился в обычный студенческий ритм: лекции и занятия в библиотеке плюс ежедневные богослужения, в которых он участвует утром и вечером в составе студенческого хора, которым руководит знаток устава и традиционного церковного пения Михаил Осоргин (отец), начавший регентовать с тех пор, как в 1925 году бывший лютеранский храм на ул. Кримэ преобразовали в православную церковь в честь прп. Сергия Радонежского. В этот период Борис Бобринский много времени проводит в семье Осоргиных, которая жила тут же, при институте. Его связывает тесная дружба с двумя младшими сыновьями, Николаем и Сергеем; когда в 1951 году, после смерти отца, руководство хором перешло к Николаю, Борис продолжает петь в его хоре. В последующие годы Борис будет участвовать в концертных поездках по Франции и за границей: хор таким образом собирал средства в пользу Сергиевского института.

Тогда же Борис Бобринский знакомится с Владимиром Лосским: на Бориса произвела большое впечатление его книга «*La Théologie mystique de l'Eglise d'Orient*», вышедшая в 1944 году*, и он очень подружился со всей его семьей,

* Первое издание на рус. яз.: Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви // Богословские труды. М., 1972. Сб. 8. Переиздавалось неоднократно. — *Примеч. пер.*

особенно с детьми Николаем, Екатериной, Марией. Здесь же, в семье Лосских, он встречается несколько лет спустя, в середине 1950-х годов, того, кого называл «другом всей жизни», Ольве Клемана, француза-интеллектуала, историка по образованию, пришедшего от атеизма к вере и церкви под влиянием трудов Владимира Лосского. О. Клеман, крестившись в православной церкви, ставит своей целью дать ответы на вызовы современности путем мысли, укорененной в церковном Предании, но вместе с тем новаторской и творческой. Также в Париже Борис Бобринский встречается в конце 1940-х годов. Андрея Блума, молодого врача русского происхождения, принявшего монашеский постриг и священство; он как раз уезжал в Лондон, чтобы начать приходское служение. Тот, кто позднее станет митрополитом Антонием Сурожским, оказывает на Бориса большое влияние, приобщая его к поиску умной молитвы — постоянному призыванию имени Иисуса согласно с православной мистической традицией.

К концу обучения в Свято-Сергиевском институте Борис Бобринский уже сумел собрать основные элементы того, что затем сложится у него в подлинный богословский синтез. В 1949 году он получил диплом лиценциата богословия, представив дипломную работу на тему «Таинство миропомазания у восточных отцов IV века», которую он писал под руководством отца Георгия Флоровского. Ученый совет решил предоставить ему возможность еще углубить подготовку с тем, чтобы позднее доверить ему преподавательское место в институте.

Греция и Афон

С этой целью его посылают в качестве студента-стипендиата на богословский факультет в Афины, куда он приглашен благодаря отцу Г. Флоровскому со стипендией от Всемирного Совета Церквей (ВСЦ). В Греции он провел два года, жил в одном из Афинских университетских общежитий в гуще греческих студентов. Эта стажировка по специализации помогла Борису Бобринскому утвердиться в своем призвании богослова и позволила в совершенстве овладеть греческим языком, как древним, так и современным. Он тогда работал над рукописями сочинений святого Григория Паламы

в библиотеках Афин и Салоник, а также монастырей Афонской горы.

Однако изначальный проект докторской диссертации о творениях Паламы будет оставлен, лишь часть этого труда будет опубликована в Фессалониках в 1962 году в виде введения и критического аппарата к изданию греческого текста двух «Аподиктических трактатов свт. Григория Паламы об исхождении Святого Духа только от Отца» в первом томе Полного собрания творений святого Григория Паламы. Тем временем общепризнанным в университетских кругах специалистом по Паламе становится Иоанн Мейендорф благодаря докторской диссертации, которую он защитил в Сорбонне в 1959 году*.

А Борису Бобринскому пришлось перенести свой интерес на другого крупного представителя поздневизантийской богословской мысли, Николая Кавасилу, чьи творения прежде него начала изучать Мирра Лот-Бородина, французский историк и богослов русского происхождения**. Чиновник и просвещенный гуманист XIV века, ученик Паламы, Николай Кавасила (канонизованный в 1982 году) развивал в своем творчестве «таинственный исихазм», доступный мирянам, потому что (подчеркивал он) они призваны наравне со священнослужителями и монахами к освящению в своей обычной жизни через умную молитву и таинства. Можно сказать, что налицо была одновременно теория и практика причастия Божественной жизни, что вполне соответствовало богословскому подходу, который намеревался углубить Борис Бобринский: он видел в этом две стадии единого порыва сердца, исполненного Святым Духом, сделаться обителем Христа. Борис Бобринский посвятил Кавасиле несколько исследований, в частности «Onction chrismale et Vie en Christ chez Nicolas Cabasilas» [«Миропомазание и жизнь во Христе у Николая Кавасилы»]*** в журнале Шеветоньского аббатства

* St. Gregoire Palamas et la mystique orthodoxe. Paris, 1959 (Св. Григорий Палама и православная мистика. — *Примеч. пер.*

** Рецензию на книгу о М.И. Лот-Бородиной см. в предыдущем номере «Вестника РХД». — *Примеч. пер.*

*** Русские названия статей приводятся по книге: Преподобный Сергей в Париже: история Парижского Свято-Сергиевского православного богословского института / отв. ред. протопресвитер Б. Бобринский. СПб.: Росток, 2010. — *Примеч. пер.*

«Irenikon» в 1959 году, «Nicolas Cabasilas et la spiritualité hésychaste» [«Николай Кавасила и исихазм»] в журнале института «Pensée Orthodoxe» за 1966 год и введение к английскому изданию труда Николая Кавасилы «О жизни во Христе» в 1974 году.

Три месяца, проведенные в русских обителях на Афонской горе во время этой же стажировки в Греции, позволяют Борису Бобринскому встретиться с монашеством прежней России в лице старых святогорских русских монахов. Их тогда оставалось лишь двести-триста человек, всем было за семьдесят лет, они жили в большой нужде, но свято хранили уставы великой традиции и память о минувшем прошлом. Не без некоей доли фатализма они наблюдали неизбежное вымирание своих общин, которые — как многие думали в то время — были якобы обречены рано или поздно исчезнуть за неимением новых насельников после революции 1917 года. Вероятно, в какой-то момент у него мелькнула мысль остаться там, но, как он позднее говорил с немалой иронией, «это призвание не осуществилось». Тогда же ему предложили стать целибатным священником, чтобы взять на себя небольшой приход русских эмигрантов в Афинах, который оказался без пастыря. Но, посоветовавшись с отцом Киприаном (Керном), он отклонил это предложение.

Преподаватель в Свято-Сергиевском институте

Пересиливает верность его обязательствам перед Свято-Сергиевским институтом: он вернулся в Париж и в 1951 году с начала учебного года ему было поручено заведовать общением института в должности помощника инспектора. В ожидании, пока освободится кафедра, соответствующая его специальности, Ученый совет учредил специально под него курс истории Древнего Востока. В течение трех лет он читал этот курс истории Востока, который требовал от него большой подготовительной работы, поскольку этот предмет совершенно ему чужд. Но позднее он признавал, что сумел извлечь из него пользу, в частности, регулярно сопровождая студентов по залам Лувра, посвященным античности. Одновременно он преподавал русский язык немногим

Делегация православных богословов на межхристианской встрече в Стокгольме в 1952 г. (слева направо): прот. Георгий Флоровский, архиеп. Иоанн (Шаховской), Б.А. Бобринский, прот. Александр Шмеман, Н.А. Струве, прот. Стефан Тимченко, Л.А. Зандер, Н.М. Зернов

записавшимся в институт иностранным студентам — грекам, ливанцам, сербам.

В 1954 году профессор Сергей Верховской окончательно покинул институт, чтобы преподавать в Америке. Ученый совет решил, что Борис Бобринский заменит его в качестве доцента на кафедре догматического богословия. Он ведет этот предмет на протяжении пятидесяти пяти лет, до выхода в отставку в 2009 году. Этот предмет, как оказалось, соответствовал не только его академической подготовке, но и его глубинному богословскому призванию, как и его духовным и интеллектуальным склонностям. Предмет, считающийся сложным, богословское содержание догматов, ему удалось преобразить и обновить, освободив его от философского языка, который пришел из схоластики и рационализма, господствовавших в русских богословских школах XIX века, восстановив ее сердцевинную суть и мистагогический подход, более согласный с патристической мыслью каппадокийских и византийских отцов. Можно утверждать, что в этом он послужил обновлению

*В день диаконской хиротонии
(11.6.1959, Париж):
митр. Владимир (Тихоницкий),
отец Б. Бобринской,
матушка Е.Г. Бобринская*

современного православного богословия наряду с Георгием Флоровским, Владимиром Лосским и Иоанном Мейендорфом.

27 января 1957 года Борис Бобринский вступил в брак с баронессой Еленой Юрьевной Дистерло, дочерью офицера Российской императорской лейб-гвардии. Ее детство прошло в эмиграции, сначала в Ницце, затем в Париже; она разделила с ним видение каждодневной христианской ответственности, стремящейся «оцерковить» жизнь, как то провозглашает программа РСХД. Она была деятельным членом этой организации и одновременно готовилась стать

преподавателем математики в парижских лицеях. В этом браке появятся трое детей: Николай, Алексей и Ольга. Отец Борис найдет опору в лице этой спутницы всей его жизни, у них была полная общность на всех уровнях (духовном, культурном, интеллектуальном). Она пережила его всего на несколько месяцев и скончалась 19 февраля 2021 года.

Начало священнического служения

Отныне ничто не препятствует Борису Бобринскому отдаться своему призванию к священству. В четверг 11 июня 1959 года, на который в тот год пришелся праздник Вознесения, митрополит Владимир (Тихоницкий), преемник владыки Евлогия, поставляет его иподиаконом и затем рукополагает во диакона за Божественной литургией в Александро-Невском соборе. Ставленнику было тридцать четыре года.

Четыре месяца спустя тот же митрополит Владимир в день Московских святителей, 18 октября 1959 года (по юлианскому календарю), там же рукоположил его во священни-

ка. Это было последнее рукоположение, совершенное митрополитом Владимиром, он скончался через два месяца. Отец Борис сначала был назначен вторым священником в церковь святых Константина и Елены в Клараме, в имении Бутеневых-Осоргиных-Трубецких. Настоятелем церкви был архимандрит Киприан, его духовный отец; так у него отец Борис и учился служению у престола.

Но в начале 1960-х годов события как в Архиепископии, так и в Свято-Сергиевском институте стали развиваться довольно бурно. Преемника митрополита Владимира во главе Архиепископии определяли долго и с трудом. Наконец выбор Епархиального собрания, состоявшегося в июне 1960 года, пал на епископа Георгия (Тарасова), до того викария в Бельгии. В прошлом инженер-химик и офицер воздушных сил в Первую мировую войну, ставший священником в эмиграции, простой пастырь без богословского образования, но человек с большим сердцем, лишенный личных амбиций, он активно поддерживал местные инициативы, возникавшие местами

Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже, профессора со студентами. В первом ряду сидят, слева направо: Н.А. Куломзин, прот. Алексей Князев, протопресв. Василий Зеньковский, епископ Кассиан (Безобразов), А.В. Карташев, П.Н. Евдокимов, иерей Борис Бобринский, иерей Алексей Буткевич; стоит крайний справа Н.М. Осоргин. 1960 г.

в Архиепископии в поддержку богослужения на западноевропейских языках. Не все одобрили такую кандидатуру для Архиепископии: в частности, ректор Свято-Сергиевского института епископ Кассиан (Безобразов) попытался разорвать связь института с новым архиепископом, что неминуемо вызвало волнения и недовольство многих.

Положение на Сергиевском подворье, где находится институт и одноименный приход, становилось все более ненадежным: помещения ветшали, на их содержание средств больше не было. Некоторые ратовали за то, чтобы перевести институт в здания Мулен-де-Санлис — детского дома, созданного Софьей Зерновой в Монжероне (Эсон). Другие, сторонники сохранения учебного заведения в исторических зданиях улицы Кримэ, горячо этому сопротивляются. Но важнее материальных проблем то, что за четыре года ушло целое поколение, скончались старые профессора: отец Киприан Керн (февраль 1960), Антон Карташев (сентябрь 1960), отец Василий Зеньковский (август 1963), Лев Зандер (декабрь 1964).

Среди этой сумятицы, можно сказать конфликтов, отец Борис в меру своих сил исполнял в институте должность инспектора (1961–1964); одновременно он в течение нескольких месяцев в конце 1961 года временно заменял настоятеля в приходе. В конечном итоге архиепископ Георгий решил доверить протоиерею-профессору Алексею Князеву, у которого была репутация волевого и энергичного труженика, нелегкую задачу справиться с неладами в приходе и навести порядок в управлении институтом в качестве сперва «управляющего Свято-Сергиевской подворьем», а затем настоятеля прихода и декана института и, наконец, после кончины епископа Кассиана в 1965 году, в качестве ректора института. Отец Борис, который с 10 апреля 1960 года получил сан протоиерея, служит до 1969 года вторым священником, приписанным к Сергиевскому приходу, одновременно с октября 1963 года он также капеллан православных студентов высших учебных заведений Парижа и его округа.

Свобода от прямых приходских обязанностей позволяла ему получить отпуск на два года (с осени 1965-го по июнь 1967 года), чтобы пройти цикл доктората на протестантском богословском факультете в Невшателе (Швейцария). В ка-

честве жилья ему с семьей был предоставлен большой загородный дом в окрестностях Невшателя; дом был одолжен сестрами Граншана, протестантской монашеской общины экуменической устремленности.

Участие в экуменическом движении

Здесь самое время поговорить о неутомимой вовлеченности отца Бориса в дело экуменизма. Она заставила его многократно участвовать в многочисленных встречах и диалогах, чтобы с верностью свидетельствовать о православии и содействовать межконфессиональному сближению; он делал это осмотрительно и вдумчиво, но всегда в духе открытости и готовности слушать. Чуткость к проблеме разделения христиан возникла у него очень рано. Воспитание у отцов-иезуитов, учеба в Свято-Сергиевском институте, первые профессора которого (в частности, отцов Булгаков и Флоровский) были еще до войны видными участниками богословского диалога, зарождающегося между православными, англиканами и протестантами, его дружба с профессорами Львом Зандером и Павлом Евдокимовым, которые станут основателями Православного исследовательского центра в рамках Экуменического института в Боссэ под Лозанной (Швейцария), — все это естественным образом привело его к участию в межконфессиональном диалоге.

Так, он присутствует на больших экуменических собраниях первых послевоенных лет, которые открывают новую фазу сближения православной церкви с общинами, вышедшими из Реформации, в частности, в недрах Всемирного Совета Церквей, созданного в 1948 году в Амстердаме. Борис Бобринский — в числе членов этой первой ассамблеи ВСЦ в Амстердаме, молодым стюардом. Позднее в составе официальной делегации богословов, представляющих православную церковь, он участвует во второй ассамблее ВСЦ, собравшейся в Эванстоне (США) в августе 1954 года, и в третьей, состоявшейся в Нью-Дели в ноябре 1961-го, вероятно, самой памятной тем, что на ней в ВСЦ была принята Русская православная церковь, приславшая в Нью-Дели внушительную делегацию во главе с митрополитом Ленинградским Никодимом (Ротовым), среди участников которой был и епископ

Сурожский Антоний (Блум). На этой же ассамблее Борис Бобринский был избран на три года членом богословской комиссии ВСЦ «Вера и церковный строй».

В дальнейшем отец Борис продолжает неутомимо участвовать в межхристианском богословском диалоге, в частности, в качестве члена двух Национальных комиссий диалога между православными и католиками и между православными и протестантами, где он заседает в течение более двадцати лет, и в качестве профессора Высшего экуменического института (ISEO), созданного при Католическом институте в Париже вслед за Вторым Ватиканским собором. В этом институте он читал курс лекций о православии с 1969 по 1990 год. Его дух открытости, как и готовность исследовать неизведанные доселе пути мысли с целью преодоления некоторых давно установившихся расхождений между христианами Западом и Востоком (например, острый вопрос *Filioque*), не мешали ему оставаться твердо принципиальным в отношении путей восстановления единства христиан. Как он любил подчеркивать, полное евхаристическое общение не может быть способом достичь единства, оно может быть только его итогом.

Борис Бобринский общался тогда с известными участниками литургического и библейского обновления иных христианских традиций: Ив Конгар, Анри де Любак, Жан Даниелу, Ламбер Бодуэн, Оскар Кульман. Это открывало возможности плодотворного обмена, в частности, в рамках ежегодных Литургических съездов в Свято-Сергиевском институте.

Начало таким съездам положили в 1953 году отцы Киприан (Керн) и Николай Афанасьев, чтобы раскрывать и изучать различные христианские богослужебные традиции. Отец Борис ежегодно принимал участие в этих Литургических съездах, которые стали и остаются до сегодняшнего дня важнейшим событием академической жизни Свято-Сергиевского института и экуменического диалога во Франции. С 1966 по 2005 год он регулярно делал там доклады, среди которых следует отметить целый ряд ярких сообщений: «Каким образом Христос и Святой Дух соотносятся в литургии?» (1979); «Богослужение и ежедневная жизнь» (1981); «Богословское обоснование иерейского языка по отношению к предстоянию»

(1996); «Литургические нововведения в современном Православии» (1997).

Позднее, в конце 1990-х годов, отец Борис выступил в поддержку установления партнерского договора между Свято-Сергиевским институтом и Богословским факультетом Фрибургского университета, который в 2000 году присвоит ему докторскую степень *honoris causa* за совокупность его богословских трудов и участие в движении в пользу христианского единства. Отец Борис был также президентом Ассоциации по диалогу между Православной церковью и Восточными Православными церквями и членом Международной академии религиозных наук (IARS), межконфессионального сообщества специалистов по богословию, которые стремятся продумывать существенные религиозные вопросы в общем междисциплинарном русле гуманитарных наук.

Стремление к единству православия на Западе

Наряду с явным интересом к экуменическому диалогу, отец Борис Бобринский не оставлял без внимания юрисдикционное дробление православной диаспоры. Очень рано он осознал, что необходимо действовать ради единства православия на Западе. В 1960-е годы во Франции организуется Православный межепископский комитет, а также Православное братство в Западной Европе, которое изначально стремится «служить единству и свидетельству Православной церкви». Отец Борис активно участвовал в обоих начинаниях наряду с небольшой группой друзей священников, богословов или ответственных мирян (среди других следует упомянуть Оливье Клемана, архимандрита Кирилла Аргентиса, Элизабет Бер-Сишель, Николая Владимировича Лосского, Михаила Павловича Евдокимова, Ивана Александровича Чекана). Всеми ими двигало стремление строить единую местную церковь.

Вместе с ними отец Борис — один из тех, кто воссоздает с 1959 года журнал «Contacts», основанный десятилетием ранее; журнал становится главным франкоязычным органом, посвященным богословию и православной духовности. Он был членом редакционного совета «Contacts» на протяжении почти пятидесяти лет (до 1995 года), там публиковались

многие его важные тексты. В 1971 году он присутствовал на съезде православной молодежи в Аннеси (От-Савуа) на общую тему «Воскресение и современный человек». Тут впервые съехалось более трехсот православных разного происхождения и юрисдикций со всей Западной Европы. Отныне отец Борис участвовал, а периодически и выступал на этих больших съездах, организуемых Православным братством в Западной Европе раз в три года. Эти съезды (по его словам) стали «пророческими событиями» на пути к медленному становлению местного православия. На съезде в Ганде (Бельгия), куда собрались в 1983 году семьсот участников, он читал один из пленарных докладов на тему «Тайна Христова, основа нашей молитвы и нашей жизни».

Помимо такого яркого присутствия, на больших православных съездах шла большая кропотливая работа в недрах официальных церковных структур, работа менее заметная и неизбежно медленная, стремящаяся сочетать чаяния верующих на местах и мнения церковных иерархов; ее цель заключалась в том, чтобы побудить как местных архиереев, так и «Церкви-Матери» осознать, что необходимо выходить за пределы юрисдикционных, этнических и языковых барьеров в деле созидания православной церкви здесь, в западных странах. С 1968 года отец Борис был консультантом при Православном межъепископском комитете во Франции, затем при Ассамблее православных епископов во Франции (АПЕФ) с ее создания в 1997 году. Он также на протяжении многих лет возглавлял Богословскую комиссию при той же Ассамблее. Его компетенция как специалиста по православной догматике и экклезиологии единогласно признавалась и ценилась высшими церковными учреждениями не только во Франции, но и на международном уровне, благодаря чему он участвовал в качестве эксперта на двух Всеправославных предсоборных конференциях, организованных по инициативе Константинопольского патриарха в православном центре в Шамбези близ Женевы (Швейцария) в 1976 и 1982 годах.

Верность Архиепископии русской традиции в Западной Европе

Отец Борис Бобринский постоянно призывал преодолевать юрисдикционные разделения. Но сам он находился в каноническом ведении Архиепископии русских приходов в Западной Европе, и можно сказать, что он был привязан к ней всей душой и всем сердцем и хранил эту безупречную верность всю свою жизнь. Так, в начале 1960-х годов он отказался от приглашения Православной церкви в Америке присоединиться к его друзьям отцам Александру Шмеману и Иоанну Мейендорфу и стать наряду с ними преподавателем в Свято-Владимирском богословском институте в Нью-Йорке. Он предпочел остаться в Париже, продолжать преподавать в Свято-Сергиевском институте, продолжать свое служение в Архиепископии.

Он неизменно был в строю, когда Архиепископия переживала нелегкие периоды, в частности, в 1965–1966 годах, когда под давлением внешних событий Вселенский Патриарх Афинагор решил лишить Архиепископию своего покровительства и статуса экзархата, которым она пользовалась с 1931 года. Всеобщее епархиальное собрание в феврале 1966 года отказалось вернуться в лоно Московского Патриархата и решило провозгласить «независимость» Архиепископии, чтобы удержать ее свободу и единство, одновременно сохраняя некоторую связь с Константинопольским Патриархатом, дабы остаться в общении с полнотой Православной церкви.

Мало кто знает, что в январе 1966 года именно отец Борис вместе с князем Константином Андрониковым ездил на Фанар с полномочиями от архиепископа Георгия и его Епархиального совета в поисках долгосрочного решения, которое позволило бы епархии сохранить связь с Константинополем и наметить в будущем новые канонические взаимоотношения с Патриархатом*. Это решение обретет конкретность в январе 1971 года, когда Архиепископии будет дарован новый

* Результаты этих переговоров сохранились в отчетах Епархиальной ассамблеи в феврале 1966 года, они были частично опубликованы на основании документов, извлеченных из архивов Архиепископии (см.: *Соловьев И., свящ., Нивьер А. Церковные нестроения в русской эмиграции в 1965–1966 гг. // Вестник РХД. 2018. № 210 (II). С. 46–60, 61–106.*

патриарший *томос*, признающий за ней «статус особой автономии» в юрисдикции Константинополя. На этой же ассамблее 1966 года отец Борис впервые был избран членом Епархиального совета Архиепископии. Далее он будет регулярно туда переизбираться, а в 1993 году, по кончине отца Алексея Князева, станет его вице-президентом и сохранит это звание до 2004 года. Но не будем забегать вперед.

В конце 1968 года произошло трагическое событие: 3 декабря в автокатастрофе внезапно погиб протоиерей Петр Струве. Эмоциональный отклик огромный, и не только в русской православной общине Парижа, в которой отец Петр был видным действующим лицом. Он работал врачом, одновременно был ведущим телепередачи «Православие», священником небольшой франкоязычной литургической общины во имя Святой Троицы, собирающейся с конца 1950-х годов в крипте собора на ул. Дарю. В 1964 году он стал ее духовным руководителем. После его внезапной кончины архиепископ Георгий беспокоился, как бы эта динамичная и многообещающая франкоязычная община не осталась сиротой. Поэтому он обратился к отцу Борису Бобринскому, который согласился принять руководство общиной. Он был официально назначен ее настоятелем 14 января 1969 года.

С самого начала отец Борис стремился к тому, чтобы община росла и развивалась; он не отказывался от наследия отца Петра, но вносил в него свои таланты литургиста и ввел

то, что в глазах некоторых представлялось тогда «новшествами»: совершение полного круга богослужений по воскресным и праздничным дням (в силу того, что отец Петр бывал занят на своей работе, прежде это было невозможно); систематическое употребление французского языка в богослужении; чтение вслух «тайных» священ-

*Отец Борис Бобринский, выступающий с докладом на очередном съезде Православного братства в Западной Европе.
1970-е гг.*

нических молитв (прежде они читались тихо и по-славянски); открытые царские врата при совершении евхаристии; во время Великого поста совершение Литургии Преждеосвященных Даров вечером; включение чина крещения в литургию. Все это — явные признаки возврата к истокам литургии; это роднило его с отцами Александром Шмеманом и Иоанном Мейендорфом. Им удалось беспрепятственно применять все это в Православной церкви в Америке, а в Париже из-за таких инициатив отец Борис порой становился предметом нелепых обвинений со стороны некоторых малосведущих консервативных православных кругов — обвинений в реформации, модернизме, измене русской «традиции».

А ведь надо было еще поискать такого русского, как отец Борис! Он был глубоко привязан к языку своих предков, которым владел в совершенстве (грассируя букву «р», как свойственно петербургской знати); в семье постоянно пользовались только русским языком. Его знание русской культуры, особенно литературы, было обширное и тонкое. И он был очень чуток к духовной драме, которую переживал русский

Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже, профессора со студентами. В первом ряду сидят, слева направо: Н.М. Осоргин, Оливье Клеман, иером. Афанасий (Евтич), прот. Борис Бобринский, архиеп. Георгий (Тарасов), прот. Алексей Князев, иерей Яков Дойл, неизв. 1968 г.

народ вследствие революции: разрушение храмов, преследование верующих, стеснение всякого вероучительного и духовного образования. В 1980–1990 годы это подвигнет его запустить и поддерживать несколько программ помощи России (об этом поговорим далее).

Как совершенно справедливо замечает профессор Мишель Ставр, один из его учеников и духовных детей в крипте, потом ставший его преемником по кафедре догматического богословия в Свято-Сергиевском институте, «парадоксальным образом он, с младенчества впитавший молоко русского православия и хранивший безграничную любовь к славянской традиции, которую так хорошо знал, совершенно непринужденно руководил общиной, которая состояла из верующих самого разного происхождения, собравшейся, чтобы жить православием на языке местной культуры — в данном случае на французском».

Пастырское делание на ниве франкоязычного православия

Параллельно с постоянным вниманием к России и ее культуре в центре забот отца Бориса Бобринского было служение франкоязычному приходу в крипте, служение, которое не ограничивалось для него совершением уставных богослужений. Это была многогранная, глубокая пастырская работа на всех уровнях: и общинном, и личном. Отец Борис поддерживал общину крипты при посредстве годичных циклов катехизации для взрослых и особенно воскресными проповедями на тему богослужебных чтений данного дня. Проповеди ему удавались превосходно, он использовал свой талант оратора и рассказчика, эрудицию библеиста-экзегета и богослова и дар духовного водительства. Вначале он проповедовал по запискам, но со временем привык импровизировать, он умел ясно и четко, в простых выражениях, коснуться сути; эти свойства делали его непревзойденным проповедником.

За гранью этого очевидного труда в церковной общине оставался большой незаметный труд личного плана: еженедельные личные встречи с многочисленными духовными детьми, которые регулярно приходили на исповедь или за наставлениями и советами (проходя по двору на ул. Дарю,

можно было услышать от них восторженное: «Мне назначена встреча с отцом Борисом»). Приходили и пары, которые он готовил к таинству брака, и люди, мужчины и женщины со всех концов, для кого он был спутником на пути к крещению или вступлению в Православную церковь. Все духовные дети помнят его образ священника и духовника с горящей верой, подлинного спутника, который сочетал глубокую нежность и твердые убеждения; он всегда заботился, как бы не ранить собеседника, возродить доверие и надежду в каждом, кто доверялся ему. То было незаметное делание, полное радостей и печалей, достижений и неудач; ими подпитывалась та «радость с примесью скорби» («douloureuse joie»), о которой любил говорить отец Борис, описывая пастырский труд, совершаемый самоотверженно, но часто в трудных, порой тяжелых условиях.

Вопреки препонам, на которые отец Борис, впрочем, предпочитал не обращать большое внимание, под его воздействием франкоязычная община крипты получила большое развитие. Вначале ее членами были главным образом выходцы из первой волны русской эмиграции, которые стремились лучше понимать богослужебные тексты (церковнославянский язык казался им по меньшей мере малопонятным). Со временем община офранцузилась, все большую ее часть составляли обращенные, она окрепла и обрела форму, стала полноценным приходом. Такой статус она получила официально по указу архиепископа Георгия (Тарасова) от 15 февраля 1973 года. 25 марта того же года следующий указ назначал отца Бориса настоятелем нового прихода.

Одновременно отец Борис был назначен благочинным франкоязычных общин Архиепископии. Это подразумевало, что он должен наблюдать за богослужебной жизнью рассеянных церковных общин, служащих по-французски. Эти общины находились главным образом в западных районах Франции, но были такие и во франкофонной Бельгии. В этом деле ему помогали священники, приписанные к крипте, отец Петр Чеснаков и отец Ренэ Доренло, позже отец Михаил Евдокимов, а также отец Марк Никэз в Брюсселе. Отец Борис будет исполнять эту должность, пока в 1995 году архиепископ Сергей (Коновалов) не сочтет ее ненужной и не упразднит ее.

Упущенная возможность вдохнуть новую жизнь в приход собора

Через несколько лет отцу Бобринскому открывается новое поле пастырской деятельности. В начале лета 1979 года приход Александро-Невского собора постигли большие проблемы с клиром — протоиерея Николая Оболенского унесла скоротечная лейкемия, протопресвитер Александр Чекан окончательно обезножил от паралича. Главный храм Архиепископии лишился самых старых своих священников; архиепископ Георгий (Тарасов), глава епархии и настоятель собора, сам часто болел и был немолод (ему пошел 87-й год). Поэтому архиепископ Георгий принял решение доверить отцу Борису руководство приходом собора и 14 сентября 1979 года назначил его помощником настоятеля.

Таким образом, отец Борис в течение двух лет занимался одновременно двумя приходскими общинами ул. Дарю: рус-

*Крестный ход в день престольного праздника
(Париж, Александро-Невский собор, сентябрь 1984 г.): архиеп. Георгий
(Вагнер), прот. Анатолий Ракович, прот. Борис Бобринский*

ским приходом верхнего храма (собора) и франкоязычным приходом нижнего храма (крипты). Это удваивало его ответственность, его заботы, количество богослужений (верхний храм следовал юлианскому календарю, нижний — григорианскому). В итоге он дважды совершал Рождественские богослужения, сначала 25 декабря внизу, затем 7 января наверху (в напряжении служб Богоявления 6 января внизу). Кто, кроме отца Бориса, выдержал бы такой ритм? А он проживал этот период двойственного служения с легкой душой и стойко, как ни в чем не бывало, хотя при этом ему приходилось сталкиваться с подспудным сопротивлением некоторых мирян, членов приходского совета собора, недовольных его назначением.

Перед лицом критиков отец Борис умел использовать свою врожденную аристократическую непринужденность, она повергала в замешательство некоторых его собеседников, с ней не могли соперничать его недоброжелатели. Он умел не делать уступок в существенных вопросах, в частности в совершении богослужения. И здесь это влияние оказалось решающим в Александро-Невском соборе, несмотря на сопротивление: он настоял, чтобы были восстановлены некоторые песнопения, которые на практике заменялись чтением, а то и вовсе опускались. Так же, как и в крипте, он ввел чтение ехаристического канона вслух и при открытых царских вратах. Однако он остался на этом посту недостаточно долго, чтобы успеть вдохнуть более глубокие перемены, позволившие бы вернуть подлинную жизнь приходу, который был слишком уж склонен ограничиваться совершением богослужений и треб.

Профессор и декан Свято-Сергиевского института

После кончины архиепископа Георгия Тарасова в марте 1981 года, сменивший его во главе епархии архиепископ Георгий (Вагнер) объявил, что намерен полностью взять на себя настоятельство в соборе, и 16 октября 1981 года отец Борис был освобожден от своей должности в этом приходе. Ему осталась крипта, где он настоятельствовал еще двадцать восемь лет. В 2009 году отец Борис объявил, что намерен

сложить с себя пастырские обязанности. Указ, освобождающий его от должности настоятеля Троицкого прихода, подписан 21 октября 2009 года. К этому времени отец Борис получил все церковные награды, какие может получить от священноначалия белый священник: право ношения митры (указ от 18 октября 1989 г.), звание протопресвитера (указ от 6 апреля 1995 г.), право ношения второго наперсного креста (указ от 18 октября 2006 г.), — из духовенства Архиепископии это последнее отличие получили прежде него только отец Василий Зеньковский и отец Николай Афанасьев, два его наставника по Свято-Сергиевскому институту.

Все эти почетные отличия, которым сам он придавал лишь очень относительное значение, даже старался не использовать (например, митра уж очень не соответствовала его высокому росту), выражали благодарность служению отца Бориса в Архиепископии с 1961 до начала 2010-х годов со стороны архиепископов, которые сменялись во главе епархии на протяжении почти пятидесяти лет*. Хотя быстрому продвижению его «академической карьеры», конечно, было много помех: постоянная приходская работа, семья и служение ближнему, которому он отдавался с полной самоотверженностью (например, на долгое время они с супругой принимали к себе близких пожилых родственников и ухаживали за ними).

Только 6 мая 1987 года Борис Бобринский представил работу на соискание звания доктора богословия на тему «Почивание Святого Духа на Христе»: это был плод многолетних размышлений и продумывания богословия Святого Духа. В этом труде он показывает тесное и невыразимое единство Христа и Святого Духа, «двух рук Отца», раскрывающих и дарующих себя во взаимной любви и явлении миру. В ходе защиты оба оппонента, отец Иоанн Мейендорф из Свято-Владимирского института (Нью-Йорк) и Оливье Клеман из Свято-Сергиевского института, подчеркнули, насколько работа отца Бориса отражает тринитарный опыт веры, неразрывно общинный и личный, и выходит за академические рамки просто ученого труда.

* Напомним, речь идет об архиепископах Георгии (Вагнере, 1981–1993), Сергии (Коновалове, 1993–2003) и Гаврииле (де Вильдере, 2001–2013).

Через шесть лет, в июне 1993 года, отец Борис был избран деканом Свято-Сергиевского института: он сменил профессора князя Константина Андроникова, который ушел в отставку по состоянию здоровья. В этом своем новом качестве отец Борис на протяжении двенадцати лет старается заботиться о судьбе учебного заведения, с которым была связана вся его жизнь, сначала студента, затем преподавателя. Трудности были велики: частые сложности, гнетущая сила инерции, глухая оппозиция некоторых коллег — все это никак не облегчало его задачу в контексте непрочной материальной и финансовой ситуации института. За невозможностью вдохновить подлинное его обновление отец Борис стремился передать то, что сам воспринял, руководя магистерскими и докторскими работами, подготавливая смену, чтобы не погас светоч почти векового богословского преподавания на Сергиевском подворье в Париже. Эту память и наследие, которое он ценил превыше всего, он постарался описать как общее полотно в последнем монументальном коллективном труде, изданном под его редакцией на русском языке в 2010 году: «Преподобный Сергей в Париже: история Парижского Свято-Сергиевского православного богословского института»*.

16 декабря 2005 года отец Борис прекратил свои полномочия декана Свято-Сергиевского института, но продолжал еще преподавать там догматическое богословие до официального выхода в отставку 21 октября 2009 года. В этот же день Ученый совет присвоил ему звание почетного профессора. Такая научная награда дополняла звания доктора *honoris causa* богословского факультета Клуж-Напока (Cluj-Napoca, Румыния, 2002) и Свято-Владимирского православного богословского института в Нью Йорке (2003).

Отмеченные духовным влиянием отцов-каппадокийцев и «Добротолюбия», многие научные работы, которые отец Борис Бобринский публиковал по-французски и на многих иностранных языках, посвящены главным образом христологии, богословию Святой Троицы и Святого Духа, экклезиологии

* Преподобный Сергей в Париже: история Парижского Свято-Сергиевского православного богословского института / отв. ред. протопр. Б. Бобринский. СПб.: Росток, 2010. 710 с., ил. — *Примеч. пер.*

и литургике, таинствам Крещения и Евхаристии. Они печатались в разных журналах, например в «Contacts», «Le Message orthodoxe», «Pensée orthodoxe», «St Vladimir's Theological Quarterly», «Sobornost», «Irénikon», «Istina», ежемесячном информационном бюллетене «Service orthodoxe de presse» (SOP) и приложениях к нему «Suppléments au SOP», а также в приходском «Bulletin de la Crypte de la Sainte-Trinité», который с 1969 по 2009 год всегда начинался с ежемесячной редакционной передовицы отца Бориса.

Среди важнейших публикаций следует упомянуть капитальный труд «Le Mystère de la Trinité» (Cerf, 1996) [«Тайна Пресвятой Троицы»]; сборник очерков, посвященных богословию Святой Троицы и таинств под заглавием «Communion du Saint-Esprit» (éditions de l'abbaye de Bellefontaine, 1992) [«Причастие Святого Духа»]; цикл приходских вероучительных бесед «La vie liturgique» (Cerf, 2000) [«Литургическая жизнь»]; сборник статей о молитве, прощении и православной духовной традиции «La Compassion du Père» (Cerf, 2000) [«Сострадание Отчее»]; курс догматического богословия «Le mystère de l'Eglise» (Cerf, 2003) [«Тайна Церкви»]; наконец, антологию проповедей и статей, посвященных Пятидесятнице, собранных под заглавием «Je suis venu jeter le Feu sur la terre» (Cerf, 2003) [«Огонь пришел Я низвести на землю»], к которым следует присовокупить четыре тома проповедей, изданных Покровской обителью Бюсси-ан-От (Йонна).

Найдутся те, кто лучше нас смогут систематически проанализировать это обширное и столь плодотворное насле-

дие, которое затронуло практически все области и богословской мысли, и богослужбной и духовной традиции православия. Напомним еще, что отец Борис был, вместе с Жаком Турай, главным редактором первого полного перевода на французский язык греческого

*Отец Борис Бобринский (справа)
с отцом Николаем Чернокраком. 1985 г.*

«Добротолюбия», сборника аскетических и мистических текстов IV–XV веков, который является одним из сокровищ православной монашеской традиции.

Руководитель радиопередачи «Голос православия»

Одной из постоянных забот отца Бориса всегда оставалась страждущая Россия, ведь он никоим образом не мог ни отречься от своих корней, ни остаться равнодушным к судьбам Церкви, гонимой советским строем и сведенной к самым минимальным возможностям в области преподавания богословия, церковного образования и миссионерства. От своих старших наставников по Свято-Сергиевскому институту он воспринял убеждение: одно из оправданий их изгнанничества на Запад состояло в том, чтобы сохранить богословское наследие русского православия, свидетельствовать о нем и передать его, с тем чтобы, когда настанет время, вернуть его России, освободившейся от засилья государственного атеизма, навязанного после революции. Эту миссию он вполне усвоил как личную. В конце 1970-х годов ему открылась возможность в полной мере осуществлять эту миссию.

Так сложилось, что в этот момент Елена и Евгений Поздеевы, русская чета, стремящаяся внести свой вклад в духовное возрождение в Советском Союзе, подали идею организовать радиопередачи на советскую Россию исключительно религиозного содержания (в отличие от «Радио Свобода», более политического). В юности они уже занимались миссионерской работой на северо-западе России, на территории, оккупированной немцами во время Второй мировой войны; с окончанием войны они эмигрировали в Мюнхен (Германия). У Поздеевых была дачка в Бюсси-ан-От, в деревушке на севере Бургони, где с 1946 года существует небольшая община монахинь русского происхождения, Покровская обитель, куда часто ездили восстанавливать силы отец Борис с семьей. Поздеевы поделились своей идеей с отцом Борисом, который не только поддержал их намерение, но решил лично принять участие в этом проекте. В 1979 году он запустил религиозные передачи на русском языке и дал им название «Голос православия».

Отец Борис составляет программу передач и делает записи с помощью некоторых верных сотрудников; среди них надо особенно упомянуть Степана Татищева, преподавателя-русиста в Институте восточных языков в Париже, вхожего в среду русских диссидентов*. Чтобы финансировать проект, отец Борис воззвал к солидарности своих экуменических связей. Существенную помощь оказала швейцарская организация *Glaube in der 2. Welt*, которой руководил его давний друг Евгений Фосс (Eugen Voss), реформатский пастор, выходец из семьи российских немцев, создатель информационного центра, посвященного положению гонимых христиан в Советском Союзе. Отец Борис также организовал Ассоциацию друзей «Голоса православия», у нее было несколько отделов в разных странах Западной Европы и в Северной Америке; он оставался во главе ее до 2009 года.

Очень быстро удалось составить сетку разнообразных программ: катехизические циклы для взрослых и для детей; чтение проповедей или записи лучших проповедников разных юрисдикций диаспоры, в частности митрополита Антония Сурожского, отца Александра Шмемана, отца Алексия Князева и самого отца Бориса; чтение житий святых; беседы на различные темы: вера и наука, духовная жизнь, история России и Русской церкви; а также передача частей богослужения и богослужебных песнопений, записанных хором Сергиевского подворья. В Париже была создана небольшая студия звукозаписи.

Передачи осуществлялись на коротких волнах из Португалии, что позволяло покрыть большую часть территории СССР, хотя до 1988 года передачам приходилось сталкиваться с глушением: советские власти отнесли это радио к «враждебным голосам». Тем не менее передачи (в 1989 году — три с половиной часа в неделю, с повторами в разное время по разным дням) вызывали определенный положительный отклик за железным занавесом, особенно (но не только) в интеллектуальных кругах, и многочисленные свидетельства, доходившие в Париж из Москвы, Ленинграда и других мест, подтверждали успешность этого начинания.

* Степан Николаевич Татищев (1935–1985), родившийся в эмиграции сын графа Н.Д. Татищева; в 1971–1974 годах атташе по культуре посольства Франции в Москве. — *Примеч. пер.*

Миссионерская и гуманитарная помощь России

Все это получило развитие после крушения СССР, когда в начале 1990-х были установлены связи с двумя русскими священниками, отцом Александром Степановым и отцом Львом Большаковым, из Братства святой Анастасии* — благотворительного и миссионерского сообщества, которое благодаря перестройке недавно открылось в Ленинграде, ставшем снова Санкт-Петербургом. Вскоре из их бесед с отцом Борисом у Поздеевых в Бюсси, а затем при первой поездке отца Бориса с супругой в Санкт-Петербург возникло общее видение. В 1994 году был подписан договор о сотрудничестве «Голоса православия» и Братства святой Анастасии, в результате Братство стало воспроизводить на российскую территорию программы, подготовленные в Париже.

Начиная с 1999 года, Братство располагает собственной радиостанцией «Град Петров», которая вещает из Петербурга, хотя остается тесно связанной с «Голосом православия». Как с удовлетворением заявлял отец Борис, «в постсоветский период появились в самой России люди, готовые подхватить светоч и продолжать наше дело, и я привел бы слова Иоанна Крестителя о Христе: “Ему должно расти, а мне умяляться” (Ин 3: 30). Благодарю Бога, что мне было дано оказаться у истоков этого миссионерского дела, видеть, как оно возрасало и приносило плоды, видеть, как это дело, начавшееся в Париже, теперь продолжается в Санкт-Петербурге».

Падение коммунистического режима дало возможность отцу Борису и его супруге посетить страну предков. В 1990-е годы они побывали в России несколько раз, посетили Москву, Санкт-Петербург и бывшие семейные имения, они были во многих приходах, в богословских школах, которые восстанавливались или создавались вновь: в Свято-Тихоновском институте, которым руководит протоиерей Владимир Воробьев в Москве, или в Свято-Филаретовском институте, основанном священником Георгием Кочетковым, в том же

* Полное название: Братство святой великомученицы Анастасии Узорешительницы при приходе домовая церковь во имя святой великомученицы Анастасии Узорешительницы на Васильевском острове. — *Примеч. пер.*

городе. Гости беседовали, давали многочисленные интервью русской религиозной прессе, в Петербурге их принимало Братство святой Анастасии и радио «Град Петров».

Эти поездки в Россию давали им обоим возможность соприкоснуться с теми трудностями, с которыми сталкиваются многие жители страны, где отныне богатство некоторых соседствует с крайней нуждой остальных. Вернувшись в Париж, они, с благословения архиепископа Сергия (Коновалова), запустили программу гуманитарной помощи России под эгидой Архиепископии и РСХД. Эта программа, осуществляемая в рамках сообщества Епархиальной гуманитарной взаимопомощи, которую возглавила Елена Бобринская при поддержке отца Бориса, позволила собирать средства для приобретения и отправки социальной и медицинской помощи приходским благотворительным обществам, детским домам и отдельным семьям в России и Украине.

Выход в отставку и переезд под стены монастыря в Бюсси-ан-От

Летом 2010 года отец Борис, освобожденный от всех должностей и в Свято-Сергиевском институте, и в приходе крипты, и в Архиепископии (с апреля 2004 года по июнь 2010-го он был председателем Епархиального церковного суда), вместе с супругой переезжает в местечко Бюсси-ан-От, где находится Покровский монастырь. Руководство радио и ассоциацией «Голос православия» он передал отцу Владимиру Ягелло, а управление обществом Епархиальной гуманитарной взаимопомощи Елена Бобринская передала своей ближайшей сотруднице Наталье Фрид.

Так что последнее десятилетие своей жизни отец Борис проводил вблизи одного из самых старых православных монастырей во Франции. Он регулярно совершал там литургию, продолжал по мере сил проповедовать в воскресные и праздничные дни, а главное, исповедовал монахинь общины и прихожан, а также многочисленных духовных детей, которые постоянно стекались из Парижа и иных мест. Он с готовностью принимал у себя или на монастырском дворе многочисленных друзей и посетителей, которые регулярно его навещали, приезжали с ним побеседовать, предаться вос-

поминаниям, делились текущими заботами и надеждами. Все они знали, что найдут в его лице внимательного собеседника, отзывчивого умом и открытого для любых вопросов; его в равной степени интересовали вопросы отвлеченного богословия или богослужебной практики, положение Православной церкви во Франции и в других странах, развитие России или последние новости о происходящем во Франции и во всем мире.

Развитие Архиепископии в последнее двадцатилетие

Остается коснуться еще одного предмета — вероятно, самого деликатного, самого болезненного; именно так, с болью и скорбью, переживал его отец Борис. Это вопрос взаимоотношений Архиепископии и Московского Патриархата в последние двадцать пять лет и фактически вопрос будущего Архиепископии, самого ее существования, по крайней мере в том виде, в каком ее знал отец Борис, каким видел ее место и миссию в лоне православия во Франции и, шире, на Западе.

После падения советского режима и возвращения Церкви в России в публичную сферу, что в 1990-е годы выразилось открытием храмов и монастырей, возобновлением богословского образования и церковных школ, когда над всей церковной жизнью повеял дух свободы, в Архиепископии родились большие надежды. Отец Борис был членом делегации Архиепископии, которая во главе с архиепископом Сергием (Коноваловым) впервые посетила Москву с официальным визитом с 6 по 12 мая 1995 года. Во время этого визита Патриарх Московский Алексий II признал статусное положение Архиепископии на тот момент, однако подчеркнул, что оно нуждается в урегулировании. Было решено в будущем согласовать позиции, прежде чем будет принято какое-либо решение, которое может оказать влияние на взаимоотношение двух структур.

Далее несколько видных епископов — членов Священного Синода РПЦ посетили Архиепископию в Париже: митрополит Смоленский Кирилл (ныне Патриарх Московский), в то время глава Отдела внешних связей МП, совершил Божественную литургию в соборе на ул. Дарю; митрополиты

В день присвоения звания почетного доктора богословия Свято-Сергиевского православного богословского института митр. Минскому и Слуцкому Филарету (Париж, 2003 г.). В первом ряду сидят, слева направо: протопресв. Борис Бобринский, митр. Филарет (Вахромеев), архиеп. Гавриил (де Вильдер), архиеп. Иннокентий (Васильев). За ними стоят: архим. Григорий (Папатома), архим. Иов (Гетча), иерей Яков Легран

Киевский Владимир (Сабодан) и Минский Филарет (Вахромеев) получили в Свято-Сергиевском институте присвоенную им степень доктора богословия *honoris cause*, отец Борис в своем качестве декана их тепло здесь принимал.

Однако конец 2000 года был отмечен резким ухудшением этих отношений; причина чему — измена настоятеля римского прихода Архиепископии отца Михаила Осоргина (1929–2012), который в одностороннем порядке и без всякого обсуждения вместе с приходом покинул Архиепископию и перешел в юрисдикцию Москвы. Чтобы разрешить этот кризис, в феврале 2001 года руководством ОВЦС МП и ответственными лицами Архиепископии было принято решение создать смешанную комиссию по диалогу. Со стороны Архи-

епископии в комиссию вошли архиепископ Сергей, его викарий епископ Гавриил (де Вильдер), отец Борис Бобринский и секретарь епархиального совета, в тот момент Василий Николаевич Тизенгаузен. Комиссия собиралась несколько раз в течение 2001–2002 годов в Швейцарии в обстановке полной секретности (и без участия отца Бориса); встречи показали, что взаимное доверие двух сторон отныне поколеблено.

Тем временем 22 января 2003 года в Париже внезапно скончался архиепископ Сергей. Вопрос его преемства сразу показался щекотливым. 2 апреля заседание Епархиального совета, который должен был составить список из трех кандидатов для представления Общеeparхиальному собранию, началось с сенсации: оглашения «Письма Патриарха Московского епископам и приходам русской традиции в западной Европе» от 1 апреля, официально полученного по факсу в Париже меньше чем за час до начала заседания Совета.

В этом письме патриарх Алексей II предлагал трем русским юрисдикциям в Западной Европе (а именно Архиепископии, епархиям Русской церкви «за рубежом» и епархиям Московского Патриархата) слиться воедино в статусе автономной митрополии под властью Московского патриарха. Собрание Епархиального совета вылилось в широкий обмен противоположными мнениями: одни настаивали на том, чтобы сразу принять это предложение, что означало отложить избрание нового архиепископа *sine die*; другие подчеркивали, что такое решение не может быть принято, пока кафедра епархиального архиерея пустует: следует сначала избрать нового архиепископа, прежде чем рассматривать, какой ответ дать на письмо патриарха Алексея II. Споры были жаркие; отец Борис по своему обыкновению стремился сгладить углы и привести к общему знаменателю самые противоречивые мнения, но *in fine* решительно использовал свой авторитет, чтобы предпочтение было отдано второму решению.

В конце концов Епархиальная ассамблея 1 мая 2003 года избрала главой Архиепископии владыку Гавриила (де Вильдера); избрание было сразу же утверждено Священным Синодом Константинопольского Патриархата, он получил титулы архиепископа и экзарха Вселенского патриарха. Тщательно собрав за 2003–2004 годы мнения различных составляющих Архиепископии, архиепископ Гавриил в итоге решил

отклонить предложение Московского патриарха и остаться в каноническом подчинении Константинопольского престола.

С тех пор произошло много событий, здесь не место и не время описывать то, что привело к упразднению прежней Архиепископии, которая в 2018 году разделилась на две части: одна, под руководством архиепископа Иоанна (Реннето), присоединилась к юрисдикции Московского Патриархата, а владыка Иоанн получил титул митрополита Дубнинского; вторая, в виде викариатства русской традиции, влилась в Митрополию Константинопольского патриархата во Франции.

Все эти годы отец Борис Бобринский, уже отошедший от дел в Бюсси-ан-От, не принимал участия в спорах и противостояниях, которыми сопровождались эти события, но и не скрывал свое беспокойство и скорбь, которые он испытывал перед лицом этих внутренних раздоров. Еще в 2003 году он проанализировал их начала и концы в открытом письме, распространенном незадолго до избрания архиепископа Гавриила; здесь нелишне напомнить главные мысли этого текста.

Это письмо отца Бориса начинается с того, что невозможно обойти вниманием послание патриарха Алексия II от 1 апреля 2003 года, которое выражает «стремление и давнее желание Московского Патриархата найти решение и преодолеть разделение с Архиепископией», — разделение, которое Московский Патриархат «со своей стороны всегда считал временным, даже антиканоническим». Однако, продолжает он, невозможно скрывать и то, что после более чем семидесяти лет разрыва ни идентичность, ни социологическая реальность Архиепископии уже не те, каковы они были в момент разрыва; так же как невозможно игнорировать и оставить без внимания связи, которые установились между Архиепископией и Константинопольским Патриархатом.

«Две точки зрения сталкиваются и разделяют нас», — констатирует он. С одной стороны, «видение Русской церкви», которое в перспективе допускает «постепенное становление многонациональной Поместной Церкви», «гарантом» которой была бы Церковь Русская; с другой стороны, «видение столь же вполне церковное» Архиепископии в юрисдикции Константинопольского Патриархата, которая уже является проявлением «будущей многонациональной Поместной Церкви», но наталкивается на тот факт, что все православ-

ные епархии во Франции сегодня больше озабочены пастырским окормлением выходцев из своих родных стран.

Обращая провидческий призыв каждому «распорядиться будущим нашей Архиепископии в единстве всех, в законности и уважении к ее уставу», отец Борис прибавляет: «Очень желательно, чтобы... патриархи Константинополя и Москвы могли бы уже теперь сесть вместе и попробовать разрешить проблему будущего нашей епархии, для которого существенно важно поддержать и сохранить ее внутреннее единство. Есть ли такая возможность? Было бы печально, если бы наша Архиепископия сделалась камнем преткновения и яблоком раздора, чтобы наши патриархаты (и мы сами) раздирались из-за нее».

Эти последние пожелания отца Бориса не осуществились, но можно надеяться, что настанет день, когда этот призыв будет услышан, и дело, на которое он положил всю жизнь, — возникновение объединенного местного Православия — наконец воплотится в той или иной форме.

30 апреля 2021 г.

Авторизованный перевод с французского Елены Майданович

Становление Русского студенческого
христианского движения во Франции
по дневникам Петра Евграфовича
Ковалевского 1923–1924 годов

Мы продолжаем публиковать по архивным материалам тематические подборки из еще не известных читателю дневников Петра Евграфовича Ковалевского (1901–1978), историка, автора книги «Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970)», долгие годы служившего иподиаконом в соборе Александра Невского на Дарю и преподававшего латынь в Свято-Сергиевском православном богословском институте. В прошлом номере «Вестника» была представлена подборка из дневниковых записей 1923–1925 годов, посвященная церковной жизни прихода Александро-Невского собора и деятельности митрополита Евлогия (Георгиевского)*. Новая публикация охватывает чуть меньший временной период — 1923 и 1924 годы — и посвящена становлению во Франции Русского студенческого христианского движения.

Петр Ковалевский не присутствовал на первом, учредительном съезде РСХД в Пшерове, но он активно чувствует в это время в парижском кружке, который уже скоро не просто вольется в РСХД, но станет его живым центром. Вот как описывает этот кружок В.В. Зеньковский, живший тогда в Праге

* См.: «Владыка сказал после обедни такое чудное слово...»: митрополит Евлогий и приходская жизнь собора на Дарю в дневниках П.Е. Ковалевского 1923–1925 годов / публ. Н.В. Ликвинцевой // Вестник РХД. 2021. № 213. С. 76–127. Там же см. подробнее о биографии П.Е. Ковалевского и о том, что именно из его обширного дневникового наследия на настоящий момент уже опубликовано.

и посетивший его в июне 1923 года: «Парижский кружок, возникший по инициативе члена Французской студенческой христианской Федерации А.А. Мироглио и знавший А.И. Никитина, который посетил кружок весной 1923 года, вступил со мной в переписку, приглашая меня приехать в Париж для прочтения ряда лекций в Париже. <...> Мы пробыли вместе в Париже целую неделю, и за это время состоялось, кажется, 4 собрания парижского кружка, а также имелось много отдельных бесед. Уже тогда было ясно, что в Париже может образоваться сильное христианское движение. Из наиболее видных участников парижского кружка того времени надо назвать М.В. Лаврову, М.Н. Андрусову, В.В. Петрова, П.Е. Ковалевского»*. В 1923 году в парижском кружке происходят те же процессы, что и в пражском: Движение еще ищет осязаемую форму своей жизнедеятельности, сторонники православной церковности еще спорят с теми, кто видит будущее движения в интерконфессиональности. «Петю Ковалевского» В.В. Зеньковский называет среди тех в этом кружке, кто были, по его словам, «исповедниками Православия»**. По этим дневниковым записям можно проследить, как постепенно подготовлялось в кружке «торжество Православия», какую огромную роль сыграл в этом приехавший из Константинополя в Париж отец Александр Калашников, по инициативе которого в рамках кружка вскоре возникло Братство Святой Троицы, о роли приезжавших в Париж из Праги «движенцев» Л.А. Зандера и Л.Н. Липеровского.

В 1924 году Петр Ковалевский совершает три поездки по делам Движения, подробно описанные в дневниках. В феврале он едет в Прагу на пленарное заседание Бюро Объединенных кружков под председательством В.В. Зеньковского. Надо заметить, что это его первая поездка за границу из Франции с момента эмиграции. Дневниковые записи полны подробностями о работе Бюро, о подготовке второго общего съезда, о предложении провести и местный съезд РСХД во Франции, о пражском кружке того времени, о Праге и, главное, о ярких встречах и интересных людях. В июне Ковалевский побывал также на местном съезде РСХД в Германии, состоявшемся в Фалькенберге. Вот как описывает этот съезд В.В. Зеньковский:

* Зеньковский В.В. Из моей жизни: Воспоминания. М.: Книжница, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2014. С. 47.

** Там же. С. 64.

«Это был первый съезд, организованный после Пшерово, при участии профессоров Религиозной философской академии (на съезде были Бердяев, Франк, Вышеславцев, Л.П. Карсавин и И.А. Ильин, из чужих были приглашены епископ Вениамин из Чехии, а также делегаты от парижских кружков). Этот съезд отразил прежде всего то огромное действие Пшерово на берлинские кружки, которое сказалось в оцерковлении работы...»^{*} И наконец, подробно и вдохновенно описан Ковалевским первый местный съезд РСХД во Франции, состоявшийся в июле в Аржероне, в старинном замке графини де Монмор, любезно предоставленном хозяйкой «движенцам» для проведения этого и ряда последующих съездов. Судя по записям, именно здесь Петр Ковалевский переживает свою «пшеровскую пятидесятницу», проникается тем евхаристическим вдохновением, которое столь часто веет со страниц воспоминаний участников первых съездов РСХД. Он записывает в дневнике, как в самом конце этого съезда, за трапезой, участники вдруг запели пасхальный тропарь: это случилось само собой, «как будто правда мы пережили Святую Пасху».

Текст публикуется впервые^{**} по авторизованной машинописи из архивного собрания Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына из фонда 69 «Семейный фонд Ковалевских» (Архив ДРЗ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 9, 10, 11, 12). Иностранные слова вписаны автором в текст машинописи от руки, их переводы даются в постраничных сносках и выполнены публикатором. Публикация подготовлена в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации с сохранением особенностей авторской стилистики. Мы выражаем глубокую признательность Шеветоньскому монастырю восточного обряда Воздвижения Креста Господня (Бельгия), обладающему самой значительной архивной коллекцией дневников П.Е. Ковалевского и правами на их публикацию, за любезно предоставленное разрешение опубликовать данные отрывки.

Наталья Ликвинцева

^{*} Зеньковский В.В. Из моей жизни: Воспоминания. С. 69.

^{**} Опубликован ранее только отрывок с описанием поездки в Прагу, см.: Ковалевский П.Е. Дневники (январь – февраль 1924) / публ. Н.В. Ликвинцевой // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2019. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2019. С. 85–118.

Из дневников 1923–1924 годов

1923 год

Воскресенье, 5/18 февраля

Дождь, сырость, но все же к обедне собралось порядочно народа. — Хотим устроить вместо христианского кружка православный союз. С 9 часов и до ночи сидели у Муравьевых. Сперва — впятером, а потом пришла Марина, двое Сахновских, Наташа Конюс¹ и Наташа Катуар. Немного повеселели после чая, а потом после шампанского все совсем разошлись, танцевали, и было до чрезмерности шумно. Погода дивная, вечер светлый после дождя, теплый. Вернулись в 11 ч. <...>

Воскресенье, 12/25 февраля. Торжество Православия

Мы втроем² причащались Св. Таин Христовых за ранней литургией, а отец и мать³ — за поздней. <...> К 5 часам я пошел к Суковкиным⁴, у которых были Travers. Я остался ужинать и провел прекрасно вечер до 9 часов, когда отправился в Христианский Кружок. Собралось человек 15, читали св. Марка (гл. 2) и беседовали по поводу затронутых вопросов, и, как мне кажется, время прошло с пользой для всех.

Суббота, 18 февраля / 3 марта

<...> Вечером после всенощной был на Христианском Кружке. Читали св. Евангелие и комментировали его. Горячий спор вызвал вопрос, отменил ли Господь старый закон, и к чему относятся слова «ни йота единая, ни черта не прейдет»⁵.

Суббота, 25 февраля / 10 марта

<...> После всенощной был в Кружке, комментировал 3-ю главу Ев. Марка. Долго обсуждали вопрос о вечных страданиях для грешников и о чистилище.

Суббота, 1/14 апреля. Св. Марии Египетской

<...> После всенощной вечером был в нашем кружке. Шатко⁶ читал комментарий на 4 гл. Ев. от Марка. Много говорили о том, есть ли сатана реальная личность. Да, но по другим истолкованиям иначе: будто это воплощенное отрицание и представлено Спасителем для людей в виде личности только для большего удобства понимания. В.В. Петров

совсем обратился в православие и сделался ревностным его защитником. Это очень радостно: нашего полка прибывает.

Воскресенье, 29/16 апреля

<...> Я был в христианском кружке и комментировал VI главу от Марка. Долго спорили о предопределении действий в Иисусе Христе, причем лютеране утверждали, что Спаситель мог быть и не быть спасителем, пожелать то или другое и вообще только из-за исполнения задачи спасения был признан Сыном Божиим (?)... Это как-то совершенно непонятно и противоречит основам христианства.

Суббота, 22 апреля / 5 мая

Погода дивная. В саду зацвели ирисы, целый ряд от столовой до оранжереи. <...> После всенощной я читал о чудесах в христианском кружке, а братья были в гостях у Смирновых до 12 часов ночи.

Воскресенье, 14/27 мая. Первый день Праздника СВ. ТРОИЦЫ

<...> Я заезжал на Jean de Beauvais*, но Зеньковского не было, и просто поговорили с Miroglio⁷. — Град, падавший несколько минут, залил водою нижнюю церковь.

Суббота, 28 октября / 10 ноября

<...> Сидел в Христ. Кружке на Jean de Beauvais. Решал с другими, что делать в этом сезоне. Мы так и не пришли к окончательному решению, хотя все в душе чувствуют, что нам нужна не федерация, а православное единение.

Вторник, 7/20 ноября

<...> Новое образовася в Парижеѣ собраніе и объединеніе мнозихъ, надѣяся с Божіей помощью соединить воедино бѣженство⁸. Паки и паки надежда о возвращеніи во своя си во отчизну просіяваетъ умы усѣхъ. Вечеру же бывшу идохом во св. церковь на бдѣние всенощное праздника Безплотныхъ Силъ Небесныхъ ради и паки по отпустѣ идохомъ зѣло поспѣшно на собраніе, идѣже киръ Антоній Карташевъ⁹ рѣчь держаше и глаголаше о совѣщаніи христіанъ младыхъ въ Празѣ, ту собрашися шестъдесятъ человекъ и бяху ту арх. Савватій Чешскій, еп. Сергій Пращскій да еп. Веніаминъ¹⁰, иже прииде съ Буковины и Галиціи, сирѣчь Червоной Руси. Православіе на семъ совѣщаніи одержало побѣду над лютеранствующими русскими людьми, а о. Сергій Булгаковъ

* Жан де Бовз (*фр.*), улица в Париже.

каждодневно службу Божественную творяше, и абіе мнози св. Причастіе пріимаше со всякимъ трепетомъ.

Четверг, 16/29 ноября

<...> Вечером устроили Православный Кружок на Jean de Beauvais, пригласили отца Леонида Колчева¹¹, который с нами по душам беседовал до полуночи; все прошло хорошо и тихо, без помощи Федерации.

Четверг, 23 ноября / 6 декабря

<...> Вечером было собрание Православного Кружка. Отец Леонид говорил о душе и о Боге. Может быть, у нас в кружке примет участие кн. Татьяна Константиновна¹². Хорошо и ясно становится на сердце после этих бесед. — Решили во что бы то ни стало устроить второй приход в Париже.

Четверг, 7/20 декабря

<...> Вечером был на Православном Кружке, но никого, кроме Лавровой¹³, не было. Поговорили с ней о богослужении, она очень заинтересовалась литургией и просит меня ей многое рассказать о богослужении.

Суббота, 16/29 декабря

Мое рождение. Уже 22 года. <...> После всенощной исповедывался у о. Иакова¹⁴. Был на собрании Православного Кружка. Отец Леонид очень хорошо и поэтично представил начало утрени. <...>

Суббота, 23 декабря / 5 января

<...> Были у всенощной, а после нее я был на нашем кружке. Отец Александр читал легенду о трех волхвах и говорил об утрени, а я о рождественской службе.

Суббота, 30 декабря / 12 января

Рождение отца. Мать приготовила именинный пирог. После обеда я делал разные закупки на вторник. Были у Карташева, который пригласил нас в среду вечером. У него собрание, причем он сказал, что нам пора сознать то, что он уже давно сознал, что уже нельзя ходить на собрания, чтобы что-нибудь получать, а только чтобы давать. После всенощной был на заседании Православного Кружка. Отец Александр говорил о Шестопсалмии, а Лев Зандер¹⁵, приехавший из Праги, рассказывал о местной студенческой религиозной жизни, группирующейся вокруг о. Сергия Булгакова, о горнем и дольнем кружках, православном и интерконфессиональном. <...>

1924 год

Среда, 3/16 января

Утром ездил в церковь, прислуживал за всех на обедне и акафисте. Владыка уезжает завтра вечером. Днем писал сочинение.

Собрание молодых церковных работников у А.В. Карташева

Вечеру же наставшу, бысть собраніе превелико у аввы Антонія (Карташева). Ту собрашеся все множество мудро мыслящихъ челоѡковъ, яко сливки духовнаго юношества. Беша ту: Зандеръ и Липеровскій¹⁶ изъ Праги, кн. Трубецкой изъ Вѣны¹⁷, Ланге, иже написа книгу о гоненіяхъ на Церковь Божию и о святѣйшемъ Патріархѣ¹⁸, Лаврова, Мироглія, перешедшій в Православіе французъ, M-elle Brunel¹⁹, Калашниковы²⁰, М.П. Шатько и нашъ столпъ Православія, сам Ант<он> Влад<имирович> и Никаноровъ²¹. Было очень интересно, особенно смотреть со стороны. Здесь были все самые видные представители и деятели православного и христианского студенчества и — как мало истинно церковных. Старики, да и из молодежи все половинчатые. Каждым словом, каждой фразой выказывалась эта половинчатость. Не могли говорить о мистических вопросах совершенно уверенно, не опасаясь остатков материализма, ведь те же Лаврова и Зандер, хотя последнего я мало знаю, не таковы, что с ними можно говорить о чудесах, об обновлении икон, возжжении свечей как таковых. Нет людей, которые не старались бы сейчас же разумно или логически объяснить непонятное явление. Кругом смотришь, и, кроме аввы Алексия и аввы Всеволода, не видишь в русской молодежи на всю Европу церковников. Наши парижские церковнослужители глубоко православные и знают службу, но все на этом и кончается, а так строить церковную жизнь нельзя. Теперь нам важна обрядовая сторона, нужно средневековое, но нужно, конечно, и православное богословие, а не философия. — Антон Владимирович — великий духовный центр, и если бы не политика, которая его буквально убивает, он бы играл еще большую роль у русских изгнанников.

Четверг, 4/17 января

<...> Вечером был сперва на заседании правления Русского национального студенческого союза²², где решали много

важных дел, а потом на собрании Кружка христианской молодежи. Говорили Зандер и Липеровский — оба искренне и хорошо. Решили в воскресенье устроить поездку в Chaville*. Уехал владыка Митрополит.

Воскресенье, 7/20 января

<...> Утром после литургии, которую служил о. Архимандрит, о. Николай и о. Александр, вся христианская молодежь собралась на вокзале Champs de Mars** и, после длинных разговоров и споров о месте прогулки, отправились в Chaville, вышли на вокзале, и сейчас же оказалось, что никто не знает окрестных дорог и некому нас вести. Пошли наугад, и через добрый час, на 3 версте пути, по указаниям разных людей, набрали на «*paus*»***, где оказалась гостиничка, способная уместить нас всех. Очень приличная светлая комната, занятая большим столом, постланным скатертью и вазами роз, которые почему-то поспешно убрали, как только мы вошли. Заказали чаю и кофе. Убеждали долго хозяина дать нам à volonté****, а не по чашкам. Несмотря на это, все время приходилось бегать и просить целые кувшины горячей воды. Отец Александр²³ прочитал «Царю Небесный», и все сели закусить и благополучно просидели до 3½ часов, потом пошли в лес, «в *retraite*»*****, по указанию хозяина гостиницы, но не нашли ничего и остановились на мосту через ручеек, среди березового подлеска. Шел дождь, потом по временам переставал, все сняли для чего-то шляпы. Липеровский сказал слово о Праге и тамошней жизни и о единении в молитве. О. Александр напомнил о празднике Крещения, а затем пропели за отцом Александром Акафист Воскресению. Пели втроем, Липеровский, Зандер и я, но не скажу, чтобы хорошо, но с большим чувством. Мироглио сказал по-русски несколько теплых слов о кружке и интерконфессионализме. Говорил, что это слово ему неприятно (мне оно совершенно неприемлемо). Сидели во время его речи на перилах моста, дождь прекратился, на Западе показалась розовая полоса

* Шавиль (*фр.*).

** Марсово поле (*фр.*).

*** Здесь: селение (*фр.*).

**** Вволю (*фр.*).

***** Здесь: укрытие (*фр.*); также выездной семинар, посвященный духовной практике.

заката. Разъехались дружно, тихо и хорошо было на душе, но все же лучше было бы не устраивать поездки «под протестантскую *retaraité*». <...>

Понедельник, 8/21 января

<...> Вечером был на собрании Православного кружка, определили наше существо и решили принимать членов с опаской. Беседовали главным образом о гласах и воскресных службах.

Суббота, 13/26 января

<...> Вечером беседа в кружке была очень удачна. Зандер и Липеровский не только церковники, но читают ежедневную молитву. Вот если бы это распространилось и на парижскую христианскую молодежь!

Суббота, 20 января / 2 февраля

<...> Вечером я был на заседании Православного кружка, все прекрасно, но бесполезно для меня. Отец Александр рассказывает и не дает другим глаголати, а мне хочется высказаться, ибо получать сведения я не могу, а, наоборот, все время есть желание дополнить, только чтобы не огорчить о. Александра слишком сильным фонтаном специально-практического знания. — Очень подружился с Львом Александровичем Зандером.

Вторник, 23 января / 5 февраля

Утром ездил в Версаль, в префектуру, и мне обещали в тот же день паспорт; так как мне трудно приезжать вновь, пошлют его почтой. Вечером был на докладе Зандера о Достоевском. Лев Александрович молодец! Он так ясно, просто и ярко очертил философскую теорию Братьев Карамазовых, что она как живая стоит перед глазами, три России: допетровская — Иван, после Петра — Димитрий, и будущая Россия — Алеша.

Среда, 24 января / 6 февраля. Св. Ксении мученицы

<...> Провожал Льва Александровича с Калашниковой на Gare de l'Est*. На метро нас ругали за иностранный разговор и прошлись вообще о законе об иностранцах. Забегал на Rue Jean de Beauvais для переговоров о поездке. Мать вечером читала Карамазовых.

* Восточный вокзал (*фр.*).

Суббота, 27 января / 9 февраля. Св. Иоанна Златоуста

Антон Владимирович даёт мне рекомендации в Прагу. Удастся ли мне их использовать. <...> Завтра Парастас²⁴ по Ф.М. Достоевскому, мысль, выдвинутая Зандером для воспоминания о нашем великом религиозном мыслителе. Неподражаемо милый Ник<олай> Дм<итриевич> дал прочесть диалог Карсавина²⁵, который и разбирали почти весь вечер.

Воскресенье, 28 января / 10 февраля

Утром был на литургии. Служил Митрополит. <...> Вечером заупокойная всенощная по Достоевскому, год смерти которого падает на 28 января. Служил отец Александр Калашников и пел хор Изразцова, очень хорошо. Все отправились после всенощной на Jean de Beauvais, где было собрание христианского кружка. Выступали по поводу притчи о плеведах сельных²⁶ Морозов²⁷, Валентинов, Н.Д. Соковнин²⁸ и другие. Опять подняли беспокойный вопрос о добре и зле и о предопределении по этой притче, кто суть сыны неприятели и есть ли люди, предопределённые к спасению или посеянные от сатаны.

Суббота, 3/16 февраля

Поездка в Прагу. Поездка в Прагу мне казалась как-то несбыточной: страшным казалось ехать далеко, через неведомые, но столь известные мне страны. Я ходил как будто во сне, не вполне обладая собой и чувствуя себя в руках какого-то сильного течения. Уже на вокзале в Париже сталкиваюсь с Сережей Метальниковым²⁹, который выкатывает глаза от удивления, когда узнает, что я уезжаю; отвечаю ему, как во сне, а самому странно кажется, что вот, едет человек куда-то в неведомое и далекое. Французские впечатления самые отрадные. Кондуктор, заметив, что мы наняли места, но что нет ярлыков, запирает купе и отворяет его перед нами, за что получает один франк. Миша, служащий мне шапероном*, сторожит багаж, а я бегу навстречу Валентинову, ибо и здесь дела и все ещё переговоры и передачи поручений. Милица Лаврова, как и полагается русским людям, появляется с родителями за 5 минут до отхода поезда. Усаживаемся в узеньком отделении, которое нам будет служить помещением на две ночи: диванчики деревянные, узкие, но столик и электричество; один вагон включает в себя все три класса. Наконец,

* От фр. *chaperon* — компаньонка.

с некоторым опозданием, обычным для Gare de l'Est, мы «уплываем» из Парижа, провожаемые тройными пожеланиями доброго пути. Сперва с Милицей Лавровой идет разговор о Праге, потом я читаю правило³⁰, ложимся спать до Нанси, где нас немного уплотняют. Уже утро, я подбадриваюсь и больше не сплю. Вид из окна пустынный, день холодный; в Страсбург прибываем вовремя. Сперва, после кофе, гуляет Милица Влад<имировна>, затем я решаюсь выйти в город, а она стережет вещи. Все говорят только по-немецки, начиная с проводников до гуляющих по городу. Надписи, хотя французские, не изменяют вида города, который, при всем желании, не может быть назван галльским. Сперва я не решался на путешествие в город, но решение пришло совсем неожиданно, когда я увидел, что осталось лишь 45 минут до отхода поезда. Я бросился на трамвай, кондуктор с усилием произнес слово *cathedrale** и начал сейчас же говорить по-немецки. Смотрел собор, снаружи замечательный и по постройке, и по отделке; он бледно-розового цвета, с одной башней. Внутри леса, нет скамеек, хорошие витро и замечательные часы с музыкой. Алтарь высокий, ступеней в 15. Впечатление производит величественно-сильное. Успел на вокзал вовремя, но поезда не оказалось: он уехал, но, к счастью, только на запасной путь, и вскоре его снова подвели к платформе. До Германии ехали 10 минут, через мост. <...> До Праги ничего не помню: когда проснулся, мы подъезжали к Wilsónove Nádraže**.

Воскресенье, 4/17 февраля

Встретили на вокзале нас Лев Александрович Зандер и Лев Николаевич Липеровский, и после некоторого приведения себя в порядок горячей водой мы отправились в «Львиный Ров» — квартиру двух Львов. Впечатление от Праги сперва довольно скромное, город провинциальный, всюду пустыри, масса грязи, снега, нет движения. Но, проходя, замечаешь причудливые здания и массу всевозможных статуй и распятий. Готика всюду соединена с барокко, иногда в самых причудливых формах. Русская церковь, типа украинского собора времен Екатерины, очень большая и чисто католическая. Площадь, на которой она стоит, Staroměstské Náměstí***,

* Собор (*фр.*).

** Вокзал на ул. Уилсонова (*чешск.*).

*** Староместская площадь (*чешск.*).

полна исторических памятников: тут памятник Гусу³¹, тут ратуша с часами, с прохождением апостолов и пением петуха, место казни чешской знати австрийцами и собор с цинковыми причудливыми башнями (Tynský chrám)*. Сейчас же после того, как мы оставили вещи дома, в 3-й patgo (что значит «этаж», причем первый этаж — не в счет и никак не называется, второй не в счет и называется «мезонин», а с третьего начинается счет), отправились в церковь. Там уже шли часы, свечи маленькие, тоненькие; в церкви холодно, многие не могут выстоять долго. Иконостас деревянный, академической живописи [с] гирляндами ели. Когда я вошел, преосвященный Сергей³² кадил сам всю церковь, так как диакона нет, и владыка служит с одним священником из угро-руссков, так что ему приходится все делать самому. Еп<ископ> Сергей маленького роста, с длинными волосами, ходит быстро, кланяется молниеносно, воздевает руки, служит очень торжественно и истово, но выкрикивает немилосердно, петь с ним невозможно. Великого Государя поминает Отцом нашим³³, как и в России. Литургия прошла очень скоро, спели по ошибке «Достойно», а не «в Законе», а после причастия наступил тяжелый момент, повторяющийся каждое воскресенье: гуситы потащили свой престол, наши тоже начали убирать, и едва произнесли отпуст, как уже и царские двери, и престол, и все было унесено поспешно в маленькую комнату, которую единственно мы имеем в полном нашем распоряжении. Был и архиепископ Савватий Пражский и всея Чехословакии, которого поминают на службе. Выглядит он соборным протоиереем рядового губернского города, голову держит набок. Во время службы он вынимал просфоры и исповедывал людей. Я передал привет от Митрополита преосв. Сергию, который пригласил меня придти к нему к 2 часам. Иподиаконствуют два офицера, Н.Я. Седов³⁴ и А.А. Петров³⁵, оба готовящиеся стать диаконами. Прислуживают они истово и с необыкновенным усердием. Ризы стары и истрепаны, требуют обновления и замены. Прихожан сегодня мало, слишком рано для многих. Другие же не выдерживают стужи в храме. После обедни был кофе у моих хозяев, на который, по обыкновению, собираются все важнейшие представители колонии. Тут был Вас. Вас. Зеньковский, проф. фило-

* Тынский храм (чешск.).

софии, православно настроенный человек, от которого так и пышет лаской и приветливостью, он — духовный центр Христианского движения; был Н.Я. Седов, просивший меня похлопотать у митрополита о стихарях; была председательница Православного кружка Юлия Ник<олаевна> Рейтлингер³⁶ и многие другие. Обедать мы пошли в Земгор, где хорошо и исключительно дешево кормят, хотя публика неприятная. Эсеры с Керенским и украинцы шумят так громко, что они заглушают всю русскую колонию, которая в 15 раз многочисленнее их, но не пользуется такой поддержкой от правительства, как Керенский, который получил на пропаганду около 13 млн крон. На собрании его недавно сильно освистали. — Лев Ал<ександрович> повел меня к владыке, так как я плохо еще ориентировался в Праге. Преосв. Сергей принял меня очень ласково и превзошел славу хлебосола, идущую о нем по всей вселенной. Он угощал меня усердно десятью вареньями собственного приготовления и чаем, расспрашивал о Париже, суетился, бегал из комнаты в кухню и усердно потчевал. Рассказывал о положении на Волыни и Холмской Руси, где его арестовывали и откуда он выслан³⁷; о тяжести ига митр. Дионисия³⁸, всячески борющегося против своей же церкви, о разборке православного собора в Варшаве³⁹, невиданном варварстве, не имеющем никакого для себя оправдания. Владыка шел к 4 часам совершать требу и проводил меня до церкви, так как я дороги не нашел бы один. Свадьба была простая, скромная, в маленькой ризнице, преосв. служил один в фелони, с омофором, одетым поверх. В этой же комнате год или менее тому назад венчался еп. Сергием А.В. Карташев. Владыка проводил меня до дома, посоветовал лечь спать, а сам побежал со своей неизменной сумкой-кошелькой домой. Какой он милый, добрый, славный, восхитительно кроткий! Дома я спал, так как провел две бессонных ночи в вагоне, а у нас опять были гости, поговорили урывками с Львом Ник<олаевичем>. Как силен на нем отпечаток Федерации, и не может он с нею порвать. Стена, до которой он доходит, не может пока быть разрушена, а только отодвигается. В 7 (ибо все начинается в 7, а в 9 должно быть окончено, и с опоздавших квартирантов домовница после 9 часов собирает по кроне, что является для нее жалованьем, а для русских, привыкших возвращаться поздно домой, настоящая

мука и разорение, ибо обыкновенно меньше 40 крон в месяц счет не подается, особенно если гости) было заседание Христианского кружка; масса лиц, все знакомятся, обступают, расспрашивают о Париже, дают заранее поручения от ходатайства о разводе до передачи пакетов включительно, интересуются жизнью. За чаем, с обычными и обязательными для Праги венскими булочками с колбасой, — оживленная беседа. Мар<ия> Леонард<овна> Брешэ⁴⁰, почтенная старая дама, работница в Федерации в России, разливает чай из самовара. Выделяются из толпы: Ник<олай> Павл<ович> Кириаков⁴¹, офицер, философствующий, шутник, иногда свирепо нападающий, милый человек, *enfant terrible**. Бобровский⁴², церковник, тоже доброволец, дельно и умно отвечающий докладчику, Марцинковскому⁴³, начитанному ветерану Христианского движения, для которого одно слово Церковь, церковный вызывает горячий спор. Он настоящий сектантский проповедник. Настроение вполне православное, кроме М<арии> Леон<ардовны> и Марцинковского. Доклад о Нагорной проповеди. Слова «без «Нагорной проповеди» нет Христианского движения» вызывают протест. Лев Александрович, как специалист философии, задает ехидные и умные вопросы. Марцинковский остается с непререкаемым авторитетом и не смущаясь, как сектантский проповедник. Встречаю неожиданно Володю Кульмана, которого мне нужно было во что бы то ни стало разыскать. Он сразу меня вводит в академические интересы, говорит, что завтра же поведет в Университет и познакомит, по возможности, с профессорами; вид у него немецкого ученого. — Читаю вечерню один. Вечером, перед сном, читаем втроем молитву, с своими вставками, у нас это было тоже вначале установлено, но потом мы отменили. Сплю под шубой, так как в комнате холодно, отапливается только гостиная. Печи — кафельные, рамы внизу двойные. От количества впечатлений не могу прийти в себя.

Понедельник, 5/18 февраля

Встали довольно рано, я выспался и не замерз, несмотря на прохладный воздух в комнате. После молитвы и кофе побежали все в церковь, там был отслужен в ризнице преосв. Сергием молебен, а после него владыка сказал слово, ободряю-

* Сорванец, озорник (*фр.*).

щее и укрепляющее на начало занятий: «да будут сердца ваши горящи и чресла препоясаны»⁴⁴. В церкви собрались все делегаты и познакомились друг с другом. Н.М. Зернов⁴⁵, обращаясь ко мне, сказал: «А это Вы — Ставровский?» Когда же я назвался, он был рад. Мы с ним были знакомы только по письмам. Пошли все на Aleševě Nabřeží*, сперва было сомнение, какую молитву читать. Прочитал Лев Ник<олаевич> «Отче наш», но по окончании Н.М. уже настоятельно потребовал, чтобы я прочел «Достойно» и «Царю Небесный». После некоторых отнекиваний решили начать с Берлина; делегаты Федоровский и Ставровский⁴⁶, которые приехали по собственной усиленной просьбе. Оба представителя воспитаны на столпах берлинского учено-философско-религиозного Института и особенно на Арсеньеве и Ильине⁴⁷. В их словах, кроме уверенности, чувствуется и реальная подкладка. Хотя у Ставровского она слишком «положена сгоряча». Работа в Берлине идет усиленно, но без шума. Особенно же все группируются вокруг Бердяева, Франка и Карсавина⁴⁸. Научение идет основательно и дает положительные результаты. После берлинцев с некоторым остроумием и ехидством сладко пел о Белграде Ник<олай> Мих<айлович> Зернов. Дело у них, по его словам, идет блестяще. В Кружке 40 человек. Читают доклады, на которые приглашаются до 20 гостей, есть взрослые. Стремление к действительному участию в церковной жизни сильно, один из членов, диакон, поставлен в священники, а один мирянин поставлен в иеродиакона; 6 человек имеют стихарь. Столпом устава является Константин Керн⁴⁹, а вдохновителями всего движения — братья Зерновы: их два брата и две сестры⁵⁰. Льнет движение к богословскому факультету, благу, которое имеют только Белградские русские; в нем 40 слушателей. Учреждение твердое и дисциплинированное. На собрание поехали против желания местного священника, но по особому разрешению кир** Антония митрополита⁵¹. До обеда рассказывал еще офицер из Брно, как там, по инициативе Л.А. Зандера, образовался кружок изучения Достоевского, который должен привести в Церковь молодежь. Из Юрьева получено письмо: там движение слабо, хотя стремление к Церкви сильно. — Не успели мы выйти из Круж-

* Набережная Алеша (чешск.).

** Так у автора.

ка, как я был подхвачен Володей Кульманом, который повел меня в иной мир, мир ученый, славянский, русско-угорский. Он меня покормил обедом в какой-то русской *jédelně*^{*}, а оттуда повел в Университет славяноведения, помещенный на набережной в чудном новом здании, недавно только выстроенном в *style modern*^{**} (немного немецком). У каждого студента есть свой собственный шкаф, в котором он хранит пальто, так как входить в нем в аудиторию воспрещается. Помещение славянского отделения прекрасное, тишина и порядок образцовый, по стенам обширной залы стоят шкафы книг, подбор хороший, есть много русских (даже большинство). Я сейчас же набросился на один словарь и нашел в нем сведения о Лескове. Здесь, как и во всей Чехии, портрет Масарика⁵² и карта республики. Просмотрели с Володей все помещающиеся там книги. Он обещал принести славянские рукописи, купленные им у русских в Угроруссии, и познакомить меня с пишущей о Лескове чешской. После обеда было опять заседание. Продолжался доклад с мест, я сообщил сведения о Париже. Кроме Зернова, никто не задавал вопросов. Кроме меня говорил А.И. Никитин⁵³, который немного добавил сведений из своей поездки в Париж. Главный доклад был сделан А.И. Чеканом⁵⁴, председателем всех студенческих организаций в Болгарии. Положение у них слабое, все держится на А.И., а кружки мало действуют, хотя интересен тот факт, что привлечение болгар заставило последних предпринять самостоятельную работу, и теперь многие дают уроки по своей собственной воле маленьким детям болгарских школ в Софии и в провинции. Из Юрьева прочитали лишь приветствие, а затем Лев Ник~~о~~лаевич Липеровский и В.В. Зеньковский рассказали о положении дела в Праге, где теперь 6 библейских кружков, 1 большой на Aleševu и, кроме того, один чисто православный «Горный». Заседание затянулось до 6 часов, и после него все отправились на лекцию Г.В. Флоровского⁵⁵ о «Корнях зла». Я очень сблизился с Н.М. Зерновым и сошелся во многом о политике и духовных вопросах с ним. Лекция была слабая. Флоровский развивал, может быть, чисто православные мысли, по крайней мере он чисто православный, но с такой самоуверенностью, что

* Столовая (*чешск.*), прав. *Jídelna*.

** Стиль модерн (*фр.*).

было неприятно слушать. Он мне кажется слишком молодым и неопытным лектором. Не признает возражений и вопросов, что уже много значит. Милейший владыка был и тут на докладе. Ночью прибавки семейства не было, и спали, несмотря на холод, хорошо.

Вторник, 6 (19) февраля

Утром был доклад делегатов, посланных по Европе, В.В. Зеньковского, говорил о Белграде, Загребе и Софии, Лев Ник<олаевич> и Лев Алекс<андрович> — о Париже. Начали утром с рассмотрения сметы. Очень хорошие речи сказали Ральф Горгеевич Холлингер и Дональд Иванович Лаури⁵⁶, авторы трудов о России. Обедали мы в Студенческом доме. Кормят хорошо, сытно. И туда, и обратно мы шли втором: Зернов, Ставровский и я — и говорили о положении в наших трех центрах эмиграции. Зернов рассказывал об упадке нравов у сербов. Постановлением Синода разрешено вдовым священникам иметь при себе гражданских жен (что за позор!). Обсуждали вопрос о взаимоотношении церкви и государства. К сожалению, ни тот ни другой не теократы. Они утверждают, что православие связано с национальностями, я не согласен. Ставровский говорит, что нет России без православия, нет православия без России. Я не говорю, что это не правильно, хотя на практике к этому и сводится, но все же нельзя унижать православие до национальной религии. Спор о канонизации Арсения Мацеевича⁵⁷, арх. Ростовского, был горячий. Ник<олай> Мих<айлович> придрался к тому, что его канонизировали сейчас же после падения империи, как бы в протест. Это значит, что Церковь должна ждать (?). Значит, она не может сказать до сих пор, что Екатерина II, Бирон и др. гнали православие. Церкви все равно, кто гонит. Она мучеников признает всегда мучениками. Прежде она не могла канонизировать, потом освободилась и сейчас же, в ознаменование своей непререкаемой справедливости, написала на гробе св. Арсения «замученный имп<ератрицей> Екатериной II». Нет, прочь цезарепапизм. К чему он привел нас во времена Иоанна Грозного и Победоносцева? К полному измелчанию и истощению сил Церкви. На обратном пути Ставровский излагал нам воззрения евразийцев, к которым он принадлежит душой и телом (он глава Евразийской молодежи). Зернов и я слушали внимательно его иногда слишком

горячую и страстную защиту, но ничего не высказали против. Решили совместно стремиться образовывать кадры людей, которые могли бы выступать в защиту Церкви. Зернов к этому прибавил, что, по его мнению, важно готовиться к священству, и он это делает, изучая апологетическое богословие. Чудный, живописный город Прага! Что стоит один Карлов мост со статуями святых и распятием, блестящим на зимнем солнце своей новой крепкой позолотой. Сколько памятников прошлого, закоулков, башен — и все заброшено, никто на них не смотрит: все материалисты, и духовная жизнь их не интересует, проходят мимо распятия, и никто не взглянет на него и не перекрестится. Храмы пустуют, и нет того горения духа, даже запросов чувств, как среди русских. — После обеда опять разбираем смету расходов, обсуждаем возможности конференции в Париже и в Праге. Как хорошо, если бы удалось ее устроить в одном из сербских монастырей. Во время доклада Зеньковского произошел маленький инцидент. В.В. говорил, что жалко, что Ан<тон> Влад<имирович> не уловил момента на Пшеровской конференции, но что нельзя было быть примиримым, мы не можем уступать евангелистам, мы должны твердо стоять на православии и не бояться немного огорчить лютеранскую религиозную совесть, а иначе мы не дойдем до дела. Мих<аил> Павл<ович> Кириаков* резко отвечает, что Ант<он> Влад<имирович> Карташев был нетерпим к хозяевам и сказал им обидное слово. Тогда В.В. вспыхнул, говоря, что «неужели мы губим дело из-за какого-то обиженного самолюбия». Его едва успокоили через несколько дней. После заседания и отдыха поехали к Лаури, который делал для нас большой прием. Прага замечательно провинциально построена, всюду рядом с домами пустыри, где катаются на санках мальчишки с гор по сугробам, особенно когда идешь на Alešovo Nabřeží. Зашли с Львом Ник<олаевичем> съесть по пирожку против костела св. Людмилы на Kral. Vinohradych**. Приготовление — ниже критики; вообще, кроме хлеба, тут все невкусно, готовят плохо. Цены ужасные, если сравнить с нашими. Конфеты и печенье — 6 крон 10 декаграммов. Колбаса или ветчина — 40 крон фунт и т.д. — У Лаури было очень много народа. Сперва — разговоры с англичанами в за-

* Так у автора. Выше — Николай Павлович.

** Королевские Винограды (чешск.), район в Праге.

читу французской политики по-английски. Затем смотрели изданные англиканами богослужебные книги (православные, русские) и книгу о Патриархе. Сам Лаури написал очень хорошую книжку. Он изъездил много стран, был многократно в России, в Палестине этим летом и склоняется перейти в православие. Некоторые издания о Русской православной церкви полны интереса и для нас. Я рассказывал о Париже и французских нравах. Лаури рассказал о положении Палестины (по-русски), после занятия ее еврейским правительством. Страна может прокормить 60.000 сама, а там теперь 600.000 евреев. Говорил с Седовым о ризах для Праги, у них скудость и безденежье. Нужно как-нибудь получить хоть два стихаря для Пасхи. — Вечером была обычная молитва, читал ее Лев Ник<олаевич>; была и своя — о кружках, как всегда бывает у начинающих. Лев Ник<олаевич> готовится к священству.

Среда, 7 (20) февраля

Утром все были на литургии в русской церкви. Служил владыка Сергей, сказавший несколько слов приветствия. После литургии было заключительное собрание, на котором окончательно должны были быть решены все неоконченные вопросы. В.В. Зеньковский сказал горячее слово, указав, что собрания прошли очень плодотворно и с пользой для Движения, а главное, способствовали знакомству отдельных кружков друг с другом. Пока нет формулировки цели всех кружков, дело затруднительно. Надо быть и работать в контакте с Церковью. Пока объединение кружков слабо и малочисленно, но скоро оно, Бог даст, окрепнет. Необходимо общение с инославием, и работа на Западе для нас трудная, но необходимая задача. Движение — это искание новых форм христианской жизни. — Вечером было заседание Православного кружка на квартире у Рейтлингер в Вѣевновѣ*, куда пришлось ехать очень долго на трамвае. Квартирка очень тесная, но все как-то уместилось и даже пили чай. Собрание было очень милое и семейное.

13 (26) февраля. Св. Евлогия Архиепископа. Вторник

Дома немного отдохнул и вскоре же пошел на урок. Не могу еще собрать мысли и мало рассказываю. В Париже много перемен. Болен о. Иаков. Сегодня день тезоименитства

* Бржевнов (чешск.), район Праги.

Митрополита. Был у него с хлебом от Яблочанского монастыря⁵⁸ и с поздравлением от пражской колонии. Вечером у нас был Миша. Он хорошо устроился и рад своему положению.

Среда, 14 (27) февраля

Утром — мороз, все долго спали, а я, несмотря на 11 часов дремания, встал с головной болью. Привожу в порядок все переживания и мысли. К 6 часам ездил делать доклад митрополиту; владыка был, как всегда, слишком добр и благодушен, хотя у него только что вырвали зуб.

Четверг, 15 (26) февраля

Мороз, сижу дома и занимаюсь кухней, обычной в четверг. Лекция Кульмана. После разговора о Праге угощал меня чаем. Рассказывал о жизни их детей. В библиотеке роюсь в сочинениях Михайловского, стараюсь найти суждения о Лескове. Котляревский и Шейнис жалуются, что подписчики не интересуются судьбами библиотеки⁵⁹, а она принадлежит им. На общее собрание явилось 6 человек. Был у Крыловых, рассказывал о своих пражских впечатлениях. Вечером у Милицы Влад<имировны>, кормившей меня ужином. Обсуждали, что и как докладывать в кружках. Была Калашникова и Павел Евдокимов⁶⁰.

Пятница, 16 (29) февраля

Утром уроки. Был на лекции Кульмана, у Валентинова, у Тепловых и, наконец, вечером — в Café Baird, на заседании Нац<ионального> Студ<енческого> Союза. Юкшинский все захватывает в свои руки, а он — партийный работник, поляк и католик, с ним работать нельзя; вообще, разочаровался после Праги в работе в Париже христианской и национальной, ничего тут не выходит, прямо из рук все валится. Не знаю, что делать, но в глубине души не оставляю надежды все-таки все устроить согласно своим мечтам «о православно-национальном движении». К великому счастью, Андрей Карпов⁶¹ очень сходен в мыслях со мною, и, может быть, удастся что-нибудь да устроить.

Суббота, 17 февраля (1 марта)

<...> Вечером был у о. Александра и докладывал о Праге.

Суббота, 9 (22) марта

<...> После всенощной исповедовался у о. Иакова; у исповеди были все члены Кружка, как широкого, так и православного. <...>

Воскресенье, 10 (23) марта

<...> Все студенты Кружка сегодня причащались Св. Таин наверху. <...>

Пятница, 15 (28) марта

Был у Кульмана на лекции, оттуда запропал к Белосельским, а вечером был на собрании Православного Кружка, где мы решали неотложные дела и устройство содружества, а может быть, и Братства.

Воскресенье, 17 (30) марта

<...> Был в церкви на кончике акафиста, а потом на собрании Христианского Кружка. Много людей, много разговоров, а выводов никаких. Милый Николай Дмитриевич Соковнин старается уладить несуществующие споры и еще более запутывает дело. Нет, нужны православные кружки с твердой волей, которая будет их вести по православному церковному пути, а собеседования между собой только как дополнительное благочестивое занятие. Опыт христианских федеративных кружков доказал их маложизненность. Они сыграли уже свою роль.

Пятница, 22 марта (4 апреля)

<...> В Православном Кружке, как всегда, уютно и тепло. Читал о празднике Благовещения и о службе на него, а потом говорили с о. Александром, который разбирал начало литургии Преждеосвященных Даров.

Воскресенье, 24 марта (6 апреля). Предпразднство Благовещения

<...> Было собрание Христианского Кружка: говорил Фидлер⁶² о невозможности не убить на войне и о грехе войны как таковой. С ним многие ожесточенно спорили и утверждали противное.

Четверг, 28 марта (10 апреля)

<...> Вечером Максим от нас был на чествовании Мироглио и на поднесении ему кружком нарисованной Максимом иконы. Все прошло как нельзя лучше и трогательно. Благословлял о. Александр. — Я все еще нездоров.

Суббота, 20 апреля

<...> Вечером собрание у аввы «Антония» Карташева, который излагал нам свои мысли об устройстве Братства с отделениями для живописи, благочиния церковного, архитектуры, для подготовки жизни в Церкви всей российской страны. Спрашивал о наших делах.

Воскресенье, 5/18 мая

<...> Вечером на Foire St Germain* видел знаменитого фокусника и современные вещи, а оттуда прошел в Христианский Кружок, где обсуждался вопрос о конференции.

Понедельник, 6/19 мая

Занимался утром делами, а после обеда был на quaiis**, заезжал навестить Лаврову в больнице; у ней осложнения после операции. <...>

Четверг, 9/22 мая

<...> Вечером был в Кламаре у о. Александра: сегодня год, как его хиротонисали во иерея. Говорили о православной догматике и об отношении Православной Церкви и других исповеданий к современному прогрессу.

Воскресенье, 12/25 мая

<...> Днем и утром был в Кламаре в церкви, а потом на собрании Православного Кружка. Обсуждали возможность устройства курсов богословских наук.

Воскресенье, 19 мая / 1 июня

<...> Был у Ант. Влад. Карташева и говорил с ним о Братстве, которое собирается основаться в Париже около церкви. Антон Влад. пустил мысль о заочной академии и просил поддержать у Вас. Вас.⁶³ и других. — Вечером было собрание Кружка Православного Студенчества. Я решил пожертвовать несколькими днями и поехать в Берлин на конференцию. <...>

Четверг, 23 мая / 5 июня. ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ

<...> Был у Miroglio, а вечером еду в Берлин.

Поездка на съезд в Falkenberg***

Отъезд был не блестящим. Train de luxe Nord express****, на который я взял плацкарту, оказался плохо составленным. Вагончики узкие, тесные, дачные. <...> В Берлин мы приехали в 8 ч. вечера. Я немедленно же сел в трамвай и поехал на Штеттин. Первое впечатление от Берлина: все бегут, мало экипажей, много шума. Эти впечатления не волне оправдались, и я переменял резко свое мнение о берлинской уличной жизни. На трамвае дал со страхом кондуктору одну марку,

* Ярмарке в Сен-Жермен (фр.).

** Набережной (фр.).

*** Фалькенберг (нем.), город в Германии.

**** Фирменный поезд Северный экспресс (фр.).

так как не знал цены, но он возвратил мне 85 пф., это еще терпимо. Узнал на вокзале о часе отправления первого возможного поезда, затем отыскал на Bürrig Strasse*, недалеко от станции, Christliches Hospiz**, рекомендованный мне Кульманом, где с меня взяли 3.75 за комнату без еды, но устроили хорошо. Я выспался отлично, разобравшись сперва в деньгах и счетах и прочитав пропущенные службы.

Суббота, 7 июня

Встал рано и отправился на Штеттинский вокзал. К сожалению, поезд, с которым я собирался уезжать, не ходит в будни. Пришлось идти в Берлин, осмотрел Unter den Linden, Friedrichstrasse***. Был на почте и выпил кофе. Наконец, в 9 часов, выехал в Ebersvalde****. Поезд набит, но в 3-м классе, где едет лучшая публика, нашлось маленькое местечко. Вид пустынный, поля, кое-где леса, без особенной живописности, но есть что-то родное, напоминающее русские места. День солнечный, радостный, люди веселые, отправляются на прогулку, по случаю Троицы, дома и станции украшены березками. В Falkenberg'e с трудом указали Victoria Institut*****, какая-то старушка меня проводила, узнала, что я русский, говорила об упадке доблести в народе, и что нет теперь в мире уголка, где бы жили честные люди. — Дом окружен большим садом. Три здания, красные, кирпичные, большие комнаты, много места, немного сыровато. Спрашиваю, здесь ли конференция; меня направляют в дортуар, просят выбрать кровать, потом отправляют в другое здание, где идет заседание. В залу вошел с некоторой опаской, не желая мешать. Встретился сейчас же с Вас. Вас. Зеньковским и Н.Я. Седовым и выслушал конец доклада С.Л. Франка. Когда все встали, то сразу окружили меня; начали знакомиться, расспрашивать о Париже, и я вошел в общую братскую среду и с этой минуты все время принимал деятельное участие в общей жизни съезда. Преосв. Вениамин подошел, спрашивал о братьях и родителях, вспоминал об иконе «Введения во храм», интересовался тем, где мы начали прислуживать и вошли в цер-

* Улице Бюрриг (нем.).

** Христианский хостел (нем.).

*** Унтер-дер-Линден, Фридрихштрассе (нем.), улицы в Берлине.

**** Эберсвальде (нем.), город в Германии.

***** Институт Виктория (нем.).

ковную жизнь. Встретил старых знакомых: Седова и другого пражанина, которые перетянули меня в свою комнату из общего дортюара. Обед, до которого было еще обсуждение доклада, был в двух столовых в здании, где происходят заседания. Перед трапезой архиерейское благословение, после «Отче наш» и «владыко, благослови». Сидят все на скамейках за большими деревянными столами. Кормят прекрасно: суп, мясное блюдо с овощами, сладкое и кофе. Ф.Т. Пьянов⁶⁴ заведует хозяйством съезда и распоряжается часами и устройством всех. Профессора всюду, кроме комнат, отделяются от молодежи. После обеда отдых до 4-х часов на полянке за садом, откуда вид далеко на горы, железную дорогу и окрестности. Уселись на траве и слушали доклады представителей немецких кружков, об их жизни и деятельности. Одни говорили, что их деятельность рефератно-обсуждательная, а одна представительница сказала: «собираемся в веселии и простоте». В Ганновере положение студентов очень скверное: нет не только объединяющего лица или учреждения, но и самой маленькой моральной поддержки. Материально им очень плохо живется. — В 6 часов — чай с пастилой и печеньем, потом обсуждение докладов и ужин. Всенощная воскресная. Пели недурно, так как еп. Вениамин сделал спевку. Вера Угримова⁶⁵, недавно приехавшая из Москвы, очень хорошо и решительно управляла. Служил епископ один (а прислуживал ему Угримов) в прекрасном холщовом облачении, вышитом цветами, угро-русскими фигурками. Мне пришлось быть еkkлезиархом. После всенощной кое-кто пошел погулять, подышать свежим воздухом, а я — спать, так как в прошлую ночь не выспался и хотел быть бодрым в воскресное утро. У меня начался очень сильный насморк (вечная моя хроническая лихорадка), который не прекращался. В комнате холод ужасный, покрылся одеялами, пальто и костюмами и с трудом закутался в них; рядом шумел во сне сосед, а наверху бегали дети, но сон одолел, и я не заметил, как пролетела ночь.

Воскресенье, 8 июня

Литургия прошла торжественно, я читал Апостола и помогал с Угримовым. За праздничным обедом ко мне подходит девушка, которая мне вчера показалась знакомой, и говорит: «Мы когда-то были знакомыми, и я хотела бы возобновить с Вами дружбу, я — Соня Шидловская⁶⁶, которую Вы, вероятно,

помните по Воронежской губернии». Конечно, стразу встала картина далекого детства, наши визиты на Волчий, построй-ка крепости в парке, мое ранение, и как маленькая Соня перевязывала мне руку. Ей было тогда 7 или 8 лет. Последний раз я ее видел 10 лет назад, перед войной, когда ей было 11, и, конечно, ее не узнал. Из длиннокосой наивной девочки она стала взрослым человеком. Ее сейчас же отозвали, а я продолжал разговор с ее батом Юрием⁶⁷, которого я тоже не видел 12 лет и который подошел познакомиться. Он командует скаутами и остановился со своими питомцами около Victoria Hotel. Настроен он резко против кружков и YMCA, думаю, главным образом потому, что он играл видную роль в Ревеле, а здесь его не привлекли к работе. Из болезненного, умирающего мальчика он превратился в сильного внешне и решительного юношу. От него я узнал, что он с отцом был в Ревеле и что там они соединились с А.А. и Соней, которая приехала значительно позже из Москвы. Близко сошелся я из профессоров с Николаем Серг. Арсеньевым, о котором много слышал раньше, но лично которого до этого времени не знал.

Понедельник и вторник

Очень интересные доклады были С.Л. Франка, Б.П. Вышеславцева⁶⁸ и Л.П. Карсавина. С последним я немного сцепился. Он утверждал, что литургия тем действеннее, чем больше молящихся в храме, а я утверждал, что *молитва* зависит часто от количества, но не таинства. Если даже священник служит один в храме, то таинство так же полно, как и при наполненной церкви. Еп. Вениамин меня поддержал, а Л.П. клонил все к истолкованию соборности как соучастию мирян в таинстве со священником. Понедельник и вторник прошли в деловой работе. С.Л. Франк необычайно проникновенен и глубок. Б.П. Вышеславцев блестящ, но холоден, а Л.П. Карсавин одержим бесом и даром занимался историей колдовства в Средние века. Н.С. Арсеньев вставляет иногда свои дельные замечания, но мне не кажется, что он «подвижник», как о нем говорят.

Мне пришлось не только докладывать о парижской жизни, но говорить вообще о Париже, так как у русских профессоров непреодолимое тяготение туда. Думают даже перенести во Францию Религиозно-философские лекции (Академию). Обещал навести справки о возможности их туда

переезда и поддержать идею перенесения культурного центра из Германии в Париж.

Вокруг дома большой сад, потом поля, поэтому все члены съезда гуляют в свободное время или сидят на траве. Соня Шидловская неразлучна с Г.Г. Кульманом⁶⁹, Секретарем Студенческой Федерации, и проводит все свободное время с ним, так что мне не удалось поговорить с ней и 5 минут.

Во вторник вечером была всенощная и говение. Все исповедались у еп. Венимина. Так как он въехал в пределы епархии митрополита без разрешения, у нас с Костей Струве⁷⁰ возникли сомнения, можем ли мы у него причащаться, о чем мы сообщили самому епископу. Он просил нас во избежание соблазна причаститься, но доложить об этом Митрополиту. Исповедовал он всех в алтаре (?) перед престолом. Хотя это была временная церковь, но все же такое «свободомыслие» вызвало соблазн, особенно у девушек, некоторые после настояний согласились, а другие так и не вошли в алтарь и поставили владыку выйти в церковь. Зачем все эти «новшества» и «фантазии»?

В ожидании исповеди все сидели при луне около дома на скамейках. Пришел Л.П. Карсавин и начал рассказывать о всякой дьявольщине. Вид у него был таинственно-мистический, и он походил на самого искusstителя.

Среда, 11 июня

Утром всем съездом причащались за обедней. Настроение было торжественное. До ближайшей станции меня провожал Костя Струве. Я уехал до конца, так как хотел попасть к Гейкингам. Они живут на Alt Mohabit, недалеко от Gervinusstrasse*, т.е. у самого Шарлотенбурга. Встретили меня радостно. Барон постарел, жена его все так же хлопотет по хозяйству. Игорь и Эльза выросли, учатся в старших классах гимназии и занимаются музыкой. Квартира у них хорошая, но, как всегда в Берлине, переснятая. Входить в дом трудно, надо иметь свой ключ, так как нет консьержки.

До 5 успел съездить еще в Бельгийское консульство на Jägerstrasse** за визой (где меня удивило отношение бельгийцев к немцам. Оно явно враждебное), чтобы весь день

* Альт-Моабит, Гервинуштрассе (нем.), улицы в Берлине.

** Егерштрассе (нем.), улица в Берлине.

посвятить завтра осмотру города. На Untergrund* столкнулся с Соней. Она была исключительно мила и предложила перейти опять на имя, а то мы называли друг друга по имени-отчеству. Вечером Игорь и Эльза устроили опять маленький домашний концерт.

Пятница, 13 июня

<...> Германия оставила во мне тяжелое впечатление, все бедно, в Берлине каждая свободная полоска земли использована под огород. Настроение напряженное и очень враждебное по отношению к Франции. Опять просыпается ненависть и желание уничтожения. За эти несколько дней я вполне вспомнил немецкий язык и свободно говорил со всеми на улице и в поезде. <...>

Среда, 5/18 июня

<...> Ходил в Кламар, рассказал о поездке, о Берлине, о предстоящих хлопотах по съезду в Argeronne**. Решили уже в воскресенье преобразовать кружок в Братство и оберегать для первых месяцев, читать правило, как связующее всех звено. Дай-то Бог, нам укрепить себя духовно для борьбы со злой силой. — Мать читает процесс Мити Карамазова.

Воскресенье, 9/22 июня

В Кламаре служба, я прислуживал, был сбор в пользу инвалидов, наш приход берет на себя пропитание одного героя.

Образование Св.Троицкого Братства

Совещались в Кружке относительно собрания в Руане, я сделал доклад, а после него решили образовать Братство и читали устав, я шумел против выборного начала с большинством голосов, против названия «правление». Решили выбрать старост — старших братьев. <...>

Среда, 12/25 июня

Лето, хочется на воздух, но воздерживаюсь Лесковской работы ради и из-за отдачи Фаресова⁷¹. Работа подвигается скоро, хотя вечером был в Братстве. Тихон Александрович⁷² написал прекрасный устав, в котором совершенно отсутствовал принцип выборов, а все было основано на системе перехода от младших к старшим, которые были руководителями и одни имели право голоса; к сожалению, оппозиция выставляла соображения практические, уверяя, что избранное

* Метро (нем.).

** Аржерон (фр.).

правление более твердо принимается, чем назначенное. Очень много переменили в делах Братства, расширив их чрезвычайно. Демидов⁷³ взялся устроить вторую часть устава. Что из этого выйдет — неизвестно. <...>

Суббота, 15/28 июня

Только что вернулся владыка, имел с ним беседу о собрании съезда, благословил приехать отцу Булгакову. Евграф держал сегодня экзамен по философии. Дай-то Бог, чтобы выдержал.

Воскресенье, 16/29 июня

<...> Был в Клараре. Присутствовал на заседании и все время указывал на несостоятельность устава А.В. Карташева. Снимались вместе и решали текущие дела о собрании. <...>

Понедельник, 17/30 июня

<...> Был Лев Липеровский, только что приехавший из Праги. <...>

Четверг, 20 июня / 3 июля

Именины матери. Мать была утром в Париже. У нас была Милица Лаврова, Лев Липеровский и Павел Евдокимов. Долго обсуждали устройство собрания и текст приглашения. К обеду был чудный рисовый пирог. <...>

Суббота, 22 июня / 5 июля

Был Лев Николаевич. Работали для съезда. <...>

Вторник, 25 июня / 8 июля

Андрей Карпов обедал у нас, вели беседу о съезде, о братстве. Он будет говорить о своем маленьком кружке, о необходимости совместной работы. Андрей Федорович считает, что теперь самое важное — это вопрос об отношениях Церкви и государства. По его мнению, должно быть разделение и взаимная любовная поддержка. — Вечером — у Евдокимовых. Его мать — редкой энергии человек. Развиваем план боевой защиты церкви против большевиков. Если бы таких нам людей, как Евдокимовы, давно бы большевиков не было.

Пятница, 28 июня / 11 июля

<...> Приехал Александр Викторович⁷⁴, сам все устроил, вошел в квартиру и ждал нас. Вечером выяснили, что ему надо говорить в Праге на съездах. <...>

Суббота, 29 июня / 12 июля. Св. ап. Петра и Павла

Отвез Ельчанинова в Немецкое Посольство. Литургию служил владыка. Прислуживающих мало. Евграф ездил на

отпевание Мещерской. В Лувре и Тюильри объяснял Ал. В. положение кружков. Проводил его на вокзал. Дома меня пришел поздравлять Андрей Карпов. Получил массу поздравлений: от Карташева и др. Принимаю все же с удовольствием. На всенощной был у Трубецких. Вот так семья: человек 40. Служба была в гостинной. Пели М.М., братья и Толстой.

Воскресенье, 30 июня / 13 июля

<...> В Кламаре у нас устроилось братство, все так хорошо, душевно; прорвалась пленка, все объединены. Слава Богу, всех держит вместе о. Александр: какой чудный и лучезарно-прекрасный человек. Днем разговоры о кружке и собрании. <...>

Среда, 3/16 июля. Св. Филиппа

Опять все утро бегал за билетами и визами для съезда. Мало что удается. Кроме розысков Бердяева, ни в чем не преуспел.

Воскресенье, 7/20 июля

Утром литургию служил Митрополит. Несмотря на одну службу, народа мало. Отец Георгий сказал не очень удачную проповедь. Говорил с Вышеславцевым об устройстве конференции. Меня рвали буквально на части. <...>

Понедельник, 8/21 июля

До службы был у Андерсона⁷⁵, очень симпатичный человек, американец, говорит по-русски. <...> Вечером был на вокзале С.-Лазар по поводу коллективных билетов и на заседании Правления Союза. <...>

Вторник, 9/22 июля

Утром был в Министерстве с Милицей Владимировной, которая добилась виз, у Андерсена и бегал из-за билетов. Вечером ждал Юкшинского⁷⁶ в Союзе, но бесполезно. Приехал Алекс. Викторович, восхищен до последней степени, сияет и собирается вновь ехать в Прагу. К ужину был Павлик Капнист⁷⁷. Алекс. Викторович ночевал у нас. Право, и в Медоне к нам начинают ходить беспрестанно, нужно ехать в Ментону.

Среда, 10/23 июля

Ал. Викт. присутствовал у нас на домашней всенощной, а утром сбежал так рано, что мы его и не видели. Я приехал поздно в церковь, некому было пономарить. Игнатьевы что-то покупали, владыка очень обиделся. Нам окончательно отказали в билетах со скидкой. Был у Лавровой, а вечером на

заседании Объединения. Мих. Мих. говорил об устройстве начальных школ для русских детей в Париже и помощи студентам и об устройстве популярных лекций. Неутомимый он человек.

Пятница, 12/25 июля

I. АРЖЕРОН

Сегодня отправляемся на конференцию. Господи, благослови!

Встали мы рано, чтобы успеть все устроить. Я отправился с чемоданом в церковь, а оттуда, забравши облачения, на автомобиле — на Gare St Lazare*. Мы не были первыми. Издалека увидели Леву Зандера; бросился почти что ему на шею. Пражане еще не приехали, но ждем сегодня. Карташев обещал их сопровождать до конца. К 12 собралось всего человек 12. Русские оказались более точными, чем можно было предполагать, и к половине первого большинство было в сборе. Вещей оказалось порядочное количество. В кассах приходили в удивление, когда я брал по 10–20 билетов. В последнюю минуту явились Ферзен и М.А. Каллаш⁷⁸. Приехал нас провожать Сережа Игнатович. В поезде разместились хорошо, большая часть в одном вагоне, другие (Евразийцы, мои братья и Клармарский Кружок — в начале поезда). Все время не умолкали разговоры, особенно в купе, где сидели Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, Соня Шидловская и Лев Ал. Зандер; французы, случайно попавшие в поезд, были так забиты, что только про себя ворчали и выражали неудовольствие. Мне, по моему беспокойному характеру, приходилось беспрестанно бегать и проверять, все ли спокойно уселись. Не обошлось без маленького инцидента. Фидлер, как это обычно бывает с этим *enfant terrible***, потерял билет. Пришлось, после бесконечных поисков, покупать новый. St Pierre du Vauvray***, станция небольшая, поезд отходил сейчас же, так что мы только успели перетащить вещи и усесться. Проверили, все ли здесь: оказалось 43 человека. Паровоз, который должен был везти нас, оказался такой каструлей, что в течение 30 м. не мог сдвинуть состава с места. Наконец, после

* Вокзал Сен-Лазар (*фр.*).

** Несносный ребенок (*фр.*).

*** Сен-Пьер-дю-Вовре (*фр.*).

многих возвращений, он все же пошел вперед. В Louvière* пришлось ждать 40 минут, шел дождь. Я стерег вещи, а остальные пошли осматривать замечательный готический собор. На поезд многие опоздали, но он остановился на путях по моей просьбе, и все благополучно, хотя не без временной утери вещей, сели. В La Haye Malherbe** нас встретила Милица Владимировна. Все оказалось улаженным и помещение для Митрополита весьма удовлетворительным. Тут же, на ходу, выясняли программу дня. Так как многие устали, то растянулись на 1½ версты. Идти приходится по деревне, по полю и по лесу. Места чудные, овес, турка, гречиха, раздолье, простор. До замка далеко, многие едва дошли. У дома нас встретили Наташа Брюнель и сама графиня Montmort⁷⁹ и пожелали нам всякого добра и благополучия. Замок большой, настоящий дворец. Молодежь поместили по флигелям. Профессоров и женщин — в замке. Мы втроем и Лева Долгушин⁸⁰ отправились прямо в комнаты, предназначенные для церкви. Это белая комната и зала, полная стариной мебели. Мы предпочли первую. Убрали кое-какую мебель, повесили полотняный Евграфов иконостас⁸¹ и подобрали столы для престола и жертвенника. Во флигеле нам оставили шикарную комнату на четверых. Мы взяли Павлика Евдокимова. Молодой представитель от Montargie***, Федя Титов, которому оказалось 28 лет, привесил колокол и колокольчик и созывал всех в храм звонком. В 7½ собрали всех в церковь, и о. Александр отслужил молебен и сказал краткое поучение. Пели почти все, потом был ужин в нижней сводчатой комнате. Дали три блюда, но предупредили, что воды очень мало. Начали с молитвы и кончили ужин вечерним правилом, которое читал я. Вечером говорили в комнате о насущных делах. Наташа все время способствует связи между владелицей и нами. Погода поправилась. Спали как убитые, но сперва до часа все же болтали с Павликом.

Суббота, 13/26 июля

Встали очень рано, в 5½, так как хотели успеть приготовить молитву. Павлик еще лежал в постели. Пришли в церковь первые. О. Александр разрешил читать вместо часов

* Лувьер (*фр.*).

** Ла Э-Малерб (*фр.*).

*** Монтаржи (*фр.*), город во Франции.

утреню, которую Максим и Евграф поочередно стихословили и прочитали. Собрались почти все. Пришла одна француженка, говорящая чудно по-русски и православная, она только что приехала из России и видела обновление куполов и икон. После кофе о. Александр начал свой доклад о Братстве. В зале человек 30. Мне не пришлось быть, так как я все время говорил с Парижем и хотел добиться Митрополита, чтобы просить его приехать в 6 часов вместе с профессорами. К сожалению, ничего не удалось сделать, и я потратил на это 3 часа, пришел в дом уже к прениям, которые с самого начала обнаружили расхождение мнений. Начал критиковать доклад Всеволод Кривошеин⁸², потом Евграф, Максим и, наконец, всех резче Ал. Ставровский, сказавший, что вообще идея братства вредна и что он не видит ни малейшей цели в нашей работе. Пришлось возражать. Сперва говорила Милица Владимировна, потом я, и под конец оппозиция присмирела. В перерыве многие меня обступили и особенно шумели насчет обетов, которых ни Ставровский, ни мои братья совсем не признают. Партия непримиримых, к которой принадлежит Ставровский, Кривошеин, Андрей Карпов, два брата и Энден⁸³, хотела даже уехать совсем с конференции, не видя в ней пользы (?). Но недоразумения были только словесными, и после моих объяснений все остались, и за обедом начался обмен мнений и та работа, которая незаметна, но самая важная и ценная — это внутреннее обсуждение, ознакомление друг с другом и душевные разговоры и споры. Обед был налажен хорошо благодаря заботам Наташи Брюнель, и все получили всего в достаточном количестве. К концу обеда видим перед входом в трапезную новые тени. Я выбегаю навстречу. Оказывается, приехал Карташев с отцом Сергием Булгаковым, В.В. Зеньковским и Всеволодом Шаховским⁸⁴ (из Лилля). Волнения об их устройстве легли на Мил. Влад. и на меня. Накрыли для всех приехавших вновь стол и накормили их обедом, после которого приехавшие пошли отдыхать. Сейчас же началось заседание Парижского Клуба по вопросу о дальнейшей работе, а потом Правление Съезда (Лев Ник., Пав. Ник. и я) решали вопросы о перестановке докладов ввиду приезда владыки и желания о. Сергия говорить последним. Мы представили поэтому А. Викт. Ельчанинова на воскресенье, А.В. Карташева на понедельник, а о. Сергия на вторник.

На сегодня решили назначить собрание в 5 часов, до приезда владыки, потом ужин, а после него — всенощную в 9 ч. вечера. Вечером была информация с мест. Говорили: о Париже — я, о Ницце — Павлик Капнист (сказавший много лишнего и не относящегося к теме), о Лилле — Шаховской, о Берлине — Соня Шидловская, о Кламаре — Карпов и о Монтаржи — Титов, замечательно умильный человек, рассказавший, как они строят церковь и устраивают ее благолепие. Его рассказ растрогал многих до слез. — К сожалению, и здесь я не мог все время присутствовать, так как заболел из-за отправки за митрополитом автомобиля и его встречи. Владыка в 6 ч. не приехал, что вышло к лучшему. Шофер, который привез кн. Гр. Ник. Трубецкого, приехавшего днем, поехал в Louviers и спросил на всякий случай внешнее обличие владыки. Он нашел его и отца Софрония на станции, им не пришлось ждать, и в 7 ч. митрополит был уже в замке, осмотрел часовню, и мы проводили его в его комнату на 1-м этаже. На ужин владыка спустился в трапезную и благословил яства и питье, мы же спели «ис-полла эти, деспота». За митрополичий стол, за которым, после отъезда владыки, сидели о. Сергей, о. Софроний и Н.А. Бердяев, никто не хотел садиться, все как-то боялись, хотели поболтать. Я был зато всегдашним соседом о. Сергия, но на этот раз бегал по хозяйству и не мог ужинать. Всенощная была торжественной. На полиелей вышел митрополит и 2 священника. Присутствовали все иностранцы и выстояли 2 часа. Когда все расходились, было уже 11½ ч. вечера.

Воскресенье, 14/27 июля

Литургию служил Владыка с тремя священниками (о. Сергием, о. Александром и о. Софронием). В проповеди Митрополит говорил о ценности порыва молодежи к Церкви, которая — единственная тихая пристань в наше тяжелое время. По просьбе о. Александра и для умирения страстей отслужили краткий молебен Св. Троице с молитвой. — Алекс. Викт. Ельчанинов начал доклад вовремя. Собрались почти все. Я слушал его, к сожалению, только урывками, но Лев Зандер записывал все так хорошо, что я потом воспроизвел его для себя.

Основание Академии и покупка Сергиевского подворья

У нас утром заседание Правления, потом заседание в комнате Н.А. Бердяева об Академии, так как решили убеждать

Владыку во что бы то ни стало не отказываться от намерения, несмотря на отсутствие денег. Наша тройка (Лев. Ник., Павлик Евдокимов и я) после установления нами залога и обещания друг другу старается внушить доверие всем колеблющимся. — День великолепный, солнце: после чая снимал группу перед входом в трапезную.

Доклад А.В. был интересен и полон живых подробностей о русском благочестии в древнее и новое время; склад жизни древней Руси был своеобразный; для нас теперь весь уклад жизни наших предков невоспроизводим. В основе было богослужение, которое охватывало буквально все стороны жизни человека от рождения до смерти, его передвижение, еду, сон, делание. Все, что вне этого, казалось чуждым и языческим. Русское благочестие не было никогда утилитарным, нищие и убогие посланы нам для нашего спасения, а не для того, чтобы мы их устраивали в богадельни. У русского живая потребность в святине, но одновременно ему свойственны резкие переходы от духовного подъема к житейской прозе, даже в таких мелочах, когда после напряженной молитвы в церкви русский зевнет или высморкается или начнет думать о хлебе насущном, а потом опять вознесется на небо.

Доклад А.В. вызвал меньше критики, как и дополнений, и был воспринят очень внимательно. А.В. Карташев говорил специально о стремлении русского человека все освятить, усугубить внешнее благочестие, сделать все, что касается небесного, особенным, угожим, богатым золотой парчой, неземными ликами угодников. Даже цветы нестилизированные слишком просты для церкви. Но, может быть, и убожеству, и этой убогости часто русский человек так же рад, как и богатству. Владыка говорил, что желание иметь у себя святину не переходит у русского человека в фамильярность, как у католика. Очень важная черта русского благочестия — это его аскетизм и спокойное отношение к жизни. Русский человек очень хорошо умеет умирать. Григ. Ник. Трубецкой сообщил много замечательных черт русского благочестия, о русских паломниках, ищущих рая, о 40 арш. полотна для Патриарха Вселенной, о поисках правды на земле. И. Вс. Никаноров говорил о древности христианства на Руси. О. Сергей говорил много и очень тонко о православном сознании, о любви к красоте, которая выражается в богослужении. Русский

человек без веры — худший на земле человек. Подробно остановился о. Сергей на взаимоотношении земной и небесной красоты. Закончил он несколькими словами о Митрополите, который носит высокую власть, но который среди нас, нас окормляет и несет нам благословение Церкви.

Вечером Вал. Ал. Калашникова читала о братствах на Западной Руси. Насколько доклад о. Александра вызвал шум, настолько это сообщение подняло интерес к нашему Братству. Нас начали обступать и чрезмерно возносить, думая, что мы вправду создали что-то подобное древним братствам. Правда, В.А. говорила необычайно горячо и убедительно и чисто исторически. Оппозиция больше не шумела, хотя говорила: посмотрим, как все это будет осуществлено, с идеей же примирился даже А.В. Ставровский. Существенно говорили после доклада владыка, Соня Шидловская, Зандер, Карташев, Зеньковский и М.А. Каллаш. Видимо, доклад задел всех за живое, а для нас он оказался поводом к серьезному обсуждению всего дела и исторически, и социально. Из молодежи, кроме названных, говорил маленький Титов, но все больше возвращался к вопросу о русском благочестии.

Вечером после ужина в комнате у Владыки было решительное заседание об Академии. Были профессора и нас трое, мы были самые решительные, но в вопросе о мерах сбора денег разошлись с Павликом и даже поспорили. Думаю, что вопрос решен положительно, и Владыка не откажется от покупки дома, хотя сумма, до которой дошли торги, очень значительна. Дело устройства второй церкви в Париже удастся, надеемся, объединить с устройством Академии.

Понедельник, 28 июля

Вчера днем гр. de Montmort пригласила девушек и кое-кого из устроителей к себе на чай, который был сервирован в большой столовой, была очень мила и расспрашивала, как идет работа съезда. — После литургии и молебна был доклад А.В. Карташева. Не останавливаюсь долго на нем, так как Лев Зандер все записывает и полный отчет будет напечатан, так же как и доклад В.А. о братствах (это будет первое братское издание). У меня так много технической работы, что трудно слушать доклады. Сегодня я почти сбился с ног. Доклад А.В. о взаимоотношении внешнего мира и христианской общины вызвал очень серьезные дополнения Н.А. Бердяева,

Вышеславцева, Зандера, Зеньковского, Владыки и многих других. Все обсуждения принимают очень серьезный вид, и чувствуется, что съезд является настоящим «собором» в миниатюре, где все стараются выяснить наболевший на душе вопрос. Многие мнения А.В. вызывают спор. Вечером настроение было очень возбужденное, и опять начались разговоры о непримиримости полной церковности с современными условиями жизни. Особенно много кричали и спорили в «кулуарах», на лужайках и в парке о словах А.В. относительно «благословения меча». Владыка уехал вечером в Париж. Провожали его очень торжественно, пришла хозяйка и поднесла букет цветов. Вечерню и правило читал о. Софроний. Я слег в 9 и не смог заниматься делами, а финансовая сторона требует особого внимания, чтобы все выплатить и никого не притеснить и свести концы с концами.

Вторник, 29 июля

Утром настроение было напряженное. Многие говорили мне, что они находятся в тупике. На доклад о. Сергия возлагали большие надежды, но казалось, что он не дает ответа на волнующий всех вопрос о возможности жить по-христиански в наше время и в наших условиях. О. Сергей подошел к вопросу совсем иначе, чем ожидали, и сказал не то, что думаем, но разрешил все, и после его доклада⁸⁵ от утреннего возбуждения не осталось и следа. Я лежал наверху в постели, так как совсем разболелся, но слушал внимательно. Почтили память Пав. Ив. Новгородцева, пропели многая лета отцу Сергию. Больше всего всех потрясли слова, что мы носим Россию в себе и что внешние условия не имеют значения. Говорил после этого М. Мих. о России. О России заговорили все, но духовно-патриотически, вне политики.

Днем гр. де Монмор пришла в зал заседания и с необычайной красотой и изяществом говорила о традиции, которая объединяет нас. Здесь Вы говорили о духовном строительстве будущей России, которую мы любим, но и мы стремимся к духовному возрождению нашей страны, для чего образован женский французский орден охранительниц традиций. — Ей отвечал Григ. Ник. Трубецкой.

После осмотра дома желающими было заседание YMCA и Федерации, на котором очень многие отсутствовали. Очень горячо и серьезно говорил А.А. Мироглиу, указавший

на сдвиг в идеях Федерации, которая приходит к выводу, что русским надо дать право жить церковно вне интерконфессионализма, ценного протестантам, а не им. Г.Г. Кульман говорил о своих личных переживаниях в связи с знакомством с православием. Вечером была исповедь, некоторые участвовали в общей, другие подходили отдельно. Всенощная была особенно мирная и воодушевляющая. Пели почти все. Пришли и французы. Во время исповеди читали акафист. Эти дни сблизили всех, и страшно было подумать вновь разъехаться.

Среда, 30 июля

Утро было чудесное. На литургии причащались почти все. Отец Сергей сказал краткую, но прекрасную проповедь о Св. Тайнах. К концу службы настроение было воистину Пасхальное, так что Иосаф Всеволодович, выходя из церкви, говорит мне: «А не пропеть ли нам Христос Воскресе перед трапезой?» — «Конечно, конечно», — ответил я и разнес эту благую идею вмиг по всему дому. Пели не искусственно. Слова вылились так естественно из наших уст, как будто правда мы пережили Святую Пасху. Многие начали христосоваться, я тоже обнял некоторых друзей, но отец Александр отнесся к этому почему-то очень ригористично и, как духовный руководитель, запретил христианские лобзания. Утро прошло все в повышенном духовном настроении. Многие пошли гулять в лес и парк. Я присоединился к группе, председательствуемой О. Веригиной⁸⁶. Обсуждали дальнейшую работу и планы на будущее. Перед отъездом в 4 часа служили благодарственный молебен в зале собраний, так как церковь была уже сложена. Особенно суетился и помогал в уборке церкви Титов. За молебном соборным решением пропели многая лета отцу Александру. В заключительном собрании говорил В.В. Зеньковский, о. Александр и Павлик Евдокимов, который вел все заседание, участвовал в делах Президиума (Комитета) и помогал, кроме того, мне в административно-финансовой работе. Лучшего, более выдержанного и более спокойного председателя трудно был и найти. Доклады уже никто не слушал, настолько все были схвачены общим желанием будущей соборной работы и общения.

На вокзале погрузились благополучно. В Louvières и St Pièrre не было никаких инцидентов. На St Lazare думал с

опасением, как нас выпустят с *billet collectif*^{*}, но, к своему великому удивлению, на вопрос: «Как вы будете считать?» — контролер на чистейшем русском языке ответил: «Сами считайте и указывайте только мне». Оказывается, на St Lazare и контролер, и багажные служащие, и даже в *bureau des renseignements*^{**} — все русские.

Хуже было расставаться. Все поставили вещи и не могли уйти. Простояли по крайней мере толпой около получаса, давали друг другу адреса и, видимо, хотели хоть на минуту продлить общение. Даже Клармарская оппозиционная группа, и та была в восторге. Ко мне подходили и Карпов, и Кривошеин, и др. и благодарили, что я убедил их ехать, несмотря на их опасение. Пригласили меня даже к себе, на что я не рассчитывал.

Денежные дела оказались блестящими. Удалось не только свести концы с концами, но и возратить некоторым бедным гостям и делегатам часть уплаченной ими суммы, несмотря на то что ассигновка была очень незначительна (2000 фр.).

Забегал я к Антону Владимировичу, у него идут заседания Братства св. Софии, и там все настроены так высоко, что Карташев не впустил меня с моими житейскими вопросами дальше первой комнаты (!)

Пятница, 19 июля / 1 августа. Св. Серафима, Саровского Чудотворца

<...> Вечером Клармарский кружок, читал Вас. Вас. Зеньковский. Собралось 9 человек. Я опоздал, провел вечер чудно, как-то чувствуешь себя родным, но В.В. удивил меня словами «в малом будь верен, над многим ты поставлю»⁸⁷. Буду более внимателен к Братству. — Соня Зернова много возражала докладчику, у нее все время идет сильная внутренняя работа и глубокие духовные переживания. — Новый член, старшая Граббе, ничем себя не проявила.

Воскресенье, 21 июля / 3 августа

<...> Вечером было собрание у о. Александра только нашего кружка об итогах съезда и приняли в Братство Льва Николаевича Липеровского.

* Групповым билетом (*фр.*).

** Справочном бюро (*фр.*).

Пятница, 26 июля / 8 августа

Утром заказывал цветы. Днем была свадьба Л.А. Зандера и Вал. Ал. Калашниковой. Кроме очень близких и семьи Трубецких, никого не было. Таинство совершал о. Сергей Булгаков, прислуживал старший, а нес образ младший Бутенев⁸⁸. Я и Морозов были шаферами у Льва Алекс., а Евдокимов и Шатько у Валентины Александровны. Жених был в своем сереньком костюмчике и приехал за 40 минут. Невеста приехала в автомобиле с шаферами и шаферицами. Пели хорошо, церковь была чудно разукрашена белыми цветами. Пили чай и шампанское для новобрачных и гостей у отца Александра, провели время мило, по-дружески и радостно. Все такие милые. Старики страшно переутомились, и к 6-ти гости уже разошлись. Я был у о. Сергия, проводил его до Place du Palais Bourbon*, где его ждала большая аудитория. Сергей Ник. Третьяков⁸⁹ устроил для него чай в боковой зале и угощал о. Сергия, Веру Вас. и меня. Третьяковы встретили меня с распростертыми объятиями, чуть не обнимали, поздравляли с успехом съезда и деятельности. Не дождавшись конца доклада, я сбежал домой, так как была масса дела и привезли вещи из склада.

Четверг, 26 сентября

<...> Днем работал дома, а вечером был на братском собрании у о. Александра, изучаем литургию. Максим у Веригиных.

Воскресенье, 29 сентября

<...> В Кламаре я читал доклад в братстве о литургии Вас. Вел. Много интересного сказал Б.П. Вышеславцев, а именно о способах борьбы со скепсисом, о параллельности у некоторых древних народов обрядов, которая доказывает обоснованность их, а никак не заимствование, и об упрощении богослужения: почему его нужно всячески украшать и умножать, а не сокращать и упрощать. Ибо, как Христос, желая приблизиться к людям, должен был смирить Себя и отложить почти все божественное, чтобы наши чувства могли вынести Его величие, так, наоборот, чтобы нам приблизиться к Богу, должно бережно усиливать культ и возвышаться мистически, а не опрощаться.

* Площадь Палэ Бурбон (*фр.*).

Пятница, 4/17 октября

Ездил со Львом Липеровским в Версаль, в префектуру, гуляли по парку. Я испытал истинное наслаждение, потому что там тихо, красиво и стройно. Масса осенних цветов, желтые листья, а трава еще совсем свежая. Заходил в Медоне в полицейский комиссариат. Сам комиссар принял очень любезно. Потом 2 часа рассказывал Льву Николаевичу последование всенощной и литургии и сообщал всякие практические сведения. Он усердно готовится к принятию диаконского сана. Вечером у нас был Миша Гончаров. Рассказывал о бездуховной жизни средних французов.

Воскресенье, 6 октября

Утром я был в церкви в Кламаре. <...> — Наши братчики принимали участие в пении и в чтении в церкви. В Братстве читали дальше о литургии и обсуждали текущие дела. <...>

Воскресенье, 26/13 октября

<...> Поймал после службы человек 10, с которыми переговаривал, а потом мчался в Кламар на собрание. Оказывается, оно состоится в Медоне, туда и направились с отцом Александром. Читал продолжение вступления в изъяснение Божественной Литургии. <...>

Понедельник, 14/27 октября

Утром продолжал с Львом Ник. Липеровским разбор служб Минейной и Воскресной. Усердно приготавливаю его к диаконству. <...>

Среда, 16/29 октября

<...> Днем заседание у Липеровского с Г.Г. Кульманом и Павлом Евдокимовым о перенесении деятельности бюро Кружков в Париж и об издании отчетов о съездах. <...>

Четверг, 13 ноября

<...> Вечером Максим и Евграф на собрании Кружка в Кламаре. Там был большой спор и обсуждение доклада Вышеславцева и многих вопросов внутренней духовной жизни человека.

Воскресенье, 16/3 ноября

<...> В 7 часов я поехал за владыкой, но он вернулся с таким усталым видом, что я не решился настоять на поездке. Собрание прошло хорошо, было много народа — все кружки, читали доклады Липеровский, о. Александр, делегаты на разных съездах; потом был чай и обмен мнений, а под конец

Н.А. Бердяев прочел интересное сообщение о православной работе с Федерацией. Наготовили так много продуктов, что масса осталось зря.

Понедельник, 17/4 ноября

<...> Днем было заседание у О. Веригиной бюро объединения христианских кружков в Европе, решали вопрос связи и другие дела (сбор на Академию и поездку в Прагу). <...>

Среда, 19/6 ноября

Днем был у Dominois* и в библиотеке, а потом обсуждал с Липеровским и Г.Г. Кульманом организацию сбора на заводах в пользу Академии. Вечером Лев Николаевич затащил меня к себе, и я был на именинах у Кл. Мих. Першеневой⁹⁰, которые праздновались у него.

Воскресенье, 10/23 ноября

<...> Вечером у нас было собрание Кружка, на котором Липеровский читал Екклесиаст Соломона, а Светлана Рышкова⁹¹ очень художественно написанное воспоминание о Царской Семье.

Воскресенье, 24 ноября / 7 декабря

<...> Вечером у нас было большое собрание Братства. Многие говорили: Владыка, Ан. Влад., Бердяев и др.

Суббота, 30 ноября / 13 декабря

<...> Вчера вечером было собрание Братства, говорил В.В. Зеньковский о работе в Праге. Мало утешительного: начинают откалываться под политическими или церковными предложениями (?!). Говорили о нашем движении, служили молебен и канон покаянный ко Господу, готовились к приятию новых членов. <...>

Воскресенье, 1/14 декабря

<...> Вечером был на собрании Братства: много новых, работа идет. Вас. Вас. говорил о ступенях духовной жизни.

Понедельник, 2/15 декабря.

Опять беготня, мало времени для работы. Утром заседание президиума бюро всех кружков. Решили вопросы о конференциях и журнале. Вечером был в союзе, но никого нет. Прямо разрываешься от работы и отсутствия времени.

Пятница, 6/19 декабря

<...> Днем был на лекции Fgšek'a⁹², а вечером на собрании Братства Св. Троицы. Служили вечерню и краткий мо-

* Доминуа (*фр.*), фамилия профессора Сорбонны.

лебен Николаю Угоднику, а потом Катя Серикова⁹³ говорила вступительные слова с таким подъемом, что я почувствовал, что даже если Братство ничего больше не принесло, то одна эта победа уже велика, ибо люди совершенно переродились, а милый о. Александр был так растроган, что на коленях благодарил Господа.

Воскресенье, 8/21 декабря

<...> Я был на собрании Братства и Кружка. Вернулась Марианна Андрусова⁹⁴. Я читал о литургии, но голова трещала, и я едва дошел до антифонов. Доклад читал Хирьяков о борьбе, любви за других, очень литературно и задушевно. <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Марина — Суковкина Марина Михайловна (в замужестве Хердт; 1902–1951), художница, с 1951 г. жила с мужем в Великобритании. Наталья Львовна Конюс (в замужестве с 1925 г. Катуар; 1899–1977), пианистка, в эмиграции во Франции с 1917 г.

² Речь идет о двух младших братьях П.Е. Ковалевского. Средний — Максим Евграфович Ковалевский (1903–1988), математик, духовный композитор, регент. И самый младший из трех братьев — Евграф Евграфович Ковалевский (1905–1970; домашнее прозвище Графчик), один из основателей Фотиевского братства, в будущем создатель Французского православного богословского института св. Дионисия в Париже, епископ Иоанн Сен-Денийский и основатель «Французской католической православной церкви», которая после смены нескольких юрисдикций осталась неканонической.

³ Родители П.Е. Ковалевского: отец, Евграф Петрович Ковалевский (1865–1941), общественный и церковный деятель, выпускник Московского университета, член III и IV Государственной Думы, служил в Министерстве просвещения, автор законопроекта о всеобщем школьном образовании в Российской империи, участник Всероссийского церковного собора 1917–1918 гг., в эмиграции член приходского совета Александро-Невского собора в Париже и товарищ председателя правления Русской академической группы; мать, Инна Владимировна Ковалевская, урожд. Стрекалова (1877–1961), педагог; в Париже заведовала русским отделением при лицее Фенелон, преподавала в русской школе в Нанси и в русской гимназии в Булони.

⁴ Родители Марины, Суковкин Михаил Акинфиевич (1857–1938), дипломат, камергер, общественный и церковный деятель; его жена Суковкина Ольга Константиновна (урожд. Ушинская; 1867–1960), дочь педагога К.Д. Ушинского, художница. Ковалевские и Суковкины дружили семьями.

⁵ Мф 5:18.

⁶ Шатько Михаил Павлович (1895–1985), до эмиграции офицер, подпоручик инженерных войск, участник Гражданской войны. В эмиграции с 1921 г., в Париже учился в Сорбонне; умер в Марокко.

⁷ Речь идет об Абеде Мироглио (Miroglio), французе, стоявшем у истоков создания первых студенческих христианских кружков во Франции, свободно говорившем по-русски, секретаре Французской христианской студенческой федерации. В.В. Зеньковский так описывает в своих воспоминаниях парижский православный кружок в этот период: «Вот география Движения осенью 1923 года: 1) Париж — находился под влиянием Федерации, через Мироглио. Однако в Пшерове парижане, особенно в связи с моей и сестер Зерновых поездкой летом 1923 года в Париж, тянулись (но не больше) к Православию» (*Зеньковский В.В. Из моей жизни: Воспоминания. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Книжница, 2014. С. 61*).

Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962), философ и богослов, в эмиграции с 1920 г., в 1924 г. профессор Русского педагогического института в Праге, пожизненный председатель РСХД. С 1926 г. в Париже, профессор Свято-Сергиевского института. В 1942 г. рукоположен в священники, с 1944 г. протоиерей.

⁸ В нескольких местах в раннеэмигрантских дневниках П.Е. Ковалевского встречаются такие отрывки, написанные как подражание древним летописям на церковнославянском языке, в чем проявляется, как нам кажется, не только чувство юмора автора, но и его довольно рано оформившееся стремление стать летописцем эмигрантской жизни.

⁹ Карташев Антон Владимирович (1875–1960), историк, богослов, общественный и церковный деятель. Был последним обер-прокурором Святейшего Синода и министром исповеданий во Временном правительстве. П.Е. Ковалевский передает здесь рассказ А.В. Карташева о первом, учредительном Пшеровском съезде РСХД, состоявшемся в Чехословакии в местечке Пшеров 1–8 октября 1923 года. Особо подчеркивается в рассказе роль на этом съезде отца Сергия Булгакова, ежедневно служившего литургию: чудо общего причащения и единения через причастие в конце съезда, которое многие потом вспоминали как «Пшеровскую Пятидесятницу», окончательно определило православный, а не интерконфессиональный характер созданного движения.

¹⁰ Савватий (Врабец; 1880–1959), архиепископ Пражский и всея Чехословакии Константинопольского патриархата.

Епископ Пражский Сергей (Королев; 1881–1952). В эмиграции с 1922 г., был настоятелем Николаевского храма в Праге и викарным епископом митр. Евлогия для приходов в Чехословакии. В 1950 г. вернулся в СССР, был архиепископом Казанским.

Епископ Вениамин (Федченков; 1880–1961), в 1923–1924 гг. был руководителем православной миссии в Прикарпатской Руси. В 1925 г. по приглашению митр. Евлогия переехал в Париж и был инспектором Свято-Сергиевского православного богословского института; в 1931 г. стал основателем и первым настоятелем храма Трехсвятительского подворья в Париже, оставшегося в юрисдикции Московской патриархии после перехода митр. Евлогия в Константинопольский патриархат. В 1947 г. еп. Вениамин вернулся в СССР, почил в Псково-Печерском монастыре.

¹¹ Колчев Леонид Иванович (1871–1944), протоиерей, род. в Тамбовской губернии в семье духовенства, с 1897 г. священник, с 1917 г. протоиерей, настоятель придворных церквей в Ливадии и Ореанде (Крым), в 1920 г. эмигрировал в Константинополь, в 1924 г. переехал в Париж, но в том же году по приглашению имп. Марии Федоровны переселился в Копенгаген, где был настоятелем Александро-Невского храма и духовником императрицы.

¹² Татьяна Константиновна (1890–1979), княжна императорской крови, дочь вел. кн. Константина Константиновича, правнучка Николая I, вдова князя К.А. Багратион-Мухранского, погибшего в 1915 г. на Великой войне; вторым браком вышла замуж за полковника А.В. Короченцева в 1921 г., сразу после эмиграции в Швейцарию, но муж умер от дифтерита через несколько месяцев после свадьбы. В 1946 г. постриглась в монашество с именем Тамара, переехала в Иерусалим в Вознесенский Елеонский монастырь, с 1951 г. его настоятельница.

¹³ Зернова Милица Владимировна, урожд. Лаврова (1899–1994). Врач, доктор медицины, религиозный деятель, иконописец. В эмиграции с 1920 г. сначала в Югославии, затем в Париже, где была среди организаторов христианского студенческого кружка. В 1923 г. на первом съезде РСХД познакомилась с будущим мужем, Николаем Зерновым; они обвенчались в 1927 г. Активный участник РСХД. Окончила медицинский факультет Парижского университета, в 1932 г. защитила докторскую диссертацию. В 1938 г. переехала с мужем в Великобританию.

¹⁴ Протоиерей Иаков Смирнов (1854–1936), с 1931 г. протопресвитер, с 1898 г. был настоятелем Александро-Невского собора в Париже.

¹⁵ Священник Александр Калашников (1860–1941) был рукоположен уже в эмиграции, во Франции жил с 1923 г., был сначала разъездным священником, с 1924 г. года духовным руководителем Братства Святой Троицы, активно участвовал в РСХД; с сентября 1924 по май 1928 г. был настоятелем церкви свв. Константина и Елены в Клямаре.

Зандер Лев Александрович (1893–1964), религиозный деятель, философ, богослов, один из основателей и активный деятель

Русского студенческого христианского движения. Эмигрировал в 1922 г. через Китай в Чехословакию, затем во Францию.

¹⁶ Липеровский Лев Николаевич (1887–1963). Военный врач и религиозный деятель, эмигрировал в 1920 г. через Сибирь, дальний Восток и Китай, в 1922 г. участвовал в съезде Всемирной студенческой федерации в Пекине, затем жил в Праге, с 1925 г. в Париже. Активный участник РСХД. С 1925 г. диакон, с 1934 г. священник, с 1946 г. протоиерей.

¹⁷ Трубецкой Григорий Николаевич (1873–1929), князь, церковно-общественный деятель, младший брат философов Сергея и Евгения Трубецких, дипломат. В Гражданскую войну возглавлял управление вероисповеданий в правительстве генерала А.И. Деникина. В 1920 г. эмигрировал в Австрию, член приходского совета храма в Вене, в 1924 г. переехал в Париж, был членом Комитета по сооружению Сергиевского подворья в Париже. Участник съездов РСХД.

¹⁸ Валентинов Александр Александрович (1892–1957), настоящая фамилия Ланге; писатель, журналист. Окончил юридический факультет Петербургского университета, участник Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции сначала в Чехии, затем во Франции, умер в Югославии. Автор книг «87 дней в поезде генерала Врангеля» (Берлин, 1922), «Последние студенты» (Берлин, 1922), «Крымская эпопея» (Берлин, 1922; 5-й том Архива русской революции), «Штурм небес (Черная книга)» (Прага, 1924; Париж, 1925). В дневниках неоднократно упоминается последняя, «Черная книга», посвященная гонениям на христиан в Советской России, она в то время только недавно вышла и активно распространялась в Париже.

¹⁹ Речь идет о Натали Брюнель (Brunel), француженке, перешедшей в православие летом 1928 г. на летнем местном съезде РСХД во Франции и ставшей затем женой Павла Евдокимова.

²⁰ Священник Александр Калашников и его дочь Валентина Александровна (1893–1989), активная участница РСХД и член Братства Св. Троицы; вышла замуж за Л.А. Зандера (см. ниже дневниковую запись об их свадьбе).

²¹ Никаноров Иосиф Владимирович (1873–1939), религиозный деятель, историк Русской церкви. Был однокурсником А.В. Карташева по Санкт-Петербургской духовной академии, кандидат богословских наук. В эмиграции в Константинополе, затем в Белграде, с 1923 г. в Париже. Был членом учредительного комитета Богословского института, преподавал в нем гомилетику и славянский язык.

²² Национальный студенческий союз во Франции — одна из общественных организаций взаимопомощи студентов русского зарубежья, существовал в Париже с 1924 по 1939 г., П.Е. Ковалевский был его председателем.

²³ Имеется в виду о. Александр Калашников.

²⁴ Парастас, или полная панихида, — заупокойная всенощная, во время которой совершается богослужбное поминовение умерших.

²⁵ Карсавин Лев Платонович (1882–1952), религиозный философ, историк-медиевист. В 1922 г. выслан из Советской России, жил в Германии, с 1926 г. во Франции; в 1928 г. переехал в Литву, где в 1949 г. был арестован НКВД. Погиб в лагере для инвалидов Абезь в Коми АССР.

²⁶ См. Мф 13: 24–30, 36–43. Сельный (ц.-слав.) — полевой.

²⁷ Скорее всего, речь идет об иконописце Георгии Вадимовиче Морозове (1900–1993), родном брате активного участника РСХД А.В. Морозова, в то время еще жившего в Германии. Г.В. Морозов эмигрировал во Францию и с 1920 г. жил в Париже.

²⁸ Соковнин Николай Дмитриевич (1882–1941). Врач, окончил медицинский факультет Киевского университета. В эмиграции во Франции, во второй половине 1920-х гг. работал врачом во французских колониях, некоторое время жил в Палестине, с 1930-х гг. снова в Париже. В 1924 г. был участником парижского Христианского кружка.

²⁹ Метальников Сергей Сергеевич (1906–1981), сын известного русского иммунолога, профессора зоологии Сергея Ивановича Метальникова, заведовавшего лабораторией в парижском Институте Пастера. Семья эмигрировала в 1919 г. через Константинополь во Францию.

³⁰ Имеется в виду вечернее молитвенное правило.

³¹ Гус Ян (1369–1415), чешский религиозный реформатор; его казнь повлекла за собой Гуситские войны.

³² Речь идет о епископе Пражском Сергии (Королеве).

³³ Речь идет об именовании патриарха при возношении его имени за богослужением.

³⁴ Седов Николай Яковлевич, впоследствии архимандрит Серафим (ок. 1890 — 1984). Участник Первой мировой и Гражданской войн, состоял в группе белых офицеров, предпринявших попытку освободить в Тобольске царскую семью. В 1921 г. эмигрировал через Константинополь во Францию, затем в Чехословакию. Позже принял монашеский постриг. В 1930-е гг. перешел в РПЦЗ, был в монастыре Иова Почаевского в Ладомирово, в Русской духовной миссии в Иерусалиме, настоятелем русской церкви в Тегеране, умер в Иерусалиме.

³⁵ Петров Александр Александрович, в монашестве Афанасий (1892 — после 1944). Участник Первой мировой и Гражданской войн, эмигрировал в 1921 г. через Константинополь в Чехословакию, окончил русское отделение юридического факультета Пражского университета в 1927 г., вступил в братию Русской духовной миссии в Иерусалиме, с 1930 г. иеромонах в РПЦЗ, в 1932–1938 гг.

настоятель русского храма в Каире. Потом перешел снова в юрисдикцию митр. Евлогия, окончил Свято-Сергиевский институт, был помощником настоятеля храма Сергиевского подворья, а затем настоятелем Галлиполийской церкви в Париже. В конце жизни лишен сана после незаконной женитбы.

³⁶ Рейтлингер Юлия Николаевна, в монашестве сестра Иоанна (1898–1988), художница, иконописец, духовная дочь о. Сергия Булгакова.

³⁷ Владыка Сергей (Королев) был в 1921 г. викарием Холмской епархии, за сопротивление провозглашению автокефалии Польской православной церкви был арестован польским правительством и выслан из Польши в 1922 г.

³⁸ Митрополит Варшавский, Волынский и всея Православныя церкви в Польше Дионисий (1876–1960), добившийся автокефалии Польской православной церкви.

³⁹ Собор св. Александра Невского в Варшаве был снесен в 1924–1926 гг.

⁴⁰ Бреше Мария Леонардовна (Brechet), протестантский религиозный деятель, член YMCA в России. В эмиграции жила в Чехословакии, руководила в Праге студенческим кружком. Принимала участие в первом съезде РСХД в Пшерове. Впоследствии вместе с В.Ф. Марцинковским переехала в Палестину, где продолжала заниматься миссионерской деятельностью.

⁴¹ Видимо, имеется в виду Николай Павлович Хирьяков, активный член РСХД, в 1920-е гг. проживавший в Чехословакии, затем во Франции, в 1930-е гг. член Содружества при Введенской церкви в Париже.

⁴² Бобровский Георгий Анатольевич (1902–1952), участвовал в Гражданской войне в рядах Добровольческой армии, в эмиграции с 1920 г., жил в Чехословакии, учился на архитектурном факультете Пражского университета, активный член РСХД. В 1928 г. окончил Свято-Сергиевский институт в Париже, был секретарем РСХД в Чехии, с 1930 г. диакон, служил в Свято-Николаевской церкви в Праге. В 1945 г. переехал во Францию, в 1952 г. в США.

⁴³ Марцинковский Владимир Филимонович (1884–1971), религиозный деятель, публицист, проповедник, мыслитель. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, с 1913 г. участник Российского студенческого христианского движения YMCA в России, библейских кружков. В 1920 г. принял крещение от евангелического проповедника. В 1923 г. эмигрировал, жил сначала в Польше, затем в Праге. Один из организаторов первого Пшеровского съезда РСХД. С 1930 г. до конца жизни жил в Палестине (Израиле), руководил еврейско-арабской христианской евангелической общиной.

⁴⁴ Ср.: «Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи» (Лк 12: 35).

⁴⁵ Зернов Николай Михайлович (1898–1980), церковно-общественный деятель, философ, историк, богослов, активный член РСХД. В эмиграции с 1921 г., окончил в 1925 г. богословский факультет Белградского университета, затем переехал во Францию, в 1925–1932 гг. секретарь РСХД, один из первых редакторов «Вестника РСХД». Женился на Милице Лавровой. С 1934 г. жил в Англии, преподавал в Оксфордском университете, секретарь Англиканско-православного содружества св. Албания и прп. Сергия.

⁴⁶ Ставровский Алексей Владимирович (1905–1972), в эмиграции с 1920 г., закончил гимназию в Константинополе, слушал лекции в Софийском Ближневосточном институте политических и экономических наук, а затем на философском и богословском факультетах Берлинского университета. В 1920-е гг. был близок к евразийству. С 1924 г. во Франции. В 1925–1931 гг. основатель и руководитель Свято-Фотиевского братства. Окончил филологический факультет Сорбонны. В 1931–1938 гг. член епархиального совета Литовской епархии Московской патриархии. После войны жил в Аргентине, в конце жизни в Мадриде.

⁴⁷ Арсеньев Николай Сергеевич (1888–1977), философ, богослов, культуролог, историк религии. Выпускник Московского университета, эмигрировал в 1920 г. в Варшаву, затем в Берлин, с 1921 г. жил в Кенигсберге (Германия), преподавал русскую литературу в Кенигсбергском университете, с 1924 г. профессор, доктор философии, одновременно профессор догматического богословия православного богословского факультета Варшавского университета. В 1945 г. переехал в Париж, а в 1948 г. в США, профессор Свято-Владимирской духовной семинарии. Автор книг «Жажда подлинного бытия» (1922), «О литургии и таинстве евхаристии» (1928), «Единый поток жизни» (1973) и др.

Ильин Иван Александрович (1883–1954), русский философ, правовед. Выпускник Московского университета. В 1922 г. выслан из России, жил в Берлине, профессор Русского научного института при Берлинском университете. В 1938 г. переехал в Швейцарию. Автор книг «О сопротивлении злу силою» (1925), «Основы борьбы за национальную Россию» (1938), «Аксиомы религиозного опыта» (1953) и др.

⁴⁸ Философы Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и Л.П. Карсавин были высланы в 1922 г. из России и в начале 1924 г. жили в Берлине, выступали с лекциями в созданной Н.А. Бердяевым Религиозно-философской академии.

⁴⁹ Керн Константин Эдуардович, впоследствии архимандрит Киприан (1899–1960), богослов, историк церкви, литургист. В эмиграции

с 1920 г. в Сербии, в 1926 г. окончил богословский факультет Белградского университета, с 1927 г. иеромонах, в 1928–1930 гг. начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме, с 1936 г. в Париже, преподавал в Свято-Сергиевском институте.

⁵⁰ У Н.М. Зернова был брат Владимир Михайлович Зернов (1904–1990), врач, доктор медицины, и две сестры: Софья Михайловна Зернова (1899–1972), активно участвовавшая в РСХД и благотворительной деятельности в эмиграции, помогавшая детям и безработным; и Мария Михайловна, в замужестве Кульман (1902–1965), педагог, возглавившая впоследствии Содружество молодежи и Юношеский клуб при РСХД.

⁵¹ Речь идет о митрополите Антонии Храповицком (1863–1936). Богослов, доктор богословия, на Всероссийском церковном соборе 1917–1918 гг. он был одним из трех кандидатов на место патриарха. В эмиграции с 1920 г., жил в Сремски-Карловцах, председатель Заграничного архиерейского синода и первоиерарх РПЦЗ.

⁵² Масарик Томаш Гарри (1850–1937), президент Чехословацкой Республики (1918–1935).

⁵³ Никитин Александр Иванович (1889–1949). В эмиграции с 1920 г., жил в Болгарии, с 1922 г. секретарь Болгарского студенческого христианского движения; один из организаторов первого Пшеровского съезда РСХД; в 1930-е гг. жил в Париже, старший секретарь РСХД и секретарь местного РСХД во Франции; с 1945 г. жил в Германии.

⁵⁴ Чекан Александр Иванович, впоследствии протопресвитер (1893–1982), участник Гражданской войны, в эмиграции с 1921 г. в Болгарии, окончил историко-филологический факультет Софийского университета, в 1920-е гг. председатель Союза русских студентов в Софии и Союза русских студентов в Болгарии, активный член РСХД. Затем переехал во Францию, с 1934 г. священник, активно занимался благотворительностью.

⁵⁵ Флоровский Георгий Васильевич, впоследствии протоиерей (1893–1979), богослов, историк церкви, патролог. В эмиграции с 1920 г. сначала в Болгарии, с 1921 г. в Праге, в 1923–1926 гг. приват-доцент русского отделения юридического факультета Пражского университета по кафедре истории философии права, активный член РСХД. В 1926 г. переехал в Париж, профессор Свято-Сергиевского института по кафедре патрологии, в 1948 г. уехал в США, в 1950–1955 гг. декан Свято-Владимирской духовной семинарии. Автор трудов по патристике и книги «Пути русского богословия» (1937), разрабатывал идеи неопатристического синтеза.

⁵⁶ Холлингер Ральф (Hollinger; 1887–1930), американский религиозно-общественный деятель, активист YMCA; участвовал в организации РСХД в эмиграции и в первом Пшеровском съезде РСХД.

С 1928 г. секретарь центрального региона национального совета YMCA США.

Лаури Дональд (Lowrie; 1899–1974), американский религиозный деятель, активист YMCA, автор книг о русском православии. В 1922–1930 гг. секретарь YMCA по студенческой работе в Чехословакии, участник первого Пшеровского съезда РСХД, в 1930–1932 гг. секретарь YMCA по студенческой работе в Белграде. Помогал русским эмигрантам при основании РСХД, Свято-Сергиевского института, издательства YMCA-Press (руководил издательством с 1946 по 1952 г.). С 1947 г. старший секретарь YMCA во Франции.

⁵⁷ Священномученик Арсений (Мацеевич; 1697–1772), митрополит Ростовский, выступал против секуляризации церковного имущества, за удаление светских чинов из состава Синода, за восстановление патриаршества. Он был лишен сана и в звании простого монаха заточен в Николо-Корельский монастырь, где продолжал обличать политику Екатерины II, за что был приговорен к вечному заключению в Ревельских казематах, умер в тюрьме. В 1918 г. Поместным собором был восстановлен в архиерейском достоинстве, в 2000 г. канонизирован Архиерейским собором РПЦ.

⁵⁸ Онуфриевский Яблочинский мужской монастырь Польской православной церкви в селе Яблечна.

⁵⁹ Речь идет о русской Тургеневской библиотеке в Париже. Мария Петровна Котляревская и Людмила Владимировна Шейнис в 1917–1940 гг. были там библиотекарями. Видимо, речь идет об их мужьях: Льве Исааковиче Шейнисе (1871–14.11.1924), который в 1900–1924 гг. был председателем правления Тургеневской библиотеки, и художнике Павле Павловиче Котляревском (1885–1950).

⁶⁰ Евдокимов Павел Николаевич (1900–1970), православный богослов и церковный деятель, в эмиграции с 1920 г., с 1923 г. жил в Париже, первый секретарь РСХД во Франции (1924), окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт (1928) и защитил докторскую на филологическом факультете университета в Экс-ан-Провансе (1942), с 1953 г. преподавал в Свято-Сергиевском институте (с 1959 г. профессор). Автор множества книг и статей о православии и духовной жизни, написанных на французском языке.

⁶¹ Карпов Андрей Федорович (1902–1937), философ, художник, участник РСХД. В эмиграции с 1920 г. в Париже, окончил философское отделение Сорбонны. Перед смертью выпустил книгу «Диалоги Платона». Умер, заразившись тифом во время поездки в Грецию. Некролог о нем в журнале «Путь» (1937, № 54) написал Н.А. Бердяев.

⁶² Фидлер Георгий Иванович (в крещении Павел; 1900–1983), религиозный деятель; участвовал добровольцем в первой мировой войне, в эмиграции с 1920 г., вел пасторскую работу в лютеранской

церкви, участвовал в РСХД, в 1926 г. принял православие; автор ряда богословских работ, написанных и опубликованных по-французски.

⁶³ Вас. Вас. — В.В. Зеньковский.

⁶⁴ Пьянов Федор Тимофеевич (1889–1969), религиозный и общественный деятель, в эмиграции с 1921 г., жил сначала в Югославии, затем в Германии, в 1923–1927 гг. был одним из руководителей РСХД в Германии, с 1927 г. жил в Кламаре, под Парижем, в 1927–1935 гг. был секретарем РСХД. Помогал матери Марии (Скобцовой) в создании общества «Православное Дело», был секретарем правления. В 1943 г. был арестован вместе с другими участниками «Православного Дела», до 1945 г. содержался в Бухенвальде, выжил и вернулся во Францию. После войны продолжал деятельность «Православного Дела», в последние годы жил в Русском доме в Нуази-ле-Гран.

⁶⁵ Вера Александровна Угрюмова, в замужестве Решикова (1902–2002), хормейстер, педагог, религиозный деятель, мемуарист. В Москве окончила Музыкальный ритмический институт, в 1922 г. была выслана с родителями в Германию, участвовала в РСХД, с начала 1930-х гг. жила во Франции, организовывала детские спектакли и музыкальные программы; в 1947 г. вернулась в СССР, преподавала иностранные языки, занималась переводами.

⁶⁶ Шидловская Софья Сергеевна (в замужестве Куломзина; 1903–2000), педагог, автор книг по христианской педагогике и религиозный деятель. Эмигрировала в 1920 г. в Эстонию, с 1922 г. жила в Берлине, училась на философском факультете Берлинского университета, занималась переводами, участвовала РСХД; в 1924 г. переехала в Париж, в 1926–1927 гг. получила педагогическое образование в Колумбийском университете в США, вернулась во Францию, руководила воскресно-четверговой школой и организацией детских лагерей при РСХД. В 1947 г. переехала в США, читала курс религиозной педагогики в Свято-Владимирской семинарии.

⁶⁷ Юрий Сергеевич Шидловский (1902–1940), младший брат Софьи Шидловской, участник РСХД.

⁶⁸ Вышеславцев Борис Петрович (1877–1954), русский религиозный мыслитель, в эмиграции с 1922 г. сначала в Берлине, затем в Париже; преподавал нравственное богословие в Свято-Сергиевском православном богословском институте, был одним из редакторов журнала «Путь» и издательства YMCA-Press, после Второй мировой войны жил в Швейцарии.

⁶⁹ Кульман Густав Густавович (Kulmann; 1896–1961), швейцарский юрист, секретарь американской YMCA для работы среди русских эмигрантов в Германии, один из основателей РСХД и издательства YMCA-Press; в 1928 г. принял православие; женился на М.М. Зерновой; с 1936 г. работал в Комиссии по делам беженцев в Лиге Наций.

⁷⁰ Струве Константин Петрович (1902–1949), архимандрит Савва; сын П.Б. Струве, окончил в 1928 г. первый выпуск Свято-Сергиевского православного богословского института, принял монашеский постриг, с 1930 г. настоятель прихода в с. Ладомирово (Словакия), член монашеской братии обители прп. Иова Почаевского, с 1944 г. архимандрит и настоятель обители.

⁷¹ Речь идет о книге Фаресова Анатолия Ивановича (1852–1928), русского писателя, публициста и народника, посвященной жизни и творчеству Н.С. Лескова: *Фаресов А.И. Против течения*: Н.С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб.: тип-я М. Меркушева, 1904. П.Е. Ковалевский работал в это время над диссертацией о Лескове и, как сообщается в предыдущих дневниковых записях, взял эту книгу на время в Школе восточных языков, куда ее нужно было вернуть.

⁷² Аметистов Тихон Александрович (1884–1941), епархиальный секретарь при митрополите Евлогии (Георгиевском). Участник Первой мировой и Гражданской войн, в эмиграции с 1920 г., через Константинополь выехал в Сербию, затем жил в Париже.

⁷³ Демидов Игорь Платонович (1873–1946), помощник редактора газеты «Последние новости», член церковно-приходского совета собора на Дарю.

⁷⁴ Ельчанинов Александр Викторович (1881–1934), с 1926 г. священник, активный участник РСХД, служил в Ницце, в 1934 г. переведен в парижский Александро-Невский собор третьим священником; скончался безвременно от заражения крови. Автор много раз переиздававшейся книги «Записи» (1935).

⁷⁵ Андерсон Пол (Францевич; 1894–1985), американец, сотрудник УМСА, активно и бескорыстно поддерживавший православных русского зарубежья; при его финансовой помощи были созданы издательство УМСА-Press и Свято-Сергиевский православный богословский институт.

⁷⁶ Юкшинский Владислав Иосифович (1895–1964), офицер Добровольческой армии, журналист, переводчик. В эмиграции жил во Франции. Во время Второй мировой войны служил переводчиком на Восточном фронте, был арестован советскими властями, провел 12 лет в советских лагерях, по окончании срока выехал в Германию, написал книгу о советских концентрационных лагерях.

⁷⁷ Капнист Павел Алексеевич (1906–1993), граф, служащий, поэт, благотворитель. В эмиграции с 1919 г., жил сначала в Италии, с 1923 г. во Франции, в Ницце, работал во французской рекламной фирме.

⁷⁸ Ферзен Александр Николаевич (1895–1934), граф, штаб-ротмистр, выпускник Императорского Александровского лицея; в Первую мировую войну адъютант лейб-гвардии Уланского полка,

в Гражданскую войну воевал в армии генерала Н.Н. Юденича. В эмиграции служил в Красном Кресте, жил в Великобритании, в 1928 г. переехал в Париж, работал в банке; похоронен в Италии.

Калаш Мария Александровна (урожд. Новикова; 1886–1955), журналистка, писатель, религиозный деятель, печаталась в журнале «Путь», газете «Последние новости», литературный псевдоним Курдюмов.

⁷⁹ Местный съезд РСХД во Франции 1924 г. проходил в Нормандии, в Аржероне, в старинном замке графини де Монмор, предоставленном владелицей для проведения этого съезда и ряда последующих аржеронских съездов.

⁸⁰ Долгушин Лев Павлович (1901–1983), корабельный гардемарин, инженер-электромеханик, церковный деятель. Эвакуировался в Безерту (Тунис), где окончил Морской корпус в 1922 г. Затем в Париже окончил физико-математический факультет Сорбонны и Электротехнический институт в Нанси. Работал в Алжире, был председателем русской колонии. Активно участвовал в РСХД. После Второй мировой войны переехал во Францию, работал инженером.

⁸¹ Младший брат П.Е. Ковалевского Евграф был, в числе прочих своих дарований, и иконописцем. Именно им был создан походный иконостас для церковных служб на съездах РСХД.

⁸² Кривошеин Всеволод Александрович (1900–1985), с 1960 г. архиепископ Василий. В эмиграции с 1920 г. в Париже, в 1921 г. окончил филологический факультет Сорбонны, участник первых съездов РСХД, в 1925 г. поступил послушником в Пантелеймонов монастырь на Афоне, в 1927 г. принял там постриг, в войну нацистские власти вынудили его покинуть монастырь; с 1951 г. в Оксфорде, иеромонах, с 1958 г. епископ Волоколамский, викарий Западно-европейского экзархата Московской патриархии, с 1960 г. епископ Брюссельский; автор трудов по патрологии и аскетике.

⁸³ Энден Михаил Николаевич (1901–1975), писатель, экономист, журналист, общественный деятель, в эмиграции с 1921 г. во Франции, окончил юридический факультет Сорбонны и Высшую школу политических наук, работал в банке, занимался благотворительностью.

⁸⁴ Шаховской Всеволод Николаевич (1874–1954), князь, российский государственный и церковный деятель, благотворитель, в 1915–1917 гг. министр торговли и промышленности; в эмиграции с 1920 г. во Франции, жил в своем имении около города Тур, в котором основал православный приход.

⁸⁵ Доклад о. Сергия Булгакова, прочитанный на этом съезде, а также его реплики по поводу других докладов опубликованы в: Вестник РХД. 1975. № 116. С. 155–165.

⁸⁶ Веригина Ольга Михайловна (в замужестве Веригина-Можайская; 1903–1997), церковный и общественный деятель; в эмиграции

с 1920 г., с 1924 г. жила во Франции, делегат первого Пшеровского съезда РСХД, активная «движенка», преподавала в приходских школах, писала стихи.

⁸⁷ Мф 25: 21.

⁸⁸ Бутенев-Хрептович Михаил Александрович (1919–1992), граф, экономист, общественный деятель, сын А.К. Хрептовича-Бутенева, дипломата и церковного деятеля.

⁸⁹ Третьяков Сергей Николаевич (1882–1944), промышленник, фабрикант, общественно-политический деятель, в эмиграции с 1920 г. в Париже, член приходского совета собора на Дарю; в 1929 г. был завербован Иностраным отделом ОГПУ, в период оккупации Франции разоблачен как советский агент, в 1942 г. арестован гестапо, расстрелян.

⁹⁰ Першенева Клавдия Михайловна (1900–1985), активная участница РСХД, жила во Франции, в 1920–1940-е гг. машинистка в издательстве YMCA-Press, с 1927 г. казначей РСХД.

⁹¹ Рышкова-Чекунова Светлана Яковлевна (урожд. Офросимова; 1903–1981), иконописец, художник, поэтесса, в эмиграции жила во Франции, член общества «Икона».

⁹² Фрчек Ян (Frček; 1896–1942), чешский славист, музыкант, в 1920-е гг. преподавал чешский язык в Школе восточных языков в Париже и организовывал концерты славянской музыки в Сорбонне, в 1930-е гг. подготовил к изданию в серии «Patrologia Orientalis» «Синайский евхологий»; арестован и казнен нацистами во время оккупации Чехословакии.

⁹³ Серикова Екатерина Сергеевна (в замужестве Меньшикова; 1901–1986), общественный деятель, доктор медицины; эмигрировала с семьей в 1920 г., жила во Франции, окончила медицинский факультет Сорбонны; активная участница РСХД, с 1928 г. заведовала студенческим клубом при РСХД и практиковала в благотворительной Амбулатории при Сергиевском подворье; некоторое время жила в Алжире.

⁹⁴ Андрусова Мариамна Николаевна (в замужестве Афанасьева; 1899–1979), дочь ученого геолога, палеонтолога академика Н.И. Андрусова, позднее жена богослова и историка церкви протопресвитера Н.Н. Афанасьева, филолог, переводчик; эмигрировала с семьей в 1920 г., жила в Чехии, активно участвовала в РСХД, затем переехала в Париж.

*Публикация и комментарии
Натальи Ликвинцевой*

Н.И. Оржевская: «Не надо учить народ
вере, надо лишь показать,
как жить и служить»¹

О чем пойдет речь

Становление студенческого христианского движения в России — лишь одного из многих общественных и религиозных движений начала XX века — по историческим меркам представляется стремительным. Всего за два десятка лет оно прошло путь от инициативы одного человека и его подвижнических усилий до массового движения, сохранившегося и возмужавшего в крайне неблагоприятных условиях раздела русского мира на тех, «кто остался», и тех, «кто уехал». Как будто феи стояли у колыбели нарождавшегося с новым XX веком движения, получившего в конечном счете название Русского студенческого христианского движения (РСХД). Вероятно, это была идея, носившаяся в воздухе, а потому и достаточно быстро (инициатор движения барон П. Николаи может, конечно, с нами не согласиться) привлекая к себе и активных деятелей, и спонсоров. Несомненно, благополучной прививке этой идеи на российскую почву способствовало наличие на Западе сложившихся организаций с многолетним опытом христианского просвещения молодежи и студентов. Эти организации — Ассоциация молодых христиан (Young Men's Christian Association, YMCA) и Всемирная студенческая христианская федерация (World Student Christian Federation) в разные годы и по-разному оказывали движению в России, а затем и в эмиграции помощь и поддержку. Литература на эту тему представительна².

Задача настоящей работы — показать, как идея подобной организации рождалась и набирала силу в российском обществе начала XX века. И показать на примере жизни и деятельности одной из активных участниц российского студенческого христианского движения, как и во имя чего действовали люди, его (движение) поддерживавшие.

Мы предлагаем для этого обратиться к истории жизни и деятельности женщины, имя которой упоминается в литературе по истории РСХД в России, но, как правило, мимолетно. Однако даже то, что удастся узнать о ней по фрагментарно сохранившимся ее письмам и по документам³, помогает реконструировать дух того времени и *modus vivendi* людей, стремившихся воплотить в жизни евангельские идеалы мира и любви. Речь пойдет о Наталии Ивановне Оржевской (1859–1939), урожденной княжне Шаховской, старшей сестре известного российского общественного деятеля князя Дмитрия Ивановича Шаховского (1861–1939).

В основе рассказа о ней — следующие документы: письма из семейного архива Шиков-Шаховских, в том числе ранее не публиковавшиеся; переписка Наталии Ивановны с Иваном Петровичем Балашовым (1842–1924), сохранившаяся в фонде семьи Балашовых в РГИА⁴; документы канцелярии Святейшего Синода, отчеты и доклады, подготовленные самой нашей героиней, или официальные отчеты организаций, в деятельности которых она участвовала.

* * *

В литературе по истории студенческого христианского движения⁵ в России хорошо известна выдержка из письма барона П. Николаи (1860–1919) президенту Всемирной христианской студенческой федерации (ВХСФ) Дж. Мотту (1865–1955): «...Мадам О. оказала нам бесценную услугу. Вы найдете ее превосходной женщиной во всех отношениях. Ей доверяют и ее уважают везде, в официальных кругах и в высшем свете. Она попросила у министра внутренних дел аудиенции и имела с ним вполне удовлетворительную беседу. Она провела переговоры и с некоторыми другими лицами из министерства и смогла вполне умело защитить наше дело. Один из них был намного откровеннее, чем со мной. Он сказал: “Если господин Мотт предоставит прошение, ему, несомненно, откажут, если барон Николаи — ему, скорее всего, откажут, потому что он — протестант, если же это сделаете Вы — скорее всего, Вы получите удовлетворительный ответ”. ...Она поразила даже нашего самого главного врага — архиепископа⁶. Вот таким образом нам удалось передать наше прошение, подписанное Оржевской, и получить в ответ Записку, отмечающую полезность такой Ассоциации, как наша, подписанную священником⁷ и тремя

известными профессорами... наконец, летом мы получим либо от-каз, либо разрешение»⁸.

К сожалению, нам не удалось найти само это письмо и точно определить его дату. Однако по контексту можно предположить, что оно написано на рубеже 1911–1912 годов. Так вот, с тех пор, то есть с 1911 года и вплоть до 1924 года как минимум, деятельность вдовы сенатора и кавалерственной дамы Н.И. Оржевской неразрывно связана с историей РСХД и с деятельностью YMCA в России.

Волею судьбы и по логике своей активной общественной жизни она нередко оказывалась именно там и тогда, когда решалась или только предreshалась дальнейшая судьба движения. Трудно сказать, что в конечном счете было более значимым. То, что она личными средствами и личной организационной работой поддерживала студенческий кружок в Киеве? Или то, что содействовала знакомству с движением владыки Евлогия (Георгиевского; 1868–1946)? Такое знакомство состоялось еще в бытность последнего архиепископом Житомирским и Волынским. Иными словами, задолго до того, как он в качестве митрополита возглавил Западноевропейский экзархат и призван был определить позицию своей епархии в отношении РСХД в том виде, в котором это движение оформилось уже в эмиграции, на Пшеровском съезде 1923 года.

Надеемся, что в настоящей работе нам удастся убедительно показать, что Н.И. Оржевская активно поддерживала борьбу за легализацию христианского студенческого движения в России и за его признание со стороны Русской православной церкви (1912–1916 годы); инициировала и финансово поддержала создание «Русского дома» в Париже для российских студенток (1913 год); участвовала в работе Петербургского, Московского и Киевского христианских студенческих кружков (последнему оказывала существенную финансовую поддержку (1912–1923 годы); была признанной патронессой женских студенческих христианских кружков; представляла Россию на нескольких конференциях мирового студенческого движения (1910–1913 годы); стала деятельной участницей международной акции YMCA по улучшению положения военнопленных во время Первой мировой войны (1915 год).

Наследница традиций

Княжна Наталия Шаховская родилась 18/30 сентября 1859 года в семье князя Ивана Федоровича Шаховского (1825–1894), генерала, сделавшего блестящую военную карьеру и пользовавшегося благосклонностью двух российских императоров — Александра II и Александра III. Единственная девочка в семье, в которой, кроме нее, было еще четверо мальчиков⁹, она с ранних лет заменила братьям рано умершую мать¹⁰.

Она была внучкой декабриста, князя Федора Петровича Шаховского (1796–1829), память о котором хранили и передавали внукам две ее бабушки — княгиня Наталия Дмитриевна Шаховская (1795–1884) и ее сестра, княжна Елизавета Дмитриевна Щербатова (1794–1895). И племянницей знаменитой в конце XIX века женщины — княгини Наталии Борисовны Шаховской (1820–1906), основательницы и руководительницы едва ли не крупнейшей в России общины сестер милосердия «Утоли моя печали».

Заметим, что в России общины сестер милосердия в подавляющем большинстве были созданы по инициативе и на средства мирян, а не церковью, как в большинстве стран Западной Европы. К таковым же относились и те (ставшие со временем многочисленными), которые возникали под эгидой Российского общества Красного Креста (РОКК). А само это российское общество входило в международную организацию Красного Креста со штаб-квартирой в Женеве. Так что христианское молодежное движение при всех своих особенностях имело все же в России своих предшественников и предшественниц, пользовавшихся покровительством Российского императорского дома, Русской православной церкви и широкой общественной поддержкой.

Совершенно справедливо исследователь деятельности УМСА Наталья Пашкеева¹¹ отмечает, что для Н.И. Оржевской международное сотрудничество в рамках христианского молодежного движения представлялось аналогичным организационным основам деятельности международного Красного Креста и его российского отделения. Такое понимание, как показано в подробной работе исследователя, далеко не всегда

разделялось секретарями YMCA. Но где и когда что-то новое рождалось без преодоления подобных затруднений!

Деятельность самой княжны Шаховской на общественном поприще началась именно с трудов сестры милосердия. А склонность к общественной деятельности (наличие «общественной жилки») она считала наследственной. И удивлялась тому, что не во всех представителях семьи это качество проявляется¹². Но в ней самой эта «жилка» билась не менее сильно, чем в ее брате, князе Дмитрие Ивановиче Шаховском, известном деятеле земского движения и одном из отцов-основателей кадетской партии в России.

В 1877 году, когда началась русско-турецкая война, княжна Наталия Шаховская записалась в сестры милосердия. Возможно, собиралась отправиться в район боевых действий вместе с отрядом, который формировала для этой цели в Москве ее тетя, княгиня Наталия Борисовна Шаховская. Но девушку не отпустил далеко от себя отец, служивший в Польше в немалом чине начальника штаба Варшавского военного округа¹³. Потому ли, что опасался за ее жизнь и здоровье, или потому, что не мог обойтись без ее помощи в доме, где подрастали еще четверо мальчиков? История об этом умалчивает. Известно только, что в те годы она трудилась в тыловом госпитале в Варшаве, в которой с 1866 по 1880 год жила семья генерала князя Ивана Федоровича Шаховского.

А чуть раньше, но там же, в Варшаве, она познакомилась с императорской семьей. Это произошло во время очередного визита Александра II в Польшу, куда император регулярно приезжал на маневры и на охоту. Художник Михаил Нестеров, с которым судьба сведет Наталию Ивановну много позже, в своих воспоминаниях, вероятно, основанных на рассказах самой Наталии Ивановны¹⁴, сообщал, что княжна однажды пришлось принимать императорскую семью в роли хозяйки дома. О том, что она достойно справилась с этой задачей, свидетельствует полученный ею фрейлинский шифр — знак утверждения в должности фрейлины Высочайшего двора. Так в августе 1876 года она стала фрейлиной императрицы Марии Александровны, а после ее смерти — фрейлиной императрицы Марии Федоровны.

«Она любила светскую жизнь, ездила на балы, много танцевала, веселилась, — так вспоминала о ней и ее племянница и воспи-

танница Наталья Сергеевна Шаховская, написавшая о своей тете довольно обширные воспоминания. – *Но без труда могла от этого отказаться, как это сделала, когда ей было семнадцать лет, поступив рядовой сестрой милосердия во время вспыхнувшей в то время войны (Русско-турецкой в Болгарии 1877–1878 гг.), что было тогда не совсем обычно для светской девушки. Кончилась война, и опять она вернулась в свет, как сама говорила: “До страсти люблю наряды, танцы, развлечения”, сохраняя все ту же чистоту сердца, ясность ума»*¹⁵.

При Высочайшем дворе

О том, какие отношения у княжны Наталии Шаховской установились при Высочайшем дворе, остались воспоминания современников и документальные свидетельства. В том числе и такой факт: императорская чета – Александр III и императрица Мария Федоровна – были посаженными отцом и матерью на ее свадьбе¹⁶. В 1883 году она вышла замуж за Петра Васильевича Оржевского (1839–1897).

Муж Наталии Ивановны делал блистательную карьеру и завершил ее на посту генерал-губернатора Виленского, Ковенского и Гродненского. На его жену – заметим, в обязательном порядке – возлагалось руководство многими благотворительными учреждениями Ведомства императрицы Марии, находившегося, по традиции, под личным покровительством царствующей императрицы. Императрица Мария Федоровна не оставляла Наталию Ивановну своим вниманием. И по долгу патронессы, и по личной приязни¹⁷.

И конечно, особое положение госпожи Оржевской при Высочайшем дворе, оставшееся неизменным при двух последних царствованиях¹⁸, поддерживалось умением самой Наталии Ивановны не только самоотверженно трудиться на избранном ею общественном поприще, но и поддерживать светские знакомства и связи. Она считала грехом долго оставлять своих корреспондентов без вестей о себе, а переписку – делом не менее важным, чем любые другие.

Неопровержимым доказательством того, что о ней в Петербурге не забывали и в царствование Николая II, можно считать тот факт, что она без труда получила билет на парадный спектакль в Киевский оперный театр, который давался

в честь прибытия в Киев Государя с дочерьми 1 сентября 1911 года. «...Трудно было получить билет на парадный спектакль. Многим выдающимся общественным деятелям и видным представителям местного сообщества так и не удалось попасть в театр, несмотря на все хлопоты и протекции», — подчеркивал в своих воспоминаниях лейб-хирург Георгий Ермолаевич Рейн (1854–1942)¹⁹, сопровождавший августейшую семью в путешествии на Украину. Для Наталии Ивановны таких препятствий не существовало, хотя к этому времени она уже не первый год жила вдали от столицы²⁰.

Наконец, в 1915 году именно Наталия Ивановна Оржевская будет утверждена Высочайшим двором в качестве старшей сестры милосердия группы представительниц Российского Красного Креста, направлявшейся в Германию для ознакомления с условиями содержания русских военнопленных. И в этой акции — одной из самых христианских по духу — вновь сошлись инициатива и высокие навыки дипломатии представителей Международного комитета YMCA, поддержка вдовствующей императрицы и практическая работа Наталии Ивановны Оржевской. К событиям 1915 года мы в свое время еще вернемся.

О вере, миссии и торжестве духа над плотью

Обосновавшись после смерти мужа в 1897 году в имении Новая Чартория под Житомиром, Наталия Ивановна с воодушевлением принимается за строительство церкви. «Моя же церковь, если Бог позволит мне ее кончить, — пишет она И.П. Балашову, — должна быть вроде футляра для всего, что скопилось в моей душе. Я хочу, чтобы она была хоть мала, но прекрасна, и чтобы всякий в ней чувствовал, сколько веры, надежды и любви вложено в нее, а из нее выносил сознание бесконечного милосердия Божьего и торжества духа над плотью»²¹. В письмах тому же адресату немало упоминаний имен различных деятельниц Красного Креста, с которыми она продолжала поддерживать переписку и обмен мнениями. Из того же источника известно, что Наталия Ивановна принимала деятельное участие в создании Евгеньевской общины сестер милосердия под покровительством принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской (1845–1925). И все же главное

для нее в те годы — обустройство имения, где, по ее представлениям, требовалось не только переустройство дома и строительство церкви, стены и иконостас которой расписал впоследствии Михаил Нестеров, но и организация аптеки, амбулатории и чайной²².

Наталия Ивановна регулярно бывала в Новоград-Волынском, Житомире и Киеве, наезжала и в столицу, но отказывалась от предложений вернуться на постоянное жительство в Петербург и плотнее включиться в деятельность общин Красного Креста. Однако с вступлением России в войну в Китае (1900 г.) приняла предложение возглавить отряд Евгеньевской общины сестер милосердия, отправляющийся на Дальний Восток для оказания поддержки российским войскам. А также обязанности уполномоченной Российского общества Красного Креста по Приамурскому району²³.

Вот где пригодились все ее навыки хозяйки большого имения и умение вникать во все мелочи! Ведь на Дальний Восток, как она сообщала в своих письмах, необходимо было завозить все, как говорится, до последнего гвоздя. Орден Святой Екатерины (меньшого креста) — высший награда для женщин, не относящихся к Российскому императорскому дому, — оценка немалых ее трудов.

В подготовке же сестер милосердия, как считала Наталия Ивановна, нельзя увлекаться только освоением медицинских знаний, еще более значимо — нравственное воспитание. И воспитание религиозное.

Однако вопросы веры нельзя решать силой. Такое твердое убеждение Наталия Ивановна вынесла из опыта своей жизни в Польше (в доме отца) и в Литве в бытность ее мужа генерал-губернатором Западного края. Она признается, что не сочувствует *«разрушению костелов и особенно присвоению их себе для устройства в них балльных зал (как это было сделано для военного собрания) и даже православных церквей. Зачем не стараться другим способом доказать превосходство наше и укрепить владычество нашей церкви? <...> ...Наше духовенство... само до такой степени греховно, что никак не сможет завоевать себе прочное положение даже между своими прихожанами.»*²⁴.

«Завтра иду в монастырь крестить молодую еврейку, — сообщает она чуть позже тому же своему собеседнику и добавляет: — Хотя не могу сказать, чтобы я доверяла этим новообращенным,

которые редко действуют по убеждению, а большей частью под влиянием мелкого чувств, какого-нибудь <нрзб> или расчета»²⁵.

Впрочем, такое отношение к некоторым представителям православного духовенства и к их миссионерской деятельности лишь подогревали интерес нашей героини к поиску новых путей укрепления веры и церкви.

После возвращения с Дальнего Востока она недолго остается домоседкой. Много путешествует, часто и надолго задерживается в Германии, где в то время при дворе Германского императора служил ее друг детства Илья Леонидович Татищев²⁶. Он же нередкий гость в ее имении в Новой Чартории. В Петербурге возникают слухи о близкой свадьбе — дескать, Наталия Ивановна наконец выходит замуж за своего давнего почитателя. Брак по неизвестным причинам не состоялся, а дружба, взаимная привязанность сохранились навсегда. Память об И.Л. Татищеве, погибшем в Екатеринбурге в июле 1918 года, она хранила до последних дней жизни.

В 1910–1911 годах Оржевская отправляется в Швейцарию, оттуда совершает паломничество в Святую Землю. Заводит новые знакомства, в том числе в Швейцарии с деятельницами протестантской церкви. Узнает об организации под названием «Очаг» (foyer), миссия которой — помочь иностранным студентам (а среди них в то время было немало русских), организовать жизнь и досуг в новой для них среде. Ее знакомят с работами Дж. Мотта, а чуть позже — и с ним лично.

В тот же 1910 год она совершает паломничество в Святую Землю. В Иерусалиме она утвердилась в своем страстном желании посвятить свою жизнь новому делу. «У меня сразу же загорелась душа, — сообщает она Ивану Петровичу Балашеву, повествуя о своих Лозаннских и Иерусалимских впечатлениях, — я большая сторонница поездок нашей молодежи за границу и думаю, что, пока у нас идет такой сумбуз в высшей школе, только в заграничных университетах молодежь получит вместе с образованием и понятие о жизни, правилах, а главное — о “свободе”, которая у нас толкуется вквивь и вкось, и каждый думает только, как бы получить побольше всего для себя и поменьше дать другим»²⁷.

«Остаток своих сил, средств и жизни» — таковы ее собственные слова — она решает посвятить делу христианского просвещения студентов, сопрягая его с всесторонней практической им помощью. «...В Иерусалиме я испытала... бесконечную

радость, глубокое умиление и восторженное сознание, что Царствие Божие водворяется на земле и распространяется с огромной силой именно теперь, когда везде кажется так темно и встречается столько отрицаний.

*Я была прямо озарена этим божественным Светом, и тут же в глубине души своей решила идти по нему и остатки своих сил, средств и жизни посвятить ему. Я была бесконечно счастлива, и, когда я вернулась в Лозанну, моя двоюродная сестра полушутя-полусерьезно мне сказала “*Tu te fais peur*”²⁸, а затем выразила желание тоже работать по мере сил и возможностей в том же направлении»²⁹.*

Прошло совсем немного времени, и уже в 1913 году по инициативе и при финансовой поддержке Н.И. Оржевской в Париже появился Русский дом, схожий с *foyers* Женевы и Лозанны. «В Париже открыт русский студенческий дом (*le Foyer russe*) исключительно для учащихся женщин, – сообщал журнал «Искры». – В доме устроено общежитие по инициативе г-жи Оржевской, супруги покойного начальника Туркестанского края ген.-лейтенанта Оржевского. Находясь в центре Латинского квартала, на *rue d'Arbalet*, вблизи университета, “Русский дом” дает приют лишь некоторому числу столь многочисленных в Париже русских студенток, которых дороговизна парижской жизни вынуждает жить в крайне неблагоприятных условиях. “Русский дом” взимает со студенток очень скромную плату и предоставляет им, помимо комнат (по две жилицы в каждой комнате), еще столовую, салон и библиотеку. Во главе комитета, заведывающего “Русским домом”, стоит супруга русского посла в Париже г-жа Извольская»³⁰.

Наталия Ивановна умела не только сама самоотверженно трудиться, но и собирать людей для того дела, которое вдохновляло ее саму. Не аплодирующую ей публику, а ответственных помощников и деятелей, способных продолжить и развить то, что ею было начато.

Ни легализация, ни запрет

Но вернемся в 1912 год и к тем событиям, которые, как надеялся барон П. Николаи в цитированном в начале статьи письме, должны были привести к легализации Русского студенческого христианского движения.

Документы канцелярии Святейшего Синода, датируемые 1912–1916 годами³¹, подтверждают коллективное обращение

в Министерство внутренних дел³² Российской империи с просьбой о регистрации устава христианских студенческих кружков в мае 1912 года. Это письмо-обращение было направлено в министерство, а из министерства — в Святейший Синод.

Характерно, что в числе лиц, подписавших обращение, имя Оржевской неизменно упоминается, как бы коротко в служебной переписке не был представлен список подписантов. Очевидно, что для обоих ведомств — и государственного, и церковного — ее имя было особо значимым.

Отзыв на запрос министерства подписал епископ Никандр (Феноменов; 1872–1933), исполнявший в то время обязанности главы столичной епархии. В своем отзыве он призвал церковные и гражданские власти отказать в регистрации устава студенческих кружков. Более того, подчеркнул необходимость запретить их деятельность, «направленную на разрушение Православной церкви и ко вреду государства»³³.

Синод, как положено, проинформировал Министерство внутренних дел о резолюции преосвященного. Однако гражданские власти воздержались от запрета — не легализовали студенческие кружки, но и не запретили. Да, так бывает в бюрократической системе. Но на это нужны причины. Не побоялось же это ведомство несколькими годами ранее (в 1903 году) запретить деятельность религиозно-философских обществ в России! Конечно, с тех пор немало воды утекло, а высочайший манифест 17 октября 1905 года, провозглашавший принцип веротерпимости, не утратил и в 1912 году своего значения. Но и поддержка движения влиятельными лицами была делом немаловажным.

Какие связи в высших сферах смогла задействовать Наталия Ивановна? Почему ей не было отказано в приемах у высших чиновников империи, о которых писал Дж. Мотту барон П. Николай? Кто был в состоянии обеспечить ей такое положение? Ответ однозначен — вдовствующая императрица Мария Федоровна. Высшее петербургское чиновничество, безусловно, было осведомлено о том, насколько благосклонно императрицей были приняты представители Международного христианского молодежного движения. И о том, с какой симпатией она относится к бывшей своей фрейлине.

Н.И. Оржевская не оставляла трудов по защите студенческого христианского движения и в последующие годы.

В 1916 году, посетив столицу с кратким уже визитом, председательница Волынского отделения Красного Креста — такую должность наша героиня занимала в это время — вновь напоминает о своей поддержке РСХД. И делает это в очень дипломатично составленном письме к Обер-прокурору Святейшего Синода³⁴. В нем, казалось бы, речь идет прежде всего о доступных по цене изданиях Евангелия, которого в стране не хватает, а только ближе к концу, как бы вскользь, следуют слова недоумения по поводу по-прежнему отсутствующей регистрации РСХД. Однако думается, что все действующие лица правильно поняли то, что читалось между строк. Святейший Синод не предпринял никаких действий, способных нанести ущерб деятельности РСХД.

Вот так, не без помощи связей «мадам Оржевской» и ее неизменной поддержки, студенческие христианские кружки избежали запрета властей и продолжали работать в столице, Москве, Киеве, Дерпте, Одессе и ряде других российских городов. Конечно, нежелания вмешиваться в это дело чиновникам добавляло и то обстоятельство, что христианское молодежное движение, правда в иной форме — в виде общества «Маяк», пользовалось открытой поддержкой в высших сферах³⁵.

О «русификации» движения

Эта деятельная женщина успела также в 1910–1911 годах принять участие в нескольких международных конференциях YMCA для знакомства с ее руководителями и деятельностью. Желание все проверить и во всем убедиться самой она признавала неискоренимым своим недостатком. В апреле 1912 года Наталия Ивановна выступала в Петербургском христианском студенческом кружке с докладом о своих впечатлениях, которые затем и опубликовала отдельной брошюрой³⁶.

*«Всю мою жизнь, — признавалась она в этом отчете о своих публичных выступлениях, — я была человеком скорее дела, нежели слова... в жизни мне никогда не приходилось искать себе дела или жаловаться на недостаток его, скорее, являлось даже иногда опасение за недостаток времени и средств для добросовестного исполнения всех принятых на себя обязательств»*³⁷.

И в той же своей работе признается в «своей непоколебимой верности и преданности православной церкви и невозможности...

примкнуть к какому бы то ни было движению, требующему малейшего уклонения от нее, а тем более могущему служить ей во вред»³⁸.

В 1913 году она принимает участие в конференции ВХСФ, проходившей в США. На нее были приглашены 11 человек из России. В том числе барон П. Николаи, проф. П.Р. Слезкин, Н.И. Оржевская, О.И. Кулешова и В.Ф. Марцинковский.

Доклады на конференции были крайне сжатыми. Таков же и доклад Натали Оржевской³⁹. Главный его тезис — настоятельная необходимость «русификации» движения, то есть адаптации его к местным особенностям по примеру того, как это происходило в Индии, и о чем в одном из своих писем из этой страны сообщал Дж. Мотт.

«Одна из насущных задач, — подчеркивает Наталия Оржевская, — преодолеть недоверие к нам Священного Синода и церковных властей. Последние великие реформы, произошедшие в России, особенно реализация свободы совести, произошли внезапно для Церкви и потрясли ее до основания, когда она была к ним совсем не готова.

Церковь, чей свет веками вел Россию по пути приумножения величия и могущества, не смогла удержать своих членов в единстве. Расцвели гонимые годами организации и, воспользовавшись новообретенной свободой, широко распространили свои учения. Церковь <...> заняла крайне реакционную позицию и постепенно — возможно, сама того не желая — прониклась мирским духом, политизировалась. Следующим шагом Церкви стали репрессии и уничтожение на корню любых независимых от нее новых движений, имевших хотя бы отдаленное отношение к религии. “Кто не с нами, тот против нас” — вот что, казалось, было ее девизом.

Русское студенческое христианское движение заявило о себе в этот самый неподходящий момент. В результате оно сразу попало под подозрение: стали наговаривать, что оно опасно для Церкви, что оно чужое — сплошь заблудшие овцы»⁴⁰.

Однако докладчица не считала ситуацию безнадёжной. И продолжала так: *«Если мы на секунду забудем, что она (Русская православная церковь. — Е.С.) делает, а послушаем ее речи и читаем книги, мы увидим, что ее идеалы во многом не отличаются от наших. Еще несколько лет назад в церковных кругах не говорили об исследовании Библии и личном духовном опыте. Рассказы о встрече со Христом воспринимались как прелесть. Теперь об этом все время проповедуют и пишут.*

<...> В последнее время сложился обычай регистрировать организации, в которых есть малейший намек на религиозность, только с санкции Священного Синода. Без его одобрения нам не получить правового статуса, и вся работа будет зависеть от случая и чьей-то прихоти... <...>

Да, я настаиваю: с Церковью надо сближаться. Дело не в материальных и юридических выгодах, а в духовных потребностях и перспективах... <...> Та или иная степень ассимиляции необходима нам в любой стране, но особенно в непротестантских странах с глубокой и самобытной культурой.

Студенческому христианскому движению, хотя оно и работает много лет в университетской среде, все еще не хватает “русификации”. И я не верю, что ему удастся стать по-настоящему русским, пока оно воспринимается как чуждое Церкви. В России, как и в любой православной стране, чувство национальной принадлежности настолько неотделимо от Церкви, что безумно думать об их разведении, – это разрушило бы обоих.

Ни за что на свете, будь это даже в моей власти, я не изменила бы межконфессиональному принципу – этой жемчужине нашего движения. Однако ответственность велика. И мы должны относиться к нашим членам не как к студентам сегодняшнего дня, а как к строителям завтрашнего. Поэтому мы не рискуем вести их духовным путем, которого у них на родине не поймут и не оценят. Как сказал профессор Бридель из университета Лозанны: “Не может быть двух разных религий, одна для элиты, другая – для низших классов, ни в одной стране”.

<...> Студенты пусть помнят, сколь много жатвы и сколь мало сеятелей. Им нет нужды учить народ вере и любви к Богу... Им лишь надо показать, как жить и служить. Это великая и прекрасная миссия, помощи им Бог!»⁴¹

Забегая вперед, отметим, что решить такую задачу – сохранить принцип интерконфессиональности студенческого христианского движения при одновременном сближении с Православной церковью – не удалось. Ни в эмиграции, ни в пореволюционной России. Внутри страны после революции движение быстро теряло свою направленность именно на учащуюся молодежь, хотя довольно продолжительное время сохраняло интерконфессиональность. В эмиграции оно также быстро превратилось из студенческого в молодежное (что было только естественным в отсутствии административных

ограничений царского времени). Но решительно отказалось в пользу православия от прежнего принципа, который назван в цитируемом докладе «жемчужиной движения». Думается, что Н.И. Оржевская была совершенно искренне убеждена и в ценности такого принципа, и в его применимости на практике. Ведь удалось же Российскому обществу Красного Креста сохранить и верность православию, и принцип интерконфессиональности в общении и сотрудничестве с западными обществами Красного Креста!

Война

Великая война — Первая мировая — застала Наталию Ивановну в Житомире. 23 сентября 1914 года Житомирский местный комитет Российского общества Красного креста и Мариинская община сестер милосердия выбирают ее своей председательницей. В сообщении об этом избрании отмечают такие достоинства Оржевской: *«Громадный опыт, умение неутомимо работать со спокойствием и большим тактом, умение посвятить себя всю целиком любимому делу придали лихорадочной работе Красного Креста недостававшую ему планомерность и стройность, не говоря уже о внутренней теплоте, проникшей во все мелочи деятельности Красного Креста»*⁴².

Хозяйство же было немаленьким и быстро растущим. На 1 января 1914 года в Житомирском отделении РОКК работала 21 сестра. На 1 января 1916 года — 71 сестра милосердия. А в организованный на личные средства Н.И. Оржевской лазарет III (Георгиевский)⁴³ направлялись исключительно тяжелые больные «ввиду превосходных гигиенических условий и возможности применения диетических способов лечения»⁴⁴. За год стационарным лечением в госпитале воспользовались 941 человек, проведена 121 операция, создан рентгеновский кабинет и мастерская по производству респираторов⁴⁵. За этими цифрами и отчетами встает образ умелого администратора и преданного своему делу человека.

Здесь, в Житомире, состоялось личное знакомство Н.И. Оржевской с владыкой Евлогием (Георгиевским), который с 1914 года по 1918-й был архиепископом Волынским. В своих воспоминаниях он рассказал и о ней, упомянув, что с ней «воевал» владыка Антоний (Храповицкий; 1863–1936),

возглавлявший на Украине сначала Житомирскую и Волынскую епархию (в 1902–1912 годы), а затем Харьковскую и Ахтырскую (в 1914–1917 годы)⁴⁶.

«После Рождества (1917 года. – Е.С.) я решил вновь полечить ноги. Мне посоветовали обратиться к опытному молодому хирургу Истомину, доценту Харьковского университета. Он предложил удаление пораженных вен. Я согласился. Операцию произвели в Житомире, в Общине Красного Креста. Во главе ее стояла Наталия Ивановна Оржевская, рожденная княжна Шаховская (сестра Дмитрия Ивановича Шаховского). Это была святая женщина, она умела так поставить свой лазарет, что всякий, кто в него попадал, чувствовал себя словно в Царствии Небесном. Она состояла членом “Христианского Движения Молодежи” (УМСА), центром которого в Петрограде был “Маяк”. Архиепископ Антоний Волынский с нею воевал, обличал в “еретических воззрениях”. Наша Церковь вообще относилась к “Движению” отрицательно, считая его сектантским. Меня не раз приглашали на собрания “Движения”, но митрополит Киевский Владимир меня всякий раз энергично отговаривал: “Что вы! ведь это сектанты!” В Петрограде я все же на некоторых собраниях побывал. Помню одно из них, в зале Калашниковской биржи. Выступал в тот вечер профессор Калькуттского университета и говорил о значении Евангелия. Зал был набит молодежью. В аудитории стояла тишина сосредоточенного и глубокого внимания. Искренность религиозной настроенности слушателей тронула меня»⁴⁷.

Кто знает, с какими трудностями столкнулось бы РСХД в Западной Европе, не сложись у будущего главы православно-Западноевропейского экзархата этого первого благоприятного впечатления!

Продолжала ли в эти годы Оржевская поддерживать РСХД? Конечно, но центр тяжести ее занятий все же сместился на действия, которых настоятельно потребовали обстоятельства военного времени. И на этом поприще она сотрудничает с УМСА, поддержав своим личным участием инициативу Ассоциации, направленную на улучшение положения военнопленных во всех странах, принимавших участие в войне.

А началось все так. Представитель Международного комитета УМСА Арчибальд Харт приехал в Россию и предложил организовать международную инспекцию как немецких и австрийских, так и русских лагерей для военнопленных. Ему удалось встретиться со многими высокими должностными

лицами и получить аудиенцию у вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Планы Ассоциации произвели на нее большое впечатление. Затем А. Харт был принят императрицей Александрой Федоровной, а сама акция получила одобрение Государя, в том числе на инспекцию русских лагерей для военнопленных, расположенных по большей части в Сибири.

В результате успеха переговорной миссии А. Харта 24 августа 1915 года три российские сестры милосердия⁴⁸ отправились в Германию⁴⁹. Не прямым, а кружным путем, через Швецию и Данию. И неспешно — с официальными приемами на высоком уровне в каждой из стран по пути следования. В Германию они должны были прибыть в сопровождении трех датских сестер милосердия. И во главе этого малого отряда стояла Наталия Ивановна Оржевская. Она же стала и автором отчета⁵⁰ о проведенной инспекции, составленного хотя и весьма дипломатично, но не скрывающего реальную невеселую картину.

В этом документе — слишком объемном, чтобы его обширно цитировать, — немало любопытных наблюдений, в том числе свидетельствующих о различиях немецкого и русского менталитета. Вот тому небольшой пример: *«Мы были приглашены в отдел питания военнопленных, где заведующий отделом профессор Бохгауз, известный в Германии физиолог и химик, посредством исчислений и опытов выработал точный процент калорий, необходимых в пище для поддержания человеческих организмов. На основании этих научных выводов была поставлена вся система питания военнопленных в Германии»*. Но русские, как свидетельствует отчет об этой инспекции, не были готовы внимать голосу науки и просили «поменьше разговоров о калориях и побольше — пищи». Отметим, что русские сестры отказались от любой еды, кроме той, которую получали военнопленные, и на собственном опыте почувствовали недостаточность и неудовлетворительность питания⁵¹.

Работа и этого небольшого отряда российских сестер милосердия, очевидно, помогла многим русским людям. О масштабах всей акции YMCA, которая охватывала также лагеря для военнопленных в России и Австрии, в отечественной литературе, похоже, нет надлежащего исследования, к которому можно было бы адресовать заинтересованного читателя.

О верности евангельским заповедям

Революция и первые годы Гражданской войны застали Н.И. Оржевскую в Житомире. И принесли с собой, как известно, многие печали и разорения. В первые годы после революции наша героиня не оставляет надежды на сохранение Мариинской общины сестер милосердия, но находит себе и новое дело — она спешит присоединиться к Свято-Николаевскому братству, созданному в сентябре 1918 года о. Аркадием Остальским по благословению владыки Евлогия. Средства, которые ей, быстро потерявшей прежние источники доходов, присылали родственники и друзья, в том числе из-за границы, она продолжала щедро тратить на благотворительность, а в последующие годы — на поддержку репрессированных священников⁵².

В 1919 году Наталия Ивановна вместе со своей воспитанницей и племянницей Наталией Сергеевной Шаховской вынуждена была покинуть Житомир. Обе женщины были включены в группу заложников, которую отступавшие части Красной Армии захватили и отправили в Москву, в Новопесковский концлагерь.хлопотами брата Д.И. Шаховского двум женщинам удалось освободиться примерно через два месяца. Но вернуться в Житомир долго не удавалось⁵³.

В период с января по май 1923 года, во время вынужденного переезда в Москву после многочисленных мытарств и выселений, Наталия Ивановна участвовала в работе студенческих христианских кружков в первопрестольной. На эту свою деятельность она ссылается в письме родным в последующие годы. И сообщает, что в этой работе ее пути вновь пересеклись с В.Ф. Марцинковским. К этому времени относится и упоминание ею имени Владимира Амбарцумова. Причем в сокращенной форме, из чего следует, что в семье имя это было уже прекрасно известно.

Вот это письмо, отправленное из Киева, где Наталия Ивановна со своей воспитанницей нашли временный приют у графини Марии Николаевны Мусиной-Пушкиной. *«Почти ежедневно бываю в кружке, — пишет Наталия Ивановна родным в Москву от 20 июля 1923 года⁵⁴, — перерыва у нас до сих пор нет, оставшиеся в Киеве члены очень просили продолжать занятия. ...В кружке Ольги Ивановны⁵⁵, куда и я вошла, читали Ев. Матфея,*

а теперь проходим псалмы, но по другой системе, чем наши зимние занятия, псалмы берем все подряд. Самостоятельной работы у меня нет никакой. Думая собрать кружок помоложе, я побывала у всех, выразивших желание войти в него; все очень милые и привлекательные девушки, они и ко мне очень доверчиво и приветливо отнеслись, но т.к. я не считала себя вправе скрывать нашего неопределенного политического положения, т.е. то, что мы до сих пор не можем зарегистрироваться, то этим я только и могу объяснить то, что наша группа так и не собралась. Там также весной несколько исключений из В.У.З. из-за принадлежности к христ<ианской> орг<анизации>. Это, конечно, тоже имеет значение. Трудно требовать, чтобы “ищущие”, а иногда и “сомневающиеся” всю свою будущность и цель жизни ставили на карту из-за того небольшого, что кружок при его теперешнем положении может дать. Работа среди неучащихся теперь легче и более успешна, потому что нет <нрзб> у членов ее того страха, который естественен и вполне обоснован у других.

Я очень наслаждаюсь общением с Ольг<ой> Иван<овной>. Она совсем выдающийся человек, и даже со стороны на нее смотреть, как это большей частью приходится делать, т.к. ее осаждают посетители и она с 10 ч. утра до 12 час. ночи редко бывает одна, интересно и назидательно, но вообще дело здесь менее широко, менее интересно и, скажу даже, не так правильно поставлено (мне кажется), чем в Москве. Здесь кружок скорее напоминает общину, как члены иногда полушутя себя и называют, а О.И. “мать-настоятельница”. Людм. Вл.⁵⁶ “<нрзб> казначая” и т.д. Многие из членов (женщин) целуют всегда О.И. руку, и вообще чувствуется между ними и ей все же расстояние, которое, может быть, и вполне объясняется ее “полновозрастностью” и гораздо меньшим развитием других, но в Москве мне очень нравилось, что даже такие люди, как Ф. Роб⁵⁷, или Влад<имир> Амб<арциумов>, или Влад<имир> Фил<имонович> М<арцинковский>, никогда не вызывали к себе чувства, граничащего чуть ли не с подобострастием. Это, конечно, делается не по ее воле, а совсем естественно, само собою. Она – “учитель”, все остальные – “ученик”. Но это постоянное сознание огромного превосходства руководителя страшно парализует всякую самостоятельность; и ученики так наслаждаются этим своим положением детей или, скорее, даже овец, пасомых пастырем добрым, что им и в голову не приходит, и они с ужасом отталкивают всякую мысль о переходе к большей самостоятельности... <...> ...Мне тут даже при моем взаимном, самом сердечном отношении и с Ольг<ой> Ив<ановной> и

с остальными членами все-таки не так легко и просто найти свое место, как это было в Москве. <...> Еще здесь поражает эта ограниченность Киевскими интересами, совсем нет того, что мы называли союзным духом и чему я придаю <нрзб> значение. Именно теперь, когда всякое общение так трудно и всякие сообщения так редки, важно чувствовать, что составляешь только крошечное звено одной огромной цепи. Меня это сознание так всю жизнь поддерживало, что хотелось бы передать и внушить его и другим. А здесь, за исключением О.И., которая, однако, ушла в дружную, еще более важную, но не всем доступную чисто церковную сферу и работу, все как-то ужасно суживается и сокращается. Такое состояние никак нельзя назвать "движением".

<...> Здесь, кроме того, ведется работа церковная, которая, пожалуй, и важнее другой, но в которой я участия не могу принять по отдаленности наших приходов, а я очень люблю нашу здешнюю церковь и ее настоятеля. Хотелось бы тут оживить работу и устроить что-нибудь вроде нашей братской помощи. Приход небольшой, и можно было бы, мне кажется, очень хорошо объединиться для несения бремени друг друга. У нас хорошее "сестринство", и старшая прелестная, вполне интеллигентная женщина»⁵⁸.

Но дела Николаевского братства все настойчивее призывали Наталию Ивановну в Житомир. Сначала она бывала там наездами. В письме от 12 августа 1925 года жене брата она сообщает: *«Я провела в Ж<итомире> уже более месяца. Ежедневно два раза ходила в церковь, знакомилась с братством, жила без всяких забот у матери Отца Арк<адия> и в общем была очень счастлива. Сам Отец Арк<адий> теперь в Москве и, возможно, будет у вас. Я ему дала твой адрес, но мне особенно хочется, чтобы его повидал Миша»⁵⁹. Я уверена, что они поймут и полюбят друг друга. О.А. живет в Москве: 1-я Тверская-Ямская, д. № 42, кв. 20. Его фамилия Остальский»⁶⁰.*

Осенью того же года Наталия Ивановна уже прочно обосновалась в Житомире. И продолжала бороться за выживание братства, которое теперь сама и возглавила, поскольку все окормлявшие братство священники были либо арестованы, либо высланы.

Многие печали были связаны с закрытием храмов и безуспешными попытками «получить новую квартиру»: *«У нас все очень печально. Мы "бездомные" (братство утратило свои храмы. – Е.С.) и, вероятно, на очень долго, если не навсегда, – сообщает*

она родным в Москву в письме от 1 апреля 1927 года. — *Одну минуту надеялись получить одну квартиру поблизости от меня, что было бы очень удобно. Она закрыта с 1 Октября>!!! Но говорят, что хозяйка есть и что никому нет дела до того, откроет ли она или нет, т.е. пользуется ли ею кто-нибудь. Ютимся по соседям, стараясь тем не менее сохранить семейное начало, но, боюсь, что в конце концов такое ненормальное положение неблагоприятно отзовется на отношениях между членами, некоторые из них нуждаются в постоянной опеке и руководстве»⁶¹.*

В 1931 году она отправляется на свидание с владыкой Аркадием (Остальским)⁶², отбывавшим срок на Соловках. Совсем немолодая уже женщина — ей шел восьмой десяток лет — решила отвезти ему весть о смерти матери и ее благословение ему. Не исполнить этот христианский долг ей казалось невозможным, трудности путешествия, свои немалые уже годы и хвори, на которые она ранее жаловалась в письмах, в расчет, очевидно, не принимались.

Во время голода на Украине 1932–1933 годов ее крошечные уже средства⁶³ помогли спасти жизни многих людей, в том числе уберегли от голодной смерти семью высланного в 1931 году священника Юлиана Красицкого (1882–1948?)⁶⁴.

А затем в 1934 году беда обрушилась на самого близкого ей человека — арестовали ее племянницу и воспитанницу Наталию Сергеевну Шаховскую. *«За все благодарю Г<оспода>, — пишет она в Москву, томясь в неведении о судьбе арестованной. — Испытание тяжелое, но уже многому меня научило, хотелось бы, как говорится у Иоанна, гл. 15, чтобы принесло еще много “плода”. Как я жалею всех тех, кто не имеет веры. Как я часто благодарю мысленно нашу мать, что она зажгла ее в моей детской душе»⁶⁵.*

Приговор Н.С. Шаховской — пять лет высылки в Казахстан. Наталия Ивановна решает последовать за ней, считая, что не доживет до ее возвращения, а умереть хочет рядом с близким человеком. Там, в станице Георгиевская, она и будет похоронена в июне 1939 года. Перед смертью, как писала родным Н.С. Шаховская⁶⁶, она посетовала, что огорчит своим уходом брата Митю, так ее любившего. Но он не узнал о ее кончине, так как ранее — в апреле того же года — был расстрелян по приговору Верховного суда и погребен на спецобъекте НКВД «Коммунарка».

* * *

Нельзя не сказать хотя бы несколько слов о том, как понимала Наталия Ивановна идею русских философов и богословов того времени о необходимости христианизации всех сторон жизни. В одном из своих писем она выразилась так: *«Как хотелось бы мира не только на словах, но и на деле. Мира и любви. Последнее не признается людьми настоящего времени, а прочно только то, что на ней зиждется, а без нее всякое создание построено как на песке»*⁶⁷. Вот так — очень конкретно и применительно к своему, а не какому-то прошлому или будущему «золотому веку» — звучали для нее слова апостола Павла из Первого послания Коринфянам.

*«Н.И. Оржевская... была человеком долга в самом полном значении этого слова, — писал художник Михаил Нестеров. — Она была облечена полным и заслуженным доверием Императорской фамилии и никогда не пользовалась этим для своих выгод. Все ее помыслы, заботы и мечты были направлены на благо людям, — особенно тем людям, кои благ этих не имели, были ли это ее односельчане или учащаяся молодежь дома и за границей. Наталья Ивановна равно благородная, высоконастроенная как в дни благополучия, так и в дни последующих несчастий, почти нищеты, кои она принимала и несла с огромным достоинством»*⁶⁸.

В заключение хочется вспомнить слова самой Наталии Ивановны о долге христианского служения студенчества, которое призвано, по ее мнению, не столько учить народ вере и любви к Богу, сколько показать, **как** следует жить и служить. Эту великую и прекрасную миссию она и исполнила всей своей жизнью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор выражает особую благодарность сестрам Свято-Николаевского братства Ульяне Александровне Гутнер и Татьяне Ивановне Зеленковой за существенную помощь в подготовке данной статьи.

² См., в частности: *Берд Р.* УМСА и судьбы русской религиозной мысли (1906–1947) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2000 / под ред. М. Колерова. М.: ОГИ, 2000. С. 166–198; *Гуськов М.Д.* УМСА в России: история и настоящее // Религия и право. 1999. № 3. С. 25–27; *Алексеева И.А.* Всемирное христианское молодежное движение в России в конце XIX — начале XX в. / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

М., 2006. Автореферат этой диссертации см.: <https://www.dissercat.com/content/vsemirnoe-khristianskoe-molodezhnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-xix-nachale-xx-vv>.

³ Ее личный архив, который, по ее собственным словам, хранился как «самый ценный предмет в семье», был развеян и превращен в груды бумажек проходившими через ее имение войсками. Об этом, не уточнив, что это были за войска, она рассказала племяннице Анне Дмитриевне Шаховской в одном из писем 1938 г. Письмо Н.И. Оржевской к А.Д. Шаховской из ст. Георгиевская (Оригинал письма на английском языке. Без даты, вероятно, октябрь 1938 г. Семейный архив Шиков-Шаховских).

⁴ РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 489, 490, 491. Почерк Наталии Ивановны поддается расшифровке с великим трудом, так что неудивительно, что массив ее писем, сохранившийся в фонде Балашовых, не привлек до сих пор внимания историков.

⁵ Здесь и далее речь идет о студенческих христианских кружках, инициатором создания которых в России выступил барон Павел Николаи, о тех кружках, которые в конечном счете оформились при поддержке YMCA и ВСХФ в Русское студенческое христианское движение. Заметим, что в данной работе мы не прослеживаем эволюцию движения и смену его наименований в России, отослав заинтересованного читателя (см. примечание 2) к работам, исчерпывающе освещающим эту тему.

⁶ Вероятно, речь идет о вл. Антонии (Храповицком), в 1912 г. ставшем членом Святейшего Синода с оставлением на Вольнской кафедре со столицей в Житомире. Недалеко от этого города располагалось имение Н.И. Оржевской. Вероятно, именно в те годы владыка Антоний, по словам владыки Евлогия (Георгиевского), с ней и «воевал», обвиняя ее в поддержке сектантства. Об этом речь пойдет ниже.

⁷ Как следует из документов канцелярии Святейшего Синода, обращения такого рода неоднократно подписывали священник К. Агеев (1868–1921) и профессор П.Р. Слезкин (1862–1927).

⁸ Цит. по: Великий Евангельский поход. Ч. 8: Молодые христиане и подготовка лидеров. См.: <https://ljwanderer.livejournal.com/283984.html>.

⁹ Сыновья князя И.Ф. Шаховского: Николай (1857–1896), Дмитрий (1861–1939), Георгий (Юрий, 1863–1920), Сергей (1865–1908).

¹⁰ Княгиня Екатерина Святославовна Шаховская (урожд. графиня Бержинская) умерла 8 марта 1871 г. в Германии, где находилась на лечении. Похоронена была в Лейпциге.

¹¹ *Pashkeeva N.* Thèse de doctorat. Le mouvement “universel” de la “jeunesse chrétienne”, la YMCA américaine et les Russes: circulation des

idées et transferts des méthodes d'organisation et d'action (deuxième moitié du XIX siècle – 1939). Paris: EHESS, 2018. P. 229.

¹² Из письма Н.И. Оржевской к жене брата Анне Николаевне Шаховской. Из Киева. На письмо дата 23 декабря 1924 / 5 января 1925 г., к письму сделана приписка, отправленная с ним же, датированная 13 января 1925 г.: «...По духу мне очень близки Аня и Наташа (ее племянницы, дочери князя Д.И. Шаховского. — Е.С.) с их “общественной жилкой”, которая так сильно трепетала в нашей семье, хотя и выражалась разное в отдельных ее членах» (Семейный архив Шиков-Шаховских).

¹³ Вот как вспоминала о том времени княжна Варвара Шарвашидзе, которую княжна Наталия Шаховская сопровождала во время одного из ее визитов в Варшаву: «Княжна Шаховская стала медсестрой в Красном Кресте. Ее поступок положил моду на работу в госпиталях среди дам высшего света. Так как отец не позволил княжне отправиться на фронт, ей пришлось довольствоваться тем, что она читала книги и письма раненым, размещенным в варшавском дворце Брель, теперь превращенном в госпиталь» (*Оболеский И.* Мемуары фрейлины императрицы: Царская семья, Сталин, Берия, Черчилль и другие в семейных дневниках трех поколений. [Электронный ресурс] // URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/182303-igor-obolenskiy-memuary-frejliny-imperatricy-carskaya-semya-stalin-beriya-cherchill-i.html#text> С. 14).

¹⁴ «Наталия Ивановна Оржевская, урожденная княжна Шаховская, сестра депутата Думы князя Д.И. Шаховского. Она, юная, где-то под Варшавой, живя у своего родственника, принимала как хозяйка императора Александра II, приехавшего на охоту» (*Нестеров М.В.* О пережитом 1862–1917 гг. Воспоминания. Гл. «Выставки. 1900–1901». [Электронный ресурс] // URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9D/nesterov-mihail-vasiljevich/o-perezhitom-1862-1917-gg-vospominaniya>).

¹⁵ Записки Н.С. Шаховской // Семейный архив Шиков-Шаховских.

¹⁶ См. подробнее: Кузьмина И., Лубков А. Князь Шаховской. Путь русского либерала. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 85.

¹⁷ Виленский календарь за 1898 г. отмечал, что, императрица Мария Федоровна, следуя за границу и проезжая недалеко от Вильны, пожелала повидать одного человека — Наталию Ивановну Оржевскую. См.: Виленский календарь на 1898 год. Вильна, 1898. С. 256.

¹⁸ Приведем выдержку из дневника Ариэны Тырковой, рассказавшей об одном разговоре князя Д.И. Шаховского с министром внутренних дел фон Плеве (1846–1904). Запись относится ко 2 февраля 1904 г. Министр, по словам автора дневника, был убежден, что князя за «делание скандалов» следует выслать в одну из отдаленных губерний. О чем он и доносил царю. «Но, к величайшему моему [Плеве]

изумлению, его величество не согласилось со мной. Государь сказал, что он не тронет вас, пока вы не устроите еще нового скандала. Этим вы, конечно, обязаны заслугам вашего отца и положению некоторых членов вашей семьи (намек на сестру Д.И. [Шаховского] – Н.И. Оржевскую)» (Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма / [Сост. Н.И. Канищева]. М., 2012. С. 61–62).

¹⁹ Рейн Г.Е. Из пережитого. 1907–1918: В 2 т. Берлин: Парабола, 1935. Цит. по: Столыпин. Жизнь и смерть (1862–1911) / сост. Г. Сидоровнин. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Соотечественник, 1997. С. 133.

²⁰ Трагические события этого дня и обстоятельства убийства П.А. Столыпина она подробно описала в ответ на просьбу своего постоянного корреспондента И.П. Балашева. Письмо это сохранилось в РГИА (Ф. 892. Оп. 3. Д. 491. Л. 74–79об.). Причем, как в собственноручной версии Наталии Ивановны, так и в варианте, переписанном рукой Ивана Петровича Балашева. Этот последний, вероятно, был подготовлен, чтобы показать третьим лицам, включая, как это случалось и ранее, членов Императорской фамилии. Немало писем Наталии Ивановны, написанные в годы после революции, сохранилось в архиве Академии наук в фонде В.И. Вернадского. И это копии, выполненные рукой Дмитрия Ивановича Шаховского, друга Мити, как его называл Владимир Иванович.

²¹ Письмо Н.И. Оржевской к И.П. Балашеву от 27 июня 1898 г. // РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 489. Л. 22.

²² Амбулатория, для которой было выстроено особое здание, была открыта 1 мая 1898 г. (см. письмо Н.И. Оржевской к И.П. Балашеву от 1 мая 1898 г. // РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 489. Л. 58 и 58 об.). Устройство чайной, как говорится в том же письме Наталии Ивановны, вызвало особенные пересуды и недоумение крестьян, посчитавших строительство для них данного помещения, да еще такого просторного, барской забавой. Но забавой невинной, дескать, если барыне так хочется, так что ж. Пройдет совсем немного лет, и чайные станут привычным местом общения и крестьян, и городских жителей в разных концах империи. А впоследствии и в лагерях для русских военнопленных в Германии.

²³ См. Отчет уполномоченной Красного Креста по Приамурскому району [Н.И. Оржевской]. 1900–1901 гг. СПб.: Гос. тип., 1903. 281 с., 18 л. ил. С. 32.

²⁴ РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 489. Л. 24об.–25об.

²⁵ Письмо Н.И. Оржевской к И.П. Балашову от 9 ноября 1898 г. // РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 489. Л. 114 об., 115.

²⁶ В 1905–1914 гг. Илья Леонидович Татищев, генерал-майор свиты Е.И.В. и личный представитель Государя Императора при особе германского кайзера Вильгельма II.

²⁷ Письмо Н.И. Оржевской к И.П. Балашеву от 1/14 июня 1911 // РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 491. Л. 69, 69 об.

²⁸ Ты меня пугаешь (*фр.*).

²⁹ РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 491. Л. 71, 71 об.

³⁰ Искры. 1914. № 17. С. 132. [Электронный ресурс] // URL: http://www.odin-fakt.ru/iskry/istoriches_moment_17_1914/.

Извольская Маргарита Карловна, урожд. графиня Толь (1865–1942), фрейлина двора, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины (меньшого креста); во время Великой войны сестра милосердия и организатор русского госпиталя во Франции (в замке Дюламон близ Бордо).

³¹ Об утверждении проекта устава СПб. студенческого христианского кружка 1912 г. // РГИА. Канцелярия Обер-Прокурора Синода. Ф. 797. Оп. 82. II отд. 3 стол. Д. 284. Л. 19. В это дело подшито и обращение Н.И. Оржевской 1916 г. и служебная переписка по этому поводу.

³² Именно на это министерство была возложена обязанность регистрации религиозных организаций. При этом ведомство придерживалось правила согласовывать любые решения, касающиеся религиозных организаций, со Святейшим Синодом.

³³ Об утверждении проекта устава СПб. студенческого христианского кружка 1912 г. // РГИА. Канцелярия Обер-Прокурора Синода. Ф. 797. Оп. 82. II отд. 3 стол. Д. 284. Л. 5.

³⁴ В это время на этом посту находился Николай Петрович Раев (1855–1919). Письмо Н.И. Оржевской к обер-прокурору Святейшего Синода от 20 сентября 1916 года // РГИА. Канцелярия Обер-Прокурора Синода. Ф. 797. Оп. 82. II отд. 3 стол. Д. 284. Л. 12–13 об.

³⁵ Патроном «Комитета содействия молодым людям в нравственном и физическом развитии» в Санкт-Петербурге – первой организации, созданной в России при содействии YMCA, преобразованной со временем в общество «Маяк», был член Российского императорского дома принц А.П. Ольденбургский. Более того, движение получало финансовую поддержку из средств Кабинета Его Величества. Однако участие в деятельности общества «Маяк» было, согласно уставу, запрещено для студентов и учащейся молодежи, что и создавало необходимость в организации еще и самостоятельного студенческого движения.

³⁶ Мои впечатления о трех конференциях: Беседа, прочитанная в СПб. студ. христ. кружке в апр. 1912 г. / [Н. Оржевская]. СПб.: С.-Петерб. студенч. христиан. кружок, 1912. 35 с.

³⁷ Там же. С. 4–5.

³⁸ Там же. С. 8–9.

³⁹ *Orgewsky Natalie*. Needs and Opportunities for Christian Student Work in Russia. Student Work in Russia II. Report of the tenth conference

on the World's Student Christian Federation. Mohonk, N/Y. June 2–8, 1913. World's Student Christian Federation, 1913 / Перевод Леониды Дмитриева. Р. 188–190.

⁴⁰ Ibid. Р. 189–190.

⁴¹ Ibid. Р. 191.

⁴² Отчет Житомирского местного комитета Российского общества Красного Креста и Мариинской общины сестер милосердия за 1914 год. Житомир: Типография Х.М. Швеца, 1915. С. 24–25.

⁴³ Этот лазарет на 10 кроватей был открыт 26 ноября 1914 г. Располагался в доме на ул. Пушкинской, 1, который на эти цели предоставила Н.И. Оржевская, здесь же и жила она сама. Госпиталь предназначался для тяжелораненых, оборудован и содержался он за счет личных средств Наталии Ивановны.

⁴⁴ Отчет Житомирского местного комитета Российского общества Красного Креста... Житомир, 1916. С. 14.

⁴⁵ Там же. С. 24–25.

⁴⁶ Интересно, что в эмиграции владыка Антоний (Храповицкий) изменил свое мнение на противоположное. Владыка благословлял движение как в высшей степени полезное. Свои труды печатал в издательстве «ИМКА-Пресс», так как, по его собственным словам, «никакой противоправославной пропаганды не встречал за последние 4–5 лет ни в изданиях Общества, ни в субсидируемом им Парижском богословском институте» (Архиерейский Собор, митр. Антоний и Русское христианское студенческое движение // Возрождение. 1926. 10 сентября. № 465. С. 2).

⁴⁷ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. [Б.м.]: Православная художественная литература, 2017. С. 181–182.

⁴⁸ В эту группу вошли: старшая сестра Петроградской общины Св. Георгия, фрейлина императрицы Параскева Александровна Казим-Бек, сестра милосердия военного времени Елизаветинской общины Екатерина Александровна Самсонова (жена генерала от кавалерии А.В. Самсонова) и кавалерственная дама, председательница Волынского отделения РОКК Н.И. Оржевская. Фотографии этих женщин опубликовал 5 сентября журнал «Новое время» (1915. Иллюстрированное приложение № 14184).

⁴⁹ См.: Вестник Красного Креста. 1916. № 5. С. 1606 // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 877. Л. 78.

⁵⁰ Доклад Главному управлению Российского общества Красного Креста о командировке осенью 1915 года для посещения лагерей военнопленных в Германии / Н.И. Оржевская, сестра милосердия. Петроград: Гос. тип., 1916. С. 24.

⁵¹ Там же. С. 11.

⁵² Об этом Наталия Ивановна сама свидетельствует на допросе в ОГПУ 11 декабря 1934 года. См.: ГАЖО. Ф. Р-5013. Д. 20185. Л. 21.

Об этом же, отвечая на вопрос следователя, говорит и ее племянница Н.С. Шаховская. См.: ГАЖО. Ф. Р-5013. Д. 20185. Л. 11.

⁵³ О мытарствах двух женщин, пытавшихся вернуться из Москвы в Житомир, Н.С. Шаховская подробно рассказала в 1934 г. на допросе у следователя ОГПУ. См.: Там же. Л. 8–9об.

⁵⁴ Дата, очевидно, проставлена по старому стилю, так как по контексту письма ясно, что написано оно в Ильин день. Вот как начинается это письмо. «Дорогая моя Анюта, только что вернулась из церкви с любовной памятью о наших вечно живых усопших в сердце. Память об Илюше (племяннике, князе Илье Дмитриевиче Шаховском, погибшем в 1916 г. — Е.С.) для меня сливается с памятью о милом друге всей моей жизни Илье Леонидовиче (генерале Илье Леонидовиче Татищеве, сопровождавшем императорскую семью в Тобольскую ссылку и погибшем в Екатеринбурге в июле 1918 г. — Е.С.), и не только потому, что они носители одного и того же имени, но потому что оба не нашли счастья на земле, оба носили в душе отзвуки не земных песен, оба умерли “за други своя”, пав жертвой человеческого греха. Верю, что они там, где нет ни болезней, ни печалей, ни вздыхания, и что Господь стер всякую слезу с очей их. Вечная им память».

⁵⁵ Кулешова Ольга Ивановна, секретарь РСХД в Киеве еще с дореволюционных времен. Даты жизни установить не удалось.

⁵⁶ Неустановленное лицо.

⁵⁷ Неустановленное лицо.

⁵⁸ Письмо Н.И. Оржевской к жене брата А.Н. Шаховской от 20 (2 августа) 1923 г. // Семейный архив Шиков-Шаховских.

⁵⁹ Михаил Владимирович Шик, муж племянницы Наталии Ивановны Натальи Дмитриевны Шаховской-Шик. Михаил Владимирович крестился в 1918 г., а в 1925 г. был рукоположен в диаконы. В декабре того же года арестован по делу митрополита Петра Полянского, сослан, в ссылке был рукоположен в иерея. Повторно он был арестован в феврале 1937 г. и расстрелян на Бутовском полигоне. См. подробнее: URL: <https://www.101km.org/doklad-mihail-shik> или <https://fudel.ru/personalia/shik-mikhail-vladimirovich/>.

⁶⁰ Письмо Н.И. Оржевской к жене брата А.Н. Шаховской от 12 августа 1925 г. // Семейный архив Шиков-Шаховских. Состоялась ли встреча отца Михаила Шика и владыки Аркадия (Остальского), принявшего монашеский постриг, а затем и епископскую хиротонию? Этого мы, возможно, никогда точно не узнаем. Однако, скорее всего, они в то время в Москве встретились. Задолго до того, как оба упокоятся во рвах Бутовского полигона НКВД: священник Михаил Шик — 27 сентября 1937 г., владыка Аркадий (Остальский) — 29 декабря того же года.

⁶¹ Письмо Н.И. Оржевской к жене брата А.Н. Шаховской от 1 апреля 1927 г. // Семейный архив Шиков-Шаховских.

⁶² О судьбе основателя и первого руководителя Свято-Николаевского братства см. подробнее: *Священномученик Аркадий (Остальский), епископ Бежецкий*. «Мы не должны бояться никаких страданий...»: Творения: в 2 т. / Сост. диакон Игорь Кучерук, при участии Евгения Тимиряева. Т. 1. Житомир: Издание Житомирской епархии Украинской Православной Церкви, 2007. 544 с.; Т. 2. Житомир: Издание Житомирской епархии Украинской Православной Церкви, 2011. 464 с. (Духовное наследие мучеников и исповедников Русской Православной Церкви).

⁶³ Протоколы допросов в 1934 г. из следственного дела Н.С. Шаховской сохранили для нас информацию о размере ее доходов: по ее словам, они составляли 50 долларов в месяц, которые ей переводили на Торгсин друзья из-за границы. См.: ГАЖО. Ф. Р-5013. Д. 20185. Л. 20.

⁶⁴ Подробнее о деятельности Н.И. Оржевской в Свято-Николаевском братстве см.: *Старостенкова Е.* Милосердие как образ жизни. История создания и деятельности Свято-Николаевского братства в Житомире (1918–1934) // Православные братства в истории России / Сб. научных трудов. Ч. 1. М.: КПФ «Преображение», 2018. С. 83–112.

⁶⁵ Письмо Н.И. Оржевской к жене брата А.Н. Шаховской от 26 декабря 1934 г. // Семейный архив Шиков-Шаховских.

⁶⁶ Письмо Н.С. Шаховской к кузине А.Д. Шаховской о смерти Н.И. Оржевской, без даты, из ст. Георгиевская, июнь 1939 г. (?) // Семейный архив Шиков-Шаховских.

⁶⁷ Письмо Н.И. Оржевской к племяннице А.Д. Шаховской от 2 августа 1935 г. // Семейный архив Шиков-Шаховских.

⁶⁸ *Нестеров М.В.* О пережитом 1862–1917 гг. Воспоминания. Гл. «Выставки. 1900–1901». [Электронный ресурс] // URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9D/nesterov-mihail-vasiljevich/o-perezhitom-1862-1917-gg-vospominaniya>.

Паломничество РСХД на Святую Землю в 1983 году

14 августа 1983

Международный аэропорт Руасси. Мы приехали слишком рано, встреча назначена на 7 утра, а рейс наш только в 11:30. Вот и начинается наше путешествие, как и положено паломничеству, с ожидания. Нас 9 паломников: Александр Викторов, его жена Ольга и их сын Владимир, Анна Розеншильд, Елена Арабей, Константин Старенкевич, Михаил Зданкевич и моя подруга Ольга Татарина, с которой давно дружим, так что она будет отличной соседкой по комнате. Вчера на Оливье-де-Серр мы отслужили молебен. Отец Игорь посоветовал нам быть, как тот слепец, который приехал на Святую Землю в XIX веке, чтобы «увидеть» святые места глазами сердца.

Группа у нас довольно сплоченная. Костя Старенкевич меня веселит, он задает кучу вопросов. Он решил начать учить иврит и церковное пение. Благодаря его вопросам я узнаю, что в Европе существуют две разновидности гамм: минорная и мажорная, тогда как у древних греков таких разновидностей было восемь, вот откуда восемь гласов наших прокименов. Сегодня праздник, первый Спас, отголосок тех событий в Константинополе, когда свирепствовала чума и священники освятили воды. Писатель Шмелев называет этот праздник Медовым Спасом.

Самолет у нас американский, среди пассажиров есть евреи, говорящие на иврите. Мне очень нравится смотреть на мир Божий с высоты птичьего полета, я разделила свой маршрут на 4 части, по количеству часов полета. В конце первого часа мы пролетаем над заснеженными Альпами, и Шурик внимательно рассматривает дорогие ему вершины, сын его тоже, для него это путешествие — новый опыт. Вот уже мы летим над Болгарией, Турцией, затем будет Израиль. У нашей группы я чувствую некоторое предубеждение по отношению к иудаизму, даже у Ольги Т. Лена Арабей вспомнила слова: «кровь Его на нас и на детях наших»; по ее толкованию, кровь эта падает

и на нынешние поколения... Могут ли я тоже стать антисемитской? Если я забуду тебя, Бухенвальд, пусть отсохнет моя правая рука! Ну а пока что чувствуется боль в шее, осенью нужно будет серьезно заняться лечением позвоночника.

Я рада, что наши молитвы и жизнь здесь в целом будут проходить по-русски, потому что в моем представлении Палестина связана с уроками Закона Божьего, которые шли у нас по-русски, а сопровождающие нас монахини тоже говорят по-русски, книжечки, заранее приготовленные Люсей, будут хорошим подспорьем для понимания текстов.

Понедельник, 15 августа

Неужели мы до такой степени рабы собственного душевного состояния? Сегодня утром я не в настроении и опасаясь, как бы все наше паломничество не обернулось провалом. Где тот мирный приют в Вифании, который я себе представляла, где тот скромный домик Марфы и Марии? Вместо тихой улочки в деревеньке, дом, в котором мы будем жить, стоит на шумном перекрестке при въезде в Иерусалим, рядом с бензоколонкой, в нашей комнате душно и полно комаров, окна без занавесок, и нам приходится их занавешивать снятым с кровати покрывалом, но всего невыносимее грохочущий шум!

У школы в Вифании тенистый двор, здесь царит русская атмосфера, однако нравы тут весьма суровы. Игуменья — мать София Крылатова (мама Опуса и Андрея), я даже не знаю, что о ней сказать: с одной стороны, она из Парижа и хорошо знает движенцев, но тут она переняла обычаи РПЦЗ. Теперь она считает, что у исповеди срок годности всего два дня!

Конечно, вчерашний путь из Лода в Иерусалим меня впечатлил, страна прекрасна, а Иерусалим похож на мираж.

13 часов. Сердце мне пронзено насквозь! Сегодня утром нас отвели в Святая святых — на Голгофу и к гробнице Христа, и хотя я знала, что это включено в программу, но встреча эта меня потрясла, я не была к ней готова. Морис Баррес писал, что существуют «блаженные холмы», но взбираться на них нужно, конечно, постепенно, а не так, что ты вышел из автобуса, прошел мимо лотков с сувенирами и напрямиком направился в храм, где произошло Воскресение Христово.

Первая неожиданность: я не знала, что Голгофа и пещера, в которой погребли Иисуса, находятся под одной крышей. Мы вошли в храм, нас там встретили монахини мать

Катерина и мать Агния Гирс, и вот неожиданно мы перед камнем, где «благообразный» Иосиф Аримафейский обвил пеленами с благовониями тело Христа. Мы поем «благообразный Иосиф», у меня на глазах выступают слезы: это столь неожиданно, я чувствую себя недостойной почтить этот камень. Затем мы останавливаемся перед каждым памятным местом и поем соответствующее песнопение. Отец Илья Шмаин читает Евангелие. Мимо проходят католические паломники с пальмовыми ветвями в руках, у них сейчас Успение, каждая конфессия по-своему почитает это место. На Голгофе мы простираемся ниц, затем идем в Кувуклию, где нужно протиснуться в тесное помещение, в котором находится Гроб Господень и где за каждым паломником обязательно наблюдает специально приставленный монах. Я думала, что мы, православные женщины, не имеем права входить в святилище, но, слава Богу, туда, в святая святых, нас допускают! В том месте, где святая Елена обнаружила Крест, тоже находится монах, он вращает подсвечник, чтобы паломники не забывали покупать свечи! Какая жалость, что каждая из конфессий хочет украсить эти святые места как можно лучше и принесла сюда для этого все, что им кажется самым ценным: золото, украшения из камня, столько всего разнородного и несообразного. Однако между всем этим мне бросаются в глаза две прекрасные арабские иконы и красиво вышитая русская плащаница. Чуть выше — аляповатый голубой иконостас. И повсюду охранники с лотками, продающие сувениры.

Одним словом, то, что должно было наполнить меня радостью, благоговением перед этими местами, погружает меня в смешанные чувства смущения, разочарования... Я пою вместе с другими «Слава Страстям Твоим, Господи», но душа моя трепещет на полпути между почитанием и отторжением. Еще больше увеличивается мое смущение в резиденции патриарха Диодора, где его секретарь, отец Тимофей, говорящий по-русски, и наши монахини сестры Гирс и сестра Нонна ведут светскую беседу о том, как евреи притесняют православных. Конечно, убийство в апреле прошлого года двух русских монахинь из Русской миссии потрясло всех, но подобные разговоры после этих молитв и этих песнопений не дают мне покоя.

Мы готовимся исповедоваться у отца Ильи, и я со страхом думаю, что придется выкорчевывать все гадости из своей

души, в том числе и грех гордыни, ввиду того, что принимают меня здесь как дочь моего знаменитого отца, отец Илья уже успел мне сказать, как он его почитает. Я чувствую отвращение ко всем нашим межюрисдикционным ссорам, особенно здесь, в этом святом городе. «Православная Елена, что ты сделала со своим крещением?»

Анна Розеншильд согласна со мной, что не стоило начинать это паломничество с Голгофы, это слишком огромная пропасть, чтобы прыгнуть в нее сразу после самолета. Ну что ж, давайте исповедоваться, может, после этого будет лучше видно.

Понедельник закончился ужином, разговором с сестрами, и в 23 часа мы пошли в храм Гроба Господня на ночную литургию, которая произвела на меня огромное впечатление. Служили ее греческие священники, к нам присоединились 5–6 сестер из Гефсимании, одна из них, сестра Надежда, с запоминающимся лицом, управляла хором: это была арабка с голубыми глазами. Рядом с Кувуклией раздавались протяжные армянские песнопения, но в целом мы были почти одни. Позади, в мраморном храме, священники готовились к службе. Мы держим наготове свои записки с именами живых и умерших: когда священники входят в Кувуклию, то есть в святая святых, в место Воскресения, миряне просачиваются туда вслед за ними и читают написанные ими имена, в то время как священники начинают проскомидию; я повторяю: простые миряне! женщины! Тихим голосом я читаю имена дорогих и близких мне людей и имена, порученные мне Тасей Плисон. Мы также приготовили список членов РСХД вместе с нашими священниками (отцы Виктор и Василий, отец Димитрий) и членов Совета (в том числе и Мариночки, мамы Анны). С особой силой мы молимся за Соню Морозову, ее тетя Елена совершает это паломничество специально ради нее. Мы и не ожидали, что эти молитвы окажутся столь торжественными, потому что имена переведены на греческий и возглашаются священниками; когда я узнаю «Викторос, Василиос, Димитриос», у меня слезы наворачиваются на глаза!

Во время литургии мы вместе с монахинями образуем левый клирос, мы поем по-славянски, и, так как монахини знают все наизусть, они мгновенно подхватывают. Перед причастием над нами читают разрешительную молитву, после

чего мы приближаемся к Чаше. Никогда еще я не переживала столь потрясающего причастия: на Голгофе, ночью и, кроме того, в мистическом присутствии всех этих Виктороса, Василиоса, Димитриоса, которых мы только что поминали! Затем по ним была отслужена панихида, а потом был кофе с епископом, после чего можно было приложиться к мощам: «рука Василия Великого, мощи Марии Магдалины и самый большой фрагмент Святого Креста». Потрясающе! Елена Арабей говорит, что нужно будет привезти сюда Соню Морозову.

Вторник, 16 августа

Прогулка в Вифании. Я обнаружила гробницу св. Лазаря. Туда можно спуститься по узенькой лестнице, которая в путеводителе названа «опасной лестницей», и вот мы чуть ли не на карачках соскальзываем в маленькую пещерку, в которую может поместиться около 12 человек. Ниша, в которую положили Лазаря, теперь замурована. Замурован и второй вход, так как он выходил напрямиком к мечети. Арабы тоже почитают Лазаря, называют его Эль Азаир.

Среда, 17 августа, 5:30 утра

Мне хочется рассказать о нашей встрече с монахами, которые, благодаря сестре Нонне, открыли нам ворота монастыря. И об отце Феодосии из Вифании. Он грек, родившийся в Измире, говорит по-русски и очень живой. Это он спас жизнь наследнику короля Иордании Хуссейну во время покушения на его дедушку в мечети Аль Азаир, он его спрятал под сутаной. И иорданцы, и арабы его любят. Он очень эмоционально рассказывает о напряжении между мусульманами, иудеями и христианами. В юные свои годы в Измире он видел резню между турками и греками и теперь здесь, 50 лет спустя, опять оказался свидетелем многих несчастий. Его монастырь чистый и процветающий, запахи напоминают Грецию. Он показывает нам фотографию одной игуменьи, умершей в 1980 году, над которой сияет крест, запечатленный на фото пленке.

Другого монаха зовут отец Ерофей, он из монастыря святого Феодосия. Он нас встречает в одежде каменщика, так как перестраивает свой монастырь своими руками. Ночью монахи молятся, днем работают. «Когда же вы спите?» — спрашиваем мы. Он смеется: «Иногда на стройке!» У них хранятся мощи святого Феодосия и матерей некоторых святых. Возле гробницы матери святых Космы и Дамиана я зажигаю

свечу за своих сыновей, чтобы они тоже были «анаргирис» (бессребрениками) и не искушались «мамоной».

И затем монастырь Святой Троицы возле Мамврийского дуба, в котором двое русских монахов: архимандрит Игнатий и отец Георгий. Один из Симферополя, ему 80 лет, он много постится и обладает слезным даром. Он встречает нас с иконой Богоматери и говорит нам: «Христос воскрес!» Они вдвоем содержат огромное пространство, церковь и виноградники. У второго очень русское лицо, он приехал из Уфы, бежал из СССР, где подвергался преследованиям как сын врага народа, около 60 лет назад. Оба довольно неопрятные, с износившимися рясами и спутанными волосами, но глаза у них сияющие. После вопросов матери Нонны мы понимаем, что другие монахи к ним не присоединяются, так как у них слишком строгий устав. Нам приготовили обильную трапезу, но я вздрагиваю при мысли о последствиях при виде грязи на кухне. И так оно и оказалось: я подхватила потом сильный понос! Здесь нам раздали кусочки дуба, под которым Авраам и Сара принимали трех Ангелов. Мой рационализм не дает мне поверить, что это действительно тот самый дуб, хотя выглядит он весьма древним. Ольга Т. говорит: я это принимаю, если мы говорим о предании. Монахи настаивают, чтобы мы попостились: если вы не поститесь, вы не православные! Этот монастырь произвел на нас сильное впечатление!

Пятница, 19 августа, Преображение

Отметить этот праздник на Фаворе — это благословение. Конечно, Евангелие не уточняет, на какой именно горе произошло Преображение, но в предании отмечена эта, и там действительно на вершине царит особый свет, напоминающий Гран Серр в наших Альпах. Там возвышаются две церкви: одна православная, посвященная св. Илии, с прекрасным иконостасом и ценными русскими иконами, и одна новая (1924–1925), католическая, францисканская, которую путешественник критикует, но которая нам понравилась своей вытянутостью во всю длину; я замечаю там изображение смерти св. Иосифа, при которой присутствует Иисус. Вокруг первой расположился арабский палаточный лагерь: палатки, люди, спящие на матах и в гамаках, и мы даже присутствовали на одном арабском крещении, настоящее событие! Вокруг купели собралась семья, все в разноцветных одеждах, крестят

ребенка, которому около года, и священник, похожий на копта, читает молитвы с завываниями; вокруг бегают ребятишки, песнопения тоже поются выкриками, и женщины пронзительными голосами оглашают свои молитвы. Самое удивительное, что после погружения в воду священник, сидя на корточках, опускает ребенка еще в одну купель; ребенок плачет. Во время обряда женщины держат в руках аэрозоли с благовониями и обрызгивают людей. Сестра Нонна присоединяется к арабским восклицаниям: вот это праздник! Нонна — удивительная женщина, она знает арабский и еще несколько языков, у нее множество других даров, и все ее ценят. В Гефсиманском монастыре кроме обычных монахинь есть принявшие великую схиму, те спят в гробу и не могут произносить больше семи слов в день, постятся и молятся все время.

Мы спускаемся с Фавора. Молодежь у нас героическая, они поднимались пешком, ночь провели ввосьмером на шести матрасах, побывали на ночной греческой литургии, которую пели русские монахини, затем после небольшой трапезы отслужили праздничную вечерню с отцом Нектарием из Гефсимании и сестрами Агнией и Катериной, а затем спустились с горы, опять пешком. Я же спускалась с сестрой Мариной Чертковой, с которой у нас произошел интересный разговор. Она считает, что не стоит преувеличивать трагизм здешних событий, потому что и в Европе каждый день совершается столько убийств, остающихся незамеченными. Здесь убили двух монахинь из русской миссии (советской), Варвару и Веронику, преступление это политическое, убийца — американский индеец, наркоман, который хотел досадить русским под тем предлогом, что Андропов перестал выпускать из страны евреев. Аргумент показался мне странным, потому что смерть этих двух несчастных сестер Андропову совершенно безразлична.

Суббота, 20 августа

Мы провели ночь в одной арабской семье. Сестра Нонна заранее нас предупредила: «Я не знаю, что вас там ждет! Арабы спят обычно вдсятером в одной комнате, расстелив матрасы на полу». Но мы очутились у совсем других арабов, вполне цивилизованных. Я, во всяком случае. Это зажиточная семья, отец — инженер-электрик, говорящий по-французски, его жена — хозяйка отличного дома, у них 4 дочерей от 10 до

18 лет. Они меня очень любезно приняли, предложили принять ванну, мы отлично поели (пришлось прервать пост). Во всяком случае, мне удалось посмотреть, как живет буржуазная арабская семья в Израиле.

Кана Галилейская; в церкви мы видим большие амфоры, в которых хранят воду для омовения, как во времена Христа. Там есть редкая икона, изображающая чудо претворения воды в вино. Мы видели плащаницу, расписанную Верещагиным. Купив каннского вина на свадьбу Пети Лукина, мы поболтали с торговцем, пригласившим нас к себе в дом, показавшим нам дикобраза в клетке и угостившим чаем. Его дети учатся в христианской школе, а одна из дочерей играет на пианино.

В Назарете мы видели базилику Благовещения, построенную в 1959–1960 годах, очень современную, в ее строительстве участвовали многие страны, хотя в целом вид разочаровывает. Я узнаю, что предание различает в Благовещении два момента. Первый раз, когда ангел является Марии, Она была возле колодца, пришла почерпнуть воды, туда можно пройти по лестнице в скале; второй — когда Мария была в доме, соседнем с домом Иосифа. Дом Иосифа меня потряс, там витраж, изображающий его смерть. Предание сообщает, что умер он еще до распятия Христа, и это объясняет, почему на Востоке его изображают стариком и почему Иисус на кресте веряет Свою Матерь Иоанну.

В православной церкви возле источника мы спели акафист, и, признаюсь, именно тогда я поняла его впервые во всей его глубине: мотив у него очень прост, а слова утешительны.

Знаменитая трапеза, очень нас занимавшая, прошла хорошо: нас пригласило местное христианское православное арабское общество, состоявшее из мирян, занимающихся делами прихода. Они демократически выбирают своих членов каждые 4 года. Президентом оказался богатый араб, владелец ресторана, в котором мы как раз ужинали. Пожертвования и доходы от достопримечательностей курируются этим комитетом, который платит священникам зарплату, равную заработку преподавателей. Они организовали клуб для молодежи, открытый и для мусульман, создали детский сад, проводят непродолжительные летние лагеря, приобрели территорию под кладбище. Одним словом, они очень активны. Шурик

рассказал им о деятельности РСХД, и мы выпили за процветание православия. Один из них, ответственный за работу с молодежью, принимал участие в съезде Синдесмоса в Шамбе-зи, а в 1978 году останавливался в нашем лагере в Сан-Теофре.

Сегодня воскресенье, и по всему Назарету звонят колокола. Большинство населения здесь арабы, поэтому магазины открыты в шабат и закрыты в воскресенье. В школах половина учеников мусульмане, вторая половина — христиане. Тут приспособливают расписание в дни Рамадана, а в дни христианских праздников дают выходные христианам. Конечно, евреи тоже пробуют здесь обосноваться, они построили новый квартал, Назарет-Илит, лишив там права собственности арабов. Среди гостей был некто Георгий, который хочет стать мэром Назарета, чтобы заменить коммунистов. Так что мы выпили и за его успех.

На обратном пути мы спели вечерню на фоне заходящего солнца, это было так красиво!

Вторник, 22 августа

Несколько услышанных рассказов. Кто-то пожаловался отцу Василию Зеньковскому: «Мне надоело так часто исповедоваться, я рассказываю всегда одно и то же!» На что отец Василий сказал: «Вы же моете руки каждый день, даже если знаете, что они снова испачкаются».

Мать Феодосия была женщиной умной и суровой и очень строго соблюдала каноны. К ней отправили неопытного священника, который часто ошибался и с которым она жестко обращалась, без конца его упрекая. Однажды отец Сергей Четвериков приехал к ней служить в день св. Владимира, который выпал на воскресенье. И вот отец Сергей запел тропарь и стихиры святому Владимиру. Мать Феодосия послушно ему подпевает. После службы отец Сергей сконфуженно извиняется перед матерью Феодосией, которая ему говорит: «Для меня это был хороший урок: если бы тот, другой священник так сделал, как бы я на него накричала!»

Погружение в Иордан. Это прекрасное место, очень теплое, где сделаны ступени для спуска в Иордан. Мы приготовили белые рубашки или туники, в которые переоделись. В начале церемонии я задаюсь вопросом: зачем нужно было благословлять воды Иордана? Затем, я говорю себе, что эти молитвы и пророчества, это чтение Послания нужны были

для того, чтобы подготовить нас, чтобы мы смогли войти в эти воды с покаянием и страхом Божиим; этого бы не вышло, если бы мы пошли окунаться сразу, как приехали. Мы по очереди входим в эту свежесть и окунаемся три раза. Проходящие мимо французские туристы нас фотографируют. Я до сих пор верно храню эту тунику, она будет мне саваном.

23 августа

Невозможно записывать все! Мы проживаем столько нового и захватывающего в такой короткий промежуток времени.

Достоевский сказал: «Красота — это страшная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Анна Розеншильд права, когда говорит, что эти слова хорошо иллюстрируют современное положение на Святой Земле.

24 августа

Вчера мы были в монастыре св. Георгия Хозевита. Это в пустыне, над Иерихоном. Ландшафт впечатляет и даже немного пугает. Шли мы около 30 минут по расщелине, и монастырь постепенно открывался перед нашим взглядом: красота такая, что дух захватывает, он словно подвешен над утесом, цвета сепии с голубыми проемами окон. Внизу течет Хозев, ставший каналом. Монахи заметили наших монахинь и встретили нас колокольным звоном, который отражался от скал, это было волшебство. На обочине дороги росла та самая пустынная капуста, которой некогда питалась св. Мария Египетская.

Живут там пять греческих монахов, их настоятель говорит по-русски, он приехал с Афона и хочет туда вернуться (там лучше, там не бывает женщин!). Тут есть и пещеры для анахоретов, и подвешены корзины, в которых им туда поднимают съестные припасы. Предание сообщает, что в одной из таких пещер жил святой Иоаким, отец Богородицы, который пришел сюда молить Бога о том, чтобы Он даровал ему дитя. Это также то место, где пророка Илию кормил ворон, а в нескольких километрах отсюда простирается пустыня, в которой дьявол искушал Иисуса и куда мы поднимаемся в полном молчании.

Хочется удержать в памяти еще одного монаха, Иоанна Румына, который был погребен здесь в течение 26 лет, пока двум людям не явилось видение, что следует его откопать, и три года назад (в 1980-м) были обнаружены его нетленные мощи! Их положили в стеклянный гроб, и мы смогли их увидеть.

Пятница, 26 августа

Интересный разговор с Ольгой Татариновой о матери Марии (Скобцовой), которую та хорошо знала. Ее выбор не-обычной монашеской жизни здесь мне представляется оче-видным. Она ненавидела все виды материального и мораль-ного комфорта, и традиционная форма, как здесь, казалась ей именно формой комфорта. (Мир может страдать, а я молюсь себе в своем монастыре, и ко мне это не имеет никакого от-ношения.) Семейный комфорт ей также был чужд. Ее мать, Софья Борисовна, говорила, что своих собственных детей она любила «особенной» любовью и что ей не следовало выходить замуж и рожать детей. Ее отец говаривал о ней: «Лиза — это не рубль, а сто копеек», имея в виду тот факт, что она размени-вается на множество всего сразу. Я вполне представляю, как ее поведение порой шокировало людей. Живя спартанским образом, она считала пост излишеством, могла вообще долго обходиться без еды, а когда потом чувствовала голод, съеда-ла первое, что попадалось под руку, будь то яблоко или кусок мяса.

Наблюдая повседневную жизнь монахинь, я в недоуме-нии. Они выстаивают в своих монастырях на ногах долгие службы и помимо этого присутствуют на греческих ночных службах в храме Гроба Господня; в этом году это каждый день с 5 часов утра! Они отлично поют двумя хорами на Елеоне, каждый из хоров запекает самостоятельно, без малейшего знака, — видно, как они уже спелись за эти годы. Каждый ри-туал опирается на серьезность, порядок, ритм. Единствен-ную ноту чего-то разнородного, но столь человеческого вно-сит священник, отец Мефодий, карпаторосс, со смеющимися глазами, который ходит враскачку и, кажется, вот-вот вам за-дорно подмигнет. Именно такими я представляю себе «юро-дивых Христа ради», у отца Мефодия репутация оригинала. Зато мать-настоятельница Феодосия сурова и укоренена в карловацкой традиции РПЦЗ. В трапезной у них висит поста-новление, запрещающее монахиням любые формы общения с себе подобными из Московского Патриархата (чем и объ-ясняются те затруднения, которые возникли у сестры Елены Тихонович, втайне посещавшей сестер из Эйн-Карема).

С колокольни на Елеонской горе (215 ступенек!) откры-вается потрясающий вид на Иерусалим.

Затем мы посетили место, связанное, по преданию, с «Отче наш»: различные тексты этой молитвы написаны на керамических плитках на стенах здания. После чего мы увидели «малую Галилею», место, которое во времена Иисуса было посвящено паломникам из Галилеи и куда часто приходила Богородица. Там же находится и место Вознесения; легионеры показывают отпечаток ноги Иисуса — знаменитую «стопочку». Русские паломники прошлого века делали с нее восковой отпечаток, который уносили с собой; а другим простодушным покупателям предприимчивые пройдохи продавали флаконы с «тьмой египетской»!

Отец Илья Шмаин — удивительный священник, я им восхищаюсь и сочувствую ему: еврей, обратившийся в СССР, побывавший в ГУЛАГе, он в Израиле живет полуподпольно, потому что евреи считают его парией. Здешняя настоятельница его презирает и ему ни слова не сказала. Его семья живет с ним, у него две дочери.

Все эти строгости приводят либо к диссимиляции, либо к притворству; так, сестра Нонна умоляла нас никому не говорить, что она водила нас к «советским» в Горненский монастырь в Эйн-Кареме.

На Елеоне встречаются необычные иконы: на одной изображено Обрезание Иисуса — совсем голый ребенок возлежит возле Марии и Иосифа, а раввин держит в руках инструменты, чтобы приступить к обряду. Икона расположена в укромном месте.

Празднование Успения. Оно длится три дня и начинается с переноса плащаницы Богородицы из часовни при храме Гроба Господня в Гефсиманию: это начинается в три часа утра громогласным колокольным звоном: патриарх со священниками идут торжественной процессией, и арабы-мусульмане, тоже почитающие Мириам, шумно их приветствуют. И кто тут может упрекнуть евреев в нетолерантности?

Служба длилась с 16:30 до 20:30, я побила собственный рекорд: 4 часа на ногах. В конце я уже вообще не ощущала под собой ног, удерживало меня лишь то, что я поглядывала на наших сестер Гирс, которые, хотя им не меньше 75 лет, молились рядом с нами. Служба замечательная по истовости молитв и красоте песнопений, но сколько слов! А ведь Иисус советовал в молитве не говорить лишнего, как язычники...

Вспоминали святых, недавно канонизированных: царя Николая и царскую семью. Игуменья Анна Середа подошла ко мне и поговорила со мной о моем отце и о матери Марии.

Понедельник, 29 августа, в самолете, на обратном пути

Мы достаточно устали от этого путешествия и от долгих служб. Но праздник Успения остался у меня прекрасным воспоминанием, а запах базилика из букетов, которые несли верующие, теперь навсегда будет связан с этим праздником. В церкви я заметила одну любопытную вещь, объясняющую, почему греки так пренебрежительно относятся к арабам, а русские вынуждают их придерживаться собственного стиля, языка и т.д.: в конце службы церковь наполнилась верующими арабами, внесшими туда суматоху, они шептались, смеялись, дети бегали, а один развязный подросток даже начал свистеть! Его мать пыталась его приструнить, бросая испуганные взгляды на монахинь. Я пришла к выводу, что если арабов предоставить самим себе, то будет такой же гвалт, как на Фаворе во время крещения. Греческие общины принимают к себе арабских священников и некоторых певчих, но после смерти последнего арабского епископа его пока так никем и не заменили. Сестра Марина говорит: «Греки не делают уступок и заставляют себя уважать». Монахини РПЦЗ упрекают патриарха Диодора в том, что тот заигрывает с «советскими» монахинями, съездив в Москву и встретившись с патриархом Пименом. Кроме того, русская миссия судится с РПЦЗ по вопросу о территориях, которые были выкуплены архимандритом Антонином (Капустиным) и которые Израиль отдал московским русским.

Благодаря сестре Нонне мы смогли побывать в Горненском монастыре (Эйн-Карем). Глава миссии отец Антоний Граббе в наш приезд отсутствовал, и это оказалось к лучшему, так как многие критикуют его за непримиримость. Я поняла, почему отец Алексей Князев не захотел принять участие в нашем паломничестве: он ведь считает, что синодалы находятся вне канонического общения, так что приезд сюда в качестве ректора Свято-Сергиевского института поставил бы его в неудобное положение.

В целом это паломничество вполне удалось.

Перевод с французского Натальи Ликвинцевой

МЕМУАРЫ

Священник Владимир Зелинский

Оглядываясь на жизнь

Глава первая Август 1972 года и окрестности

Июль. Марио, Ив

Спросив себя, на какой из счастливых островков памяти мне более всего хотелось бы вернуться, что бы я выбрал? За исключением нескольких проблесков раннего детства (счастливым оно не было) и влюбленностей, которые растворяются в протекших мгновениях и живут где-то сами по себе? Пожалуй, первым делом я посетил бы тот август 1972 года, когда мы с Михаилом Георгиевичем Аксеновым-Меерсоном решили немного «проездиться по России», как рекомендовал Гоголь, побродить по полям, лесам и акваториям, с которыми он собирался вскоре навсегда расстаться. Документов в ОВИР на эмиграцию по условной израильской путевке, как всегда в то время, он еще не подавал, но решение о том принял уже окончательно и потому испытывал, вероятно, зов дальних земель вместе с ностальгией по земле, им еще не покинутой. Мы договорились встретиться у Мишиного знакомого о. Амвросия Блинкова, настоятеля храма на Валдае, стоявшего у самого озера.

Я познакомился с Меерсоном в начале, а подружился в конце 1971 года, через несколько месяцев после моего Крещения. А еще до того пересекся с ним на Тверском бульваре в «те баснословные года», когда моя мать дружила с его

теткой Лелей (я так и не узнал ее полного имени), скончавшейся в 1952 году. Крещение и знакомство не были простым совпадением. Оглядываясь на жизнь, не без некоторого изумления перед Промыслом, не могу не признать, что почти весь мой так называемый путь проложен людьми, встречами, друзьями, обстоятельствами, проселками, городами и странами, которые берут начало именно от того знакомства. Сам факт, что я пишу этот текст осенью 2019 года в Италии, в городе Брешиа, куда в 1990 году меня пригласили преподавать русский язык и литературу в местном университете и где потом я стал священником, основавшим приход в честь иконы *Всех скорбящих Радость*, через сад замысловатых и пересекающихся троп приводит — о чем, думаю, он сам не знает — к тому человек-истоку, дружба с которым не иссякает и по сей день. Хотя и общались мы с ним почти за полвека не так уж и много.

Первое из тех знакомств, может быть самое чреватое по последствиям, случайно совпало с важным на тот момент, ныне же забытым международным событием, когда в Москву для очередных переговоров и продолжения разрядки напряженности прибыл председатель Совета министров Италии Джулио Андреотти, который в то время занимал эту должность (а всего он умудрился побывать на ней 7 раз). В его окружении состоял и помощник-переводчик Марио Корти, который только что получил эту работу в итальянском посольстве в Москве. Андреотти со своей свитой был приглашен не то Косыгиным, не то Громыко на прием, но не в Кремль, как обычно, а почему-то на банкет в ресторан «Прага»; возможно, такое приглашение тоже отвечало неформальному духу разрядки. Проскользнув через вереницу черных правительственных машин, толпу гостей и милиции у входа, Марио, как он это всегда умел, незаметно сбежал оттуда ради встречи с Меерсоном. Его, кстати сказать, и не интересовали изделия «пражской» кухни (а они могли быть и шедеврами); как истый итальянец, он не представлял себе достойной еды, которая не начиналась бы с *pasta al pomodoro*, а таковую простецкую пищу никакой престижный русский ресторан никогда бы не додумался знатым гостям предложить.

Мишин дом в Мерзляковском переулке был от «Праги» не далее, наверное, чем в 300 метрах. У Марио уже был записан адрес, который он получил на вилле Амбивери в Сериате,

близ Бергамо, в общине Russia Cristiana, и с ней будет связана еще другая долгая история. Лет 27, невысокого роста, быстрый, легкий в движениях, первым делом он поразил нас своим русским языком, который почти нельзя было отличить от природного. Не москвич, это ясно, что-то было в голосе грудное, южное... В Москве он был впервые, но чувствовал себя в ней как дома; в любом городе, в какой угодно стране он запросто мог найти любой дом и обжиться во всяком обществе. Внешне Марио был похож на гуцула, есть такая закарпатская народность, прославленная гениальным фильмом Параджанова *Тени забытых предков*; мы с Наташей были в тех краях за три года до этого; тот же рисунок усов и легкий мягкий акцент, в котором даже нельзя было угадать ничего специфически апеннинского. В первую встречу он изложил нам свою программу: безмерное уважение к диссидентам и желание им помогать, на Западе, уверил он нас, такого героизма не встретишь. Переправка религиозного и прочего самиздата еще не была самым героическим диссидентством, но и через нее какую-то тропинку к нему можно было протоптать.

Другим судьбоносным знакомством в том же 1972 году — тому же Меерсону благодаря — была встреча с Ивом Аманом, вскоре ставшим атташе французского посольства по культуре. Он, как и Марио, стал великим сплавщиком рукописей, таившихся в наших заводах, на широкий западный берег. Они были очень разными, как разными могут быть образцовый француз и типичный итальянец, один — с неизменной сигаретой Мальборо, зажигая одну от другой, чувствовал себя участником подпольной сети сопротивления, другой был сдержан, тонок, немногословен, но, как и Марио, столь же точен в обещаниях и свободен в русском, хотя и с иным акцентом. Именно он стал одним из тех «невидимок», которым Солженицын потом посвятит целую книгу. Стиль его служения русскому освобождению был менее видимым, более осмотрительным, но не менее действенным, бескорыстным и жертвенным. Марио же был несколько бесшабашен; помню, как в эту первую встречу он сказал: «Мой отец — простой работяга, но, если в Италии коммунисты захватят власть (угроза такая носилась в воздухе в 1970-х годах), мы оба возьмемся за оружие». Так нам и обещал. У Марио было четверо маленьких детей, притом в Москве он чувствовал себя немного городским партизаном.

Июль 1972 года, в Москве угнетающе жаркий, мы с Мишей провели в библиотеке, которая называлась тогда, увы, Ленинской, я — за переводом *Феноменологии и теологии* Хайдеггера, он — за фотокопиями каких-то документов, которые могли послужить ему в планируемой новой жизни. За год до того он, проникнув в рукописный отдел и найдя там рукопись Сергея Михайловича Соловьева *Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева*, кропотливо, день за днем, страницу за страницей и совершенно легальным, хотя и утомительным способом снимал с нее копии, которые сложил потом в книгу более чем в 400 страниц. По своим каналам он переправил ее в брюссельское издательство *Жизнь с Богом*, где она вскоре и вышла. Миша тоже стал невидимкой по спасению труда, о котором никто, наверное, и по сей день так бы и не узнал. Судьба самого Сергея Соловьева, позднего поэта-символиста Серебряного века, затем греко-католического священника, умершего в 1942 году в Казанской тюремной психиатрической больнице, была предельно трагичной. Да в те годы в СССР какой она еще могла быть?

Валдай. О. Амвросий

Из-за каких-то суетных дел накануне я приехал на Валдай на день позже, но этот день оказался невозстановимым, историческая оказия прокатилась мимо меня. Было воскресенье, утром после литургии в храме Илии Обыденного я дневным поездом уехал на Валдай, чтобы прибыть к вечеру. Накануне, о чем знать я, конечно, не мог, на Валдае гостил сам Высокопреосвященнейший Никодим, митрополит Ленинградский и Ладужский, в то время официально второе, а неофициально иногда даже и первое лицо Русской Церкви. Приезжал он, цитирую о. Амвросия, «с попами и со сволочью»; тогда я узнал от него первоначальное, церемониальное значение этого слова: сволочь, оказывается, — это те, чья обязанность была волочить за архиереем воскрылия его праздничного облачения. Иподиаконы, значит. А потом по скользким наклонам языка смысл этого слова от литургических воскрылий, уж так получилось, в ругательную яму скатился.

Миша, историк по образованию, с таким шипучим юмором, который нельзя было заткнуть никакой пробкой, на следующий день — владыка только что уехал — рассказывал:

ну какая там еще советская власть! Забыли о ней, и намека вчера не было. Прикатил митрополит на двух широких «Чайках»*, встретил его торжественно «губернатор» (секретарь райкома или кто-то в этом роде), принял у себя; тут, как встарь, разве что колокольного звона не было, но симфония византийская исполнялась во всю ширь и мощь. А ведь так и будет когда-нибудь. (И ведь как в воду глядел, прозорливец!) И поныне тем «и славится Валдай».

Владыка отобедал у настоятеля, изволил искупаться в озере, за ужином после всенощной лихая юная «сволочь», хватив крепкого, пошла шалить, так что до владычных ушей доносились визги не по чину и женские смехи не всегда приличного свойства. И потому в тот же вечер двое шалунов-иподиаконов были митрополитом из команды выкинуты, на чем церковная их карьера на тот момент, надо полагать, закончилась. Между тем как у самого Миши она в тот день едва было не началась, по крайней мере мелькнула и поманила. Митрополит, суровый со «сволочью», к московскому интеллигенту с признаками церковного рвения и начитанности отнесся весьма участливо. Внимательно выслушал, посочувствовал, что человеку с высшим образованием, у кого к тому же одна половинка фамилии звучала вполне церковно уместно, а другая, и здесь уж ничего не поделаешь, была Меерсон. Да и делать ничего Миша со своим меерсонством не собирался, им даже гордился, не желая опасливо прятаться за безобидной материнской фамилией Аксенов. Да, согласился митрополит, такому человеку рукоположения добиться у нас непросто, однако ни фамилия, ни университетский диплом его не смутили. Он оставил Меерсону телефон своего секретаря, просил звонить, дав понять, что с ним, если что, дела могли бы как-то устроиться, и к вечеру на своих черных «Чайках», пыль подняв на сельских дорогах, отбыл. Тем же вечером я доехал до Валдая, над которым еще не рассеялось облако владычного присутствия.

С Никодимом был еще о. Климент, рассказывал Миша, — не тот Климент, который стал управляющим патриаршими приходами в США, а потом митрополитом Калужским,

* Кто не знает, это был максимально дорогой и престижный автомобиль во времена СССР; в продажу он не поступал, но распределялся по номенклатурным каналам.

а другой Климент, наш ровесник, лет под 30, только что из США, оставивший благочестиво-номенклатурное впечатление. Быть посланным в США в те годы — надо ли кому объяснять, как оно устраивалось? Было предложено тем же митрополитом подобное устройство и о. Амвросию. Хочешь за рубеж? Поедешь, устроим, только сперва нужно будет кое с кем поговорить, кой-какую бумажку подписать, близко к сердцу не принимай, совсем формальную для начала, а за сим — «страна святых чудес», послужишь несколько лет в хорошем месте, за ней и архиерейство не за горами... Даже не очень озвучивалось, с кем придется поговорить, мол, сам не младенец.

«Страна святых чудес» и вообще Запад для о. Амвросия не были тогда расхожей метафорой. Младенцем был он душой, но никак не умом; не надо было ему объяснять, кто такие «кое-кто» и где находится «кое-где». Главная же деталь в его биографии заключалась в том, что он, русский поп и православный иеромонах, был пламенный католик (и такое изредка, но случалось в нашем духовенстве), что по прямоте своей даже не очень и таил, но Никодима это совсем не пугало, видимо, он считал это блажью, но всякую твердую веру очень ценил. Но вот, в силу той же твердости, без колебаний Амвросий ответил «нет», никаких бумажек не подписываем, ни в какое «кое-где» не пойдём, без частных разговоров «где надо» обойдемся, да и без «святых чудес» уж как-нибудь проживем. А принадлежал он между тем отнюдь не к чистоплюйной московской среде, пропитанной и перенасыщенной слухами-пересудами о гнездящейся повсюду заразе сотрудничества и стукачества. Нет, был он скорее такой коренной крестьянский мужик, сложением воин и пахарь, но жила в нем некая природная староверческая негнотость и прямота, как и ощущение нравственной черты, «ея же не преидеши».

Надо сказать, не только по части митрополичьих намеков. Помню, тем же вечером после владычного отъезда он показал нам недопитую бутылку дорогого коньяка, оставшуюся от визита, и сказал: вот, Миша, выпьешь на моих похоронах. Мол, целую жизнь проживу, но к бутылке не прикоснусь. Он знал, что за болотом сотрудничества, которое можно было и обойти, простиралось и другое, в котором увязает коготок стольких одиноких монахов, пусть даже и ревностных, от

Венеры убежавших, но Вакхом настигнутых. Не увернешься, сделаешь один шаг в его сторону, и птичке пропасть. И Амвросий держался, даже потягновения не имел.

Впрочем, похорон та бутылка, конечно же, не дождалась, мы с Мишей ей этого не позволили.

Митрополит Никодим

Раз уж зашла речь о владыке Никодиме, о котором столько потом читал и всякого наслышался, но в глаза не видел, то, думаю, завершить ее подобает свидетельством, которое слышал из первых уст. Много лет спустя познакомился я с о. Мигелем Арранцем, ныне уже покойным, в русских церковных кругах в 1960–1970 годы хорошо известным. Он был и до самой кончины своей (2008) оставался уникальным знатоком древне-византийского богослужения, которое он по приглашению того же экуменического митрополита преподавал в духовной академии в Питере да, кажется, и в Москве. За исключением тех лет, которые он провел в России, Арранц прожил жизнь в Риме в качестве профессора папских университетов по тому же византийскому предмету. По типу своему, по духовному выбору он принадлежал к числу очарованных, хотя и весьма ученых профессоров-странников, всегда держащих путь в страну своего сердца. Той страной была, понятно, Россия. В одну из встреч я даже его спросил: мы все время говорим о том, что вы делали в России и в Русской церкви, но вы же как-никак испанец. Должна же у вас быть какая-то связь с Испанией, ее святыми, ее землей? Арранц подумал и сказал: нет, пожалуй, не осталось никакой связи. Вот она, загадочная Россия: кого приманит, того уж не отпустит. И не один он был такой.

Мы встретились на одной их экуменических конференций в Кьянчано (Тоскана) в начале 2000-х и провели несколько вечеров в беседах. Со мной он с порога отверг итальянский, не желая говорить иначе, как только по-русски, легко, почти без акцента.

— Хотите, расскажу, как митрополит Никодим стал таким, каким стал, — отчаянным экуменистом и прокатоликом? Он вовсе таким не был, не родился таким. Был он традиционным православным из рязанской деревни. Ходил в сапогах, был грубоват. Еще очень молодым его назначили начальником Русской религиозной миссии в Иерусалиме...

— Вы понимаете, дон Мигель, кто в 1956 году отправляет молодого иеромонаха с подобными миссиями за рубеж?

— Ну и что? Да ладно вам, у вас в Союзе иначе было нельзя. Но Никодим отличался тем, что был все же христианин, горячий, верующий... Конечно, он был человек системы. Не любил говорить о новомучениках, всегда спорил. Но за Русскую церковь очень болел. И вот там, на Святой Земле, он сделал неожиданное для себя открытие. Увидел, что эти латиняне, ему тогда враждебные, не просто жили там, служили мессы и миссией занимались, они еще что-то всегда конкретное делали. Кому-то помогали, школы строили, больницы открывали, учредили библейский институт, словом, были социально активны. А греки православные, жившие рядом? Десятки лет текли к ним пожертвования и вклады, ну и где они? Все в молитву ушли? И с того времени Никодим стал потихоньку догадываться, что и в Западной церкви есть какая-то своя «благая часть, которая не отнимется...». Отсюда и весь экуменизм. И завершился смертью в Ватикане, у папских колен.

Как это случилось? Когда после кончины Павла VI был избран папа Лучиани (Иоанн Павел I), представители других некаатолических Церквей, как обычно в таких случаях, приехали в Рим, чтобы показаться, познакомиться, завязать контакты. Вчерашний венецианский патриарх, скорее всего, мало знал о Русской церкви и очень ждал ее представителей. Их было тогда двое: сам Никодим, отвечавший за церковную внешнюю политику, и архимандрит Лев Терпицкий, ныне Новгородский митрополит. Начало сентября, в Риме жара, помнится, такси, заказанное к нужному часу, почему-то не прибыло. Порядок, точность, сами знаете, — не римские добродетели. Никодим бросился сам ловить такси, едва поймал, и когда прибыл в Ватикан, уже опаздывал. Но чтобы в папские покои войти, надо подняться по такой круговой лестнице, некрутой, витой, ренессансно изящной, но отнюдь, если знаете, не маленькой. С больным сердцем по ней лучше не взлетать. Никодим, мужчина дородный, запыхавшись, взбежал по ней, и когда вошел в зал приемов, папа уже ждал.

Иоанн Павел I был нестрогий папа, не как Пий XII, его называли «папа смеющийся», на ожидание совсем не обиделся. Никодим вошел в зал и, обменявшись приветствиями, что-то успел папе лично сказать. Потом вынул из кармана рясы

официальную свою речь и стал ее зачитывать. О. Лев стоял по правую его руку, я по левую и переводил. И вдруг Никодим садится на пол. Ни с того ни с сего. Человек он дипломатический, верный четкому протоколу, ну как это? Папа перед ним стоит, а Никодим молча сидит на полу? И начинает рыскать по карманам подрясника, ищет таблетки, находит, но рука его уже не слушается, таблетки летят на пол. Папа бросается ему на помощь, и несколько секунд они оба ползают по полу на коленях, шарят руками, собирая то, что рассыпалось. Впрочем, нет, смотрю, ползает уже один папа. У Никодима глаза закрыты, помертвевшее лицо, он не сидит, он заваливается на бок, а папа все собирает таблетки, шарит по полу руками. «Ваше Святейшество, говорю, посмотрите, уже ничего не надо, не ищите, оставьте, все бесполезно». Папа потрясен. «И надо же, надо же, именно со мной такое должно было случиться!» Потом встает на ноги и читает молитву по памяти на исход души. Митрополит не дышит. Иоанн Павел Первый, как знаете, по не очень ясным причинам умрет через месяц в своей постели.

Валдайский эпилог

На этом завершается тема, касающаяся митрополита Никодима; мне это было доверено, и надо было рассказать. Никому никогда Арранц не рассказывал того, что еще успел сказать митрополит папе сверх программы. Только события. Разумеется, не один я слышал этот рассказ. Но в том, что я читал у других, не было нескольких деталей. И, думаю, показалось не лишним его повторить.

На Валдае, скажу на прощанье, пробыли мы еще несколько дней. До сих пор жалею, что их было так мало. Помню дивные гуляния на лодках по озерам, впадающим одно в другое, разговоры о философии, даже помню какие, с предвкушением всех тех пирогов, которые должно было преподнести нам будущее, хотя только настоящее и было прекрасно. Вспоминаю наши мужские игры на плоту, на котором мы боролись с о. Амвросием, и он, былинный богатырь, сбрасывал нас с него в озеро (хотя и мы были уж не совсем слабаки).

Не знаю, как сложилась его судьба, хотел бы узнать. Слышал, что горячее его католичество с ежедневным служением мессы и еще литургии по воскресеньям и праздникам потом несколько остыло; он как-то протрезвел, ощутил себя

православным русским попом, хотя и от первой любви своей не отказавшимся. Последняя наша встреча была летом 1990 года в Брюсселе, в доме издательства *Жизнь с Богом*, где он в то время гостевал. (А весной, в апреле, я в последний раз встретил там о. Александра Меня, заезжавшего туда на один день.) Сразу почувствовалось, что между Амвросием и хозяевами дома (отцами Антонием Ильцем и Кириллом Козиной, а также Ириной Михайловной Посновой) установился не то что холодок, но даже нечто взаимовраждебное, особенно со стороны отцов, всегда доброжелательных обитателей *Жизни с Богом*, и это было странно и непонятно. За трапезой тяжело молчали. Потом мы с о. Амвросием гуляли по Брюсселю, и он мне объяснял, что и здесь, на Западе, все не так, а в издательстве как-то не так особенно. Что именно не так, не помню, но у меня перед глазами стояли ящики его письменного стола, плотно набитые жизни-с-боговскими книгами, которыми он до того невероятно гордился, что читать давал только дома (они, впрочем, были достижимы и в Москве). И вот он здесь впервые, в самом логове, бывшем для него святая святых. И шок разочарования.

Потом он переехал в Литву, оставаясь православным настоятелем, но там дела пошли еще хуже. В какую-то он попал историю (а в честности его и безусловном целомудрии я уверен). Оказался на несколько лет в тюрьме, тюрьме не советской, но свободной католической Литвы, а потом снова в Новгородской области, затем в Петербурге, где наконец окончательно перешел в католичество восточного обряда, с которого, вероятно, ему и надо было начинать. Впрочем, это стало возможным только в свободной России после 1990 года.

После Валдая Меерсон позвал меня в Литву, к патеру.

Крест-солнышко, или Дом со сказкой внутри.

О. Станисловас Добровольскис (1918–2005)

Точкой отсчета для моего мысленного возвращения в этот дом станет, пожалуй, даже не август 1972 года, хотя он запомнился во всех деталях, но тот январь десятилетием позже, когда мы с женой и двумя нашими девочками, 4 и 7 лет, уехали ночным поездом из Москвы в Вильнюс. Как оказалось, именно в тот самый день, 19 января 1983 года, в Париже, в русском издательстве *La Presse Libre*, вышла моя книжка «Приходящие

в Церковь», уже с середины ноября наделавшая немало шума в эфире. Тотчас после ухода Брежнева и воцарения Андропова сразу три главных западных радиоголоса («Голос Америки», «Немецкая волна», «Свобода») набросились на нее как на свою законную лакомую добычу и, автора не спросяся, принялись рвать ее на части, урча от удовольствия. Большими эфирными кусками они запускали ее в страну, где только что был резко взвинчен режим непримиримой идейной строгости и закручивания жестких гаек всяческой дисциплины. Сесть в поезд и отправиться в чужедальний милый город было тогда жестом свободы, которой, казалось, оставалось на самом доньшке.

В Вильнюсе мы погостили три дня в чудном общении с Наталией Леонидовной Трауберг и Андреем Касьяненко, а затем через Каунас или Паневежис стали добираться до места назначения, упрятанного где-то в глубинке Литвы. Это было единственное место на земле, куда можно было вот так, не предупредив, прийти и на несколько дней поселиться, зная, что найдешь кров и приют и что визит твой — одного или даже с семейством — будет всегда ко двору.

Было темно, когда автобус высадил нас на какой-то безлюдной остановке; вдали негостеприимно и неприветливо белела заснеженная равнина, по которой через поземку как-то надо было добираться (как — я не знал); дети скулили, а до нужного места, как выяснилось, оставалось еще несколько километров. Никаких такси среди равнины не было и в помине, народ же в автобусе, по большей части крестьянский, говоривший по-русски с усилием и неприветливо, даже на слова «клебонас Станисловас Добровольскис» не спешил откликаться. Так мы стояли, раздумывая, среди начинающейся метели, положившись на волю Божию, как она незамедлительно послала нам из темноты провожатого из местных на старой, малой, беспомощно тарахтящей машине, почти нас не понимавшего, но на имя «Станисловас» отзывавшегося кивком головы и широкой улыбкой. Минут через сорок мы уже стучались в его дверь. Открыл нам хозяин дома, раскрасневшийся, почему-то радостный, извиняясь, что заставил нас ждать (не более 3 минут), поскольку был, извините, в бане и стука не слышал. И тотчас вместе с воздухом натопленной печи нас обдала какая-то физически ощутимая волна добра,

и мы тотчас поняли, что попали именно туда, куда намеревались и мечтали попасть.

Разумеется, тогда у нас не было и быть не могло никаких предварительных договоренностей, неотъемлемых от цивилизованного стиля жизни. Для меня сегодняшнего было бы непредставимо и дико вот так запросто отправиться почти на другой конец света к человеку, формально мало знакомому (он даже не знал имени моего, как почти никого из своих посетителей), да еще с семьей и на ночь глядя. «А будет ли твой патер дома?» — спросил я Мишу Аксенова-Меерсона, когда мы впервые направлялись к нему в августе 1972 года, пересекая цветущий луг. «А он всегда дома, — многозначительно прищурившись, ответил будущий о. Михаил, — как привратник Царства Небесного».

«Быть дома» составляло для о. Станислава незыблемый церковный принцип, словно вписанный в священническую присягу; «охоту к перемене мест» он считал для себя грехом (обозначая его особым латинским термином), для пастыря недопустимым. Но понятие «дом» не сводилось лишь к жесткой лежанке, обеденному столу и библиотеке с примыкающей к ней мастерской. В «круг дома» он сумел заключить не только бедную свою церковь, но и кладбище через километр, им опекаемое, и лес, скрывавший когда-то «лесных братьев», и речку, протекавшую поблизости, как и людей, обитавших неподалеку. Достаточно было провести день рядом с ним, чтобы ощутить «дом» как некий обжитый, лично им обустроенный фрагмент творения, согретый не только присутствием настоятеля храма, но и небесного отечества, казалось, зримо приблизившегося к его жилищу.

Пабярже (Подберезье по-русски) — так назывался хутор, где обитал «привратник» и еще несколько семейств по соседству — было по сути местом его мягкой ссылки. Францисканского проповедника и бывшего зэка, привлекавшего в соборе в Каунасе слишком много людей, было решено — так рассказывали — задвинуть подальше. По иронии же судьбы именно Пабярже оказалось одним из очагов восстания 1863 года и тем самым некой местной полутайной святыней, охотно посещаемой тогда хранителями национальной памяти. Патриотизм для о. Станислава служил, по крылатому выражению, «страной миссии», и в то же время он всячески противился

его органическому слиянию с христианством. В основе его веры и служения стоял не литовско-римский католицизм как таковой, но Христос вселенский, хотя и вросший в родную почву, но отнюдь не растворившийся в ней, вполне от нее отделимый, существующий повсюду.

Позднее, уже в годы независимой Литвы, когда о. Станисловаса перевели на видное место обратно в Каунас, не приходилось слышать, что с патером творится непонятное, проповеди свои он печатает в коммунистической газетке, не одобряет реституции церковной собственности, да и вообще все почвенное, национальное не очень приветствует. Он, духовного сопротивления символ, от этой видной должности отказался. Слишком изгой, чуть ли не русский, слишком православный, юродивый, бесребреник, князь Мышкин какой-то. Я не знал его в ту пору, могу лишь предположить, что на свободе в нем сильнее заговорило присущее ему неприятие христианства в качестве особо почетной части национального возрождения, в том числе и церковно-материального, торжествующего в новых храмах, процессиях, присягах, приемах, освящении знамен. Все это было не его. Еще раньше, в тесные времена, когда до всякого возрождения еще было бесконечно далеко, многое казалось ему в этой религиозности, смешанной с народностью, как он говорил, «паганизмом», смягчая пилюлю своей удивительной улыбкой.

В избе-гостиной, где обедали, а иногда и жили приезжие, если их было много, рядом с изображением дальнего его предшественника, о. Антанаса Мацкявичюса, повешенного после восстания 1863 года, и большой фотографией Солженицына всякий посетитель мог с изумлением увидеть портреты Сталина и Муравьева-вешателя, двух, цитирую хозяина дома, «главных врагов Литвы». Думаю, что это невозможное ни в каком ином месте сочетание лиц и имен было не только курьезом (какая-то «юродивинка» всегда была в характере патера), но и неким знаком если не достигнутого мира, то исцеления от «героической непримиримости», затаившейся в сердце его паствы, народа, страны. Наверное, на свободе вместе с отпущенной, но ранее запрещенной францисканской бородой (борода подпадала под закон о ликвидации католического монашества в Литве, действовавшего, кажется, еще с 1864 года) у него появился дух сопротивления пафосу

сопротивления, на этот раз наконец победившему, уверенному в себе и ликующему, патер же наш по чудачеству своему всегда был на стороне исторически проигравших.

В те годы, когда я бывал у него, беседа с ним была скорее некоторой роскошью. Как правило, он углубленно общался со своими гостями лишь по разу, всегда вне дома, полного всеслышащих ушей (о чем он не забывал), ибо такое общение с глазу на глаз входило в канон его гостеприимства. Оно не давалось ему даром; время от времени литовская бдительность, разумеется, посылала к нему товарищей для бесед с угрозами, к которым он, впрочем, привык. О подобных визитах патер никогда не рассказывал. (Мне довелось видеть один из них издали.) Если же кто-то стороной узнавал о них, он успокаивал встревоженных посетителей: «Ничего, не беспокойтесь, я сам все это раскрутил и буду держать».

В обычное же время его можно было увидеть за каким-либо делом, ибо он никогда не бывал праздным и не терпел (хотя и не показывал этого) праздности в других. Разноязычное племя богоискателей (из интеллигенции литовской, русской, разной, из любопытствующих, паломников, странников, кришнаитов, наркоманов и прочих), посещавшее его, главным делом своим всегда почитало душевный, до третьих петухов, разговор обо всем на свете, особенно о духовном, с чем патер поневоле смирялся с присущей ему обаятельной кротостью, хотя разговоры могли происходить и в двух шагах от его двери. Лишь однажды я видел его выведенным из себя; после трехчасового навязанного ему спора он, где-то на рассвете, проведив соотечественника, возопил к небу по-русски: «О, Будда проклятая, сколько же ты душ увела!» Сам же следовал своему твердому, по минутам рассчитанному распорядку, почти возведенному в культ, который не мог изменить даже арест. Ложился рано, каждой ночью поднимался ровно в два часа, в любую погоду шел в храм служить полунощницу, после чего досыпал еще пару часов. «Хвала Богу, — говорил он, поднимая к небу глаза, — как только голова моя на подушке, я уже сплю».

О. Станисловас (в миру Альгирдас Миколас) отсидел положенные ему режимом 10 лет, но в два приема — 8,5 + 1,5; последний срок по той же статье 58-10 — самый трудный был для него довесок — за счет пожалованной при Хрущеве,

а затем им же в отношении особо упорных «религиозников» отмененной реабилитации. В лагере, как говорил мне Меерсон, каждую ночь патер служил мессу на нарах под бушлатом. Мне почему-то ясно видится эта сцена. Кругом хрипы, храпы, вскрики во сне, кто-то режется в карты, махорочный дым, блатной разговор, приблатненный мат, и в это время некто, едва ли кем-то замеченный или слышимый, шепчет: *Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis. Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, dona nobis pacem*. В лагере он выучил русский язык, а в 1956 году, возвращаясь из Сибири, впервые увидел Москву. Больше он в нее не возвращался. Годы спустя, встречая московских гостей, приговаривал: «Бедные вы, бедные, как вы там живете в этом Вавилоне?!»

Дома в будние дни, когда не было местных прихожан, он неизменно служил по-латыни, всегда по-старому, лицом к алтарю, и слегка сетовал на Рим, который упрощает мессу, сокращает службы и требует перехода на местный язык; патер умел примирять свой старорежимный латинизм с безусловным повиновением иерархии. Он никогда никого не приглашал на свое служение, те из гостей, кто хотел присутствовать, приходили сами для того, чтобы стать соучастниками или лишь наблюдателями его молитвы.

В храме, скорее неказистом, напоминающем большой деревянный амбар, было три алтаря, и в будни месса служилась на одном из боковых. Образ его служения, если бы все воспоминания о патере нужно было собрать в одно, ярче всего сохранился во мне в утреннем луче сентябрьского солнца, струившегося над Чашей, а вокруг — «ветхозаветный дым на сырых алтарях». Из этого луча был слышен страстный (страдальческий) шепот, словно служба была каким-то секретным делом между ним и Богом, не просто произносящий положенные слова, но и вправду умоляющий об освящении хлеба и вина. Со мной тогда был писатель Феликс Светов, никакой слабости к католицизму не питавший, но оба мы ощущали, что словно присутствуем при таинстве пасхальной вечери перед Голгофой.

Hoc est enim Corpus Meum quod pro vobis tradetur... Hic est enim calix sanguines mei novi ed aeterni testamenti, qui pro vobis et pro multis effundetur in remissionem peccatorum...

Мы смотрели и внимали словам пресуществления с огромным сопереживанием и соучастием, но с отчетливым

сознанием, что соучаствуем в нем лишь со стороны, с иного дальнего берега. Мятащимся или критически настроенным православным, приезжавшим к нему с уже готовой одой католичеству на устах, он всегда повторял: зачем вам любить чужое, научитесь любить свое. И добавлял, улыбаясь, с ностальгическим «экуменическим» вздохом: «...сокровище Иоанново!»

Казалось, где-то на глубине его веры таилась некая эсхатологическая протяженность или натяженность, не в том смысле, что конец света уже совсем рядом, а в том, что конец и теперь здесь, что Христос грядет, что смерть и воскресение Его — в ежедневно приносимой евхаристической жертве. И наш путь — всегда ожидание, которое уже сейчас исполняется в этой жизни, идущей к смерти в чаянии воскресения.

Mortem tuam annuntiamus, Domine, et tuam resurrectionem confitemus, donec venias.

«Доколе Ты не придешь».

После мессы патер — но только если его заранее о том просили — читал проповеди, которые называл «конференциями». Он садился рядом со слушателями, уходил в себя и как бы начинал размышлять вслух приглушенным, но очень ясным голосом с легким литовским акцентом. Наверное, в нем было что-то от «старца»; во время «конференций» или частных бесед он безо всякого вопроса мог откликнуться на невысказанное вопрошание собеседника. С тех пор я слышал множество проповедей, сам произнес их не одну сотню, но почему-то все они остались в памяти скорее каким-то облаком или настроением, чем ясным посланием, а вот патеровы медитации запомнились. В них был твердый стержень, не только духовный, но и логический.

Одна из конференций 1972 года, хорошо помню, была о Творце «видимым же всем и невидимым» (он так и произносил это по-славянски). А затем на несколько минут обратился к созерцанию непреложности и «богоустановленности» этой связи, которой держится тварный, задуманный, сочлененный в гармонии Господом мир. Поддержание ее было для него религиозным долгом перед невидимым, ибо все видимое и доверенное ему — храм, молитва, дом, одежда, работа, само тело, которое он собирался вернуть Господу в максимальном порядке, — должно было служить отражением некого изначального Божьего замысла.

Отслужив, он завтракал один (гости, как правило, еще спали) и отправлялся на работу. Работой было, если не случалось вызовов, визитов, посещений больных и всяких треб, того, что неотъемлемо от жизни приходского священника, также и изготовление крестов в виде солнышек, ангелочков, статуй и прочих металлических или деревянных изделий, которые он дарил всем без исключения своим посетителям. Его солнышки и сегодня освещают своими медными лучами множество рассеянных теперь уже по всей планете домов. Упорство в изготовлении их было для меня поначалу не совсем понятным. Ему приносили старые медные кастрюли, он начищал их до такого блеска, что они сами начинали светиться, и покрывал ими стены. Может быть, о. Станислав стремился сделать свой дом и мир вокруг него неким подобием старых, ушедших в сказку времен, чтобы эта сказка могла разлетаться повсюду вместе с его гостями.

В два часа дня ровно он варил себе и приезжим наваристый суп, содержащий в себе, кажется, все продукты, которые приносили ему прихожане, и больше уже ничего не ел до следующего завтрака. Изредка приезжие, которые беспрепятственно могли пользоваться его припасами, уговаривали его выпить с ними чай где-нибудь около пяти вечера, и он, уступая атмосфере общения, для себя считал это небольшой изменой своей аскезе. Вечера он проводил за чтением, у него была неплохая богословская библиотека, из которой он всем одалживал книги для чтения, не рассчитывая особенно на отдачу. Кто-то подарил ему всю *Церковную догматику* Карла Барта по-немецки, и он, взявшись за чтение, сказал мне однажды, что никогда не читал ничего прекрасней, видимо, пропуская мимо ушей все антикатолические выпады великого и темпераментного кальвиниста. Когда я посетил его в последний раз, весь могучий 12-томник убористого шрифта был прочитан, и патер признался, что готов начать читать его заново. Наверное, он был единственным человеком в Литве, если не во всем СССР, который прочел целиком столь необъятное сочинение.

Времена менялись, в последний мой наезд он заговорил о возможном визите в Москву Иоанна-Павла II в дни тысячелетия Крещения Руси. Тогда еще оно было скорее государственным мероприятием, и Русская церковь не могла бы прекословить кесарю. «Он должен, должен приехать, — повторял

о. Станислав, — но не по-папски, окруженный журналистами и собирающий толпы, но как паломник, один среди многих, в толпе других. Нигде не выступать, ничего не говорить. Безмолвно. А перед отъездом в аэропорту произнести лишь одну фразу: «Я приезжал поклониться памяти христианских мучеников этой земли». И больше ни слова».

Между 1972 и 1988 годами я побывал у него раз, наверное, восемь или девять. Привозил к нему друзей, проводил дня два-три, бродил в окрестностях его дома, и как-то само собой сложилось ощущение, что все, что окружало о. Станислава, казалось продолжением его трудов, эманацией его духа. Через пути, которые вели в Пабярже, казалось, пробивалась какая-то особая теплота Божия, по-своему воплощенная в загадочно обаятельной личности ее хранителя. Я понял секрет подаренных им крестов: они разносили воздух его мира (мира и мира), включали нас в круг созданной им ойкумены. И по сей день не только память о Пабярже, но и вся Литва для меня, как и для стольких других, словно «отсвечивает» патером и домом его со сказкой внутри, со странным его «Авраамовым» страннолюбием. От них, помимо памяти, остались у меня подаренное им деревянное изображение Христа в темнице и крест-солнышко вместе с двумя ангелочками, все так же призывно трубящими в свои герольдовы трубы на стене брешинского нашего жилища.

Mortem tuam annuntiamus, Domine, et tuam resurrectionem confitemus, donec venias.

«Смерть Твою возвещаем, Господи, и воскресение Твое исповедуем, ожидая пришествия Твоего».

Литва

Так получилось, что Россия, с которой Миша собирался прощаться, плавно перетекла в Литву, куда мы отправились в небольшой городок Титувенай, не имея особой цели, кроме отдыха между двумя марафонами. Здесь можно было задержаться. Почему именно в Титувенай, обычный литовский поселок с немногим более чем 3 тысячи жителей, мне до сих пор неведомо. Меерсон был тогда влюблен в Литву, даже и в каменных объятиях Советского Союза она была все же больше Европой, причем Европой христианской, и тихо, но твердо сопротивляющейся, что мы как-то сразу почувствовали.

Задолго до того, когда еще не могло быть и речи об отъезде, он даже подумывал туда переселиться. Впрочем, это была чисто романтическая идея, потому что жизнь в Литве была той же эмиграцией, причем неразумнейшей из всех. Мир вокруг был бы иным, дальним, но власть та же, причем здесь она могла быть еще даже жестче, приглядчивей, к чужакам особенно. Плюс одиночество, которое в национально настроенной Литве ощущалось бы, пожалуй, острее, чем на широком космополитическом Западе. Литва, казалось, хотела быть понезаметней, спрятаться от режима, оставаясь сама собой. Но какое там! Когда я видел развешанные всюду транспаранты, где литовцы поздравляли себя со всякими советскими радостями, мне всегда приходила в голову озорная мысль: а не написать ли на этих красных полотнищах: дорогие московские товарищи, идите отсюда туда, куда любите всех посылать, мы свой язык о ваши лозунги пачкать не будем; все равно ведь товарищи по-литовски не понимают, пиши что хочешь. Миша привил и мне любовь к Литве, и она осталась со мной, хотя так я ни разу не побывал там, наверное, с конца 1980-х годов. Но с того 1972 года у меня начались особые отношения с ней, которые, в общем, продолжаютсЯ до сих пор, только мысленно.

Я пробегаю по главным вехам этого «романа».

Две сюжетные линии связаны у меня с Литвой: сентиментальная и диссидентская. В первой половине 1970-х годов ко мне регулярно поступала *Хроника Литовской Католической Церкви*, которую я сразу передавал Марио Корти, и она мгновенно в дипломатическом секретном потоке улетала в Европу. Однажды моя жена Наташа даже ездила за этой хроникой в Литву по указанному ей адресу и привезла ее, спрятав на теле. Литовцы в этом деле очень ценили помощь русских. В 1970-х годах, когда я ездил к патеру, Вильнюс всякий раз обволакивал меня своей аурой. Как человек, особо чувствующий запах тайн, я уловил его и здесь. Но это была чужая тайна, которую так точно уловил *Литовский дивертисмент* Бродского. Когда несколько лет назад я работал в библиотеке Католического университета в Милане, то, дважды в неделю проходя мимо храма святителя Николая, заходил туда на несколько минут, ощущая себя в Вильнюсе. Похожий храм я помнил и там.

В 1977 году в Паневежисе на пути к патеру мы с Наташей зашли невзначай в католическую церковь и были

ошеломлены: в храме после мессы над алтарем развернули экран и на нем проецировали *Иисуса из Назарета* Франко Дзеффирелли. Фильм появился совсем недавно, но транслировался уже здесь в переводе на литовский. А было это не когда-нибудь, а 7 ноября, из всех советских дней краснейший, а в год 60-летия советской власти прямо пунцовый, и положенная на тот случай красноречивая демонстрация проходила рядом, в нескольких метрах от храма. Мы досмотрели фильм до конца и потом обменялись несколькими словами с молодым священником. Ни в одном храме на территории России, сказали мы, невозможно и представить себе нечто подобное, да еще в такой день. И не только в такой. Настоятель улыбнулся, по-моему, кажется, даже не поняв, о чем тут беспокоиться.

В году 1983-м я привозил в Литву одному писателю, бывшему сидельцу (забыл фамилию), чемодан с его архивом, который в строгом секрете хранился в Москве, а потом молился на коленях перед образом Остробрамской Богоматери, соединяющей в Себе две Церкви и две традиции. Хотелось верить, что именно Она может разогнать тучи, собравшиеся тогда над моей головой. И они развеялись.

Летом 1987 года после коллективного письма Горбачеву в защиту свободы Церкви, где я был одним из участников, я приезжал в Литву, чтобы помочь составить подобное письмо от имени литовских религиозных диссидентов. Письмо было составлено, судьбу его я не знаю, но события, как мы помним, развивались так быстро, что вскоре уже и письма не понадобились.

Последнее мое свидание с Литвой связано со словами пастера, взиравшего на перестройку: рушится империя, рушится навсегда. А когда разрушилась, я писал о Литве в *Русской мысли*, но глазами свободной ее, увы, не увидел.

Титувенай.

О. Ричардас, о. Витовтас. Наталия Трауберг

В Титувенай мы легко сняли комнату и пошли по другому, углубленному кругу общения, а также Мишиной школы молитвы и медитации. Первый круг был прочерчен на Валдае. Женщина, которая нам ее сдала, работала, по крайней мере летом, на выдаче лодок для катания на озере. Хотя в городке,

кроме нас, никаких туристов, похоже, не было. Муж ее был занят тоже на похожей подсобной работе, их статная дочка училась в университете, но что удивило тогда, что при таких скромных доходах это семейство строило большой двухэтажный дом из белого кирпича. И не только оно, подобные дома росли повсюду. Все здесь строилось, держалось, крепло, и несмотря на то, что в этом не было ни малейшего политического оттенка, а только забота о себе, своих детях, своем устройении на земле, само это упорное строительство несло в себе какой-то элемент сопротивления стоявшему на дворе режиму. Вы себе строите ваш русский коммунизм, а мы построим себе наш литовский дом, который и правнукам пригодится.

Еще сильнее этот дух чувствовался в местном католическом храме. Он был внушительных размеров, в стиле барокко и в отличном состоянии. Священников было двое: о. Ричардас, настоятель, и о. Витовтас, викарий. Ричардас, где-то под сорок, весь дышал энергией, деловитостью, напором. Всегда с ослепительной улыбкой, бодрый, радующийся жизни, дом его — он жил с матерью — был полная чаша всего. И даже переполненная; на стенах висела великолепная коллекция картин, даже два подлинных Айвазовских. Он любил выставять свой успех и достаток. Наряду с местным партийным начальником он был одним из двух людей в поселке, с личным телефоном и автомобилем «Волга». К тому же как интеллигент он немного склонялся и к диссидентству; на его проповеди, которая непрерывным потоком лилась не менее сорока минут, мы с Мишей поняли только слова «экзистенциализм», «томизмус», «марксизмус», «трандсцендентализмус»... Потом спросили: как это вы, достопочтимый о. Ричардас, решаетесь подобное говорить и что народ в этих терминах понимает? А мы стараемся приобщить его к сокровищам Вселенской Церкви, последовал бодрый ответ. Чтобы избавить от ощущения, что люди в дыре живут. Конец его, увы, оказался неожиданно трагичен. Через несколько лет, как я слышал, его дом с картинами был ограблен, а сам он убит.

О. Витовтас, приблизительно того же возраста, казался совершенной противоположностью. Жил он в какой-то почти конуре и тоже с матерью, но никакого имущества не имел. Скорее всего, он ничего не знал про томизмус-экзистенциализмус, выглядел немного мешковатым увальнем, ходил, в отличие от

всегда носившегося Ричардаса, медленно, но при этом, даже когда молчал, источал какое-то особое, напоенное любовью к каждому смирение. По-русски говорил с трудом, и вообще говорить ему было особенно не о чем, но редко и во всю последующую жизнь приходилось мне встречать людей, столь полных теплотой, исходившей от него и без всякого разговора. Какой-то след ее до сих пор сохранился во мне. Помню, рассказывал он, как однажды побывал в Москве, видимо, во второй половине 1960-х, где его вдруг на следующий же день арестовали. Преступление его состояло в том, что утром в номере своей гостиницы один для себя он отслужил свою латинскую мессу, о чем в гостинице сразу проводали, и о. Витовтаса препроводили в милицию для допроса. За что, не мог он понять, я это делаю каждый день, где бы ни находился... Уж не знаю, как он сумел объяснить этой неродной ему советской милиции, но был в конце концов с угрозами отпущен. И больше в страну Большого брата, естественно, уж ни ногой.

В Титувенай тогда же, в августе 1972 года, приехала Наталия Леонидовна Трауберг с сыном Томасом и дочкой Марией-Францишкой, в просторечии почему-то всегда Лялькой. Томас, в свои 15 лет, на мир и на нас поглядывал несколько снисходительно, с выражением «нет, я не Байрон, я другой», и Лялька, в 14, словно пребывала в раковине своего расцветающего девичества. Наташа, чья судьба всю жизнь своими волнами перегоняла ее то из Вильнюса в Москву, то из Москвы в Вильнюс, была овееяна каким-то цветущим обаянием, которое летало вместе с ней, причем летало так быстро, что перегоняло слова. Вы ощущали его раньше, чем она называла свое имя.

Впрочем, не знаю, кому его надо было называть, оно словно неслоь впереди нее. Так и тогда, в августе 1972 года, в городке Титувенай она вышла к нам навстречу, расцеловалась с Мишей, как со старым знакомым, и тотчас заговорила с ним и со мной, словно мы только вчера расстались. Тогда я видел ее в первый раз. Ее речь никогда не отделялась от нее, она была немного танцующей, выющейся на грани шуток и интимного признания, при этом самоироничной, стихийно артистической, но по-своему очень точной и тонкой, очаровывающей собеседника и вместе с тем не пускающей его слишком близко, держащей на расстоянии. Эта речь не стремилась в привычном смысле быть коммуникативной, то

есть не была построена по принципу диалога, от которого и она что-то могла получить, но являла собой совершающееся на глазах творчество, где собеседник приглашался к участию, восхищению и погружению в обволакивающее облако слов...

Она была великолепной переводчицей, написанные ею слова как-то всегда вкусно пахли, еще ароматнее, чем сказанные. Переводила она в основном испанские романы, они ее в основном кормили, но также и с французского, итальянского, возможно, и португальского, однако сердце ее принадлежало всему английскому. Каждая ее фраза, как написанная, так и устная, словно обладала вкусовыми ощущениями; будучи импровизированной, она казалась приготовленной заранее. Впрочем, говорить о своих переводах НЛТ не очень любила, она предпочитала рассказывать что-то новое, всегда ее восхищавшее, о Льюисе и Честертоне, которых переводила даром, ради служения Церкви и обществу, и при всяком слове вовремя или не вовремя вспоминала их и цитировала. Эти авторы шли у нее сразу вслед за Священным Писанием.

Но в тот раз, помню, она тотчас заговорила о Платоне. Только что вышел третий том из его четырехтомника, мы оба прочли тогда «Государство», и оно стало темой первой встречи... Вспоминая многие разговоры с ней, я воспроизвожу отдельные фразы, афоризмы, артистизмы, интонации. В запасах моей памяти встречи, разговоры, речи ее, от которых остался чудный запах, но не всегда четкий смысл.

От Титувеная осталось воспоминание о страшной грозе, которая настигла нас, когда мы возвращались в нашу избу, вероятно, от той же Наташи Трауберг. Никогда у меня ни до, ни после не возникало ощущения, что небо всерьез вознамерилось нас убить. Гром громыхал так, как будто мы с ним мечемся в одном бомбоубежище под бомбами, но убежища как раз не было, молнии падали рядом, только не попадали: вот, казалось, прицелятся получше, и разнесет нас в щепки. Мы кричали, молясь. И были услышаны, добежали.

Псков.

О. Сергей Желудков. Н.Я. Мандельштам

Потом через Каунас отправились во Псков. В Каунасе посмотрели «Ромео и Джульетту» того же Дзеффирелли, только что вышедшую на экран. «Священник оказался трусом, в этом

все дело, — изрек Меерсон. — Разве не он обрек Джульетту на смерть?» Через 16 лет оказавшись на Piazza dell'Erbe (Площади трав) в Вероне, где происходило главное действие фильма, я должен был признать, что в кино искусство режиссера сделало ее мощнее и прекраснее. Там площадь была широка, декоративна, звала вас в эпоху Ренессанса; а в нынешней, как, несомненно, и в той жизни, — покорена суете, заполнена туристами, барами, торговыми точками. О ней лучше узнать из фильма, чем увидеть живьем.

Во Псков мы ехали ночным поездом, естественно, в общем вагоне на верхних полках. Весь вагон, включая и Меерсона, заснул как по приказу, несмотря на хождения, полусвет, неудобства плацкарта. Я же в поездах без снотворного не сплю, с юности начиная, и ночь провел, любуясь прекрасной соседкой, спящей наискосок. Псков я всегда любил, бывал там много раз; в те годы, не знаю, как сейчас, он всегда начинался с роскошной лужи в ширину всей привокзальной площади. Вспоминаю о той луже не без ностальгии. Этот был плотный день; после литургии в соборе мы прошли по реке Великой, съездили во Псковско-Печерский монастырь, осмотрели Печоры, а вечером оказались в доме о. Сергия Желудкова, жившего на самой окраине Пскова, в пригороде по имени Любятново.

Любятново — отмеченное в истории место. По преданию, его посетил Иван Грозный, шедший из уже разоренного им Новгорода, чтобы утопить в крови и Псков. Но царь был отменно благочестив, прежде чем топить в крови, он вставал на молитву и молился истово. И вот на той молитве перед иконой Богоматери, которая получит имя Любятновской, Она будто бы велела ему притупить мечи своим воинам и Псков пощадить. Даже икона, если не ошибаюсь, есть такая: «Притупите мечи». Сейчас в этом храме (скорее, в том, что стоял на его месте) много лет — уже десятилетий — служит давний мой добрый знакомый, о. Владимир Попов.

О. Сергия, как и о. Станислава, не надо было предупреждать о визите. К тому же у него, кажется, тогда не было телефона. И он также не удивлялся неожиданным визитам, он от них только расцветал. Когда мы вошли, отец Сергей как раз принимал гостей. Напротив него сидела Надежда Яковлевна Мандельштам, которую до того ни Миша, ни я никогда

не видели, но узнали сразу. Напротив нее сидел высокий прямой старик, в котором, хоть был он в тертом советском пиджаке, сразу угадывалось духовное сословие.

Наш приход не прервал их беседы; старик, как выяснилось, был диаконом из Сибири, но не обычным диаконом, а непоминающим, катакомбным. Он рассказывал, как осенью 1927 года, узнав о Декларации митрополита Сергия, община отрядила его в Москву на встречу с митрополитом, чьи покои располагались тогда в тесной квартирке. Высокий иерарх, как ни странно, сразу же принял сибирского посланца. Тот от лица общины попросил показать ему Декларацию и потребовал (!) отлады разъяснений. Зажатый, затравленный, но все же князь Церкви и официально первое в ней лицо, он смиренно подчинился, ушел в комнатку, покопался в конторке и вынес ему мятую слеповатую копию: вот-вот, ее вы можете взять. О. Сергий Желудков, хотя сам был из вольномыслящих и диссидентствующих, испытывал непритворную симпатию к митрополиту, в то время заместителю Местоблюстителя Патриаршего Престола. Он умилился его смирению, но диакон, кажется, умилению не поддавался, бумажку принял, а Декларацию как таковую нет, заплатив потом за свое непримиримое стояние, как почти поголовно все непоминающие, многими годами каторги.

Надежда Яковлевна, казалось, явно любовалась на него, что было, как все знали, совсем несвойственно колючему ее характеру. Он был совсем не ее круга, что ей скорее нравилось. «Бывает же достойная старость», — сказала она тихо о. Сергию, кивнув на диакона. Тот, конечно, ничего не слышал ни о ней, ни о ее муже. На его прямой вопрос, кто она, чеканно ответила: «Я — вдова великого русского поэта, мальчишки, — кивок в нашу сторону, хотя ни одного из нас она никогда не видела, — расскажут вам, какой это был громадный поэт. Его взяли в 1938 году, а через несколько месяцев бросили в общую яму с биркой на ноге».

Мы сидели молча и поодаль, внимая почтительно, но в какой-то момент Миша вломился в разговор буквально напролом, с той смелостью, с какой человек ввязывается в дело заведомо рискованное. Оба мы знали, что язык Надежды Яковлевны и всегда остр, порой ядовит, уж тем более по отношению к «московским мальчишкам», каких она привыкла — всерьез ли, в шутку — хлестать как крапивой. Я тогда не проронил ни

слова, удивляясь Мишиной смелости. Совсем недавно мы, каждый порознь, прочли первый том ее *Воспоминаний* и, хотя в общем все это мы как-то знали, были потрясены. Она сумела передать это ощущение жизни на воле, из которой был выкачан воздух и накачан страх. Вот об этом мой друг и решил ей рассказать при молчаливом моем соучастии. И по сей день считаю ее книги классикой о советском времени.

Это была первая моя встреча с о. Сергием, за которой последовало множество других. Он часто приезжал в Москву, вообще был очень подвижен, и главной деятельностью его на то время была заведенная им переписка о поиске смысла жизни и смысла веры. Она называлась «В пути». К этому пути он очень хотел привлечь «героических агностиков» в качестве «анонимных христиан», всегда предоставляя им особое место. В качестве такового в ней подвизался Кронид Любарский, человек талантливый, не только как физик, но и полемист, прошедший пять лет в лагере в качестве «узника совести» и только недавно вышедший, за что был безмерно о. Сергием уважаем. Кронид даже отвергал двусмысленный чин агностика, отстаивая свое право называться твердым атеистом.

Консервативный, то есть традиционный, голос принадлежал о. Павлу Адельгейму, с ним как раз о. Сергей любил спорить; был там и убежденный православный и неумный социалист А.Э. Краснов-Левитин. Уверенным, убедительным, как всегда, бесконечно деликатным и доказательным был голос о. Александра Меня, не помню, какой он буквой обозначался. Ибо собственных имен там не было, только буквы. Сейчас, когда труды о. Александра повсюду и широко издаются, не уверен я, что кто-то заинтересовался бы этой давней, 1970-х годов, перепиской, между тем помню, что письма его, пусть немногие, были довольно пространными, написанными щедро (принимая во внимание непостижимую занятость автора) и оставшиеся анонимной, но великолепной апологетикой. Актуальной и сегодня.

Москва.

Праздник трех слез

Лишних спальных мест в доме о. Сергия, конечно, не было, но был сеновал, и, переночевав там, мы вернулись в Москву. Через три месяца, в декабре, мы провожали Мишу в Вену.

Проводы за настоящую, западную границу в 1970-е годы были не только политическим и психологическим, но и метафизическим событием, вписавшимся в московскую атмосферу тех лет. Праздник со слезами на глазах, как пелось в казенно-патриотической песне. Слез на том празднике было три. Они текли все вместе, вливаясь одна в другую. Дело в том, если кто забыл, — советские люди поколение за поколением рождались с врожденной уверенностью, что та данность мира, которую они встречали, открыв глаза и придя в разум, останется той же самой до их окончательного закрытия. Она — не просто единственно возможная действительность, но как будто навеки тебе предназначенный «просвет бытия», как сказал бы Хайдеггер.

Действительность была хоть и географически обширна, но однородна и единственна — в том смысле, что из нее нельзя было перейти в другую. За ее пределами начиналась уже область мифа, официально злого или секретно доброго, но с твоим «просветом» никак не соприкасающегося, да и в само его существование, как в загробный мир, надо было еще поверить. Те немногие баловни фортуны и карьеры, имевшие привилегию пересекать границу между здешней жизнью и тамошним мифом, с нами, бескарьерным населением, обычно не пересекались. То был особый элитный клуб «выездных», куда мы, «невыездные», обычно не приглашались. Однако где-то в 1970 или 1971 году Политбюро после громкого «самолетного дела» и международного скандала, за ним последовавшего, приняло решение чуть-чуть-чуть приоткрыть дверцу эмиграции в Израиль, исключительно (или условно говоря) в Израиль, для воссоединения разделенных семейств (как правило, при живых еще родителях). В атмосфере диффузного советского антисемитизма у самого этого слова «Израиль» был какой-то дурной, неприличный запах. Однако эмиграция туда была лишь условным знаком, проломом в заборе, но через тот пролом не мытьем, так катаньем иногда могли протиснуться всякие исключения, то есть не только евреи. А для тех, кто протискивался, это был как бы поворот в «судьбе бытия».

Отъезд в те годы сравнивали с репетицией смерти. Думаю, разумней было сравнивать его с родами. Прежде всего потому, что намерение перед тем, как осуществиться,

должно было зачатся, капнуть первым озорным, почти случайным семечком «а что если?». Потом оно начинало прорастать, иногда даже неожиданно для самого «непраздного» его носителя, который мог жить прежней советской жизнью, а плод в нем вынашивался, созревал, обрастал плотью, и носящий чувствовал в себе его растущую тяжесть, питая его своими клетками и струящимися соками души. При этом само появление его на свет было долгим и мучительным, технически, душевно, житейски сложным, у кого дольше, у кого короче, у кого с такими схватками, которые могли растянуться и на несколько лет, проведенных на зоне.

Это случалось тогда, когда система решала показать характер, убеждая, что путем скандального пробивания стенки лбом ее не пробьешь. Стенка же непременно возникала при наличии допуска к технической информации, имевшей даже самый легкий налет секретности или лишь едва уловимый запах ее. Однако в стране, где, кроме пропаганды, секретным могло быть все на свете, включая порой даже официально опубликованные данные по демографии или почвоведению, и слабого налета секретности было уже достаточно. Впрочем, стена могла вырасти и без всякой причины, не каждого же, назвавшегося евреем, пускать. Да и еврея тоже не всякого. Да и принцип никто не менял: от нас нормальные люди не уезжают. И помыслить о том не могут.

На евреев существовали определенные квоты, они обговаривались при крупных закупках зерна или продаже нефти или где-то в самом конце переговоров о сокращении стратегических вооружений, уже в предвкушении ужина с отличной закуской и коньяком. Так, начавшись в 1970 году с нескольких десятков легальных беглецов-репатриантов, еврейский отток в 1979 году перевалил за 50 тысяч. Но в тот год произошло вторжение в Афганистан, которое Запад все же никак не мог не заметить и на него не реагировать. На что Политбюро перестало делать ему любезности, эмиграционный поток резко обмелел, если не ошибаюсь, до тысячи-двух в год. Об этом знал тогда почти каждый гражданин с предотъездными мыслями, что сегодня, понятно, забыто.

Отъезд Меерсона был, наверное, самым счастливым из возможных. Он был молод, свободен от семейных уз (а родители жен всегда норовили не дать разрешения взрослым

детям на эмиграцию), все то, что впереди, было его нерастраченным капиталом, и, подав документы, уже месяца через два — а это был минимальный из возможных сроков для обычных, непривилегированных отъезжантов — получил разрешение: и вон отсюда! Никаких допусков у него, по образованию и профессии историка, быть не могло, да и местному лубянскому дракону, употребляя излюбленное выражение незабвенного о. Сергия Желудкова, он тоже намозолил глаза своим мельканием с портфелем, набитым самиздатом; им уже начали интересоваться, спрашивать о нем на допросах. Незадолго перед тем был арестован Виктор Красин, стал давать показания, называть имена, указывать тайники, и один из самых тяжеловесных документов ему передал как раз Меерсон.

Но дракон был обленившийся, объевшийся, даже не каждый день злой, иногда, если можно было решить проблему отъездом и сразу, то давай, скатертью тебе, любезный предатель родины, дорожка! Да и отдел, ведавший разрешениями, мог — не утверждаю, но допускаю — и не общаться регулярно с отделом, ведавшим заведением дел. Коль скоро речь шла о персоне не столь уж видной, могли они и не связать свои данные в одну цепочку, не углубляться в каждое досье. И все же это было узкое место для отъезжавших и удобнее для дракона как хищника, подстерегавшего коосулю у водооя. — «Вы, гражданин, смотрите на Запад, уже на Эйфелевой башне себя видите, не торопитесь, взгляните-ка лучше на Восток, туда у вас тоже есть еще шанс хороший попасть. Так давайте договариваться по-доброму». А о чем можно было с ними договариваться? И что можно было с ними обсуждать? Здесь и не самых слабых духом могло подстеречь серьезное искушение. Однако в данном случае миновало.

Отъезд тогда был праздником отпущения на свободу, но, напомним, «со слезами на глазах». Первая из трех слез посвящалась уезжавшему; провожавшие знали, что это было бесповоротно и навсегда. Покидавший СССР переходил в некое несоветское инобытие, его имя исчезало из официального вращения. Помню, после отъезда в 1972 году Юрия Мальцева, свободолюбца, никак не желавшего жить в СССР, но при этом ни с какой стороны не еврея, который работал в нашем секторе Института философии, — его переводы с итальян-

ского с момента подачи документов сразу же стали безымянными. Имя любого, перешедшего на другую сторону бытия, вымарывалось отовсюду, проваливалось в ничто мгновенно и невозвратно. Но Меерсону тогда было особенно нечего терять, он был симпатичен, обаятелен, *causeur*, *gaillard*, *charmeur*^{*}, как говорила моя мама; прощаться с ним собирались десятки и десятки знакомых, не всегда даже и знакомых лично. Все понимали, что едет он за большим будущим и желанной судьбой, так что женские стрелы тайной зависти, пускаемые из Москвы, неслись за ним, перелетая через океан.

Вторая же слеза проливалась у провожающих за себя. Это была тайная слеза, но и самая полноводная. В состав ее входили разные элементы. Наиболее горькая ее часть, теперь подзабытая, происходила от чувства обреченности оставаться здесь, среди этих стен, этих порядков, этих новогодних поздравлений «дорогим товарищам» и разговоров об арестах. Брежневизм все тек и тек мимо нас, впадая в бесконечность, из которой, казалось, никому никогда не выбраться. Ты с ним навсегда, среди тех же «дорогих товарищей», юбилеев, парадов и продуктовых заказов на предприятиях, да и то если будешь тих и послушен, а не то «товарищем» твоим станет волк-следователь с широкой снежной равниной за спиной, с бараком и вышками. У доброй части из тех, кто собирался на проводы, могла быть как раз такая перспектива, ведь ясно было, что отъезжавшему ты был единомышленник, а нередко и возможный поделщик. Но он-то ускользнул, а ты еще здесь и уезжать пока не собираешься, да и кто тебя выпустит?..

Еще в эту вторую слезу добавлялась и такая песенная блоковская ностальгия: «Случайно на ноже карманном найти пылинку дальних стран, и снова мир предстанет странным, закутанным в цветной туман». Потом «цветной туман» при ближайшем с ним знакомстве быстро рассеивался, но никто же этого тогда не знал, а уж по туману томился почти каждый. И сколько же людей уехало безо всякой цели, лишь бы вырваться в эти неведомые цвета неизвестного мира!..

Третья слеза была самая непрозрачная, мутная, но тоже горькая. Она была вообще «об этой стране», где довелось родиться, состоящей из одних несчастий в прошлом и уже сейчас явно набухающей ими в будущем. Это была отчасти

* Говорун, шутник, шармёр (*фр.*).

патриотическая, отчасти русофобская слеза о том, что вот под этой глыбой лозунгов и «товарищей» лежит сильно помятая, придавленная, едва дышащая, но все же другая, настоящая Россия, и она есть неотъемлемая часть тебя самого. И будет ею и там, никуда ты от нее не денешься, просто так, через рельсы перебежав, шлагбаум перемахнув, отсечь ее от себя не сможешь. Где-то она там за полями, за куполами, за деревьями, и, уйдя от нее, устроившись в ином, более благоприятном уголке мироздания, она достанет тебя изнутри. Так что, взирая на уезжавшего со смесью подавленной жалости и зависти, той смесью, которая при наличии трех-четырех крепких хороших рюмок (а на них уезжавшие никогда не скупилась, а гости приносили еще и с собой) разряжалась в горькую шутку и затаенную злость. И мелькала даже догадка, что настоящая жизнь — она не за цветным туманом, она остается здесь, в прокуренных кухнях московских или питерских хрущевок (в комнатах спали дети), а там ее не будет, там «попынью пахнет хлеб чужой». Впрочем, героя этого воспоминания полынь, кажется, миновала.

Помимо сих общих, общественных «трех слез», текли еще и частные, родственные, «невидимые миру» слезы, ведь у всех отъезжавших были родители, которые либо не понимали, «как можно бросать свою родину» (их было, впрочем, меньшинство), либо не понимали, как можно уезжать, когда жизнь не совсем, конечно, но все же как-то наладилась. Ну пусть не без антисемитизма — куда ж от него денешься, он был, есть и будет даже и без евреев, — но ведь человек с головой всегда пробьет себе дорогу, смотри академиков сколько, скрипачей, программистов, математиков... Сталина пережили, через «дело врачей» прошли, после охоты на космополитов целы остались, а теперь можно, хоть скромно, пусть даже с процентной нормой, но спокойно и мирно прожить и здесь.

Многие, однако, такого оптимизма не уважали, судили трезво: здесь не будет тебе дороги, езжай, милый ты наш, нам уже поздно, а тебе будет лучше там! Однако главное серьезное горе для всех было в том, что вот он — живой, тобой рожденный ребенок, хоть и давно взрослый, он и завтра будет живой и тобой рожденный, но ты его никогда-никогда-никогда не увидишь, детей его, еще не родившихся, не приласкаешь,

что толку, жив он или нет? А когда ты стара и больна и рядом никого? Это был отчасти и Мишин случай, хотя родители еще старыми не были и довольно скоро за ним последовали, но в день отъезда еще этого не знали.

У него была целая серия проводов, но главные, самые шумные, прошли в многодетном семействе Эрастовых. Они сами потом вскоре уехали всем своим многочисленным табором, где один из детей станет потом раввином, а другой архиепископом Зарубежной церкви в Австралии. Но вот, наконец, поздним декабрьским вечером мы Мишины друзья, оказались в аэропорту Шереметьево. Тогда это было еще старое тесное Шереметьево, а провожающих было много. Вместе с Меерсоном тем же рейсом улетал художник Лев Збарский, сын того самого Збарского, который когда-то бальзамировал тело Ленина, до сих пор священнолежащее в Мавзолее, а затем и Сталина, незадолго до своей кончины поймавшего его как сионистского агента, а затем, уже мертвым, срочно извлекшего из темниц, чтобы доверить, хоть и не по собственной воле, ему, лучшему специалисту в этом древнеегипетском ремесле, копать своими сионистскими, космополитскими руками в сакральной плоти, всесильной всего неделю назад. Ныне же, двадцатилетием позже, небольшое шереметьевское пространство наполнилось морепоконенной гурьбой слегка постаревшей, поношенной золотой молодежи, соединив в ней всяких жен-подруг-приятелей, все как один, словно в униформе, в модных желтых дорогах дубленках, остро пахнущих московским дэндиизмом, выставленным напоказ, чтобы прочий люд, посмотрев со стороны, оценивал между ими и собой дистанцию. Две маргинальные страты советского общества пересеклись, не смешиваясь, в Шереметьево в конце декабря 1972 года: христианско-интеллигентско-отщепенческая, на полпоколения моложе, в пальтишках небогатых, сереньких, и широко божественная, разбитная, хорошо перед тем погулявшая, словно и сам отъезд в дальние страны вписавшая в лихой сюжет своего застолья.

Вот уже отошли последние ритуальные, уже не нужные никому объятья, стершиеся от повторения слова, и Миша Аксенов-Меерсон (обе его фамилии постоянно менялись местами) исчез в той непонятной машине за стеной, той темной шкатулке превращений, в которой советский человек

уже окончательно терял свою особую, данную от рождения, хоть и преданную им, сущность и получал взамен как бы новую, пока непонятно какую. Теперь после таможенного контроля, паспортного контроля, еще какого-то контроля (а проводились они со всей неторопливой, придиричливой строгостью, так что идейно выдержанный пограничный парнишка в зеленой своей униформе (выпускник училища МВД, уже подавший заявление в партию), в 1972 году испытывал, должно быть, странное противоречивое чувство, что сейчас по долгу службы он отпускает на волю живого, еще теплого изменника Родины, тогда как долг диктует ему совсем другое, суровое действие...) — словом, часа через два Меерсон появился на винтовой лестнице, ведущей к самолетному автобусу, и мы, толпа провожавших, и он, провожаемый, в последний раз взглянули друг на друга. Вероятно, и он ощутил значимость этого взгляда, как и остроту момента, требующего какого-то жеста напоследок в эти пять секунд окончательного прощания, и выбрал, наверное, самую благочестиво безотказную формулу: «Уповайте на Господа!» К нам, стоящим внизу, она донеслась так: «Вы не горюйте там, всякое, конечно, может у вас случиться, но Бог не оставит». Потом, махнув рукой, скрылся за дверьми.

Сентябрь 2019

К юбилею Н.А. Струве

Владимир Гудаков

В поисках истины

(воспоминания о Никите Алексеевиче Струве)

Слава Богу, Вы то, что Вы есть.

Седьмого мая 2021 года исполнилось пять лет со дня ухода из земного мира Никиты Алексеевича Струве. Вот записи из моих записных книжек и дневника.

Первая встреча с Никитой Алексеевичем Струве

В январе 1990 года я пришел в магазин «ИМКА-Пресс» к Никите Алексеевичу Струве. Мы начали разговор, и через некоторое время Никита Алексеевич задал мне вопрос: «Почему вы решили прийти ко мне?» Мой ответ был прост: «Ну как же, само имя Струве известно каждому российскому интеллигенту».

Никита Алексеевич поинтересовался, чем я занимался в Союзе. Ответ: «Филолог, историк, защитил диссертацию в Институте славяноведения и балканистики Академии наук в Москве. По объективным причинам вынужден был покинуть Советский Союз».

Показал Никите Алексеевичу одну из своих последних статей, вышедшую в журнале «Советское славяноведение». Он посмотрел, полистал журнал и предложил мне подать на конкурс в Университет Нантера, где он был деканом.

Я подал заявление. Через некоторое время мы созвонились, и он сообщил мне, что я прошел по конкурсу. Я был счастлив.

Спасибо, Никита Алексеевич! Вы так помогли мне в один из самых трудных периодов в моей жизни.

И еще: именно Никита Алексеевич дал мне телефон фонда, связанного с именем Александра Шмемана. И от этого фонда я получил 1500 франков на своих детей.

Несколько лет я работал в Университете Нантера, где мы с Никитой Алексеевичем довольно часто беседовали о самых различных вещах, связанных с двумя культурами: русской и французской. И не только об этом.

И постепенно Никита Алексеевич стал для меня удивительно прекрасным коллегой и собеседником, основными чертами которого были колоссальная эрудиция, доброта и скромность. И общение с ним всегда было огромным удовольствием.

Православная община в Бюсси-ан-От

Однажды Никита Алексеевич пригласил меня с семьей приехать в Бургундию в православный монастырь в Бюсси-ан-От. В разговоре он несколько раз произносил это название: «Рюсси-ан-От». Игра слов: «Россия-на-Оте».

Поехали туда с нашей дочерью. Монастырь предоставил нам небольшой дом, и мы провели несколько прекрасных дней в этом русском уголке.

Каждый день мы погружались в православную атмосферу Покровского монастыря, где встречались с Никитой Алексеевичем и с его супругой Марией Александровной, создавшей центральные иконостасные иконы, отличающиеся особой светотенью.

Мария Александровна не только писала иконы, но и основала для монахинь иконописную школу, где и преподавала искусство иконописи.

Вся эта атмосфера приводила нас в особое духовное состояние. И наша дочь Наталья чувствовала себя спокойно и приятно.

Уголок отдохновения

К сожалению, здоровье Никиты Алексеевича давало о себе знать, и поэтому иногда наши встречи переносились. Вот одно из его писем от 20 марта 2014 года:

«Дорогой Владимир Викторович, простите, но, вероятно, нам не удастся и сегодня встретиться по разным причинам здоровья моего, да еще по разным обстоятельствам, а мне непременно нужно быть в “Имке” вечером на завтрашнем собрании. Сговоримся там о встрече на следующей неделе, ведь у нас как будто нет никаких спешных дел, кроме приятного общения. Еще раз простите меня, ваш Никита Струве».

Договорились встретиться с Никитой Алексеевичем в четверг 6 марта 2014 года в кафе «L’Autre Bistrot» недалеко от «Имки». Заказали кофе, горячий шоколад и «блины по-парижски». Затем состоялась беседа.

Знаю Никиту Алексеевича вот уже почти 25 лет, но каждый раз в разговоре с ним узнаю что-то новое и интересное о нем самом, о его времени, о его представлении о мире.

Сначала разговор о детях, находившихся в свое время под его патронатом, а затем поговорили о жизненном пути каждого из нас.

Никита Алексеевич сказал, что ему везло с младенчества. Прекрасная семья: духовная, творческая. С детства его окружали нравственность, литература, живопись. Взгляды сложились рано и окончательно. Об СССР он знал от русской эмиграции.

Когда ему было 9 лет, Франция была завоевана Германией, так что он знал не понаслышке, что такое оккупация.

А повезло Никите Алексеевичу еще в том, что он встречался с самыми талантливыми, творческими фигурами русской белой эмиграции, такими как Иван Бунин, который был вхож в семью Струве.

Я вспомнил, что сказал о Бунине Горький: «Талант, красивый, как матовое серебро». И сказал Никите Алексеевичу, что очень люблю Бунина — и стихи, и прозу. И прочитал свое стихотворение «Памяти Бунина», вдохновленное размышлением великого русского поэта и писателя, о чем поет петух на колокольнях французских церквей:

Вот за окном запел петух,
лаская кукареком слух.
И в памяти всплывают строки
О том, что все проходят сроки:

«Поет о том, что мы живем,
Что мы умрем, что день за днем
Идут года, текут века
Вот как река, как облака...»
Был Бунин, как и я, во Франции
Не как турист, а в эмиграции...

И еще Никита Алексеевич сказал, что никогда не стремился к большим должностям, а просто делал то, что делал.

Это было, кстати, напоминанием о латинском изречении «*Age quod agis*» («Делай, что делаешь»), которое было моим девизом со студенческих лет, о чем я и сказал Никите Алексеевичу. А он ответил, что он тоже так и жил, встречался с Ахматовой, с Солженицыным, печатал их. Вообще, делал то, что считал нужным.

И поэтому жизнь сделала так, что Никита Алексеевич стал живой историей.

Из дневника от 28 января 2015 года

Позавчера были с Ириной (моей женой. — В.Г.) в гостях у Никиты Алексеевича Струве и его супруги Марии Александровны. Живут они сейчас в Villebon'e, относительно недалеко от нас. Мы поехали на велосипедах.

Встретили они нас тепло. А поскольку мы привезли с собой очень хороший торт из прекрасной кондитерской, то Никита Алексеевич приготовил чай. Попили, поели. Затем они показали нам свои комнаты в доме...

В рабочей комнате Никиты Алексеевича все завалено книгами. Типичная обстановка русского интеллигента, интеллектуала, издателя, переводчика. Кабинет Марии Александровны весь в иконах — ведь она иконописец всю свою жизнь. Для него — Перо и Слово, а для нее — Кисть и Цвет. Творческая атмосфера во всем и везде.

Поговорили о всякой всячине, о детях, о внуках и так далее. Никита Алексеевич — эрудит, говорит на прекрасном русском языке. Чувствуется эхо Серебряного века.

Впрочем, я тоже жил в нем. Мои мама и папа писали и читали стихи, свои и Надсона, Бальмонта, Блока. Папа играл на гитаре и пел. И песни Вертинского у меня с детства на слуху.

И вот в доме у Струве мне хорошо и спокойно: я в «Серебряном веке России»...

После чаепития с тортом Мария Александровна разожгла камин. Это было очень приятно и уютно. Беседа продолжалась.

А затем Ирина, по желанию Никиты Алексеевича и по моей просьбе, села за пианино, стоявшее у стены в этой же комнате. Песни Вертинского, потом Шопен, Бах...

Творческая энтропия в доме, звуки пианино. В общем — ностальгия и умиротворение.

Мы тепло попрощались, сели на свои велосипеды и поехали домой. Спасибо, жизнь, за этот удивительно прекрасный вечер!

Празднование 85-летней годовщины Никиты Алексеевича Струве

Оно состоялось 15 февраля 2016 года в «ИМКА-Пресс».

Еще в 1978 году Никита Алексеевич возглавил одно из самых известных русскоязычных издательств. А в 1991 году одним из чудесных событий, связанных с деятельностью Никиты Алексеевича, было открытие в Москве издательства «Русский путь». Директор московского Дома русского зарубежья Виктор Александрович Москвин рассказал об уникальной роли издательства «ИМКА-Пресс», связанной с именем

Струве, о том, что его выставки проходят во многих городах России и за границей.

Выступили многие друзья издательства, в частности Ив Аман, мой коллега по Университету Нантер.

Все выступавшие на вечере желали юбиляру только одного — продолжения своего творчества и своей деятельности во Франции и России.

Я тоже выступил, сказав только одну фразу, которая, как мне кажется, точно отражает то, что делал в жизни Никита Алексеевич Струве: «Grâce à Dieu, Vous êtes ce que vous êtes!» — «Слава Богу, Вы то, что Вы есть».

Из дневника от 8 мая 2016 года

Вечером этого дня вдруг печальная новость по интернету: «Умер Никита Алексеевич Струве».

Трудно поверить, что ушел из жизни этот человек, которого я знал больше четверти века, человек, который когда-то помог мне и моей семье, который был моим университетским коллегой в первые годы моего пребывания во Франции.

Никита Алексеевич был воплощением всего самого наилучшего в русской и французской культурах. Он был первым издателем на Западе романов Солженицына «Август 14-го», «Архипелаг ГУЛАГ», переводчиком на французский язык стихов Мандельштамма, Ахматовой, Цветаевой.

И еще, это был добрый и простой человек, в голову которому никогда не приходили мысли причинить кому-либо зло.

14 мая 2016 года

Вчера, 13 мая, состоялись похороны Никиты Алексеевича Струве. Сначала было отпевание в соборе Александра Невского, а затем захоронение на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Ушел Никита Алексеевич, и закрылась за ним страница, кажется, последняя, связывавшая блестящую культуру России Серебряного века с настоящим.

Спасибо, Жизнь, за то, что я много лет знал этого святого человека, общался с ним.

Спасибо вам, Никита Алексеевич, за все, что вы сделали для меня, для моей семьи в самые трудные дни и месяцы эмиграции.

Вечная вам память!

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

*К 200-летию
со дня рождения Достоевского*

НИКИТА СТРУВЕ

Достоевский и Евангелие от Иоанна*

Достоевский впервые в истории литературы включил в светский роман евангельскую фигуру – Богочеловека Христа. Беспрецедентное художественное дерзновение: Достоевскому удалось сделать из Христа романного персонажа, не впад при этом ничуть в сакрализацию романного жанра; совсем наоборот, у него наполеоновский роман теряет свою эпическую благопристойность и становится полицейским романом. Но тут было еще и религиозное дерзновение: Достоевский вырывает Христа из сферы катехизиса и табу, чтобы окунуть

* Впервые: *Struve Nikita. Dostoïevski et l'Evangile selon Saint Jean // Les Cahiers de la nuit surveillée. Dostoïevski / Ed. Verdier. Lagvatte, 1983. № 220. Р. 205–210.* Перевод статьи, недавно опубликованный в сборнике текстов Н.А. Струве «Встреча с Россией» (Москва, Русский Путь – YMCA-Press, 2021, с. 379-384). Примечания, кроме особо оговоренных случаев, авторские.

его в мир, в народ, в среду грешников и блудниц, так, что евангельский идеал при этом не был ни умален, ни ослаблен.

Такое двойное дерзновение, литературное и религиозное, оказалось возможным потому, что тайна Откровения пронзила Достоевского сполна и насквозь. Христос был явлен Достоевскому разными способами: через страдание, собственное и других, на каторге среди преступников, в состоянии просветления, предшествующем эпилептическим припадкам, но главным образом через Священное Писание. Достоевский читал Библию с раннего детства до последних часов жизни. Три раздела этой великой Книги жизни особенно вдохновляли Достоевского и структурировали его мировоззрение: в Ветхом Завете это Книга Иова; на другом конце — Апокалипсис; между ними — Евангелие от Иоанна.

Достоевский знал Евангелия наизусть. Он никогда не расставался с русскоязычным экземпляром Нового Завета, который подарила ему Наталья Фонвизина, когда он только переступил порог Мертвого дома. Для Достоевского незнание евангельских текстов было отличительной чертой новой западнической элиты, лишенной корней. В черновом наброске к роману «Братья Карамазовы» он записал: «Важнейшее. Помещик (Федор Карамазов. — *Н.С.*) цитирует из Евангелия и грубо ошибается ... Даже Ученый (его сын Иван. — *Н.С.*) ошибается. Никто Евангелия не знает»¹. В «Преступлении и наказании» Раскольников небрежно листает Евангелия в поиске отрывка о воскрешении Лазаря, не зная, что найти его можно только в Евангелии от Иоанна. В «Братьях Карамазовых» Иван грубо ошибается, коверкая литургический стих, который он считает цитатой из Евангелия, тогда как на самом деле это цитата из Псалтири, и тем показывает поверхность своего знания как библейских текстов, так и церковных служб. Разные евангельские отрывки щедро цитируются в великих романах Достоевского, но, хотя старец Зосима и рекомендует начинающим читать лучше притчи евангелиста Луки, невозможно отрицать, что присутствие Евангелия от Иоанна более четко, постоянно и глубинно связано с самим построением этих романов.

Иоанновское влияние проявляется тройко. На уровне идей — эксплицитным повтором великих утверждений Иоанна Богослова; на уровне поэтики — их включением в

романную форму; и наконец, непосредственно, двумя пространными эпизодами с чтением Евангелия, причем в обоих случаях читается именно Евангелие от Иоанна.

Из пролога евангелиста Иоанна, этого прекраснейшего христианского гимна, красота которого, по меткому выражению Луи Буйе, не что иное, как «сияние истины»², Достоевский приводит лишь три слова, в славянском переводе, резюмирующие всю тайну и весь скандал христианства: *Слово плоть бысть* — Слово стало плотью.

Конечно, все четыре Евангелия признают божественность Иисуса Христа; более того, они и написаны были для того, чтобы об этой божественности свидетельствовать. При этом у каждого евангелиста есть своя доминирующая точка зрения, свое особое освещение Иисуса и Его миссии. Для евангелиста Иоанна Иисус — Слово, ставшее плотью, чтобы дать жизнь миру. Тайна Воплощения определяет собою все его свидетельство. В записных тетрадах к «Бесам» Достоевский много раз возвращается к этой ключевой формуле, в которой, как он считает, «источник жизни, и спасение от отчаяния всех людей, и условие, *sine qua non*³, и залог для бытия всего мира»⁴. И далее Достоевский добавляет: «Многие думают, что достаточно веровать в мораль Христову, чтобы быть христианином. Не мораль Христова, не учение Христа спасет мир, а именно вера в то, что Слово плоть бысть. Вера — это не одно умственное признание превосходства Его учения, а непосредственное влечение. Надо именно верить, что это (то есть во Христе. — Н.А.) окончательный идеал человека, всё воплощенное Слово, Бог воплотившийся»⁵.

Яснее не скажешь. Пьер Паскаль, очевидно, не читал этих текстов, когда написал в своем прекрасном очерке «Достоевский перед Богом», что восхищение Достоевского Христом, даже его преклонение перед Ним, не приводит к признанию Его Божественности⁶. Все ровно наоборот, для Достоевского поклоняться Христу возможно лишь в силу того, что Он — Бог. И задача Достоевского в чем-то, в метафизическом плане, как раз и состоит в том, чтобы преодолеть гуманистические редукции христианства. На Западе я больше ни у кого не вижу такой фокусировки на факте Воплощения, кроме Леона Блуа. В прекрасной и незаслуженно малоизвестной книге «Душа Наполеона» он пишет: «Это

Воплощение — не просто великая тайна, как учат богословы, но поистине — тайна тайн»⁷. Интересно, что Блуа, который, конечно, читал Достоевского (должен был прочесть, хотя вряд ли мог его понять), проливает новый свет на тайну земли, которую мы находим у автора «Братьев Карамазовых»: «Сказано, что Сын Божий — Его Слово — “стало плотию”, а это равнозначно тому, что Он стал *землею*, так как человек во плоти создан из праха земного. Но Бог, вочеловечившись, неизбежно действовал согласно своей божественной природе, то есть оставался *абсолютной истиной*, и тем самым стал Человеком более всех остальных людей, созданных из праха, Он Сам стал Землею в наиболее мистическом и глубоком смысле этого слова»⁸. В этом отношении представляется, что почитание Земли у Достоевского — это не уступка языческому романтизму или натурализму, а всего лишь материальное, космическое измерение его веры в Воплощение.

Формула Иоанна Богослова, в своей краткой точности, таит в себе еще одну грань тайны: тот скандал, который влечет за собой Воплощение. Слово, чрез которое всё «начало быть», смиряется до того, что становится плотью, то есть становится одновременно объектом и славы, и позора (иудеи не могли поверить в бессильного мессию), одновременно и подчиняется конечности в видимом ее аспекте, и способно ее победить, но таким образом, что увидеть эту победу можно лишь глазами веры. Именно поэтому «свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Рембрантовское освещение в романах Достоевского непосредственно вдохновлено Иоанновским прологом: свет, сведенный к световой точке в «Преступлении и наказании» (эпизод чтения Евангелия, которое проститутка читает преступнику), испускающий лучи, хотя и окруженный тенями в «Идиоте», рассеивающийся и лишь мгновениями вспыхивающий в «Бесах» и, наконец, более пространно и равномерно сияющий в итоговом произведении — «Братьях Карамазовых».

Наконец, это поэтика напряжения (как это заметил Ефим Эткинд), которая и сама восходит к Евангелию от Иоанна: напряжение борьбы между светом и тьмой, напряжение между двумя планами творения, человеческим и божественным, в котором движутся все персонажи, наконец, напряжение во

времени. У Иоанна Богослова время никогда не линейно, никогда не остается чисто событийным. Оно, как и у Достоевского, подчинено предельной концентрации и символической интерпретации, потому что оно, с одной стороны, пронизано вечностью, а с другой — устремлено к катастрофическому, предначертанному и все же свободно избранному концу, неотвратимому и все же неоднократно отложенному. Так, после Пролога, который разворачивается за пределами времени, первая глава (и начало второй) Евангелия от Иоанна (в котором всего 21 глава) покрывает неделю времени, переданного практически день за днем. Точно так же, начиная с 6-й главы и уже до самого конца, это последняя неделя жизни Иисуса, которую евангелист размечает так же подробно, как и первую. Скандал врывается с самого начала: Иисус изгоняет из храма торговцев жертвенными животными и возвещает, вместе с разрушением храма, и собственные Страсти. Этот скандал сгущает над Христом угрозу смерти, усиливающуюся и разгорающуюся (гл. 5, 7, 10 — попытка побить камнями), но терпеливо откладываемую на потом, потому что, чтобы сполна совершить Свою миссию, Христос избирает Свой момент «кайроса»: «Мое время еще не настало...»⁹

Ту же темпоральную структуру, ту же возведенную, но отложенную катастрофу мы находим почти в чистом виде в «Идиоте», потому что этот роман построен как одно протяженное чтение Евангелия, что-то вроде «романных Страстей» по Иоанну. Мы встречаем здесь почти такую же концентрированность времени, что и в Евангелии (первая часть охватывает собой один день), те же возвещения о неизбежной, но отсроченной катастрофе. Катастрофа эта заденет прежде всего Анастасию Барашкову, «бессмертную агницу», по этимологии ее имени и фамилии, затем князя Мышкина, которого один из протагонистов называет «агнцем». И если князь Мышкин — это символический и романский (и, конечно, отдаленный) отголосок Христа, то вписывается он именно в иоанновский подход: он посланец, нездешний пришелец, объект скандала для людей, которые, пусть и восхищаясь им, на него ропщут. В своих первых монологах князь повторяет, вплоть до деталей, стилистические особенности иоанновского письма: инклюзии, антитетические или последовательные параллелизмы. Вот несколько примеров:

«Теперь я к людям иду; я, может быть, ничего не знаю, но наступила новая жизнь»¹⁰. «Я очень хорошо знаю, что про свои чувства говорить всем стыдно, а вот вам я говорю, и с вами мне не стыдно»¹¹.

Помимо письма, печатью Евангелия отмечена и сама структура романа. Мышкин принадлежит как к событийной истории (здесь — к романной интриге), так и к вневременному символу. Он непринужденно движется в обоих пластах творения: и в реальном месте, и в метафизической подоплеке. Пример: встреча князя с Настасьей Филипповной происходит одновременно в квартире Гани, в ноябре такого-то года, и в то же время за пределами пространственно-временных обстоятельств. Это реальная встреча, но в то же время и миф о вневременном характере любви и, еще дальше, символ Спасителя, пришедшего признать и восстановить в своем изначальном состоянии падшее Творение. Как и Евангелие от Иоанна, роман Достоевского представляет нам «факты и истины, не просто лежащие рядом, но неразрывно связанные, столь совершенным образом соединенные, что пренебрежение фактами ради созерцания одних только истин равнозначно разрушению последних, а отказ от истин ради того, чтобы держаться одних только фактов, равнозначен их достижению, но в обезображенном виде, лишенными корней, искаженными и неузнаваемыми»¹².

Два эпизода с чтением Евангелия от Иоанна, в «Преступлении и наказании» и в «Братьях Карамазовых», отражают иоанновский метод: когда факт реален, но неразрывно связан со своей истиной. Читая рассказ о воскрешении Лазаря, невозможно отделить *факт* от его *истины*. Факт — это возвращение к жизни человека, который уже четыре дня как умер, который уже смердит. Истина — это то свидетельство, которое дает о Себе Христос: «Я есмь воскресение...»¹³, и это исповедание Марфы еще до того, как ее брат был воскрешен: «я верую, что Ты Христос, Сын Божий...»¹⁴. Для Раскольникова нравственное и физическое воскрешение должно совершиться через акт веры во Христа Бога, через исповедь, которая отложена на самый конец романа и даже за пределы эпилога, в чистую возможность.

Эпизод с чтением отрывка о браке в Кане Галилейской входит в рамку церковного чтения во время обряда похорон.

Здесь оно совершается в присутствии уже разлагающегося¹⁵ тела Зосимы. Его функция, тоже центральная, подчеркнута символикой цифр: он появляется в седьмой книге третьей части... В эпизоде с Лазарем была победа жизни над смертью, символ и предвосхищение преображения всей твари. Претворение воды в вино предлагает символ онтологического перехода естественной жизни в модус жизни сверхъестественной. Раскольников смутно искал обетования, но не мог еще его принять. Алеша знал, но заколебался, потому что тело старца, умершего в благоухании праведности, стало разлагаться до срока и к разочарованию его учеников. Но смысл и итог обоих эпизодов с чтением одинаков: переход от смерти к жизни, намеченный в случае Раскольникова, непосредственно пережитый в случае Алеши.

Приведенных примеров, мне кажется, достаточно для признания привилегированного положения Евангелия от Иоанна в христологическом творчестве Достоевского. Но место это не исключительное. В своих советах начинающим, как мы видели, старец Зосима рекомендует читать евангельские притчи так, как они изложены у св. Луки. Одна из таких притч — о стаде свиней, в которых вселились бесы, и оно бросилось в озеро, — служит центральным образом и идеей в «Бесах». Книгоноша, предлагающая Книгу и приобщающая к евангельской истине бывшего гуманиста, носит символическое имя Софьи (Софии Премудрости) и не менее символическое отчество Матвеевны (дочери Матфея).

В «Братьях Карамазовых», и особенно в «Легенде о Великом Инквизиторе», именно к св. Матфею и к св. Марку прибегает Достоевский, чтобы сделать последний шаг: до сих пор Христос появлялся в его романах только опосредованно: через чтение Евангелия, символический персонаж, инверсию. Все опосредования все так же сохраняются и в «Братьях Карамазовых» (чтение отрывка о Кане Галилейской, Зосима и Алеша, бунт Ивана), но здесь впервые Достоевский дерзнул изобразить живого Христа, вновь присутствующего среди людей, исцеляющего больных, воскрешающего мертвых. Это описание Христа, окруженного толпой, явным образом вдохновлено «популярными» Евангелиями св. Матфея и св. Марка. Так, если «Идиот» предстает как роман по Евангелию от Иоанна, если «Бесы» строятся вокруг притчи из

Евангелия от Луки, то «Братья Карамазовы» оказываются синтетическим произведением: притчевым, как у св. Луки, конкретным, образным и живым, как у св. Матфея, но также мистическим и таинственным, как у св. Иоанна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 15. Лг.: Наука, 1976. С. 206. – *Примеч. пер.*

² *Bouyer Louis.* Le Quatrième Evangile. Paris-Toutnai: Castermann, 1955. P. 37.

³ Непременное условие (лат.).

⁴ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 11. Лг.: Наука, 1974. С. 179. – *Примеч. пер.*

⁵ Там же. С. 187–188. – *Примеч. пер.*

⁶ «При чтении [Достоевского] возникает впечатление, что на самом деле он никогда не приводит к трансцендентному, остается здесь, в имманентном. Его восхищение Христом, кажется, достигает преклонения, и все же он так и не скажет никогда, что Христос – Бог, так никогда и не упомянет Троицы» (*Pascal Pierre. Dostoïevski.* Paris: Desclée de Brouwer (Coll. «Les écrivains devant Dieu»), 1969. P. 100).

⁷ *Bloy Leon.* L'Ame de Napoléon. Paris: Mercure de France, 1912. P. 138.

⁸ *Bloy Leon.* Ibid. P. 138–139.

⁹ Ин 7: 6. – *Примеч. пер.*

¹⁰ *Достоевский Ф.М.* Идиот // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 8. Лг.: Наука, 1973. С. 64. – *Примеч. пер.*

¹¹ Там же. С. 65. – *Примеч. пер.*

¹² *Bouyer Louis.* Op. cit. P. 21.

¹³ Ин 11: 25. – *Примеч. пер.*

¹⁴ Ин 11: 27. – *Примеч. пер.*

¹⁵ Как разлагалось и тело Лазаря.

Перевод с французского Натальи Ликвинцевой

Чудо и логика*

Начиная с третьей части «Идиота», на протяжении многих страниц автор пускается во всякого рода отступления, которые так или иначе касаются понятия героя как в реальной жизни, так и в литературном рассказе. Разными способами вводится понятие *исключительного* действующего лица. Большинство людей предаются рутине, избегают самобытности, и когда писатель стремится представить заунывный тип людей, он парадоксальным образом вынужден представить — поскольку речь идет о типах — образ исключительный. Трудности еще более возрастают, когда нужно вывести на сцену оригинального персонажа, стоящего тем самым выше других. Посредством длительных увиливаний повествователю удается отказаться от затеи. Князь Мышкин не теряется из виду, но его психология оказывается непостижимой.

То, что может оказаться справедливым в изображении героя-человека — достойного восхищения или же злодея, еще больше относится к тому, у кого к человеческой природе присоединяется божественная. Конечно, образ Христа не появляется у Достоевского, за исключением «Легенды о Великом Инквизиторе». Но это как раз легенда. Христос — не герой романа.

Однако несколько персонажей романа «Идиот», начиная с князя, позволяют понять, что привязанность к живому человеку не обязательно связана с пониманием его действий и реакций. Подлинное лицо, достойное восхищения, не поддается анализу. Его можно только нарисовать.

В удивительном тексте — письме Настасьи Филипповны Аглае — упоминается вымышленная картина Христа: «Христа пишут живописцы всё по евангельским сказаниям; я бы написала иначе: я бы изобразила Его одного, — оставляли же

* Фрагменты из книги: *Backès Jean-Louis. Dostoïevski et la logique [Достоевский и логика]*. Paris: YMCA-Press, 2021. P. 238–253. См. предисловие к этой книге Мишеля Ельчанинова, публикуемое в данном номере, с. 285–289. — *Примеч. ред.*

Его иногда ученики одного. Я оставила бы с Ним только одного маленького ребенка. Ребенок играл подле Него; может быть, рассказывал Ему что-нибудь на своем детском языке, Христос его слушал, но теперь задумался»¹.

О каких живописцах думал Достоевский? Несомненно, о художниках-классиках, но, возможно, и о представителях новой «археологической» живописи, начало которой было положено в России картиной Александра Иванова «Явление Христа народу» (1837–1857). Когда Достоевский пишет «Идиота», он, возможно, еще не видел «Тайную вечерю» Николая Ге, которую подвергнет впоследствии суровой критике². Но он мог иметь в виду других художников, которые рисуют евангельские сцены в новой манере: Христос окружен людьми, как на иконе, однако вместо того, чтобы следовать за каноническими условностями изображения, художники стремятся придать общему фону и костюмам тот внешний вид, подлинность которого не вызвала бы сомнений ни у одного историка.

Не это интересует Настасью Филипповну и вместе с ней Достоевского. Конечно, за сценой прочитывается евангельский текст (Мф 19: 14; Мк 10: 13–16). Но он переосмыслен для того, чтобы превратиться в портрет, живой портрет, сосредоточенный вокруг одного события: Христос уже не слушает ребенка, Он глубоко задумался.

Отсутствие какого бы то ни было комментария идет в совокупности с отказом понять и выносить суждения, которыми отмечены последние сцены «Идиота». Лик Христа — выше всего. Истина Христа — не доктрина.

Штраус, Фейербах, Белинский, Ренан могут приумножать свои аргументы. Нет нужды в том, чтобы противопоставлять им другие.

Христос, несомненно, — историческая личность, Достоевский и не думает отрицать этого. Речь идет не о мифе, если «миф» означает выдумку, фантазию, иллюзию. Христос воплощает конкретную реальность.

Вырывавшееся против Него нападение во имя логики попросту напрасно.

Возможно, что после письма Н.Д. Фонвизиной³ мысль Достоевского изменилась. Одно несомненно: она по-прежнему

избегала полемики, дискуссий, апологетизма. Она не нуждалась в них.

Достоевский упрекал Белинского не в том, что он отрицает Христа, но в том, что он ругает Его. Разница существенна.

Чудо и логика

В антирелигиозной критике, развивающейся начиная с XVII века, есть элемент, которому принадлежит важная роль: чудо. Вопрос, который оно содержит в себе, предполагает использование логики. Это происходит двумя способами.

Само понятие чуда немыслимо для мысли, которая все подчиняет законам природы, логике этих законов и, в итоге, чистой логике. Перед законом немыслимо предвидеть исключения. Учение Штрауса ясно показывает это.

Но в другой области мысли чудо — не просто предмет изумления. Это и доказательство. В XIX веке в некоторых кругах к нему нередко прибегали для укрепления религиозного чувства верующих, для того, чтобы заставить смолкнуть неверующих. Этот подход — продолжение древней практики, примеры которой мы находим во многих новозаветных текстах.

Проблема чуда с известной настойчивостью возвращается в «Братьях Карамазовых». Будучи излюбленной мишенью агрессивных неверующих, которым противостоял Достоевский, этот вопрос систематически изучается в духе своего времени, через обращение к «Жизни Иисуса» Давида Штрауса (1835) и «Жизни Иисуса» Эрнеста Ренана (1863).

Персонажи романа по-разному относятся к этому вопросу. Повествователь, в роли действующего лица, авторитетно рассказывает о феномене кликуш. Речь о женщинах, которые страдают от припадков истерического характера и издают неистовые крики при разных обстоятельствах, в частности, в церкви. Наложение епитрахили их успокаивает. Повествователь предлагает свое объяснение феномена. Более всего он обеспокоен тем, чтобы опровергнуть идею, что речь идет о притворстве, а значит обмане. Он указывает на данные, полученные от специалистов-медиков: речь о психологической, психопатологической реальности. Заметим вскользь, что упоминаемая здесь психология не принадлежит к разряду «о двух концах»⁴. Ее научный характер более не обсуждается.

Вопрос возвращается чуть позже. «МалOVERная дама» пришла к старцу, видя в нем «великого исцелителя». Она убеждена, что он вылечит ее дочь, страдающую от необъяснимого паралича ног: возложение рук старца на больную барышню уже привело к улучшению ее состояния. Вероятно, в очередной раз речь идет о психологическом феномене. Но дама видит в случившемся чудо (не произнося, однако, этого слова). Нужны ли ей доказательства? Она говорит, что мучается неверием.

Можно видеть в этой сцене пародию на эпизод в «Бесах», где Шатов признается в том, что страдает оттого, что не верует. Можно в очередной раз задаться вопросом, отчего Достоевский осмеивает чувство, которое сам испытывает или испытывал, которое понимает и уважает. При этом он позволяет Ставрогину выпады сомнительного вкуса.

МалOVERная дама пришла к старцу с расспросами. В его ответах можно видеть определенные логические рассуждения. Его речь напоминает, по некоторым пунктам, аргументы епископа Тихона в «исповеди Ставрогина».

Дама сама, впрочем, очень близка к тому, чтобы выявить в потоке своих слов противоречие. Она говорит о том, что ее призвание — пойти в сестры милосердия, и видит свое спасение на этом пути. Однако она не вынесла бы неблагодарности своих больных: «Одним словом, я работница за плату, я требую тотчас же платы, то есть похвалы себе и платы за любовь любовью. Иначе я никого не способна любить!»⁵

Главное слово, конечно, «похвалы». Оно прямо связано с обеспокоенностью, которая терзает даму: представить себя в лучшем свете, быть востребованной. Повествователь вмешивается, потеряв всякую осторожность. Его анализ короток и ясен: «Она была в припадке самого искреннего самобичевания и, кончив, с вызывающею решимостью поглядела на старца» (с. 65).

Замечание, достойное восхищения. Оно позволяет увидеть общее в двух уже отмеченных чертах. Персонаж сам выводит обобщающую идею своего характера, выраженную словом «самобичевание». Но это обобщение — лишь промежуточный этап. И происходит видимая перемена.

Дама сначала говорит, что хочет, чтобы ею восхищались, «и это дурно с моей стороны». И, тотчас после, ее взгляд, ка-

жется, означает: «я хочу, чтобы мной восхищались, и это хорошо!». Эти слова, сказанные или подразумеваемые, связаны с меняющимся отношением к старцу, сначала уважительным, затем — провокационным.

Возможно, не бесполезно заметить, что маловерная дама цитирует известного автора. Ее неверие, по ее словам, происходит от страха смерти. Вопрос о бессмертии души мучает многих персонажей: «Ну что, думаю, я всю жизнь верила — умру, и вдруг ничего нет, и только “вырастет лопух на могиле”, как прочитала я у одного писателя (с. 64)».

Этот писатель не кто иной, как Тургенев. Так изъясняется Базаров в «Отцах и детях»: «А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет... да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну, а дальше?»⁶

Цитата неточна, но смысл сохранен. В устах дамы возвращается не только лопух, но и беспокойство в связи с неблагодарностью того, кому оказывается помощь. Она обвиняет себя в этом опасении — и тотчас восхваляет себя. Настоящая аристократка, она любит народ, но плохо переносит его.

Советы старца должны помочь ей выйти из состояния экзальтации, подобно тому как наложение епитрахили успокаивает кликуш. В целом он советует ей избегать преувеличений, показывая, что они связаны с нетерпением. Он предлагает ей, подобно Паскалю, «поступать точно так, как если бы веровали, — кропить себя святой водой, ходить к мессе и т.д., и сочтется вам»⁷. Долгими усилиями выработанная привычка может привести к вере, которая кажется ей утерянной.

Схожим образом епископ Тихон ведет Ставрогина к обретению душевного покоя. Он советует ему воздержаться от публикации исповеди, что стало бы одновременно театральным и преждевременным действием.

Может ли найти утешение маловерная дама? Когда старец умирает, она ожидает, подобно многим, что тело усопшего чудесным образом не тронет разложение. Она посылает Ракитина, весьма сомнительного типа, которому всецело доверяет, осведомиться в монастыре о том, как разворачиваются события. Когда обнаруживается «тлетворный дух», она «мигом»

меняет мнение: старец для нее не более чем обман. И она упоминает о логике — во всяком случае, о том, как она понимает ее.

Как было сказано, вопрос чуда включает в действие размышления логического характера. Некоторые персонажи «Братьев Карамазовых» (в частности, старец Зосима) относятся к чудесному с большой долей осторожности. Можно предположить, что Достоевский разделяет эту точку зрения. Он позаботился о том, чтобы его повествователь разъяснил, что феномен кликуш объясняется психически или же, во всяком случае, психопатологически. Психология медиков отлична от тех представлений о ней, что можно услышать в салонах.

Старец действует возложением рук и словом. Он мудро говорит «захожему» монаху о том, что его действие — лишь результат Божественной силы: «Об этом, конечно, говорить еще рано. Облегчение не есть еще полное исцеление и могло произойти и от других причин. Но если что и было, то ничьею силой, кроме как Божиим изволением. Все от Бога» (с. 62–63).

Последнюю фразу могла бы произнести Соня.

Позднее мы узнаем, что старцу случалось посоветовать монаху, видевшему демона не во сне, а наяву, «принять одно лекарство». Конечно, прежде он рекомендовал ему молитву. Значит ли это, что он скептически настроен к чудесам?

Возможно, это отражает настроение самого Достоевского. В «Дневнике писателя», где он говорит от собственного имени, он пользуется словом «чудо» с большой осторожностью, кроме, конечно, общепринятых выражений, потерявших всякий смысл, типа «это было настоящим чудом!». Самый поучительный пример — комментарий к делу подсудимой Корниловой. Она выбросила из окна четвертого этажа свою шестилетнюю падчерицу, дочь первого мужа, «причем случилось почти чудо: ребенок не разбился, не сломал и не повредил себе ничего и скоро очнулся; теперь же жив и здоров»⁸.

Выражение было столь же расплывчатым при предшествующем упоминании этого «зверского действия»: «и еще ребенок каким-то чудом остался цел и здоров».

«Чудо» здесь — общее выражение. Вряд ли Достоевский видел в этом счастливом случае доказательство бытия Бога.

В «Братьях Карамазовых» многие верят в чудеса и горько разочарованы, что почитаемый ими старец разлагается, как простой мужик. Его противники, вдыхая тлетворный дух, убеждены, что это суд Божий. Напомним, что конфликт разворачивается не просто между почитателями и недругами Зосимы. Подвергается сомнению сам институт старчества. Многие видят в нем, справедливо или нет, «вредное и легкомысленное новшество» (с. 186).

Чудо, или же его отсутствие для некоторых, — доказательство: «“И почему бы сие могло случиться”, говорили некоторые из иноков, сначала как бы и сожалея, — “тело имел не великое, сухое, к костям приросшее, откуда бы тут духу быть?” “Значит, нарочно хотел Бог указать”, поспешно прибавляли другие, и мнение их принималось бесспорно и тотчас же, ибо опять-таки указывали, что если б и быть духу естественно, как от всякого усопшего грешного, то все же изошел бы позднее, не с такою столь явною поспешностью, по крайности чрез сутки бы, а “этот естество предупредил”, стало быть тут никто как Бог и нарочитый перст Его. Указать хотел. Суждение сие поражало неотразимо».

Слова «значит», «стало быть» возвращаются. И, как в других случаях, «если» («б и быть духу естественно») указывает на наличие аргументации, следствие логического характера. Несомненно, высказанные предположения — не те, которыми оперируют в наши дни. Но эти доводы вполне оправданны.

Быть может, Достоевский сомневается в пользе логики в своих размышлениях о богословии. Быть может, этот тип аргументации представлялся ему «фантастическим».

Во всяком случае, ясно, что он яростно осмеял добряка Ферапонта, столь же безумного, что Белинский. Отец Ферапонт видит собственными глазами чертей, что множатся в монастыре; ему удалось прижать хвост одного из них в дверной щели, так что тот «подох, как паук давленный» и «теперь надоть быть погнил в углу-то, смердит». Отец Ферапонт — тот самый монах, возмущенный тем, что старец посылал к врачу монаха, одолеваемого дьявольскими видениями.

Отметим, что в своих записях Достоевский упоминает реальную личность. Речь о митрополите Филарете. Задаваясь вопросом о правах на послушание, он добавляет в скобках

Н.В.: «Справиться о том: может ли юноша, дворянин и помещик, на много лет заключиться в монастыре (хоть у дяди) послушником? (Н.В. По поводу провонявшего Филарета)».

Действительно, во время кончины митрополита в 1867 году по Москве разнесся слух, что его труп разлагается с неестественной быстротой. Князь Одоевский записывает в своем дневнике оскорбительную эпиграмму об усопшем, которая быстро расходится по всему городу:

Вы слышали про слухи городские?
Покойник был шпион,
чиновник, генерал, —
Теперь по старшинству произведен в святые,
Хотя немножко провонял...⁹

Неизвестно, как Достоевский среагировал на эту шутку. Дошла ли она до него? Какой повод мог быть у него для нападения на автора Закона Божиего его детства; на человека, осмелившегося переводить Библию на русский?

Или же воспоминание об этом эпизоде и побудило его возмутить несколько благочестивых душ, ускоряя разложение тела своего старца? Имеющихся доказательств недостаточно. Однако это совпадение тревожит.

В романе, как в жизни, простые души ждут чуда и возмущены, что оно не происходит. Однако для Достоевского дело не в том, чтобы просто принять точку зрения Штраусов и Фейербахов и категорически отвергнуть возможность чуда. Вновь его интересует не полемика. Он вводит действующее лицо, мысль которого по этому поводу остается неоднозначной.

Отец Паисий беспокоится по поводу оживления, которое царит в монастыре и за его стенами: «Это великое ожидание верующих, столь поспешно и обнаженно выказываемое, и даже с нетерпением и чуть не с требованием, казалось отцу Паисию несомненным соблазном и, хотя еще и задолго им предчувствованным, но на самом деле превысившим его ожидания. Встречаясь со взволнованными из иноков, отец Паисий стал даже выговаривать им: “Таковое и столь немедленное ожидание чего-то великого... есть легкомыслие,

возможное лишь между светскими, нам же неподобающее» (с. 366).

Не впервые отец Паисий выражает определенную снисходительность по отношению к «светским». Однако здесь она, если должно верить повествователю, в некотором противоречии с ним самим: «...хотя и возмущался слишком нетерпеливыми ожиданиями и находил в них легкомыслие и суету, но потаенно про себя, в глубине души своей, ждал почти того же, чего и сии взволнованные, в чем сам себе не мог не сознаться».

Нет сомнений, что именно поэтому он так ласково обращается к Алеше, которого неожиданно встретил на выходе из кельи. Монах говорит ему: «Или и ты соблазнился? ...Да неужто же и ты с маловерными!» (с. 377).

Алеша не отвечает. Он поспешно покидает монастырь.

Роман вступает на необычный путь. Летописец уклоняется в длительный комментарий и высказывается по поводу произошедшего: «На горестный вопрос отца Паисия, устремленный к Алеше: “или и ты с маловерными?” — я, конечно, мог бы с твердостью ответить за Алешу: “Нет, он не с маловерными”. Мало того, тут было даже совсем противоположное: все смущение его произошло именно оттого, что он много веровал. Но смущение все же было, все же произошло и было столь мучительно, что даже и потом, уже долго спустя, Алеша считал этот горестный день одним из самых тягостных и роковых дней своей жизни» (с. 378).

Следует ли различить в этих словах голос писателя? Несомненно. Но гораздо важнее проследить, как один человек может понять другого, как ему удастся пережить то, что переживает другой.

Этому не следует удивляться. На карту поставлена другая сторона профессии комедианта, к которой Достоевский столь чувствителен. Речь более не о притворстве, не о пасяничестве, не об обмане других, не об обмане самого себя. Совершенно осознанно и с полной симпатией принимается роль другого.

Вопрос не в том, существует ли чудо. Нужно понять, почему страдает Алеша. И летописец «Братьев Карамазовых», как и повествователь в «Идиоте», отказывается судить: «Попросил бы только читателя не спешить еще слишком смеяться

над чистым сердцем моего юноши. Сам же я не только не намерен просить за него прощенья, или извинять и оправдывать простодушную его веру его юным возрастом, например, или малыми успехами в пройденных им прежде науках и пр. и пр., но сделаю даже напротив и твердо заявлю, что чувствую искреннее уважение к природе сердца его».

«Братья Карамазовы» — лишь первая часть романа, за которой должна была следовать вторая. Нам неизвестно то, что должно было случиться с Алешей в ходе продолжения этого повествования. Можно предположить, что он должен был стать третьим воплощением «великого грешника», агиографическое сказание которого хотел изложить Достоевский. Надо полагать, что Алеша был мучительно ранен смертью старца и несвершившимся чудом, как в случае судебной ошибки, жертвой которой стал его брат Дмитрий. Думал ли Достоевский показать момент, когда отчаянье всецело охватило его?

В одном можно быть уверенным: не путем рассуждений находит он мир и душевный покой. Но его автор ничего не говорит об этом.

Чаемое чудо не свершилось. Старец отошел, и его враги торжествуют: «Но кто это? Кто? Опять раздвинулась комната... Кто встает там из-за большого стола? Как... И он здесь? Да ведь он во гробе... Но он и здесь... встал, увидел меня, идет сюда...» (с. 404).

Алеша видит, как старец идет к нему. Он слышит его слова, его увещевание к радости: «А видишь ли Солнце наше, видишь ли ты Его?» (с. 404).

Достоевский прибегает к хорошо знакомому ему приему, которым он уже пользовался, в частности, в «Преступлении и наказании»: герой переживает исключительное мгновение. Он глубоко потрясен тем, что является ему. Внезапно наступает пробуждение. Это было только видением: Алеша Карамазов был на Кане Галилейской и, издали, видел Христа.

Достоевский, подобно своим многим современникам (вспоминается сон Жана Вальжана в «Отверженных» Виктора Гюго¹⁰), выстраивает рассказ о сновидении иначе, чем его предшественники. Рассказы о снах у Шекспира и Расина, как и в Библии, организованы на пророческий манер: они вещают будущее. Видение Алеши, как сны Свидригайлова, яв-

ляет новый эпизод на основе воспоминаний из давнего или недавно пережитого прошлого. Например, в нем аллюзивно возникает поучительная история о луковке, рассказанная чуть раньше Грушенькой. Другие детали напоминают, что грезящий находится в келье старца, где отец Паисий читал вслух место о чуде превращения воды в вино, о котором евангелист Иоанн говорит, что оно было «первым из знамений, совершенных Иисусом» (Ин 2: 11).

Алеша выходит из кельи, покидает скит. Под звездным небом он переживает экстатическое мгновение: «И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты» (с. 406).

В этот момент роман разворачивается в атмосфере чуда, хотя не происходит никакого чуда и чудеса, как кажется, принадлежат отдаленной эпохе, о которой говорят уважительно, но которая исчезла навсегда. То, что испытал литературный герой, то, что он пережил, — важнее, чем объективная реальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Достоевский Ф.М.* Идиот // Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9. Лг.: Наука, 1989. С. 456–457.

² «В картине... г-на Ге просто перессорились какие-то добрые люди; вышла фальшь и предвзятая идея, а всякая фальшь есть ложь и уже вовсе не реализм. Г-н Ге гнался за реализмом» (*Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. Гл. IX: По поводу выставки, 1873 год // <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/dnevnik/1873/1873-ix-povodu-vystavki.htm>).

³ Речь о письме Ф.М. Достоевского к Н.Д. Фонвизинной, написанном из Омска в феврале 1854 г., вскоре после окончания каторги, в котором Достоевский пишет свои ставшие знаменитыми слова: «...если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (<http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-fonvizinoj-konec-yanvary-a-20-e-chisla-fevralya-1854.htm>). Письмо анализируется Жаном-Луи Бакесом в главе «Agression logique» (Логическая атака / нападение), которую мы планируем к публикации в одном из следующих номеров.

⁴ Аллюзия на слова Порфирия Петровича из «Преступления и наказания»: «...да ведь улики-то, батюшка, о двух концах, большею-то частью-с, а ведь я следователь, стало быть, слабый человек, каюсь:

хотелось бы следствие, так сказать, математически ясно представить, хотелось бы такую уличку достать, чтоб на дважды два — четыре походило!»

⁵ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы (часть I–III) // Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9. Лг.: Наука, 1991. С. 65. В дальнейшем цитаты из романа приведены по этому изданию с указанием страницы в скобках.

⁶ *Тургенев И.С.* Отцы и дети. Гл. XX.

⁷ *Паскаль Б.* Мысли / пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю.А. Гинзбург. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. С. 188 (афоризм 233).

⁸ [https://ru.wikisource.org/wiki/Дневник_писателя._1877_год_\(Достоевский\)/Апрель/Освобождение_подсудимой_Корниловой](https://ru.wikisource.org/wiki/Дневник_писателя._1877_год_(Достоевский)/Апрель/Освобождение_подсудимой_Корниловой)).

⁹ Одоевский В.Ф. Запись от 28 ноября 1867 г., <http://odoevskiy.lit-info.ru/odoevskiy/dnevniki/dnevnik-1859-1869/1867-god.htm>.

¹⁰ См. главу «Формы, которые принимает страдание во время сна».

*Перевод с французского и примечания
Татьяны Викторовой*

Возможна ли фантастическая логика?

(Предисловие к книге Жана-Луи Бакеса

«Достоевский и логика»)

Решимость изобразить Достоевского как логика вместо того, чтобы намертво приклеивать его имя к Богу, к свободе, к злу или к России, приведет либо в замешательство, либо в раздражение всех апологетов «русской души», тех, что любят цитировать стихи Тютчева «Умом Россию не понять». Жан-Луи Бакес шутливо изображает удивление: «Русский, верующий, романист, Достоевский, должно быть, только логикой и занимался». Вместо того чтобы превозносить иррациональную русистику, он выискивает отрывки, в которых его герои строят силлогизмы или выводят умозаклучения через абсурд. Иногда это второстепенные персонажи — как вдова Хохлакова в «Братьях Карамазовых», которую опьяняет последовательность рассуждения и у которой все становится «математикой». Протагонисты его романов, Раскольников, Ставрогин или Иван Карамазов, тоже не брезгают играми с формами, предусмотренными правилами аргументации. В самых знаменитых отрывках из произведений Достоевского мы тоже довольно часто находим условное предложение с дедуктивной прямолинейностью: «Если Бога нет...» Или еще: «Не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной» («Бесы»). Скрупулезно проанализировав использованные типы высказываний, в опоре на переписку Достоевского, обсуждая разные переводы, превратив эту скучную тему в конкретную и живую, Жан-Луи Бакес направляет ход исследования в соответствии с его собственными разработками, например, гетерогенности или гиперболы. Он доходит даже до того, что отыскивает тот учебник логики, который писатель изучал в юности! Он показывает, что, хотя Достоевский не более профессиональный логик, чем профессиональный философ, правила умозаклучения его все же интересуют в наивысшей степени.

На самом деле для писателя логика — это отнюдь не определенная и абсолютная данность человеческой мысли. В крике рассказчика из «Записок из подполья», возжелавшего, чтобы «дважды два» было «пять», мы угадываем бунт самого Достоевского. Логика для него — это проблема. Она есть прежде всего потому, что являет себя как нечто абсолютно непреложное. Она хочет подавить нашу неугасимую жажду свободы и беспорядка. Как и законы природы или общества, логика навязывает нам царство необходимости. Но что-то в нас этому противится. Чтобы не поддаться ей, хотя и признавая присущую ей силу, герои Достоевского отдаются гневу или совершают злодейства просто так, «без казуистики». Достоевский описывает реакцию современного человека, на которого все больше и больше давит логика. Нет ничего хуже, от промышленного капитализма XIX века до глобализации, чем речи, провозглашающие, что альтернативы этому нет. Вызванная ими ярость сопоставима с их показной рациональностью.

Логика ставится под вопрос и самим временем, в которое живет Достоевский. Начиная с 1860 года, Россия вступает в период исторических потрясений. Старая патриархальная логика, укорененная в традиции, в неизменной приверженности к религии и монархии, опрокидывается осознанием своих интересов, вдохновленным утилитаризмом или революционной логикой «чистого листа». Капиталистическая модель поведения превращает все существующее в предмет обмена — даже человека, как Настасью Филипповну, женщину, которую в «Идиоте» продают и покупают. А революционный проект, в свою очередь, обесценивает общество и пытается установить неограниченную свободу средствами неограниченного деспотизма. Достоевский знает, что возврат к порядкам древности иллюзорен и что его страна несется в хаотическую или тоталитарную неизвестность. Но он не решается на потребительскую логику Хрустального дворца (по названию посещенного им лондонского выставочного центра), согласно которой экономика, социология, психиатрия, история превращают нас в удовлетворенных рациональных агентов. Наконец, в своих романах Достоевский описывает героев, захваченных идеями до такой степени, что те уже и сами становятся одержимостью или идеологией. Как новая

и живая идея может пасть до уровня замкнутого дискурса, до того, что Ханна Арендт называет, в своем определении идеологии, «идеологией» — логикой идеи? В такой логике нет места непосредственности.

Поскольку возвращение вспять невозможно, можно ли проследить маршрут новой логики? За несколько лет до того, как Достоевский занялся ее разработкой, математик Николай Лобачевский перевернул основания евклидовой геометрии и проторил путь к иным типам рациональных построений, которые назовут аксиоматическими. На стыке XIX и XX веков в центральной Европе и Великобритании логика становится революционной. Вместо копирования законов языка, как это было со времен Аристотеля, она, под влиянием Фреге, Витгенштейна и Расселя, осваивает чисто математическую форму. Основной замысел работы Жана-Луи Бакеса состоит в том, чтобы показать, что и Достоевский на свой манер, романический и своеобразный, вносит свой вклад в это обширное поприще: *«Предположив, что дважды два может быть пять, не уловил ли Достоевский интуитивно относительность точных наук? Не предугадал ли он, по аналогии, что могут существовать и иные логики, помимо той аристотелевской логики, какую ему преподавали?»* — задается он вопросом.

Итак, Достоевский дестабилизирует, нарушает господствующую логику. Его герои без конца бросают ей вызов, они руководствуются *«возможностью бесконечной перемены взглядов»*. Они занимают позицию вызова пред лицом всего того, что могло бы свести их к окончательной формуле. *«Сколько личностей в одном персонаже?»* — спрашивает Жан-Луи Бакес. Он анализирует, каким образом *«Достоевский начинает создавать все более и более сложных персонажей, поведение которых бросает вызов тому, что, по нашему представлению, должно быть логикой»*, и, в частности, появление у него *«противоречивых характеров»*. Такая логика, однако, не имеет ничего общего с диалектикой. Противопоставление этих различных позиций никоим образом не выводит к разрешению: *«Нужно говорить не столько о противоречиях, сколько о разнородности»*. Читатель тут имеет дело с *«множественностью структурированных, но незаконченных систем»*. Раскольников с первой по последнюю страницу «Преступления и наказания» предстает одновременно как молодой бунтарь, любящий сын, убийца, кающийся грешник,

больной человек... Ни одно из этих качеств не превалирует над другими. Неопределенность правит бал, без перспективы примирения.

Достоевский не верит в превосходство ума — ни такого, как у Разумихина, верного друга Раскольников, фамилия которого образована от слова «разум», ни такого, как в психологической науке, неспособной вычислить, кто же убил старика Карамазова, как на судебном процессе его сына Дмитрия. Привычных ориентиров — диалектики, здравого смысла, науки — недостаточно для объяснения человеческого поведения. Какая же логика, по его мнению, задействована здесь? Она обнаруживает себя в том ключевом отрывке, который анализирует Жан-Луи Бакес. Все в том же «Преступлении и наказании» беспокойный Свидригайлов рассказывает, что регулярно видит привидение своей умершей жены, и отвечает Раскольникову на его предложение «сходить к доктору»:

«Они говорят: "Ты болен, стало быть, то, что тебе представляется, есть один только несуществующий бред". А ведь тут нет строгой логики. Я согласен, что привидения являются только больным; но ведь это только доказывает, что привидения могут являться не иначе как больным, а не то, что их нет, самих по себе».

Здесь логика помогает опровергнуть так называемую реалистическую позицию, отрицающую какую бы то ни было ценность видений болящего ума. Она предполагает гетерогенную концепцию мировосприятия, в которой ни один модус восприятия не превалирует над другими. Мы знаем, что Достоевский защищал, вопреки подражательному реализму и аллегорическому стилю, «фантастический реализм». Он вводит здесь *фантастическую логику*, которая оставляет возможность *логоса* всем — безумцам, больным, извращенцам, пьяницам и шутам. У многих других его персонажей, от Голядкина, героя «Двойника», до Ивана Карамазова, бывали видения. По инклюзивной логике Достоевского, поскольку восприятие было сильным, а эффект реальным, такие видения имеют право быть упомянутыми. Жан-Луи Бакес предполагает, что логика $2 \times 2 = 4$, возможно, является всего лишь «частным случаем» более глобальной логики. Опрокидывая перспективы, Достоевский делает из правильного умозаключения лишь одну из возможностей среди других, внутри структуры, в которой все варианты занимают каждый свое место.

Такая фантастическая логика выражает бытие-в-мире персонажей. Оно, разумеется, идеологично, потому что у Достоевского почитают понятия и теории. Но оно также телесно, каждый персонаж, движимый насилием или желанием, проходящий через разные болезни, полон слов и криков, отражающих его очень телесное отношение к миру и к другим. Князь Мышкин развивает свою собственную логику, идущую от максимальной открытости другим до эпилептического экстаза и до падучей после него. Ставрогин, ощутимо оторванный от себе подобных после насилия над маленькой девочкой, лелеет холодную и отрешенную логику, перемежающуюся проблесками насилия. Дмитрий Карамазов, разрываемый между идеалами, которых он не способен достичь, и наклонностями, которые он не способен побороть, обречен на логику постоянного ухода и возвращения.

У Достоевского идеи неотделимы от телесной жизни. Логика оказывается воплощенной. Поэтому и исследование Жана-Луи Бакеса читается одновременно и как утонченный детективный роман, и как трактат по логике.

Перевод с французского Натальи Ликвинцевой

Памяти Филиппа Жакоте
(1925–2021)

ЖАН-ЛУИ БАКЕС

Rue de la Glacière, или Дом поэта

Ив Бонфуа* любил рассказывать забавную историю, которая, при некотором размышлении, становится притчей.

Он бродил по Гриньяну под раскаленным солнцем. Городок был небольшой, но он заблудился. Он спрашивал дорогу у редких прохожих. Улица, которую он искал, по иронии судьбы называлась «Ледниковой»**. Невероятно, но никто не мог указать ее. Его отправляли на север, на юг, на восток. Напрасно. Быть может, он неправильно запомнил название?

Приближается женщина. Последняя попытка. По виду — какая-то кумушка. Славная и простодушная. Он обращается к ней. Она тоже не знает. Теряя терпение, на пределе сил, он почти кричит: «Я ишу дом друга, поэта!» Она отвечает ему: «А, так вы ищите месье Жакоте! Это совсем рядом. Я провожу вас».

Слово, одно слово, которое ведет к освобождению, — слово «ПОЭТ».

* Французский поэт, автор поэтических сборников *Pierre écrite* (1958), *L'Heure présente* (2011), *Ensemble encore* (2016); эссе о поэзии и живописи, монографий о Гойя, Леонардо, Рембо, Джакомо-метти... Друг Филиппа Жакоте. См. посвященную ему рубрику в № 206 (2016 г.) «Вестника», где опубликовано также слово Ф. Жакоте в связи с кончиной И. Бонфуа 1 июля 2016 г. — *Примеч. пер.*

** Rue de la Glacière. См. фото. — *Примеч. пер.*

Улица Glacière в Гриньяне. Фото Татьяны Викторовой

Жакоте — поэт. Это сказано на все лады. Говорят о его обостренной чувствительности, его тонкости, его искренней любви к миру.

Стоит, пусть и вскользь, коснуться его профессии. Переводить для поддержки существования — несомненно, почетное дело. Жакоте очень много переводил.

Говорят, что поэзию должны переводить поэты. Возможно, это так. Однако возникает сомнение. Имеет ли в самом деле смысл эта фраза? Быть может, она не что иное, как покров тайны, наброшенной на пропасть тьмы?

Стоило бы детально присмотреться, как переводит Жакоте. Известный факт: для того чтобы переводить Мандельштама, Жакоте выучил русский язык. Многие могут рассказать о том, что он говорил по-русски с трудом, ему не хватало практики, но что он достиг очень точного понимания слов и смысловых оттенков. Это было для него первейшей необходимостью, поскольку его главной заботой было уважение

к тексту, его собственное смирение по отношению к нему. Он отказался от очень распространенного метода, который состоит в украшении высокопарными выражениями верного, но плоского перевода.

Стоять за слова, быть восприимчивым к дыханию, мелодике, равновесию. Потрясающе интересно изучать то, как он, по просьбе издателя, заново перевел переводы XIX века, весьма академические, немного школьные. Его Леопарди в этом смысле — исключительный образец. Порой лишь одно переставленное слово позволяет прозе зазвучать.

Он начал писать александрийским стихом. Классический стих, со своими правилами, — путеводитель, который позволяет понять, чем является ритм. Он может стать оковами. Жакоте достаточно быстро доверился верлибру: чтобы играть, подобно музыканту, с подобиями и контрастами, чтобы фраза, тонко ритмизованная, согласовывалась с движением образа.

Нужно читать его стихи медленно, тихим голосом. Слова становятся светом.

Prends dans mes paumes, pour ta joie,
Un peu de soleil et un peu de miel.

Это совершенное двустишие — дань Мандельштаму.

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда.

Перевод с французского Татьяны Викторовой

Памяти Филиппа Жакоте

На исходе долгой и очень плодотворной жизни ушел от нас Филипп Жакоте, ушел неприметно 24 февраля прошлого года, будто исчез, чтобы вызвать в памяти то глубокое движение, которое все время возвращается в его творчестве. Конечно, уже прозвучали здесь слова в его честь и справедливые воздаяния его творческому наследию. Его похороны на кладбище в Гриньяне прошли в семейном кругу. Вечер памяти был организован позднее, 7 июля, но в местном масштабе, в рамках Фестиваля переписки, который ежегодно проходит в Гриньяне в начале лета. Многочисленные друзья и поклонники пришли тогда послушать, как два актера, знакомые с его творчеством, читали по очереди его стихи и прозу. Хотелось бы более разнообразных форм и большего отклика, но тут стоит вспомнить его собственную сдержанность, те сомнения, в которых он признавался даже в своих словах благодарности за те престижные премии, которые получал. Этот свободный вход в его поэзию, под огромными платанами, прямо посреди гармоничной аллеи, на которой расположен рынок, конечно, больше соответствовал той скромности, которую он проявлял всю свою жизнь как обитатель этой местности, всегда стоящий на страже своей драгоценной уравновешенности, но всегда сдержанный в отношении всего, что могло показаться официальным.

Благодаря знакомству через общих друзей, я впервые побывал у Филиппа и Анны-Мари в конце шестидесятых годов. На меня произвели впечатление его великие переводы — Гельдерлин, Музиль, Рильке — и точно так же меня захватила и его собственная поэзия и все, что он писал, что эту поэзию предваряло или продолжало, и прежде всего вписанность этого творчества в сам пейзаж южной стороны департамента Дром. Когда я читаю Жакоте, я вижу этот пейзаж, радуюсь этому свету, этим тенистым и благоухающим растениям, Предальпам, ярусами поднимающимся на фоне горы Ванту.

Несколькими годами позже я занялся переводом переписки между Гофмансталем и Рихардом Штраусом для

поэтического журнала «La Délirante», и его одобрение мне было тем более важно, что он сам вызвался посмотреть мой перевод. Я тогда только начинал работать на Кэ д'Орсэ и обнаружил, с каким живым интересом он относился к международным делам. Когда же я стал работать в Москве и жил там вместе с женой, тоже дипломатом, то мы обсуждали с ним ситуацию в стране, литературную жизнь, великих авторов, в частности Мандельштама, еще не слишком тогда известного ни во Франции, ни в Советском Союзе. Открытие этого поэта стало для него поэтическим шоком, пробудившим его собственное творчество и побудившим его выучить русский язык, чтобы его переводить. Затем мы бывали у Жакоте и вместе с нашими детьми, в том числе и в его «хижине», летнем убежище посреди поросшей кустарником пустоши под Гриньяном.

Могила Филиппа Жакоте (30 июня 1925, Мудон – 24 февраля 2021, Гриньян) в местечке Гриньян в Провансе, где он провел последние годы жизни. Фото Татьяны Викторовой

Существенный поворот произошел позднее, когда в 1992 году я был послом в Москве, сразу после падения СССР: для населения жизнь была тяжелой, политическое напряжение сильным, но пали запреты, и появились новые возможности. Благодаря масштабной программе поддержки переводов, запущенной Францией, я смог запланировать публикацию «Избранного» Филиппа Жакоте в переводе Валентина Ширяева, осуществленную молодым издательством «Русский путь», во главе которого стоял Виктор Москвин. И вот теперь все было готово для поездки в Россию, и мы смогли принять у себя Филиппа и Анн-Мари, организовать поэтические вечера, чтобы представить его здесь нашим друзьям — поэтам, художникам, редакторам журналов, литературным критикам и издателям — в ходе той наполненной событиями поездки в Москву, а затем в Санкт-Петербург. В своем предисловии к этому сборнику я попытался представить этого еще не известного русскому читателю поэта при помощи некоторых сопоставлений: с иконописцем, который всматривается в духовную глубину, а затем словно отходит в сторону, чтобы передать свет; затем с Мандельштамом, конечно, который вышел «из почти пятилетней немоты... раздираемый ликующим звуком трубы архангела Гавриила», его освобождения, ставшего, пятьдесят лет спустя, отголоском того, что поэт испытал во время своего «Путешествия в Армению». Эта столь невероятная точность, эта общая прозрачность, все та же свежесть, обретенная и сохраненная сквозь все испытания, были на обоих языках переданы этим произведением и этим путешествием.

Уже подготовленная в первой версии в 1992 году, до того, как он открыл для себя страну, опубликованная небольшим тиражом в 2002 году книга «Начиная со слова “Россия”» развернула сполна все то, что и готовило на глубине саму возможность этой встречи, этого долгого ученичества сердцем у «огромной протяженности Востока», впервые впитанной в детстве вместе с романом Жюль Верна «Михаил Строгов», затем продолженного русским опытом Рильке, рассказами Чехова, а потом и «внутренним жаром» Достоевского, особенно сильным у князя Мышкина, в котором он видит не столько «идиота», сколько «невинного», и, наконец, Мандельштамом и его продолжением у Ариадны Эфрон, дочери

Марины Цветаевой, и Варлама Шаламова. Для Жакоте страшные описания у последних двух авторов подтверждают, что «на глубине ада не огонь», а холод и мрак, образ из девяттого круга дантовского ада, и при этом их язык укреплен, поэтическое слово выстаивает навстречу и вопреки всему, как «крепость». Родство это, явленное в середине его жизни, затем оказывало долгое и глубинное влияние на сами истоки его творчества, и, по правде сказать, не только творчества, но и всей жизни.

Жакоте довольно часто честно признавал собственную хрупкость, свои сомнения, даже страх, свою долю тьмы, но никогда не переставал искать света и замирать перед чудом и мощью жизни, противостоящей всем видам упадка во всем, вплоть до мельчайших деталей пейзажа. Когда я только начинал его читать, то уже сразу признал в нем часового, проводника, пастуха, требовательного хранителя, не устающего первым вас окликать. Стоит подчеркнуть в этом отношении, какую решающую роль в его творчестве сыграл переводческий труд, предпринятый, конечно, по необходимости, но и из дисциплины, но и на службе у «природной жизни иностранного стихотворения». В этой утомительной практике, похожей на разминку для танцора, обретала форму внутренняя сила Жакоте, его упрямый отказ от всех форм современного нигилизма. Сопротивленец, разворачивающий свою партизанскую войну сквозь время и традиции, долгосрочный боец, готовый, как Исаия, держать лицо, «как кремль», противостоя ужасу, всегда осознающий слабость собственного оружия, но при этом непреклонный в том, что касается предельной силы слова, воспевающего красоту мира, он прямо подхватывает призыв Одена из его стихотворения «Памяти У.Б. Йетса»: «Научи из стен темницы — как свободному молиться».

А как же мир иной? Как нам разглядеть, на самом краю этой исключительной жизни, ответ Филиппа Жакоте на самый важный вопрос? Он словно рассеян по всему его творчеству, хотя и не сформулирован четко. Конечно, стоит отметить, что отсылка к христианству присутствует тут всегда, хотя каждый раз неявно: заклинание, комментарий, воспоминание, образ, но никогда не собственный голос. Мы быстро понимаем, что довольно давно он отказался от

установившихся практик, осудил тщету ритуалов, возненавидел симулякры. Но его коснулась истина полифонической гармонии в православной литургии, он восхищался романскими церквями, «вынашивающими своего бога в утробе», сполна услышал крик псалмов в музыке Баха и цитировал Данте при каждом удобном случае, от Моранди до Шаламова, которым протягивал руку, как Вергилий протянул ее Данте. Он уловил глубину Христова слова, которое было изначально «ошеломляющим и свежим», но остался стоять в отдалении, в вопрошании. Он без конца возвращался к этому великому рассказу, чтобы обрести его след в сегодняшней реальности, чтобы, на свой скромный лад, тоже сделать что-то для того, «чтобы бесконечное могло войти в конечное и осветить его», чтобы сказать, что «в мире светит свет не от мира».

Однако в последние месяцы жизни, с «Кларте Нотр Дам», текстом, за который он принимался множество раз за последние восемь лет и который вышел ровно в момент его смерти, он продвинулся еще немножко дальше: от «необычайно ясного перезвона колоколов», созывающих на вечерню в монастырь неподалеку от Гриньяна, Жакоте перебрасывает взгляд на собственное творчество и обнаруживает в нем, как он говорит, «поверхность смыслов, столь же хрупких, но столь же и стойких, как и все эти знаки, сборщиком которых я был тогда, “собирателем” и очень неуклюжим переводчиком». Несмотря на столь частые провалы в ужас, всегда останется «глухая радость» каждого стихотворения и, еще выше, радость «Патмоса» Гельдерлина, из которой он черпает свой собственный призыв:

Совсем близко,
Но труднодоступен Бог,

Но там, где опасность, верь,
Там и то, что спасет.

<...>

Дай нам невинную воду,
О, дай нам крылья...

До самого конца, до этого последнего, емкого признания, которое нужно читать и перечитывать, как он сам его перечитывал и длил, мы находим этот чудесный дар всего его творчества и всей его жизни, и тогда мы в свою очередь можем подхватить то, что он нам доверил на нескольких страницах «Хутора», одного из самых прекрасных своих текстов, когда он описывает в высшей степени символическое приближение к ущелью, и ритм рождается из почти литургических слов: «Передайте другим».

Перевод с французского Натальи Ликвинцевой

От *memento mori* до *memento nasci* —
вслед за Филиппом Жакоте

«Чем больше старею, тем больше я расту в неведение». Дело было в 1957 году, автору было тридцать пять лет, мне — двадцать пять. Я купил один из первых сборников Филиппа Жакоте, «Непосвященный». Подобная декларация старости и неведения, чего-то вроде сократической мудрости, меня не тронула. Но зато помню, что мне понравилась элегантность, почти японская деликатность некоторых черт, оттенки дождя; атмосфера сожаления, напоминающая Дю Белле, мною очень любимого, читанного и читаемого до сих пор в плеядовском сборнике, полученном в лицее имени Блеза Паскаля в Клермон-Ферране в ту допотопную эпоху, когда за хорошую учебу в конце года тебя еще могли наградить книгой. Но «Непосвященный» меня не убедил. Потому что тогда я читал и перечитывал Шарля Пеги, который меня покори́л и затмил собою все прочие голоса. Его «Ева» меня поглотила, волна Пеги принесла открытое море, брызги Божественного, радости Воскресения. Пеги остается центральной фигурой. Гораздо позже, когда я уже преподавал в Женеве, мы, конечно, говорили о Жакоте. Жан Старобински написал предисловие к одной из его книг; Марсель Раймон, с которым мы познакомились в Картины, подарил мне его последнюю книгу, «Смятение и присутствие, страницы из дневника 1950–1957», скромную книжечку, которая стала бесконечно близкой и бесконечно *надобной*. Той *надобностью*, которая выше любого «на потребу времени», вне морализаторства и эстетства.

В тот год, когда скромно вышла «Смятение и присутствие», появились и «Уроки» Жакоте. Затем в серии «Плелы» вышел Гельдерлин с дерзновенными переводами Жакоте. И наконец, приобретя недавно плеядовский том, ему посвященный целиком, еще при жизни, я вдруг обнаружил тот огромный и удивительно *единый* текст, который образует творчество Жакоте. Я нашел в нем «Непосвященного», «Сипуху». С возрастом (моим, его) что-то изменилось. Жакоте

часто говорит о том, что «все течет» и что «нельзя искупаться в одной и той же воде». Он с литературной утонченностью определяет то, что я назову непрерывным, неприметным, но неумолимым прибором его *memento mori*: что-то сугубо внутреннее, сугубо близкое добавилось как к его поэзии, так и к его прозе, обогатив его огромный текст. Если не опыт страдания, то по крайней мере опыт *предела*.

Будь спокоен, это придет! Ты приближаешься,
Ты горишь!

Что это, игра, жмурки, когда мы то удаляемся, то «горим»? Конечно, нет, потому что «горим» мы все время, и, как говорит поэт и умелый жонглер словами Филипп Жакоте, «от одного слова до другого ты постарел». Сильная формула, но не совсем справедливая, можно сказать и наоборот. Это снова оригинальное *memento mori*. От одного слова до другого протекло, как от одного до другого купания в бурной воде потока. Разве что можно почувствовать и противоположное, и это тоже понял Жакоте. По мне, так в разливе «Войны и мира» я молодею, и в огромной шаманской литании «Евы» молодею. Воскресение, по Пеге, это не догма, не метафора, а сон наяву.

Когда я занимался философией в лицее, мне нравились стоики, я писал работы об абсолютности водораздела между жизнью и смертью: «Пока ты жив, ты живешь; умерев, ты больше не живешь, все разделяется на два этих состояния, и абсурдно вспоминать или предчувствовать одно из них, если ты находишься в другом». Мне вспоминается, что Этьен Борн, наш преподаватель философии в лицее Луи-ле-Гран, католический философ, суровые и требовательные уроки которого мне очень нравились, поставил положительную отметку на полях моего сочинения. «*Memento mori*» никогда не имело и все еще не имеет для меня смысла, несмотря на возраст, на старение и на вроде бы неминуемое приближение к тому моменту, который назван латинским глаголом «*mori*». «Мы приближаемся к камню», — пишет Жакоте, прикасаясь своей рукой к сухим костям.

Как и другой, близкий ему поэт, Иосиф Бродский, он часто вспоминает о праздновании 1 января; то есть об этом неумолимом ходе часов, этом «тик-так», управляемом

вселенским законом тяготения, — следим ли мы за ним по пестрой процессии астрономических часов Страсбургского собора, или же по роскошному зрелищу огромных часов «Павлин» в санкт-петербургском Эрмитаже, или попросту сверяем его невидимую поступь по своим наручным часам Swatch. Итак, поэт в Агридженто 1 января 1953 года, ему 28 лет; мне же тогда 18, и я сижу на уроках Этьена Борна по стоикам и Спинозе.

Начался дождь. Сменился год.

Ты же видишь, что наша душа обречена на сожаления.

Они с подругой приехали в Агридженто, город в Сицилии, куда когда-то приехал из Афин Платон, чтобы оказать помощь и просветить тирана Великой Греции. До того как его бросили в тюрьму, до того как Эмпедокл, которого, по легенде, преследовали жители Агридженто, бросился в кратер Этны. Жакоте перевел не пьесу, а стихотворение «Эмпедокл», в котором наставник Агридженто бросается в Этну, а поэт любовно следует за ним, не удержи его любовь от того, чтобы

Последовать за ним, за героем, в самую пропасть.

В пьесе Гельдерлин ведет нас вплоть до той самой минуты, которая предшествует прыжку в Вечность. Эмпедокл делает все, чтобы скрыть свое намерение от сопровождающего его любимого ученика. Они пришли сюда, говорит он, не ради Платона, не ради его же, Эмпедокла, но «ради нежности воздуха, ради забвения смерти, ради Золотого руна». То есть ради краткого бессмертия солнечного счастья. Напрасно, ибо это золотое руно, украденное Ясоном в Колхиде, это краткое забвение, уворованное у *memento mori*, остаются, по Гельдерлину, «на пороге», и забвение о забвении смерти «само затем оказывается забытым». Опушка, граница оказывается замаскированной до самого последнего мига. Та опушка, по которой долго шел и Иосиф Бродский, например, в своем стихотворении «Исаак и Авраам», в котором мы видим, как отец с сыном поднимаются на гору и как отец скрывает от сына свой пагубный замысел.

Я по-прежнему с легким недоверием отношусь к утонченной неопределенности добра в поэзии Филиппа Жакоте. Конечно, мне нравится обнаруживать там дождь, «иголки воды», «тысячи насекомых за работой», «сетки капель», натянутые в садах, «зерна будущего», посаженные на опушке леса. У японских гравиров есть сотня разных способов для изображения дождя, потому что это не *один* дождь, а *сотня* разных дождей, и в этой сотне дождей мы, бедные слепцы, различаем лишь дюжину, Жакоте различал двадцать, а необычайный художник-гравер Хиросигэ — более сотни.

* * *

Перечитывая Жакоте уже на другом конце собственной жизни, я обнаруживаю новое с ним родство, когда он пишет:

У меня нет возможности

Что-либо потерять, потому что мне хотелось бы не стареть,

А просто созреть всеми своими годами.

Но как он мог сказать такое в 28 лет? И ведь «созреть» — это искусство, которым он, несомненно, владел в высшей степени, доказательством чему служит все его творчество, но которым он, похоже, пренебрегает в пользу *temento mori*, окрашенного, может быть, слишком многими классическими воспоминаниями — ладья Харона, силуэт тореро («Если бы мог нам наскучить тореро»), частый мотив руин, здесь же и «руины будущего», замок из песка или картонный домик, которые обрушатся на тебя «из-за случайного дуновения». Руины, которые так любил XVIII век, что придумал и ложные руины, которые заставляют задуматься о быстротечности времени, но не внушают страха, руины художника Юбера Робера, которые так нравились царице Екатерине Второй, что она купала их дюжинами. Руинами этими мы любимся в Эрмитаже, и там ими воспользовался режиссер Александр Сокуров, чтобы, в свою очередь, с помощью раскрашенной и увитой бутафорским плющом руины избежать зубца подлинного времени*.

Наконец, в 1977 году, вышел сборник «Уроки», который я купил и который, казалось, поправил два первых сборника. Как

* В фильме «Робер. Счастливая жизнь» (1996).

будто поэт Жакоте осознал, что простое *memento mori* — хрупкий барьер, отделяющий от неслыханного страдания мира:

Когда-то
Я, напуганный, этого не знал, живя едва-едва,
Прикрыв глаза образами,
Я делал вид, что веду умирающих и умерших.

Я, защищенный поэт,
Сохраненный, страдающий едва-едва,
Попробовать прямо туда прочертить дороги!

«Защищенный поэт» — это великолепный образ, но возможно ли быть *защищенным поэтом* после Мандельштама, Целана, рисунков Музича, груд умирающих и куч мертвых тел, но с их подзаголовком «Мы не последние»? Пугающие, в самом деле, рисунки Музича! Нам они говорят: вы пройдете здесь все — и по Шоа, и по грудам живых мертвецов у Пол Пота, и по седмине резни в прекрасной стране Руанда или по нью-йоркским башням, сбитым самолетами террористов. Прочертить дорогу после Освенцима, во всем продолжении дантовского пути, петляющего и сегодня, при том что у нас уже нет силы Данте, чтобы вперить в нее взгляд. В своем посмертно вышедшем сборнике «Кларте Нотр-Дама», изданном в 2021 году, Жакоте сам робко обращается к вопросу, тревожащему и его, и всех нас. Он слышит, как журналист, освобожденный из сирийской тюрьмы, рассказывает, как при освобождении он проходил там коридором, в котором раздавались крики тех, кому повезло меньше и кого в этот момент пытали. И тогда в памяти Филиппа Жакоте всплывают строки Гельдерлина, который говорит то, что лишь прорастает в творчестве Жакоте:

Где опасность, однако,
Там и спасенье растет.

Это начало стихотворения «Патмос» немецкого поэта, — влечет ли оно к спасению, как думал евангелист, или скорее к поэзии? К поэзии, конечно, к ясному колоколу поэзии и к часовне внизу долины. А ГУЛАГ? Конечно, когда его при-

гласили в Санкт-Петербург и в Москву в 1994 году, Филипп Жакоте подготовился к этому путешествию, как готовился ко всем своим путешествиям, он читал Шаламова и думал о Данте, вновь пережил стихотворение Мандельштама «Умывался ночью на дворе» — и это нам подарило «Начиная со слова “Россия”». Но выход — выход, искомый за пределами слова «Россия» и всех его тревожных отголосков, — это, как в конце дантовского «Ада», «путь незримый», «чтоб вернуться в ясный свет»...

Смерть. Жакоте предпочитает смотреть на нее поближе, как бы по-домашнему, без театра, без террористического или «ассирийского» (как говорит Надежда Мандельштам) безумия: просто смерть, без драмы, старого человека. Жакоте смотрит, как *старец* (его тесть) «ложится, почти без сил». Он почти ничего не весит. На этого умирающего, как на стольких других в хосписах, ложится «просторная» грусть, и в нем начинает разрушаться «словесная связь». Никакой Иерихонской трубы! Никакого «второго рождения». Ни *откровения*, ни видимого воскресения, никакого неудержимого толчка, приподнимающего надгробные плиты и ведущего к тайне Бытия, как в «Еве» Пеги. И при этом — разве это не поднятие камня?

Мы бы прошли через игольное ушко раны,
Мы бы живьем вошли в вечность!

Смотри-ка, труба Dies Irae не поблизости ли здесь? Нет, тут же звучит у Жакоте, — зрителя этой смерти:

Я видел лишь свечу, потерявшую пламя.

Жакоте любит зиму, которая снимает покровы и очищает, которая ткёт покров света. Но это, конечно, немного эстетизм. Как мы любим видеть зиму у Брейгеля или у Лукаса ван Лейдена. «Сильный аккорд между твердым и ажурным». И даже элегантный герб: «из песка, серебра и кварца». Предпочтение ближайшего будущего, будущего, украшенного гербом? Может, это маньеристская феноменология? Во всяком случае, мы находим здесь и там, в стихах и дневниках

Филиппа Жакоте, Парменида и Эмпедокла, эфир, который делает бросок и мечтает о разных формах. Мы находим там божественное, которое говорит через камни, потому что в них не осталось ни следа от Божества. Камни с верхних тропок Гриньяна по преимуществу. Ах, этот малый балет между строчной и прописной буквами...

Может быть, все потому, что теперь Жакоте более охотно обращается к тайнам начала. У Сезанна, например, когда его почти геометрические купальщицы возвращают ту благодать изначальности, какой обладали античные наяды. Жакоте прочитывает в этом что-то вроде поэзии начала, первичного рая, как у Данте, посреди его второй песни «Комедии», исток, в котором, сперва на «огромном расстоянии», рождаются «тысячи расстояний короче», когда время населено животными, излучающими спокойствие, как в видении Исаии, но без пророческой гиперболы, совсем просто, как у Монтеня. И мы, люди, как бы нам хотелось перепрыгнуть «препятствие нашей природы»! Той природы, которая представляет в нас «смесь плоти и дыма».

Говорить среди таких фантомов, которые «смесь плоти и дыма», нелегко. Нужно избегать напыщенности, риторики, говорить без лжи. Как не лгут картины «Утро» Лоррена или «Вечер» Рембрандта, которые разглядывает этот медленный-взгляд-поэта-путешественника в Колони и размышляет над увиденным. Без взлетов, но и без падений. Иными словами, без закулисного христианства. Разве Рильке не восставал против «унижения, которому христианство сочло нужным подвергнуть земное»? Не говоря уже о Ницше.

Странная мысль — обвинять в «унижении плоти» религию, принесшую неслыханную доселе идею Воплощения. Французский православный богослов Оливье Клеман в то же самое время провозглашал обратное, красоту плоти и пола в религии Бога, ставшего человеком (и даже рабом, как говорит Симона Вейль). Но, увы, церковь предала Воплощение и установила грустную мораль, карательный режим. Режим Великого Инквизитора. Его обличал Достоевский, но поэта из Гриньяна он по сути оставляет безразличным, когда, например, тот вспоминает выцветший ритуал религиозного воспитания своего отрочества, «маленьких иисусов» и «добрых пастырей», которым он противопоставляет замученных

пытками испанцев и Христа Грюневальда, по-настоящему его путающего. По сути, вся долгая история христианства — это история выплывания того, что изначально было опрокидывающим словом. Но Жакоте идет дальше...

Порой Жакоте словно бы делает беглый набросок реальности на повороте улицы, при взгляде на крышу в своем дневнике зарисовок — перечне мгновений, в заметках ходака, который не прыгнет в Этно, но позволяющих увидеть, здесь и сейчас, что-то иное, «мир иной», «Otherworld», как говорил Владимир Набоков, а сам не верил ни во что по ту сторону занавеса. Лорен, с его освещением прямо нам в спину, с его закатами и восходами, которые, как воды пещер Ройи в Оверни, кристаллизуют малейший луч реальности и делают из простой травинки бриллиантовую лозу, все это кажется основанием поэтического сева Жакоте. Его мир мне представляется омытым светом Античности, светом умерших богов, которые при этом все еще играют в свой последний миг, в красоте Ациса и Галатеи.

Достоевский все это видел, прочел утопию обреченного мира, Европы, ставшей кладбищем. *Memento mori* Филиппа Жакоте получило от него несколько лучей, поэт в этом, хотя бы на мгновение, «рассыпан, разрушен». Но не как расчлененный Дионис, околдовавший русского поэта Вячеслава Иванова. Луч тонок, но он упорно его настигает. Как время, которое сжато в его руке, младенец возле родителей, «наследник их битв», в самом начале «Непосвященного». Может, это и есть незамеченный секрет Жакоте: *temento mori* противостоит *temento nasci*. От смерти к рождению — путь наоборот, искупительное ретропутешествие, у которого нет конца...

Перевод с французского Натальи Ликвинцевой

В МИРЕ КНИГ

Митрополит Антоний Сурожский. Труды: Книга третья. М.: Практика, 2020. — 1040 с.

Выход в свет каждой новой книги митрополита Сурожского Антония является значимым событием не только для православного читателя, но всех, кто жаждет услышать живое слово мудрости о Боге, о Евангелии, о человеке. В издательстве «Практика» вышел третий том монументального издания трудов, в котором собраны записи выступлений владыки на тему Церкви, таинств, внутренней сокровенной жизни человека пред лицом Бога, о жизни в духовном единстве с братьями по вере и окружающим нас миром. Многие из них изначально были произнесены на иностранных языках и в русском переводе публикуются впервые, многие из опубликованных ранее со временем стали библиографической редкостью. Любовь и мастерство, с каким выполнены переводы на русский язык, позволяют читателю пережить потрясение, как будто слышишь живой голос владыки. Без преувеличения можно сказать, что почти на тысяче страниц, собранных под одной обложкой, рассыпаны несметные богатства мудрости и духовного опыта, требующие неторопливого чтения и глубокого размышления.

Невозможно в рамках небольшой заметки дать обзор всех материалов, вошедших в этот том. К наиболее важным темам владыка возвращался неоднократно, поэтому довольно условным является деление представленного материала на разделы «Церковь», «Церковь и общество», «Православная Церковь и ойкумена», «Человек церковный». В книге представлены многочисленные беседы, проповеди, тайноводственные

наставления, размышления во время приходских говений, университетские лекции, интервью, выступления и речи, произнесенные в самых разных обстоятельствах. Чтобы читателю было легче ориентироваться в этой сокровищнице, том сопровождается именным и тематическим указателями, а также обширной библиографией трудов митрополита Антония и посвященных ему исследований. Многочисленные архивные фотографии, помещенные в книгу, помогают читателю представить себе внешний облик владыки, его близких и ту атмосферу, которая царила вокруг него.

Тайна Церкви в наставлениях владыки Антония всегда предстает в неразрывном единстве с тайной богочеловечества Иисуса Христа и тайной сокровенной встречи души человека с Богом Живым. Беда современного христианства заключается в том, что Церковь чаще всего воспринимается не более чем институция, учреждение с религиозными целями, а Бог — как абстрактная инстанция. Поэтому прежде всего, как отмечает владыка, нам самим надлежит стать христианами, *«ведь мы не христиане. Мы исповедуем Христову веру, но мы из всего сделали символы... Мы заменили крест — иконой креста, распятие — образом»*. Митрополит Антоний учит воспринимать Церковь как Таинство с большой буквы, как место брачной встречи Бога и Его творения. Подлинное познание Бога через Церковь никогда не бывает теоретическим, абстрактным, безличным. Мы познаем Бога в той мере, в какой живем Им. Поэтому свое призвание владыка видит в том, чтобы в душе собеседника совершился прорыв по ту сторону внешних обличий, «до реальности вещей». В самом деле, можно всю жизнь изучать глубины богословия, но при этом так и «остаться по сю сторону», наподобие героя знаменитой детской книжки, разглядывающего изображение пылающего очага на холсте в холодной каморке папы Карло...

В устах владыки всегда особое звучание обретает слово «глубины». Они должны раскрыться, чтобы по ту сторону внешней красоты верующий смог проникнуть в страшную и величественную тайну, *«в те страшные божественные глубины, где происходит освящение хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы»*. Таким образом, таинственным местом, где человек соединяется со Христом, станут не каменные рукотворные здания, но *«потаенная храмина души, известная только Богу»*.

Не каменные стены, не институциональная власть делает Церковь Церковью, а присутствие Бога Живого: *«Бог может человека встретить везде, человек встречает Бога только в глубинах своей души. Придя в храм, человек Бога не встретит, если не допустит Его в свои собственные глубины... в глубочайшем безмолвии души»*. Неоднократно он в своих наставлениях возвращается к началу своего личного пути: *«Я пришел к вере через Евангелие, не через Церковь», «через Евангелие и через живую встречу со Христом. Всё остальное пришло потом»*.

Митрополит Антоний никогда не говорил о Евангелии, как говорят о простой книге или религиозном учении, он его всегда возвещал, возвещал не только словами, но всем своим существом. Здесь уместно вспомнить восточную притчу, которую он приводит в одном из выступлений: *«Когда человек стреляет в цель из лука, его стрела ни за что не достигнет цели, если сначала не пронзит его собственное сердце»*. Увы, в современном мире пастырское слово чаще всего звучит и воспринимается как унылое нравоучение или наставление книжника. Владыка в своих проповедях всегда выступает как свидетель, который делится пережитым опытом, как влюбленный, который открывает свое сердце, как посвященный, который приобщает к искусству жить во Христе.

В основе его пастырской мудрости — умение слушать и слышать. Читая его рассказы, возникает понимание того, что владыка вслушивался в сердца и судьбы людей, как он вслушивался в слова Писания. Лучшие пастырские советы рождаются из глубины сострадания конкретному человеку, который обращается к тебе со своей болью, поэтому митрополиту Антонию удавалось *«превратить долину тревоги во врата надежды»*, поэтому его слово обладало исцеляющей силой, и по этой же причине его опыт невозможно механически применять в любой аналогичной ситуации. Владыка делится мудростью для того, чтоб пробудить мысль; его слово подобно пшеничному зерну, которое падает в землю, чтобы открылись новые возможности, новое понимание, новый опыт: *«Мы не можем, однажды поверив или пережив опыт богообщения, жить все остальное время... не обновляя нашу совесть, нашу жажду, нашу веру и любовь к Богу»*.

Абсолютным условием, без которого никакая связь с Богом невозможна, являются, по опыту митрополита Антония,

любовь и красота: *«Думаю, человек, не научившийся распознавать красоту и знать, что такое любовь, – не бесплотная любовь, какую приписывают святым, не зная, каковы они на самом деле, но живая любовь, любовь, полная нежности и человеческой реальности, – такой человек не может надеяться достичь сверхъестественной любви. Мы должны сначала стать людьми и только потом возражать в меру Божественную».*

Сегодня произносится много правильных слов о Христе, о Церкви, о таинствах, которые чаще всего остаются неиспользованными и мертворожденными... Слово митрополита Сурожского Антония остается водой живой, хлебом насущным для мысли, оно таит в себе силу, способную исцелить, утешить, утолить жажду души.

Протоиерей Димитрий Сизоненко

Отклик на книгу Владимира Зелинского «Разговор с отцом»

Зелинский В. Разговор с отцом. М.: НЛО, 2021. 184 с.

О священнике и писателе Владимире Зелинском я узнала несколько лет назад из фейсбука — кто-то из друзей опубликовал его пост у себя на странице. Это был пост об антисемитизме. Он глубоко поразил меня. Это был мощный, резкий, взволнованный текст. Нравственная позиция автора была совершенно внятной. При этом в тексте не было никакой ярости, никакой ненависти, он был — не знаю — каким-то образом открыт.

С тех пор я стала читать все фейсбучные тексты отца Владимира. В трудное карантинное время, да и в любое другое, они были для меня огромной поддержкой, утешением и радостью.

В каком-то обсуждении я увидела, что отчество Владимира Зелинского — Корнелиевич. Я поняла, что его отец — литературный критик Корнелий Зелинский. Корнелию Зелинскому посвящена горестная и гневная запись Марины Цветаевой в дневнике 1940 года. В том году Цветаева готовила поэтический сборник для издания. Сборник не был напечатан. Внутреннюю рецензию на сборник — с рекомендаций не печатать — написал Корнелий Зелинский.

Потом я узнала, что Владимир Зелинский написал книгу об отце. Я очень ее ждала, и вот — мне посчастливилось получить книгу и прочитать ее.

В труднейшей ситуации, в ситуации боли и уязвимости — разговор с ушедшим отцом, имя которого для более или менее массового читателя навеки связано с этой рецензией на невышедший сборник Цветаевой — Владимир Зелинский сохранил свои главные писательские качества. Нравственная позиция автора остается совершенно внятной и четкой. При этом автор внимательно, с открытостью настоящего ученого, огромным стремлением к пониманию, с жадой правды вглядывается во время жизни отца и размышляет о нем.

Почти каждая глава книги Владимира Зелинского посвящена важному событию в жизни литератора Корнелия

Зелинского, точнее, важному поступку, проявившемуся в слове – произнесенном или написанном: «Конструктивизм как социализм» (о книге статей 1920-х годов), «Поэзия как борьба за смысл» (о важнейшей книге «Поэзия как смысл»), «Дело Пастернака», «Письмо Солженицына» (речь идет о письме Солженицына съезду писателей, на которое Зелинский ответил словами безусловной поддержки и понимания), «Цветаевская рецензия».

Небольшое отступление – о переключке разных текстов. Я хочу процитировать статью, написанную Зелинским в 1920-е годы и вошедшую в книгу «Конструктивизм и социализм»: «Дематериализация – это значит материальные упоры, которыми пользуются люди, как бы тают у них в руках, одновременно накапливая в себе все больше и больше количества энергии. Тают, сокращаются, уплотняются слова, увеличивается их смысл, усиливается воздействие их на человека». Это наблюдение над актуальным и для нас процессом «развеществления мира» (формулировка Владимира Зелинского), мне кажется, можно сравнить с разговором солженицынских героев Нержина и Герасимовича: «Как не понять, что мы – накануне почти бесплатной энергии, значит – избытка материальных благ. Мы растопим Арктику, согреем Сибирь, озеленим пустыни. Мы через двадцать-тридцать лет сможем ходить по продуктам, они станут бесплатны, как воздух...» – «Я говорю, может быть, в новый век откроется такой способ: слово разрушит бетон?» Мне кажется, нельзя исключить, что Солженицын читал эту книгу и размышлял над ней.

Итак, даже по названиям глав виден неровный, тяжелый, мучительный путь человека, отступавшего от правды, но никогда о ней не забывавшего и все-таки стремившегося к ней. Мне трудно писать, я не чувствую в себе морального права оценивать жизненный путь Корнелия Зелинского. Я приведу несколько строф из прекрасного стихотворения его современницы – Марии Петровых, которое, как мне кажется, можно отнести и к его жизни.

Ты думаешь – правда проста?
Попробуй, скажи.
И вдруг немеют уста,
Тоскуя о лжи.

<...>

Но бьешься не день и не час,
Твердыни круша,
И значит, таится же в нас
Живая душа.

<...>

Когда же настанет черед
Ей выйти на свет, —
Не выдержит сердце: умрет,
Тебя уже нет.

О, заживо слышал ты весть
Из тайной глуши,
И значит, воистину есть
Бессмертье души.

Владимир Зелинский принимает трудное наследство отца. Как Николай Ростов, не отказавшийся от отцовского наследства, Владимир Зелинский трудится, чтобы вернуть долги отца — и его доброе имя.

В жизни Корнелия Зелинского были и добрые дела, важные не только для его близких, но и для русской литературы:

— меня поразила рассказ о том, как во время гонений на Солженицына Корнелий Зелинский поддержал его письмом, отправив это письмо по почте на рязанский адрес, — за этим немедленно последовало увольнение с работы;

— я не знала, что Зелинский подготовил к печати сборник Ахматовой в Ташкенте, во время войны;

— что в 1961 году под редакцией и с вступительной статьей Зелинского вышло пятитомное собрание сочинений Есенина тиражом в полмиллиона экземпляров — Корнелий Зелинский «вывел Есенина из полуподполья в общепризнанные классики».

Многое еще можно было бы написать.

Закончу огромной благодарностью Владимиру Зелинскому за книгу.

Майя Паит

ХРОНИКА

Вечера в Парижском культурном центре им. А.И. Солженицына

«Солженицын и Франция»: презентация новой книги в издательстве YMCA-Press

В рамках недели книги, проходящей под эгидой Флоренс Бертю, мэра V округа Парижа, 8 июня 2021 года в центре им. А.И. Солженицына прошла презентация материалов конференции «Солженицын и Франция».

Многочисленные посетители пришли в центр, посвященный великому писателю, на только что открывшуюся выставку портретов в черно-белом исполнении, написанных с фотографий из архивов КГБ, — образы узников с подписями, информирующими о приговорах, и датой их исполнения.

С 19 по 21 ноября 2018 года, в честь столетия со дня рождения Солженицына, прошел большой colloquium в Институте Франции, на набережной Конти, и в Сорбонне, организованный Жоржем Нива, Пьером Морель и Эрве Маритонем. Он был посвящен восприятию Солженицына во Франции, его откликам на различные события и его отношениям с читателями.

После приветствия Наталии Дмитриевны Солженицыной выступили 26 докладчиков — политиков, историков и философов.

Жорж Нива, координатор и издатель материалов конференции, представил книгу с небольшим введением в творчество Солженицына как писателя ГУЛАГа, перевернувшего его сознание. Безусловно, у него были семейные прецеденты, которые могли подготовить почву для развития этой темы, — его дедушка, будучи землевладельцем, был объявлен врагом народа... Но Солженицын пошел дальше. Он попытался понять механизм действия этой машины изнутри. Этой работе он посвятил свою жизнь и стал писать, «как если бы рука Божия вела его». Его мысль достигла исторической глубины, потрясшей весь мир, в том числе и СССР.

С самого начала писатель выступает против советского воспитания. У него были большие предубеждения по отношению к прошлому в том виде, как его прививали: эпоха Просвещения, декларация прав человека и левых интеллектуалов вызывает у него негодование. Он отвергает якобинцев, которых большевики провозгласили своими предшественниками, хотя и отдает им должное за проявления любви к Родине, которой, кстати, так не хватает самим большевикам, подписавшим постыдный Брест-Литовский мир. Сам он очень любил свою страну, отказывался оставить ее и именно поэтому был изгнан в Цюрих. Жизнь в Швейцарии, как представляется, его устраивала, к Франции же он относился настороженно. Только благодаря глубокому доверию и дружбе, которые завязались между писателем и Никитой Струве, — его помощником, сумевшим опубликовать его произведения в Париже, — Солженицын смог открыть для себя и полюбить Францию, русскую эмиграцию и даже социализм.

После общего обзора профессор Нива выделяет этапы и встречи, имевшие особенное значение именно для Франции, поскольку в англосаксонских странах, из-за критики, прозвучавшей в Гарвардской речи писателя, публика его не принимает, как, впрочем, не принимает и публика в России до сего дня. Согласно анализу Пьера Монена (близкого друга Раймона Арона), мысль Солженицына выходит за рамки доминирующей, подчиненной гегелевскому мировоззрению идеи о ходе истории, поскольку, по Солженицыну, «ничто

не обязывает идти вместе с ней». Жорж Нива видит в этом определенный консерватизм, близкий Жозефу де Местру, который состоит в том, чтобы с оглядкой подходить ко всем событиям и жить скорее в области внутренней свободы, чем в обеспокоенности о свободе внешней. В этом и заключается главная мысль Солженицына.

Ибо Солженицын — не профессиональный историк, но ему важно понять, что же произошло со страной и с ним самим. Восходя к истокам этого провала в пропасть, он задумывается, в какой момент произошел надлом и все покатилося по наклонной плоскости. Он приходит к выводу, что таким поворотным моментом стал февраль 1917-го — первая Революция, когда все русское общество отказалось от своих привычных кодексов поведения и тем самым подготовило дорогу Октябрю, который уже узаконил этот ранее совершившийся отказ и изобрел *Нового человека*, от которого, по словам Нива, Россия до сих пор полностью не избавилась.

Затем говорил Пьер Морель, который давно выступает в защиту идей Солженицына. Он рассказал о той эпохе, когда был послом Франции в Москве и встретился там с Солженицыным благодаря Никите Струве, роль которого в публикации его произведений трудно переоценить. Писателя с женой пригласили на обед в Посольстве. Он произвел тогда на Мореля впечатление не столько великого пророка, каким его порой упрощенно описывают, а скорее очень радушного человека с замечательным чувством юмора. Публикация рукописи о двух революциях (*«Красное Колесо»*) была делом очень долгим и трудным, но этот «гигант», по словам дипломата, обладал такой символической силой, что никакие препятствия не смогли ему помешать. Но сначала, с помощью Никиты Струве, был издан *«Архипелаг ГУЛАГ»* по-русски, затем, Клодом Дюраном, в издательстве *«Либрери Артем Файяр»* по-французски.

Надо отметить, что и сам colloquium к столетию писателя в 2018 году прошел в очень благоприятной атмосфере. Окончание карантина позволило представить сборник докладов с colloquiuma в стенах YMCA-Press — места, которому принадлежит особая роль в передаче русской культуры на Западе и которое по праву может считаться отправной точкой большого взрыва, которым стал брошенный Солженицыным обществу нравственный вызов.

Ответом на него стал шок, особенно необычный для среды французской интеллигенции: возвращение к правде, в котором снова стал слышим голос совести. Причем произошло это не только в правых кругах, как это заметил Пьер Манен, но и в левых: мы видим его отголоски в ярких призывах Клемансо или генерала де Голля. Эти великие люди, каждый по-своему, показали и доказали, что демократия складывается не из правил, а зиждется на смелости противостоять готовым мнениям и устоявшейся лжи.

Это была идея и послание миру человека, мощь которого нас удивляет, отмечает Пьер Морель, как она удивила в свое время и Хрущева, и Ахматову, — оба говорили о том, что каждый человек должен прочитать *«Один День Ивана Денисовича»*. Сила, благодаря которой он смог объединить вокруг себя круг друзей, помогавших ему в работе, — настоящую подпольную сеть, какие возникали в войну в движении Сопротивления, — со своими шифровками, тайниками, уловками, работавшими на то, чтобы спасти текст *«Архипелага...»*. Текст, который был призван принести тем, кто его читает, искупление через литературу. Ибо речь действительно идет о благодати и *метанойе* — покаянии: здесь посол ссылается на Данте и Паскаля, ощутивших на себе действие благодати. Докладчик задается вопросом: как же с этим обстоит дело сегодня? «Литературное действие остается субверсивным актом в мире, в котором все подвергается манипуляции. Оно сближает людей, и литература остается последней надеждой».

Это заключение напоминает подзаголовок сборника *«Творчество как живое послание»*.

Публика замерла, задумавшись о глубоком смысле произнесенных слов, неоднозначных и многогранных, под трагическим взглядом зеков, приговоренных к смерти.

Анна Хогенюис
(перевод с французского Анастасии Илич-Бенке)

О Жаке Росси

(выступление в Парижском французско-русском
культурном центре им. А.И. Солженицына

20 сентября 2021 года)

Не знаю, что побудило меня спросить Татьяну Викторову, знакома ли она с Жаком Росси. Мы встретились в июле прошлого года на коллоквиуме в Серизи, посвященном творчеству Юлии Кристевой, писательницы и психоаналитика родом из Болгарии. Мы только что прослушали выступление Юлии Кристевой о Достоевском, и я думала о России и о нем.

Несколько дней спустя Татьяна написала мне, что организует вечер, посвященный Жаку Росси, и пригласила принять в нем участие. Я попыталась отговориться: есть столько свидетелей, куда более компетентных. Однако она убедила меня. Так я оказалась в числе выступающих сегодня, наряду с Софи Бенеш, переводчицей его «Справочника по ГУЛАГу» на французский язык.

Я кратко расскажу о моей встрече с Жаком Росси и о том, в чем его жизнь и творчество вдохновляют меня в свете психоаналитических концепций, разработанных Юлией Кристевой.

Я встретила с Жаком Росси в *La Moquette* на ул. Гелюссак, в двух шагах отсюда¹, вероятно, в 1996 году. Это место создал доминиканец Педро Мокка для вечернего и ночного приюта бездомных — возможности выпить кофе, перекинуться в карты, принять участие в работе ателье или послушать доклад. В тот вечер там выступал Жак Росси, «француз из ГУЛАГа». Я увидела худого человека невысокого роста, с красивой благородной внешностью: он напоминал университетского профессора. Он присел к столу и четким голосом стал объяснять нам, как выжить в условиях холода, не имея подходящей одежды и изнемогая от голода. Автор «Справочника по ГУЛАГу» давал советы парижским бездомным... Очень быстро стихла изначальная суета, воцарилась тишина. Мы были ошеломлены. Не помню, чтобы кто-то задавал вопросы.

Я отвезла его на машине в Монтрей, где он жил. Мне казалось, что я встретила французского Солженицина, и я не понимала, как случилось, что я никогда не слыхала о нем. Его обрывочные пояснения ничего не проясняли: «никогда больше», агент Коминтерна, возвращение в Москву... А Франция? Почему она не репатриировала его после войны? Он пригласил меня навещать его в Монтрей.

Из отрывочных разговоров в ходе нескольких посещений я чуть лучше поняла его жизненный путь: вовлеченность, в юности, в подпольную коммунистическую партию Польши; работу агентом Коминтерна за линиями франкистов во время войны в Испании; загадочный приказ «вернуться домой», арест. Двадцать четыре года в ГУЛАГе, освобождение в 1956 году, ссылка в Самарканд, переезд в Польшу, в США и, наконец, в 1985 году во Францию.

Он пускался в отступления, терялся в объяснениях. Его рассказ перемежался фразами вроде: «Говорят, если какая-то страна не представлена в ГУЛАГе, значит ее не существует...»

Он мог внезапно прервать свой рассказ: «О, я хотел вас спросить. Я вижу в Монтрей плакаты, где написано URSSAF². Что это означает?» Я, застигнутая врасплох, бормочу, что это организация социального обеспечения... но он уже не слушает. Как объяснить выходцу из ГУЛАГа механизм работы социально ориентированного государства?

Как-то он поделился со мной своим намерением завещать свое тело в пользу науки. Я задумалась: почему? Ему, избежавшему общей могилы, было совестно иметь место погребения? Или он хотел и напоследок принести пользу?

Заставило задуматься отношение к нему со стороны Франции. Что она знала о нем? Предпринимала ли она шаги ради того, чтобы освободить его из ГУЛАГа или репатриировать? Могла ли она вообще это сделать?

В 1955 году граждане Австрии, освобожденные из ГУЛАГа, сообщили имена семи французов, среди которых был Жак Росси.

Он рассказал мне, как, едва выйдя на свободу, он появился в Посольстве Франции в Москве. Жена дипломата выговорила ему: «Вы испачкали мне полы!» Позднее я прочитала в книге у Мишель Сард, как неловко чувствовали себя дипломаты, не зная, как отвести его в канцелярию, потому

что понимали, что за ними следит КГБ. Он говорил и о собственной щепетильности по отношению к Франции: «Я не хотел их беспокоить».

Тогда он рассказал мне все это без особых пояснений. Он не всегда отвечал на вопросы, часто его речь становилась туманной, он быстро отклонялся от основной темы. Мои вопросы остались при мне, равно как и впечатление, что Франция не очень-то ему помогла.

Позднее я поняла: да, он был французом по матери, «французом из ГУЛАГа», но у него не было французского гражданства, он получил его в 1990 году. Татьяна представила его как «польского коммуниста, получившего французское подданство». Какое гражданство было у него в то время? Он числился советским заключенным, по отцу он был поляком, но он не был французом. Так я объясняю себе тот факт, что он не стал просить политического убежища у Франции.

Как Франция могла бы принять уцелевшего в ГУЛАГе при двадцати процентах избирателей-коммунистов, при влиятельных интеллектуалах и министрах-коммунистах в правительстве 1981 года? Понадобилась публикация солженицынского «Архипелага ГУЛАГа» в 1973 году, чтобы Франция хотя бы начала признавать существование в СССР лагерей и ГУЛАГа. А в 1997 году «Черная книга коммунизма»³ подвела ему итог.

«Справочник по ГУЛАГу» тогда еще не был переведен на французский язык, я расспрашивала автора о его содержании, он ответил, что упорядочивает сведения о системе концлагерей, о разных зонах, о «фене» заключенных, о языке административных органов. Я попросила привести пример, он ответил выражением «faire la vache». Эта практика бытовала еще в царское время. Когда уголовники, бандиты готовили побег, они приглашали к себе в спутники молодого заключенного. Если в дороге им понадобится пища, они его зарежут, выпьют кровь и съедят почки.

Людей в лагерях называют «человеческим сырьем». Ханна Арендт говорит о «избыточности» человеческой жизни при тоталитарных режимах. Здесь речь шла о людоедстве, о нарушении одного из фундаментальных запретов человечества. Наступал последний предел человечности. Пульсация смерти во всей ее жестокости...

После ужаса и трагедии XX века — людоедство...

Ум мой помутился, я была слишком потрясена. Я почувствовала необходимость самосохранения и перестала ездить в Монтрей.

Я узнала о кончине Жака Росси через ассоциацию его друзей, в американском университете, по случаю издания «Справочника» на французском языке, и присутствовала на церемонии его памяти.

Когда при мне говорят о СССР и советской системе, я думаю о нем.

Когда я отправляю свои взносы в URSSAF в Монтрей, я думаю о нем.

Все мои вопросы остались при мне. Почему мальчик из благополучной семьи принял марксистско-ленинскую идеологию? Неужели и вправду его не могла остановить никакая преграда? В чем нашел он силы, чтобы выжить в ГУЛАГе? Чтобы свидетельствовать? Действовать? Не хранить обиду на перемоловшую его советскую систему?

Три понятия, разработанные Юлией Кристевой, помогли мне продумать эти вопросы. Опираясь на них, я предложу вам свое объяснение.

Как он мог допустить, чтобы его увлекла подобная утопия? Ослепил марксизм-ленинизм? Как мог вернуться в Москву, зная, что уже дан ход великой сталинской чистке?

1. Юность как болезнь «идеальности».

Юлия Кристева говорит, что в каждом из нас заложена «невероятная потребность верить», юность заражена идеальностью. Юноша — влюбленный, стремящийся к абсолюту, считающий, что сможет изменить мир. Он любит прекрасные утопии и готов умереть за них.

Жак Росси говорил, что мог бы по приказу броситься с Эйфелевой башни. Дать изрубить себя на кусочки во имя марксизма-ленинизма...

Это объясняется его семейной историей: ребенок без матери, чуткий подросток-идеалист, начитавшийся Руссо, жаждущий социальной справедливости в послевоенной дискриминированной Польше; окружающие взрослые, при упоминании о мировой войне, зарекаются: «никогда больше». Он примкнул к подпольной Компартии, это дало ему ощущение

семьи; чувство, что он служит великой цели. Шесть месяцев тюремного заключения за распространение листовок, призывающих солдат восстать против начальства, оказались недостаточными, чтобы он передумал.

Хотя в Испании 1937 года он имел доступ к сведениям «буржуазной» прессы о сталинских чистках, он вернулся в Россию.

«Как прекрасна была эта утопия!»⁴

2. Отвращение.

В своей книге «Силы ужаса: эссе об отвращении» Юлия Кристева описывает отвращение как «смесь ослепления и отталкивания, наличествующую с самого начала в отношениях мать – ребенок». Дальше она пишет, что отвращение — это «то, что искажает идентичность, систему, порядок, стирает всякие границы, места, правила».

Это понятие отвращения позволило мне понять некоторые аспекты жизни и творчества Жака Росси, для которого были отвратительны:

- послевоенная Польша;
- капиталистическая Франция (отсюда колебания в просьбе к ней о помощи. «Я не хотел доставлять им лишних забот»);
- СССР и его тоталитарная, лагерная система; «жульничество»; «gachis humain», «кровавое говно».

С другой стороны, для кого был отвратителен сам Жак Росси:

- для СССР, который осудил его за шпионаж, обвинил в нарушении и саботировании коммунистической системы, большевистского порядка, после чего не хотел выпускать его из страны;
- для жены дипломата, которой он испортил паркет;
- и, сильнее всего, — для Франции, в которой, если бы он вернулся раньше, он мог бы возмутить коммунистическую партийную систему, политический порядок.

В семидесятые годы Жорж Марше, Генеральный секретарь коммунистической партии, к месту и не к месту клеймил капитализм: «Это возмутительно!» Он, несомненно, посчитал бы, что Жак Росси — живой возмутитель спокойствия, которому нет места во Франции.

Как Жак Росси сумел выжить в ГУЛАГе? Свидетельствовать? Действовать?

3. Личный бунт.

То есть способность претворить свой гнев против источника страдания в слова или поступки.

Этим занимается психоанализ, приводя к преображению и сублимации.

Я предполагаю, что именно способность Жака Росси к личному сопротивлению позволила ему пережить свои испытания и чего-то достичь: он захотел понять «жульничество» марксизма-ленинизма, он восстал против страдания, перенесенного миллионами людей, и выбрал путь свидетельства.

В одном интервью он резко одергивает спрашивающего: «у вас в Великобритании, во Франции полно советологов, но они же не были там...» Под этим подразумевается: я-то там был... И мои сведения — из первых рук.

Иначе говоря, зек стал советологом: благодаря своим способностям и исключительной памяти, в ГУЛАГе он годами только и делал, что расспрашивал, запоминал, сопоставлял сведения. Выйдя на свободу, он привел в порядок, отредактировал свои записи и передал их на Запад. Он отправился в США продолжать исследования, занимался изданием своего «Справочника по ГУЛАГу» и его переводами. Его личный бунт придал ему энергию выживания, возможность совершить свое дело и перенести все унижения бездомности и изгнанничества.

Когда я встретила его в конце его жизненного пути, он был обеспокоен сохранением и передачей своего наследия. Потому я и спросила Татьяну Викторову в Серизи: «Переведен ли *“Справочник по ГУЛАГу”* на русский язык?» — хотя я знала ответ на этот вопрос.

Ведь этот справочник на русском языке — это ответ Жака Росси Сталину.

Мне нужно было убедиться, что его дело «вернулось домой». Русские, которые хотят знать историю, — обнаружат ее на языке лагерей, равно как узнают о ней и те, кто хотят затемнить ее.

Остальным доступны переводы на английский, французский, японский языки.

В 2013 году в Джорджтаунском университете была создана кафедра исследований ГУЛАГа имени Жака Росси – в знак признания его дела и его вклада в историю.

Благодарю вас за то, что вы воздаете ему должную честь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Т.е. от культурного центра им. Солженицына, расположенного в помещении книжного магазина и издательства «YMCA-Press» (11, rue de la Montagne Sainte Geneviève). – *Примеч. пер.*

² URSSAF (Unions de Recouvrement des Cotisations de Sécurité Sociale et d'Allocations Familiales) – Союз по взиманию взносов в фонд социального обеспечения и семейных пособий (*фр.*).

³ *Le Livre Noir Du Communisme: Crimes, Terreur et Répression* («Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии») – книга коллектива французских авторов: С. Куртуа, Н. Верт, Ж.-Л. Панне, А. Пачковский, К. Бартошек, Ж.-Л. Марголин. Издана в Париже в 1997 году.

⁴ «Quelle était belle cette utopie! Chroniques du Goulag» («Как прекрасна была эта утопия! Хроники Гулага», *фр.*) – название книги Жака Росси, изданной на французском языке в 2000 году в издательстве *Interférences* при сотрудничестве с Софи Бенеш (Sophie Benesch), известной французской переводчицей и литературным секретарем Жака Росси.

Диана де Шутет

*Перевод с французского Елены Майданович
и Татьяны Викторовой*

Вечер с Андре Марковичем

В понедельник 22 ноября, по случаю двухсотлетия со дня рождения Достоевского, у нас в гостях, в *Editeurs Réunis*, Андре Маркович. Вернее, это мы в гостях у него, в том доме, «в котором уже не видно стен». Маркович среди книг — как рыба в воде. Русскую литературу он знает наизусть — и все же не решается свести ее к пяти самым знаковым произведениям, о чем его просят в первом вопросе. Вместо ответа он скандирует: «Евгений Онегин, Евгений Онегин, Евгений Онегин, Евгений Онегин, Евгений Онегин». По его словам, перевод пушкинского романа в стихах, этой «энциклопедии русской жизни», — это самая важная работа его жизни: «Если бы я даже перевел одно только это произведение, я бы уже был бесконечно счастлив».

Андре Маркович, безусловно, обладает чувством языка — это заметно с первых фраз, которыми он начинает беседу — рассказ о том, как благодаря страшной зубной боли он заново перевел все романы Достоевского между 1991 и 2002 годами для коллекции «Бабель» в издательстве «Акт Сюд». Внимание публики приковано к его речи. Оставив шутливый тон, Маркович рассказывает, что ощутил тогда полное отсутствие нотки «сумасшествия» или даже «брета» в уже существующих французских переводах. Отсюда и возникла мысль о необходимости нового перевода, за которой последовал титанический труд. Тексты, которыми располагал французский читатель в начале 1990-х годов, — и правда как будто вылизаны, чистые, аккуратные и логичные; в них нет ни капли «абсурдности» Достоевского. Это упущение французских переводчиков тем более проблематично, что вся западная литература начиная со второй половины XIX века — немецкая, английская, французская — прочитывается через Достоевского: отталкивается от него или вторит ему. Маркович задается вопросом: что же из Достоевского действительно прочитали эти авторы?

Тем не менее Маркович не отвергает целиком труд его предшественников, ведь именно существование предыдущих версий послужило основой и точкой отсчета для нового перевода: «Чтобы просто прочесть Достоевского, можно было бы обойтись и без меня. Таким образом, я не мог нанести ему

вреда», — отмечает Маркович. Именно благодаря многоголосью предыдущих версий родился новый перевод Марковича, такой неординарный, революционный и даже ошеломляющий, несмотря на то что автор принадлежит к классикам.

Одна из трудностей при переводе Достоевского на французский язык — наличие в его произведениях устной речи, к которой французская литература всегда относилась сдержанно. Во французском есть четкое разделение на устную и письменную речь, чего не скажешь о русском. У Достоевского же устная речь играет особую роль: по замечанию Марковича, она позволяет поставить под вопрос повествование как таковое, позволяет усомниться в словах рассказчика. Маркович приводит пример, сравнивая повествование у Достоевского и у Золя: если вы сомневаетесь в том, что рассказывает Золя, то исчезает сама история, больше нет возможности прочтения. Именно рассказчик у Золя указывает, называет, что происходит. У Достоевского все наоборот: смысл там, где есть сомнение, там, где разрыв логики, несоответствие. Маркович цитирует типичную абсурдную конструкцию Достоевского, которую переводчики обычно просто опускают: «Это казалось как бы точно» — *«Cela semblait comme sûr»*. «Это совершенно бессмысленная фраза!» — комментирует Маркович, и тем не менее именно так написал Достоевский. И именно эта неточность придает более решительный характер четко построенным предложениям, которые за этим следуют, что и создает особый ритм прозы Достоевского.

Устная речь переводится стилистическими конструкциями, запрещенными в литературном французском, — как, например, повторения. Тем не менее Маркович настаивает, что повторение у Достоевского не просто дает стилистический эффект, но несет смысловую нагрузку. Оно может обнаружить некоторую навязчивую идею, как, например, слово «вдруг». «Невероятно, как много всего происходит “вдруг” у Достоевского!» — восклицает Маркович. Еще одна функция повторения — структурирующая, она заложена в основе поэтики Достоевского. Например, мотив головокружения в «Игроке»: он прочитывается в рулетке казино и затем снова проскальзывает в образе колес от бабушкиного кресла.

И наконец, в мета-литературном плане устная речь спасает произведение: в том смысле, что именно театр и

ассимиляция текста актерами, его декламация и повторение на сцене позволили утвердиться и выйти на публику новому переводу, утверждает Маркович, имея в виду постановку «Братьев Карамазовых» Сильвенем Крезево в театре «Одеон» в этом году.

Слушатели вышли с вечера, обильно снабженные литературными рецептами, прописанными доктором Марковичем, и многие из них тотчас принялись за чтение «Подростка», чтобы попытаться восполнить литературный пробел, который так огорчил нашего переводчика. В то же время Маркович отнюдь не призывает нас к *mea culpa* или к самобичеванию, но, напротив, с радостью открывает путь к новому прочтению Достоевского. Он старается пробудить литературный энтузиазм и аппетит, завершив свое выступление китайской пословицей «если хочешь быть счастливым, будь им!». Итак, будем счастливы и будем читать Достоевского!

ВАЛЕНТИНА МЕЙЕР
(перевод с французского Анастасии Илич-Бенке)

Вечер с Юлией Кристевой

Если применить слова Христа «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» к Достоевскому, он бы непременно оказался среди нас в понедельник 22 ноября 2021 года, в доме YMCA-Press на улице Montagne Sainte Geneviève. Два крупных исследователя Достоевского собрались, чтобы обсудить книгу «Достоевский перед лицом смерти, или Призрачный секс языка»: автор книги Юлия Кристева, семиотик, романист, психоаналитик, философ, и Жорж Нива, профессор, историк, переводчик, давний и близкий сотрудник в деле издательства YMCA-Press.

Отметив разнообразие работ Юлии Кристевой и, следовательно, трудность дать объединяющую характеристику ее творчества, Жорж Нива обратил внимание на единство принципа письма Кристевой, в котором он усматривает отражение ее аналитического подхода: вхождение автора или двойника автора в ее книги, посвященные Другому. Присутствие автора в критических работах является как бы герменевтическим сознанием автора, признанием и торжеством субъективности, на которой может основываться интерпретация. «Святой Досто», как она порой называет Достоевского, запечатлен в книге через элементы ее биографии. Кристева рассказывает о своем детстве в социалистической Болгарии, о двойном запрете, под которым находился для нее Достоевский: со стороны властей — и отца, мечтавшего о том, чтобы его дочь прониклась картезианской ясностью и духом Просвещения, вместо того чтобы следовать за «проклятым русским» в «подполье» человеческой души. Однако напрасно: Кристева погружается в подполье писателя, становится одним из его главных посредников и играет ключевую роль в открытии Достоевского французским читателем в 1970-е годы.

Приверженность Кристевой к анализу Другого носит также дисциплинарный характер. Она выбирает путь, связанный с риском, часто порицаемый в литературной критике: подвергнуть «святого Досто» психоанализу. Убийство отца крепостными (по поводу которого спорят историки) эпилепсия, изнасилование ребенка, свидетелем или даже

виновником которого стал Достоевский (последнее решительно отвергают некоторые специалисты, как Мишель Нике), — все тщательно рассматривается психоаналитиком, находящим следы травматических событий в сочинениях писателя. Но более, чем Достоевского как объект психоанализа, Кристева рисует Достоевского-психоаналитика и даже предтечу психоанализа: он еще до Фрейда изучил сознание и импульсы больного, разнузданного общества, лишенного отца. Кристева подчеркивает необыкновенную проницательность Достоевского, ту силу трансцендентного видения, которая делает его пророком нашего современного нигилистического, предельно капиталистического общества, где «все дозволено», особенно худшее.

Кристева усматривает в письме Достоевского освобождающее наслаждение, священную жизненность слова, позволяющую ему перевернуть мир вниз ногами, обуздать импульсы и нигилистическую тревогу. Это внутреннее наслаждение дано испытать каждому в процессе чтения его романов. Кристева подчеркивает силу освободительного отрыва, который романы Достоевского приносят ненавистному ей «пользователю глобального Интернета». Более, чем к освобождению через письмо, Кристева призывает к освобождению через чтение: нередко она «прописывает» своим пациентам чтение произведений Достоевского. Достоевский как больной человек, над которым проводится психоанализ; Достоевский как психоаналитик и врачебное средство — вот те стадии, через которые Кристева проводит читателя в книге «Достоевский перед лицом смерти». Так будем же выздоравливать и читать Достоевского!

ВАЛЕНТИНА МЕЙЕР

(перевод с французского Даниила Струве)

IN MEMORIAM

Памяти отца Леонида Кишковского (1943–2021)

Правду сказать, немного у меня осталось о нем памяти. Количественно немного, но не существенно. Первая встреча с отцом Леонидом произошла в конце 1970-х или, может быть, в начале 1980-х годов, когда он посетил нас в Москве. Скорее всего, это был далеко не первый его визит в Россию как высокого представителя Американской православной церкви. Но на тот раз отец Михаил Аксенов-Меерсон дал ему мой адрес и телефон и рекомендовал зайти. От торжественности архиерейских служб и официальных приемов гостю нашему, видимо, захотелось заглянуть и в православие домашнего очага. Помню, как, выглянув в окно, я увидел, как по улочке, ведущей к нашему дому, неторопливо, непугливо идет высокий, подтянутый, седобородый человек, такого склада, какой едва ли мог быть в советской действительности. Будучи предупрежден по телефону, я узнал его сразу, хотя до того никогда не видел. Несмотря на всю его западную элегантность и светский костюм, в нем легко угадывался православный священник. Во всей фигуре, походке, стати отца Леонида проступала естественная раскованность, как бы внешняя печать — печать свободы внутренней.

Это не было осознанным наблюдением или умозаключением, это была интуиция. Интуиция, которая потом каждый раз подтверждалась при дальнейших встречах. В те годы отец Леонид был куратором внешних связей Православной церкви Америки. До него эту должность занимал отец Иоанн

Мейендорф. Если православие и свобода способны встретиться в одном образе, то для меня оба они были иконами такого сплава. После встречи с отцом Леонидом в Москве последовало две других в Нью-Йорке в 1990-х, одна из них в ресторане вместе с отцом Михаилом, другая в чудной древнерусской церковке отца Леонида в Лонг-Айленде. И еще три телефонных разговора два-три года назад. Как мало, щемяще мало!

Но у меня осталась память о человеке мыслящем, верующем разумно и сердечно, молитвенном, укорененном в традиции и вместе с тем открытым, общительным, добродушным, корректирующим свое присутствие в мире хорошей щепоткой юмора. Я неожиданно открыл для себя особый, редкий тип русского пастыря, прожившего жизнь... — как бы сказать? — просто при хорошей погоде, не поднимая исподлобья глаз на тяжелую тучу над головой, от которой всегда надо было ждать то грозы, то града, то мелкого дождика без конца и начала. Может, когда туча пройдет, — ну пройдет же она когда-нибудь? — и все пастыри будут такие: без вмятин от градин, без согнутой спины, легкими, раскованными, развернутыми только в сторону Христова добра...

Да, немного мне удалось вспомнить и рассказать. Только образ. Но он останется.

«Душа его во благих водворится!»

Прот. Владимир Зелинский

Время Тамары Приходько (21.12.1948–21.09.2021)

В осенние ковидные дни не стало Тамары Приходько. Вот и несколько каштанов весной не зацветет. Тамара Приходько — мастер московского радио и истории русской эмиграции, начиная с А.И. Герцена.

Вокруг нее всегда был оркестр из друзей и единомышленников. Когда на радио «Маяк», на котором она работала, искусством начали называть то, что не имело никакого отношения к искусству, тогда Виктор Александрович Москвин пригласил ее в Дом русского зарубежья на Таганке. В дни же ее погребения Москвин создал фонд Тамары Приходько в Доме.

Тамара брала интервью у Геннадия Рождественского, Валентина Распутина, Галины Вишневской и у других огней современности. Она умела войти в такой диалог, который выделял главное. Замечательной была ее серийная передача о Д.Д. Шостаковиче. Таганка — это и театр Юрия Любимова, и Дом имени Александра Солженицына. Тамара как бы была в них одновременно.

Вспоминаю, как у порога театра Тамара встретила Юрия Петровича и начала расспрашивать его о 8-й симфонии Шостаковича. «Это Бог дал право Дмитрию Дмитриевичу говорить от Его имени нам, заблудшим», — в незабываемом порыве, уже в своем кабинете, сказал Любимов.

Тамара была непредсказуемой. Однажды поздно вечером она встретила Андрея Вознесенского, Константина Кедрова и меня. Без лишних разговоров повезла в студию «Маяка». Нас там не ждали, но она сумела организовать полуторачасовую запись.

Тамара считала Никиту Алексеевича Струве столпом самых совестливых мыслей. Она и была сценаристом фильма «Никита Струве. Под одним небом», который часто показывают на телевидении. Я был поневоле ее тенью на съемках в Париже. Режиссеры словно боролись с ее энергией. Никита Алексеевич и Мария Александровна Струве-Ельчанинова удивлялись ее таланту. Тамара всегда дружила с YMCA,

и в дни съемок она, по словам Никиты Алексеевича, стала ее молнией.

Любовью Тамары был Александр Герцен. Она неоднократно ездила с докладами о нем в Ниццу и была близким другом Дома-музея А.И. Герцена в Москве. Когда Тамара тяжело заболела, она с неслыханным мужеством боролась за жизнь. В это же время она занималась родословной Никиты Струве. В дни и месяцы болезни Тамара была для меня жемчугом.

Михаил Бузник

Об авторах

Александров Виктор Владиленович (Будапешт, Венгрия). Историк, закончил истфак МГУ, учился на отделении средневековых исследований в Центральноевропейском университете в Будапеште. Доктор философии (2004). Автор англоязычной книги по истории источников средневекового права, ряда статей и книги о богословии о. Николая Афанасьева. Издатель сборника работ о. Николая Афанасьева «Церковь Божия во Христе» (М.: ПСТГУ, 2015).

Аржаковская-Клепинина Елена Дмитриевна (Германия). Писатель, филолог, переводчик, публикатор, преподаватель русского языка и литературы; исследовательница творчества прпмц. Марии (Скобцовой); дочь сщмч. Дмитрия Клепинина, автор книги «Руки священника ему не принадлежат...»: Жизнь о. Дмитрия Клепинина» (М.: ББИ, 2012). Член РСХД.

Бакес Жан-Луи (Тур, Франция). Филолог, заслуженный профессор в области компаративистики университета Сорбонны. Автор работ по сравнительной методологии европейских литератур, теории и практике перевода. Переводчик.

Бузник Михаил Христофорович (Москва, Россия). Поэт, драматург, член Союза писателей Москвы.

Гудаков Владимир Викторович (Париж, Франция). Историк, доктор исторических наук; окончил исторический факультет Кубанского государственного университета; в 1989 г. защитил кандидатскую диссертацию в Институте славяноведения и балканистики Академии наук СССР на тему «Проникновение нацистской Германии в Югославию и Грецию в 1939–1941 гг.», в 2007 г. — докторскую диссертацию в университете Париж X — Нантер (Франция) по теме «Северо-западный Кавказ в системе межкультурных и межрегиональных отношений в XIII–XIX веках». Автор публикаций во Франции, Англии, Германии, Венгрии, России и Японии на тему кавказских произведений Л.Н. Толстого и А. Дюма, восприятия идей Л.Н. Гумилева зарубежной наукой, межкультурных связей между Элладой и Северным Кавказом и др.

Зелинский Владимир, протоиерей (Брешия, Италия). Настоятель церкви Всех скорбящих Радосте в г. Брешии, писатель, богослов.

Ельчанинов Мишель (Париж, Франция). Французский философ, писатель, журналист. Доктор философских наук, тема его диссертации «Язык тела у Достоевского» (2000). Профессор филологии университета Сорбонны, исследователь творчества Достоевского. Редактор философского журнала «Philosophie Magazine».

Ликвинцева Наталья Владимировна (Москва, Россия). Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, переводчик с французского языка.

Мейер Валентина (Париж, Франция). Аспирантка Высшей нормальной школы в Париже, автор дипломной работы о творчестве Надежды Тэффи и Андрея Макина эмигрантского периода; работает над кандидатской диссертацией о писателях русской диаспоры под руководством Татьяны Викторовой; стажер издательства YMCA-Press.

Морель Пьер (Париж, Франция). Французский дипломат, в 1992–1996 гг. Чрезвычайный и Полномочный Посол Франции в России. В настоящее время Специальный представитель Европейского союза по Центральной Азии.

Нива Жорж (Женева, Швейцария). Французский историк литературы, славист, профессор Женевского университета, автор книг и статей об Александре Солженицыне, русской литературе, России и Европе.

Нивьер Антуан (Париж, Франция). Историк церкви и русской религиозной мысли, доктор филологических наук, профессор Университета Нанси II, заведующий кафедрой русского языка и литературы.

Паит Майя (Берлин, Германия). Выпускница филологического факультета МГУ (отделение классической филологии), кандидат филологических наук. С 2009 г. живет в Германии, работает в администрации Университета им. Гумбольдта в Берлине.

Сизоненко Дмитрий, протоиерей (Санкт-Петербург, Россия). Клирик храма Феодоровской иконы Божией Матери г. Санкт-Петербурга, филолог, кандидат богословия, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии.

Старостенкова Елена Евгеньевна (Малоярославец, Россия). Директор благотворительного фонда «101 км. Подвижники Малоярославца», занимающегося созданием мемориального центра 101-го километра в Малоярославце. Кандидат экономических наук, журналист; внучка отца Михаила Шика и Н.Д. Шаховской, одна из хранительниц семейного архива Шиков-Шаховских.

Хогенюис Анна (Hogenhuis; Париж, Франция). Французский историк, автор книг об участниках французского Сопротивления (Б. Вильде, В. Оболенской), первой французской монографии о творчестве Зинаиды Гиппиус; активно участвует в деятельности

Общества друзей YMCA-Press и Парижского культурного центра им. А.И. Солженицына.

Шутет Диана, де (de Schoutheete; Париж, Франция). Психолог-аналитик, ученица Юлии Кристевой, окончила парижский Институт политических наук; случайная встреча с Жаком Росси в 1996 г. отразилась на всей ее дальнейшей врачебной психоаналитической практике.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
-----------------------	---

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Мысли о Церкви (Ответы на вопросы) — <i>Митрополит Антоний Сурожский</i> (публ. и пер. Елены Майданович)	5
Критика эkkлeзиoлoгии отца Николая Афанасьева митрополитом Иоанном (Зизиуласом) — <i>Виктор Александров</i>	26
Право, обязанность и ни слова лжи: размышления над «Философской автобиографией» Барбары Кассен — <i>Жорж Нива</i> (пер. Анастасии Илич-Бенке).	54

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ЭМИГРАЦИИ

К 130-летию со дня рождения матери Марии (Скобцовой)

Русская география Франции — <i>Мать Мария (Скобцова)</i>	65
Письма — <i>Мать Мария (Скобцова)</i> (публ. Татьяны Викторовой и Натальи Ликвинцевой).	81
Из записных книжек — <i>Мать Мария (Скобцова)</i> (публ. Татьяны Викторовой и Натальи Ликвинцевой, коммент. Натальи Ликвинцевой).	90

К столетию Архиепископии

Отец Борис Бобринский (1925–2020), последний из столпов парижской богословской школы (краткое жизнеописание) — <i>Антуан Нивьер</i> (пер. Елены Майданович)	93
--	----

К истории РСХД

Становление Русского студенческого христианского движения во Франции по дневникам Петра Евграфовича Ковалевского 1923–1924 годов — <i>Наталья Ликвинцева</i>	130
Из дневников 1923–1924 годов — <i>Петр Ковалевский</i> (публ. <i>Натальи Ликвинцевой</i>)	133
Н.И. Оржевская: «Не надо учить народ вере, надо лишь показать, как жить и служить» — <i>Елена Старостенкова</i> . . .	184
Паломничество РСХД на Святую Землю в 1983 году — <i>Елена Аржаковская-Клепинина</i> (пер. <i>Натальи Ликвинцевой</i>)	213

МЕМУАРЫ

Оглядываясь на жизнь. Глава первая «Август 1972 года и окрестности» — <i>Священник Владимир Зелинский</i>	226
<i>К юбилею Н.А. Струве</i>	
В поисках истины (воспоминания о Никите Алексеевиче Струве) — <i>Владимир Гудаков</i>	259

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

<i>К 200-летию со дня рождения Достоевского</i>	
Достоевский и Евангелие от Иоанна — <i>Н.А. Струве</i> (пер. <i>Натальи Ликвинцевой</i>)	265
Чудо и логика — <i>Жан-Луи Бакес</i> (пер. <i>Татьяны Викторовой</i>) . . .	273
Возможна ли фантастическая логика? (<i>Предисловие к книге Жана-Луи Бакеса «Достоевский и логика»</i>) — <i>Мишель Ельчанинов</i> (пер. <i>Натальи Ликвинцевой</i>)	285
<i>Памяти Филиппа Жакоте (1925–2021)</i>	
Rue de la Glacière, или Дом поэта — <i>Жан-Луи Бакес</i> (пер. <i>Татьяны Викторовой</i>)	290
Памяти Филиппа Жакоте — <i>Пьер Морель</i> (пер. <i>Натальи Ликвинцевой</i>)	293
От <i>temento mori</i> до <i>temento nasci</i> — вслед за Филиппом Жакоте — <i>Жорж Нива</i> (пер. <i>Натальи Ликвинцевой</i>)	299

В МИРЕ КНИГ

Митрополит Антоний Сурожский. Труды: Книга третья — <i>Прот. Димитрий Сизоненко</i>	307
Отклик на книгу Владимира Зелинского «Разговор с отцом» — <i>Майя Паит</i>	311

ХРОНИКА

Вечера в Парижском культурном центре им. А.И. Солженицына

«Солженицын и Франция»: презентация новой книги в издательстве YMCA-Press — <i>Анна Хогенюис</i> (пер. Анастасии Илич-Бенке)	314
О Жаке Росси (выступление в Парижском французско- русском культурном центре им. А.И. Солженицына 20 сентября 2021 года) — <i>Диана де Шутет</i> (пер. Елены Майданович и Татьяны Викторовой)	318
Вечер с Андре Марковичем — <i>Валентина Мейер</i> (пер. Анастасии Илич-Бенке)	325
Вечер с Юлией Кристевой — <i>Валентина Мейер</i> (пер. Даниила Струве)	328

IN MEMORIAM

Памяти отца Леонида Кишковского (1943–2021) — <i>Прот. Владимир Зелинский</i>	330
Время Тамары Приходько (21.12.1948 — 21.09.2021) — <i>Михаил Бузник</i>	332
Об авторах	334

TABLES DES MATIÈRES

Éditorial	3
-----------------	---

THÉOLOGIE, PHILOSOPHIE

Pensées sur l'Église (Réponses aux questions) — <i>Métropolite Antoine de Souroge (traduction et publication d'Elena Maïdanovitch)</i>	5
Critique de l'ecclésiologie du père Nicolas Afanasieff par le métropolite Jean Zizioulas — <i>Victor Alexandrov</i>	26
Droit, devoir, interdiction de mentir: réflexions sur <i>Autobiographie philosophique</i> de Barbara Cassin — <i>Georges Nivat (traduction d'Anastasia Ilitch-Benke)</i>	54

HISTOIRE DE L'ÉGLISE DE L'ÉMIGRATION RUSSE

*Pour le 130ème anniversaire de la naissance
de mère Marie Skobtsov*

Extraits de <i>Géographie russe de la France</i> — <i>Mère Marie Skobtsov</i> (publication de <i>Tatiana Victoroff</i> et de <i>Natalia Likvintseva</i>)	65
Lettres à Sofia Borisovna Pilenko et à Ioura Skobtsov — <i>Mère Marie Skobtsov</i> (publication de <i>Tatiana Victoroff</i> et de <i>Natalia Likvintseva</i>)	81
Extraits de carnets — <i>Mère Marie Skobtsov</i> (publication de <i>Tatiana Victoroff</i> et de <i>Natalia Likvintseva</i>) <i>commentaires de Natalia Likvintseva</i>)	90

*Pour le centenaire de la fondation de l'Archevêché
des églises orthodoxes russes d'Europe Occidentale*

Le père Boris Bobrinskoy (1925–2020), dernière colonne de l'école théologique de Paris: une brève biographie — <i>Antoine Nivière (traduction d'Elena Maydanovitch)</i>	93
---	----

Histoire de l'ACER

Les débuts de l'Action Chrétienne des Étudiants Russes en France dans les journaux de Petr Evgrafovitch Kovaleski des années 1923–1924 (<i>publication de Natalia Likvintseva</i>) . . .	130
N.I. Orjevskaja: «Il ne faut pas enseigner la foi au peuple, il suffit de montrer comment vivre et servir» – <i>Elena Starostenkova</i>	184
Pèlerinage de l'ACER en Terre Sainte en 1983 – <i>Hélène Arjakovski-Klépinine</i> (<i>traduction de Natalia Likvintseva</i>)	213

MÉMOIRES

Retour sur ma vie. Premier chapitre. Août 1972 et ses environs – <i>Archiprêtre Vladimir Zelinski</i>	226
<i>Pour le 90e anniversaire de la naissance de Nikita Struve</i>	
En quête de vérité: Souvenirs de Nikita Struve – <i>Vladimir Goudakov</i>	259

ART et LITTÉRATURE

<i>Pour le 200e anniversaire de la naissance de Dostoïevski</i>	
Dostoïevski et l'Évangile selon Saint Jean – <i>Nikita Struve</i> (<i>traduction de Natalia Likvintseva</i>)	265
Miracle et Logique – <i>Jean-Louis Backès</i> (<i>traduction de Tatiana Victoroff</i>)	273
Une logique fantastique, est-elle possible? – <i>Michel Eltchaninoff</i> (<i>traduction de Natalia Likvintseva</i>)	285
<i>In memoriam Philippe Jaccottet (1925–2021)</i>	
Rue de la Glacière ou la Maison du Poète – <i>Jean-Louis Backès</i> (<i>traduction de Tatiana Victoroff</i>)	290
In memoriam Philippe Jaccottet – <i>Pierre Morel</i> (<i>traduction de Natalia Likvintseva</i>)	293
De <i>memento mori</i> à <i>memento nasci</i> – à la suite de Philippe Jaccottet – <i>Georges Nivat</i> (<i>traduction de Natalia Likvintseva</i>) . . .	299

LE MONDE DES LIVRES

Métropolitaine Antoine de Souroge. <i>Œuvres: troisième livre –</i> <i>Archiprêtre Dimitri Sizonenko</i>	307
Réaction au livre du p. Vladimir Zekinski, <i>Conversation avec mon père – Maya Pait</i>	311

CHRONIQUES

Soirées du Centre culturel russe Alexandre Soljénitsyne à Paris

<i>Soljénitsyne et la France, présentation du livre aux éditions</i> <i>Ymca-Press – Anne Hogenhuis</i> <i>(traduction d’Anastasia Ilic-Benke)</i>	314
Intervention sur Jacques Rossi au Centre culturel russe <i>Alexandre Soljénitsyne de Paris – Diane de Schoutteete</i> <i>(traduction d’Elena Maydanovitch et de Tatiana Victoroff)</i>	318
Rencontre avec André Markowicz – <i>Valentine Meyer</i> <i>(traduction d’Anastasia Ilic-Benke)</i>	325
Soirée avec Julia Kristeva – <i>Valentine Meyer</i> <i>(traduction de Daniel Struve)</i>	328

IN MEMORIAM

In memoriam père Léonide Kishkovski (1943–2021) – <i>Archiprêtre Vladimir Zelinski</i>	330
Le temps de Tamara Prikohdko (21.12.1948–21.09.2021) – <i>Mikhaïl Bouznic</i>	332
Notices sur les auteurs	334

Представители «Вестника»

США и КАНАДА

Natalia Ermolaev
Fr. Georges Florovsky Orthodox Christian Theological Society
Princeton University
Princeton, NY 08540
e-mail: nataliae@princeton.edu

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Olga Pattison
5 Rectory Crescent, Middle Barton,
OXON, OX 77 BD, UK
e-mail: olga.pattison@talk21.com

НИДЕРЛАНДЫ

Дмитрий Довгер, диакон
Drususstraat 34, 2025 BS Haarlem
The Netherlands
Tel. +316 23549014
e-mail: ddovger@gmail.com

ИТАЛИЯ

Dott. Vladimir Keidan
Via Grimaldi Casta, 41, 00122 Roma, Italia
e-mail: v.keidan@mail.ru

ФИНЛЯНДИЯ

Елизаветинское сестричество
Elisabetian sisaristo
PL 120 Turku 20701 Finland – Suomi
Tel. +358 40 734 75 49
e-mail: elsisari@gmail.com

РОССИЯ

Москва

Ликвинцева Наталья Владимировна
109240, Москва,
ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел. +7 (495) 915 10 47
e-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

Санкт-Петербург

Буровы Александр и Светлана
197375, Санкт-Петербург,
ул. Вербная, д. 19/1, кв. 121
Тел. +7 (812) 230 77 12, +7 921 347 66 88
e-mail: aburov05@rambler.ru

Екатеринбург

Иванова Оксана Витальевна
620041, Екатеринбург,
ул. Уральская, д. 57/2, кв. 171
Тел. +7 965 546 60 75
e-mail: ox0517@gmail.com

Воронеж

Павел Строков, диакон
394000, Воронеж,
ул. Димитрова, д. 2, кв. 45
e-mail: d.p.strokov@gmail.com

Чувашская Республика

Спиридонова Людмила Сергеевна
Центр православной книги «Радонеж»
Национальная библиотека Чувашской Республики
428000, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, пр. Ленина, д. 15
e-mail: sekretar@publib.cbх.ru

БЕЛОРУССИЯ

Минск

Дмитрий Стротцев

220100, Минск,

ул. Цнянская, д. 23, кв. 55

Тел.: + 375 29 771 14 73

e-mail: dstrotsev@gmail.com

Гомель

Свято-Никольский мужской монастырь

Гомельской епархии Белорусской Православной Церкви

246014, Республика Беларусь, Гомель, ул. Д. Бедного, 4

Тел. деж. + 375 232 95 23 35, тел./факс + 375 232 71 92 92

e-mail: gomelmonastery@mail.ru

УКРАИНА

Киев

Вадим Залевский, изд-во «Дух и литера»

04070, Киев,

ул. Волошская, д. 8/5, корп. 5, кв. 210

Тел. (044) 416 60 20

e-mail: franc@ukma.kiev.ua

Николаев

Шполянский Илья Михайлович

54001, Николаев,

ул. Набережная, д. 5, кв. 13

e-mail: laik@ukr.net

Харьков

Филоненко Александр Семенович

61098, Харьков,

Полтавский шлях, д. 188, кв. 77

e-mail: afilonenko@yandex.ru

УЗБЕКИСТАН

Германов Валерий Александрович

700052, Ташкент-52,

ул. Кору-Ниязова, д. 102-а

e-mail: valery-germanov@rambler.ru

СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВЕНГРИЯ

Valery Lepahin
6724 Szeged Vértói út., VI, 32
e-mail: lepahin@mail.ru

ЧЕХИЯ

Julia Jančáková
Nad Šutkou 22
18000, Praha 8
Tel. +420 777 827 073
e-mail: julia-prague@volny.cz

ПОЛЬША

Dmitry Lukashevich
ul. Wespazjana Kochowskiego 9, 01-574, Warszawa
Polska / Poland
e-mail: dmitry.lukashevich@gmail.com

ЛАТВИЯ

Vasilijs Mincenko
Hospitalu iela 7 – 30
LV-1013 Riga
Latvia
Tel. +371 29147350
E-mail: amenfond@gmail.com

ВЕСТНИК
русского христианского
движения
№ 214

Подписано в печать 07.07.2022
Формат 60х90 1/16. Печ. л. 22

Издательства
«Русский путь», «УМСА-Press»
и Дом русского зарубежья
имени Александра Солженицына
представляют

Шмеман Александр, протопресвитер

Основы русской культуры : Беседы, 1970–1971 /

протопресвитер Александр Шмеман ; [предисл. С.А. Шмемана ; вступ. ст. М.А. Васильевой, А.А. Тесли ; сост., подгот. текста и коммент. М.А. Васильевой]

Цикл радиобесед «Основы русской культуры» (1970–1971) выдающегося церковного деятеля и богослова протопресвитера Александра Шмемана (1921–1983) публикуется полностью впервые. Занимающий особое место в наследии Шмемана радиочикл охватывает большое историческое пространство, выстраивая панораму русской культуры от эпохи введения христианства в Киевской Руси до XX века. Беседы представляют попытку анализа многосложных узлов и неразрешимых антиномий русской культуры, приведших к тектоническим социальным сломам в начале XX века, к «революции — как обрыву личной и национальной судьбы» сразу нескольких поколений, к исчезновению «дореволюционной России» как культурной цивилизации, к трагедии Русского исхода, частью которого был и сам Александр Шмеман, — родившийся в эмиграции, но осознававший себя «безусловно русским».

Издание сопровождается предисловием сына священника, вступительной статьей, повествующей об эдиционной истории текста и связанных с ней архивных и текстологических разысканиях, а также обширными комментариями. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей русской культуры.

Бунин. Эмиграция. Творчество :

К 150-летию со дня рождения писателя :

Выставка в Музее русского зарубежья, 29 октября 2020 – 31 января 2021 / Департамент культуры города Москвы ; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына ; [вступ. слово: В.А. Москвин; авт. текста: Т.В. Марченко; дизайн: В.А. Кулишов]

В издании представлен историко-документальный рассказ о жизни и творчестве И.А. Бунина в эмиграции, где писатель пробыл 33 года (1920–1953) и где им были созданы такие шедевры, как «Солнечный удар», «Митина любовь», «Жизнь Арсеньева», «Темные аллеи». Издание основано на материалах выставки в Музее русского зарубежья, приуроченной к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина. Эмигрантский период его жизни и творчества стал предметом отдельной экспозиции впервые. Выставка представляет фигуру всемирно известного русского писателя в широком историко-культурном контексте русского зарубежья, показывает его жизнь на чужбине в разных ипостасях: беженец, глава русского литературного Парижа, нобелевский лауреат, автор упоительной любовной прозы...

Экспозиция создана на основе материалов из музейного, архивного и библиотечного собрания Дома русского зарубежья им. А. Солженицына с привлечением экспонатов из других российских музеев и архивов и с использованием обширного материала, предоставленного бунинским собранием библиотеки Лидского университета (Великобритания). Редкие фотографии первой половины XX века, автографы, книги, исторические реликвии позволяют окунуться в подлинную жизнь зарубежной России, буквально увидеть ее собственными глазами. Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся судьбами русской культуры и истории.

Струве Н.А.

Встреча с Россией : Статьи, доклады, воспоминания, беседы, письма и другие материалы :

[К 90-летию со дня рождения Н.А. Струве] /

Никита Струве ; сост., подгот. текста и примеч. Н.В. Ликвинцевой и Т.В. Викторовой ; вступ. ст. Т.В. Викторовой ; пер. с фр. Т.В. Викторовой, С.В. Дубровиной, Н.В. Ликвинцевой

Главная тема книги — встреча России и русского зарубежья в рассказах свидетеля и участника исторических событий, легендарного издателя, главного редактора «УМСА-Press» и «Вестника РХД» профессора Никиты Алексеевича Струве (1931–2016). В сборник, задуманный как продолжение книги «Православие и культура» (последнее прижизненное издание которой вышло в 2000 г.), включены материалы, появившиеся в последующие годы в «Вестнике РХД», статьи из ранних, ныне малодоступных номеров журнала, неопубликованные материалы из личного архива Н.А. Струве, переводы его французских статей на богословские и литературные темы, яркие портреты выдающихся современников, отклики на книги и фильмы, доклады, выступления, беседы, интервью, а также письма к А.И. Солженицыну, представляющие картину культурной и церковной жизни российской глубинки и живописное описание первых встреч с россиянами и той страной, где сын русских эмигрантов «никогда и не воображал... побывать на своем веку» и где, с первой поездки в 1990 году, «сразу же почувствовал себя дома».

Издание сопровождается вступительной статьей и обширными примечаниями и адресовано широкому кругу читателей, интересующихся российской историей и культурой.

Мандельштам, Юрий Владимирович

Эссе. Литературная критика. Письма, 1932–1941 /

Юрий Мандельштам ; сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е.М. Дубровиной

Статьи и эссе поэта и ведущего литературного критика русского Парижа 1930-х – нач. 1940-х годов Юрия Мандельштама (1908–1943), собранные литературоведом и историком русского зарубежья Еленой Дубровиной, печатались в эмигрант-

ской периодике и стали своего рода путеводителем по литературе того времени. В России они публикуются впервые.

Мандельштам внимательно следил не только за творчеством русских эмигрантов (на которое ощутимо влиял), но и за состоянием литературного процесса в Европе и СССР. В книжных рецензиях ярко проявляется незаурядная личность их автора: острый аналитический ум, принципиальность, искренность, духовная глубина и бескомпромиссность. Трагические повороты его судьбы раскрывает личная переписка, включенная в этот том, а также пять посланий неизвестному читателю, написанных Ю. Мандельштамом незадолго до его гибели в Освенциме. Издание адресовано всем интересующимся историей русской эмиграции и литературой 1930-х – нач. 1940-х годов.

Параскева (Воробьева), монахиня

Потомки странников :

Повесть из жизни финляндских русских, 1939–1959 /
Монахиня Параскева (Воробьева)

«Потомки странников» — редкое и ценное свидетельство из первых уст о жизни русских переселенцев в Финляндии, монахиня Параскева (тогда Вера Воробьева) была непосредственной участницей описанных в книге событий. Повествование охватывает двадцатилетний период, начавшийся с Зимней войны 1939 года, которая сместила границу между Советским Союзом и Финляндией так, что Финляндия утратила часть земель и переселила их жителей вглубь страны. Среди невольных беженцев оказалась семья главной героини книги Насти, которая остро переживает свой разрыв с Родиной. Встроившись в финскую жизнь и постепенно наладив свой быт, семья тем не менее мечтает о переезде в Советский Союз, но пробиться сквозь глухой железный занавес ей не удастся. Лишь спустя десятилетие после окончания Второй мировой войны Настя попадает в Москву. О ее встрече с исторической Родиной, о поисках себя и своего пути также рассказывает эта повесть.

Книга адресована широкому кругу читателей разных возрастов и в первую очередь тем, кто интересуется историей русской эмиграции.

Готовится к печати

Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева, Е.Ю.)

Путь : Богословские и религиозно-философские сочинения ; Публицистические очерки ;

Воспоминания, письма, записные книжки /

Мать Мария (Скобцова ; Елизавета Кузьмина-Караваева) ;
[сост. Т.В. Викторовой, Н.В. Ликвинцевой ; науч. ред., вступ.
ст. и примеч. Н.В. Ликвинцевой ; оформл. Е.Л. Марголис]

В книгу матери Марии (Скобцовой; Е.Ю. Кузьминой-Караваевой; 1891–1945), религиозного мыслителя, поэта, прозаика и художника, вошли богословские и религиозно-философские сочинения и публицистика 1930-х годов, по большей части написанные вскоре после ее монашеского пострига. В них она, в частности, размышляет о сути монашества и аскетизма, о синтезе духовной и светской культуры, о Богородице и материнстве. Издание дополняют письма и дневниковые записи этого периода, а также мемуарные очерки.

Восстановленная составителями подробная хроника жизни и творчества матери Марии представляет детали ее многогранной и яркой деятельности. В Приложениях собраны воспоминания ее друзей и сподвижников, а также черновики и наброски, позволяющие проникнуть в творческую лабораторию автора. Часть материалов публикуется впервые. Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой русской эмиграции, а также специалистам по богословию XX века.

Эти и другие книги можно купить
в книжном киоске Дома русского зарубежья:
г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
(м. «Таганская» (кольцевая)), тел.: +7 (495) 137-84-01;
и в книжном магазине издательства «YMCA-Press»
Les Éditions Réunis – Centre culturel Soljénitsyne
11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève
75005 Париж, Франция
(метро: Maubert-Mutualité), сайт: www.editeurs-reunis.fr
Тел.: 01 43 54 74 46
Отдел продаж издательства «Русский путь»:
+7 (495) 137-84-06